

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131 – 2812

1/2019

Посол КНР в РФ о человечестве
как сообществе единой судьбы

●
Современная внешняя
политика Китая

●
Японо-китайские отношения:
оттепель?

●
Арктический вектор
политика Сеула

●
Итоги XXIII Международной
конференции в ИДВ РАН

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1/2019

Январь — Февраль

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
Российской академии наук

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н.,
А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф., А.С. Давыдов, к.и.н.
(зам. главного редактора), В.Г. Дацышен, д.и.н., проф.,
А.З. Жебин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф., А.Н. Карнеев,
к.и.н., В.О. Кистанов, д.и.н., Я.В. Лексютина, д.полит.н.,
А.В. Ломанов, д.и.н., проф. РАН, С.Г. Лузянин, д.и.н., проф.,
В.М. Мазырин, д.э.н., О.И. Мальцева (ответственный
секретарь), Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик
РАН, Л.В. Новоселова, д.э.н., А.В. Островский, д.э.н., проф.,
В.Е. Петровский, д.полит.н., Н.А. Самойлов, д.и.н.,
С.С. Суслина, д.э.н.

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований
(Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюггер, проф., Национальный
центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция),
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин,
КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу
Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов зав. отделом Кореи
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Л.С. Лаврова экспедитор
Е.А. Лапшина зав. редакцией
Г.П. Манчха редактор
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и
философии
В.В. Кузьминков
зав. отделом Японии

Содержание

ПОЛИТИКА

<i>Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ Ли Хуэй. Пусть идея человеческого сообщества с единой судьбой осветит весь мир!</i>	4
<i>В.Я. Портяков. О современной внешней политике КНР</i>	13
<i>В.О. Кистанов. Япония и Китай: новая эра в отношениях или конъюнктурное сближение?</i>	21
<i>О.И. Казаков. К вопросу об активизации российско-японского диалога по территориальной проблеме</i>	33
<i>М.Ю. Гутенев. Национальные интересы Южной Кореи в Арктике</i>	46

ЭКОНОМИКА

<i>С.Л. Сазонов, Чэнь Сяо. КНР: совершенствование инфраструктуры для «зеленого» автотранспорта</i>	54
<i>В.Д. Андрианов. Особенности формирования и развития финансовой системы Брунея</i>	63

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

<i>А.А. Семенов. Неправительственные организации в КНР с начала осуществления политики реформ и открытости</i>	73
<i>Н.Н. Аблажей, Ли Дань. Государственная политика КНР в области сохранения историко-архитектурного наследия КВЖД</i>	83

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

<i>А.К. Галимзянова. Особенности политического лидерства: Си Цзиньпин и Ангела Меркель</i>	91
--	----

ИСТОРИЯ

<i>Г.М. Локшин. К 50-летию важнейшего сражения вьетнамо-американской войны</i>	98
<i>В.Г. Дацышен, Дай Цзяньбин. Вице-консул в Гуанчжоу А.И. Хассис – дипломат и человек</i>	107
<i>А.В. Ганин. «Я решил... вести подготовку к новому освободительному движению...» Генерал И.М. Зайцев и подготовка белоэмигрантами вооруженного вторжения на советскую территорию в 1923 г.</i>	116
<i>Д.С. Кулешов, С.С. Цуканов. Борьба за фронт: противостояние спецслужб и автохтонного населения на советском Дальнем Востоке в 1920-х годах</i>	126

КУЛЬТУРА

<i>Н.В. Захарова. Образ певички (гетеры) в литературе Китая (от новелл эпохи Тан к прозе эпохи Цин)</i>	136
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Е.А. Лапицина. «Китай, китайская цивилизация и мир: история, современность, перспективы» (XIII Международная научно-практическая конференция)</i>	144
<i>С.Б. Макеева, Е.В. Кремнёв. II Готлибовские чтения «Фундаментальные и актуальные проблемы востоковедения и регионоведения стран АТР»</i>	156
<i>К.К. Меркулов. Публикации китайских экспертов об актуальных проблемах нового международного порядка и внешней политики КНР</i>	159
<i>Е.И. Крапина, Е.А. Лапицина. Защита диссертаций в ИДВ РАН в 2018 году</i>	170

РЕЦЕНЗИИ

<i>М.А. Потапов. Живая летопись китайских реформ</i>	173
<i>А.Н. Карнеев. Лузянин С.Г. Россия – Китай: формирование обновленного мира</i>	177
<i>А. Петров. Макмахон Д. Великая китайская стена долга. Теневые банки, города-призраки, массивированные кредиты и конец китайского чуда</i>	180

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

<i>Анастасии Ивановне Картуновой — 95 лет</i>	183
<i>Юбилей Аиды Семеновны Ипатовой</i>	185

<i>Contents</i>	186
<i>Summary</i>	188

Пусть идея человеческого сообщества с единой судьбой осветит весь мир!

© 2019

Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ Ли Хуэй

С момента вступления человечества в 21-й век в международной обстановке произошли глубокие и сложные изменения, начался новый этап развития мирового устройства. Экономическая глобализация привела к перераспределению ресурсов в масштабах всего мира, многополярность мира — к глубокой корректировке международных отношений, социальная информатизация — к единению всего мира, культурное многообразие — к обменам множества культурных течений. Ускоряются радикальные перемены в системе глобального управления и в международном порядке. Взаимосвязь и взаимообусловленность во взаимоотношениях между всеми странами становятся все более отчетливыми, достигается большее равновесие в соотношении сил на международном уровне, общее стремление к мирному развитию становится неизменным трендом. Эти изменения обозначают направление исторического прогресса, затрагивают благосостояние народов всех стран мира и требуют того, чтобы мы совместно отстаивали их. В то же время явными становятся факторы нестабильности и неопределенности, которые существуют в мире. Не хватает импульсов для роста мировой экономики, день ото дня расширяется пропасть между богатыми и бедными, непрерывная череда острых проблем охватывает многие регионы, в мире находят распространение такие нетрадиционные угрозы безопасности, как терроризм, киберпреступность, тяжелые инфекционные заболевания и климатические изменения. Человечество в самом деле сталкивается со множеством обших вызовов.

«Человечество живет в одной единой глобальной “деревне”, в одном едином месте и периоде, где сливаются воедино история и реальность. Все более явно проявляется существование сообщества с единой судьбой, где все мы взаимосвязаны: ты видишь в себе меня, а я вижу в себе тебя. Мир, развитие, сотрудничество и взаимный выигрыш — вот тренды эпохи. Перед лицом глубоких изменений в международной обстановке и с учетом объективной потребности в том, чтобы все страны мира объединили усилия, все страны мира должны содействовать формированию международных отношений нового типа, ядром которых выступают сотрудничество и взаимный выигрыш. Все народы мира должны совместно отстаивать мир во всем мире и стимулировать общее развитие». Председатель КНР Си Цзиньпин во время выступления с докладом в Московском институте международных отношений в марте 2013 года представил две исключительно важные концепции: «сообщество с еди-

ной судьбой» и «международные отношения нового типа», и предложил «план Китая» и «китайскую мудрость» для того, чтобы разрешить множество проблем и вызовов, с которыми в настоящее время сталкивается международное сообщество. В дальнейшем Си Цзиньпин многократно на различных площадках, как в Китае, так и за пределами Китая, подробно раскрыл эти важные концепции, параллельно обогащая их содержание с учетом двусторонних, региональных и глобальных аспектов.

По мере постоянного расширения дружественного сотрудничества между Китаем и всеми странами мира концепция человеческого сообщества с единой судьбой находит все более широкую поддержку и одобрение у международного сообщества. В 2017 году концепция человеческого сообщества с единой судьбой последовательно была вписана в резолюции Комиссии социального развития ООН, Совета Безопасности ООН и Совета по правам человека ООН. На XIX Всекитайском съезде КПК идея формирования человеческого сообщества с единой судьбой была включена в Устав Коммунистической партии Китая. По результатам голосования на 1-й сессии ВСНП 13-го созыва было принято решение о включении формулировки «содействие формированию человеческого сообщества с единой судьбой» в Конституцию КНР. Это отражает непоколебимую решимость и торжественное обещание Китая рука об руку со всеми странами мира «бороться за дело прогресса всего человечества».

1. Основное содержание формирования человеческого сообщества с единой судьбой

В докладе на XIX съезде КПК Председатель КНР Си Цзиньпин сказал: «Мы призываем народы всех стран общими усилиями строить человеческое сообщество с единой судьбой, создавать чистый и прекрасный мир, где царит долгосрочный мир, всеобщая безопасность, совместное процветание, открытость и инклюзивность. Мы должны уважать друг друга, проводить равноправные консультации, с твердой решимостью отказаться от менталитета холодной войны и политики силы. К межгосударственным отношениям следует применить новые подходы, исходящие из диалога и партнерства, а не конфронтации и блокового мышления. Споры и разногласия должны решаться путем диалога и консультаций. При противостоянии традиционным и нетрадиционным угрозам безопасности следует действовать, учитывая и то, и другое, необходимо выступать против терроризма во всех его формах. Помогая друг другу в общем деле, необходимо стимулировать либерализацию и упрощение процедур в области торговли и инвестиций, содействовать развитию экономической глобализации в направлении большей открытости, инклюзивности, общедоступности, сбалансированности и всеобщего выигрыша. Следует уважать многообразие мировых цивилизаций. Необходимо, чтобы совместное существование различных цивилизаций, их взаимные обмены и учеба перевесили чувство превосходства одной цивилизации над другой, взаимное отчуждение и столкновение. Необходимо дружелюбно относиться к окружающей среде, совместными усилиями реагировать на климатические изменения, эффективно оберегать общий родной очаг человечества — планету Земля». «Построение человеческого сообщества с единой судьбой» выбрано в качестве базовой стратегии отстаивания и развития социализма с китайской спецификой в новую эпоху с целью продвижения идей мира, развития, сотрудничества и общего выигрыша, которые помогают преодолеть отчужденность, распри и конфликты между разными странами, народами и религиями. Эта стратегия делает акцент на взаимной помощи и поддержке, общности этических норм и интересов, совместном преодолении невзгод, принятии общей судьбы. Она отдаст дань уважения многообразию мировых цивилизаций и культур, нацелена на коллективное созидание чистого и прекрасного мира, где царит

долгосрочный мир, всеобщая безопасность, совместное процветание, открытость и инклюзивность. Все это перекликается с заявленными ООН высокими целями мира, развития, беспристрастности, справедливости, демократии и свободы и вместе с тем еще более приближено к нынешним реалиям международных отношений.

Основные идеи построения человеческого сообщества с единой судьбой содержат совершенно новую концепцию мирового развития. Это система глобальных ценностей, которая включает: основанное на равноправии и взаимном доверии понимание международной власти; основанное на синтезе этических норм и интересов понимание общности этических норм и интересов; основанное на инклюзивности и взаимном обучении новое понимание цивилизаций; основанное на партнерстве, а не блоковом мышлении, новое понимание безопасности; основанное на экологии и здоровом образе жизни понимание устойчивого развития; основанное на продвижении справедливого и рационального развития международного порядка и международной системы понимание глобального управления. Внимание здесь сосредоточено на коллективных, интегральных и долгосрочных интересах народов мира. То есть человеческое сообщество с единой судьбой в данном случае имеет стратегический смысл, который можно выразить словами: «Находясь внутри своей страны, следует держать в поле зрения весь мир». Экспансия национальных интересов должна сочетаться с экспансией международных интересов. Следуя интересам своей страны, необходимо учитывать закономерную озабоченность других стран; добиваясь собственного развития, необходимо стимулировать коллективное развитие всех.

Одним словом, масштабная инициатива построения человеческого сообщества с единой судьбой — это важный итог размышлений Председателя КНР Си Цзиньпина о характерных особенностях современного мира и лейтмотивах эпохи, теоретическое и практическое обновление марксистского диалектического материализма, которые имеют колоссальное значение для направления дальнейшего развития социализма с китайской спецификой. В то же время эта масштабная инициатива углубила осознание Коммунистической партией Китая законов развития человеческого сообщества, предоставила идеологический ресурс для продвижения глобального управления по принципу «совместное обсуждение, совместное строительство, совместное использование». В русле данной масштабной инициативы Китай предложил коллективное строительство «Одного пояса и одного пути», что вызвало общий энтузиазм всех стран мира и сполна продемонстрировало могучую жизнеспособность и широкие перспективы этой масштабной инициативы в качестве концепции глобального управления.

II. Исторический фон формирования человеческого сообщества с единой судьбой

В XX веке произошли две кровопролитные мировые войны и беспощадная холодная война, человечество пережило беспрецедентные бедствия и катастрофы. С приходом нового века начался новый цикл глубинной трансформации мирового устройства, и перед нами встает больше альтернатив, но мы ни в коем случае не должны колебаться в своем стремлении к миру и развитию.

Во-первых, это международная ситуация, корни которой лежат в эпохе глобализации. Мир сегодня вошел в период большого развития, больших перемен, большой перенастройки, система международных отношений и мировой порядок претерпевают коренные изменения. По мере углубления и развития многополярности, глобализации экономики, информатизации общества, культурного разнообразия на путь скоростного развития встало целое множество развивающихся стран и нарождающихся рынков, в различных регионах мира постепенно формируются многочисленные центры развития,

уже не повернуть вспять тенденцию мирного развития. С каждым днем углубляется взаимосвязанность и взаимозависимость всех стран, все меньше остается возможностей для изолированного развития государства, а тенденция к взаимовыгодному сотрудничеству и совместному развитию становится все более очевидной. Одновременно с этим многие трудности превращаются в неизбежные для любого государства, требующие для решения совместных усилий проблемы: загрязнение окружающей среды, продовольственные кризисы, нехватка природных ресурсов, изменение климата, сетевая безопасность, эпидемии опасных заболеваний, терроризм, транснациональная преступность и многое другое. Ни одно государство не может оставаться в стороне и заботиться лишь о собственном благополучии. Естественным выходом должно стать гармоничное сосуществование и сплоченность.

Во-вторых, это китайская цивилизация, основанная на открытости и инклюзивности. Для традиционной культуры Китая характерно стремиться к единству, даже имея различия, придерживаться принципа достижения согласия при наличии разногласий, воспринимать весь мир как одну семью, и, таким образом, целью становится равноправное сотрудничество и совместный прогресс для общего процветания самых разных стран, регионов и культур. В китайской культуре существуют лишь традиции «добрых отношений с соседями», «согласия при наличии разногласий», и исторически нет места для агрессии против других народов и претензий на мировое господство. Китай не стремится доминировать в мире и не приемлет логику «гегемонии сильного». Есть древнее выражение: «Один цветок весны не делает, весна приходит, когда распускаются все цветы». В этом заключаются концепция развития Китая и те надежды, которые Китай возлагает на мир. Важная инициатива формирования человеческого сообщества с единой судьбой призвана наладить отношения между всеми столь различными культурами мира, руководствуясь постулатом китайской философии, гласящим: «все принципы осуществляются вместе и не вступают в противоречие друг с другом». Необходимо способствовать разрешению на глубинном уровне все более обостряющихся с каждым днем конфликтов и конфронтации в современном мире, стимулировать культурные обмены и взаимное познание путем поддержания культурного многообразия.

В-третьих, это обязанность и ответственность, которые Китаю необходимо взять на себя. По мере непрерывного роста общей мощи Китая его международное положение постепенно становится выше, и Китаю необходимо недвусмысленно разъяснить миру собственный образ действий в то время, как мир ожидает, что Китай будет исполнять роль крупной державы. Хотя Китай и является крупнейшей развивающейся страной, по размеру ВВП на душу населения он занимает лишь 70-е место в мире. Будучи постоянным членом Совета Безопасности ООН и второй по величине экономикой мира, Китай намерен брать на себя ответственность в международных делах, соразмерную своему положению, намерен вносить надлежащий вклад в мирное и гармоничное развитие мирового сообщества. Основываясь на вышесказанном, Председатель КНР Си Цзиньпин и выдвинул важную инициативу формирования человеческого сообщества единой судьбы, предложил сразу с пяти позиций — политики, безопасности, экономики, культуры и экологии — продвигать построение чистого и прекрасного мирового сообщества, в котором будут сохраняться прочный мир и всеобщая безопасность, общее процветание, открытость и терпимость. Это — инициатива, которая соответствует ходу исторического развития, отвечает требованиям эпохи, и это — тот тщательно продуманный вариант развития, который Китай готов предложить миру.

III. Эпохальный смысл формирования человеческого сообщества с единой судьбой

Си Цзиньпин в выступлении на XIX съезде КПК отметил, что «Китай будет продолжать выполнять роль ответственной крупной державы, активно участвовать в реформировании и отставании системы глобального управления, постоянно внося китайскую мудрость и силу в этот процесс». Иными словами, народ КНР надеется на благосостояние не только для себя, но и для народов всех других стран.

Во-первых, концепция формирования человеческого сообщества с единой судьбой представляет собой план и мудрость, которые Китай предлагает для обеспечения экологической среды и гармоничного развития во всем мире. «Человеческое сообщество с единой судьбой» в первую очередь представляет собой сообщество, в котором подчеркивается значение общей жизни и экологической среды. Такие нарастающие день изо дня явления, как глобальное потепление и загрязнение окружающей среды, выступают сигналом для нас. Ни одна страна не будет спасена в случае окончательного крушения нашей экосистемы. Несмотря на огромное давление в сфере развития, Китай по своей инициативе берет на себя ответственность и включил «экологичность» как базовую категорию в пять основных концепций развития, тем самым обозначая ее как важный показатель в социально-экономическом развитии. Кроме того, Китай продвигает трансформацию и модернизацию структуры экономики, а также инновации и экологичные научные дисциплины и технологии, активно претворяя в жизнь такие проекты международного сотрудничества, как Парижское соглашение.

Во-вторых, концепция формирования человеческого сообщества с единой судьбой представляет собой план и мудрость, которые Китай предлагает для обеспечения развития дела международного мира. Как развивающаяся страна с самым большим населением в мире, Китай отстаивает долгосрочные единство и стабильность, процветание и развитие, социальный прогресс. Это само по себе уже является наиболее значительным вкладом Китая в дело международного мира. Одновременно Китай, в отличие от стран, которые придерживаются политики грубой силы, гегемонизма и унилатерализма, делает упор на следовании по пути мирного развития, на надлежащем урегулировании соседских отношений на основе принципов взаимоуважения, равноправия, взаимной выгоды, сотрудничества и взаимного выигрыша, на широкое участие в региональном сотрудничестве и глобальных делах, выступая как гарант обеспечения мира и стабильности во всем мире.

В-третьих, концепция формирования человеческого сообщества с единой судьбой представляет собой план и мудрость, которые Китай предлагает для реформирования системы глобального управления. Развитие Китая происходит не в отрыве от всего мира, в равной мере процветание всего мира предполагает участие Китая. В связи с этим Китай активно продвигает инициативу «Один пояс и один путь», участвует в миротворческих миссиях и поддерживает процесс строительства Африки. Представления о совместном обсуждении, совместном создании и совместном пользовании инкорпорированы в практические действия Китая и позволяют всему миру получать пользу от плодов развития Китая. В формировании международных отношений нового типа и реформировании системы глобального управления ключевую роль играют крупные державы. Последние должны уважать интересы и учитывать вызывающие беспокойство различных сторон важные проблемы, контролировать и управлять противоречиями и разногласиями, направлять усилия на формирование новых отношений, где нет места столкновениям и антагонизму, где превалируют взаимное уважение, сотрудничество и взаимный выигрыш.

В-четвертых, концепция формирования человеческого сообщества с единой судьбой представляет собой план и мудрость, которые Китай предлагает для фор-

мирования нового, честного и справедливого нового порядка. В сфере экономики следует развивать здоровую экономическую глобализацию, противодействовать реакционному тренду на антиглобализацию, избегать несправедливых торговых войн, продвигать формирование экономической глобализации, которая характеризуется открытостью, инклюзивностью, общей пользой, равновесием и взаимным выигрышем. В сфере политики необходимо прилагать усилия в решении таких неотложных проблем, как терроризм, ситуация с беженцами и вооруженные конфликты, активно способствовать процессам примирения и переговоров, уважать ведущую роль ООН в качестве посредника. В сфере культуры важно делать упор на максимальную инклюзивность и терпимость. Различные цивилизации должны проводить обмены на равных началах и совместно стимулировать прогресс.

IV. Основные направления формирования человеческого сообщества с единой судьбой

Идея направляет действие, а направление определяет путь. Председатель КНР Си Цзиньпин в своем докладе на XIX Всекитайском съезде КПК однозначно заявил, что формирование человеческого сообщества с единой судьбой требует построения чистого и прекрасного мирового сообщества, в котором будут сохраняться прочный мир и всеобщая безопасность, общее процветание, открытость и толерантность. И это именно та цель, которой мы должны добиться.

Первое — построить устойчивый мир без войн. Мир — важнейший маркер прогресса человеческой цивилизации, важнейшая потребность людей всех стран на протяжении тысячелетий. Без мира, как прочной основы, невозможны развитие, сотрудничество, процветание. Для построения сообщества, в котором сохраняется продолжительный мир, ключевым является установление между государствами партнерских отношений, основанных на равноправии и взаимной поддержке, взаимной готовности к диалогу и пониманию. Столкнувшись с разногласиями, страны мира должны, исходя из принципов равноправия, искать потенциальные общие интересы; на основе взаимного уважения и поиска общего, несмотря на разногласия, выбирать пути общения ради сглаживания противоречий; избрав целью взаимовыигрышное сотрудничество, превращать конфронтацию в дружеское партнерство и совместно защищать мир, стабильность и развитие на глобальном и региональном уровнях.

Второе — построить мир всеобщей безопасности. Традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности тесно переплетены, на первое место выходят взаимосвязанность, транснациональность и многообразие угроз, которые с каждым днем ставят все большие вызовы перед человечеством. Ни одно государство не может обеспечить себе абсолютную безопасность, опираясь лишь на собственные силы, и ни одно государство не может построить свою стабильность на чужой нестабильности. Китай ставит во главу угла обеспечение долговечной безопасности путем демократизации международных отношений, противодействия гегемонизму и политике грубой силы, противодействия попыткам построить собственную безопасность на фундаменте угроз и нарушения безопасности других стран; осуществление совместного управления путем поддержки реформ и инноваций; беспристрастное и справедливое ведение дел путем отстаивания верховенства закона; сбалансированное улучшение путем стремления к взаимной выгоде и взаимному выигрышу.

Третье — построить мир общего процветания. В последние годы, несмотря на подъем идейного течения антиглобализма, Китай упорно придерживается пути реформ и открытости, выступая в роли ответственной державы. Инициатива «Пояса и пути» — это важнейшее общее благо, предложенное Китаем на основе концепции «человеческого сообщества единой судьбы». За последние пять лет Китай создал 75 зарубежных

зон торгового сотрудничества в более чем 20 странах, лежащих вдоль «Пояса и пути», общий объем инвестиций превысил 27 млрд долл.; это принесло принимающим государствам более 2 млрд долл. в виде налогов, а населению — 244 тыс. рабочих мест, что способствовало значительному развитию и процветанию региональных экономик.

Четвертое — построить мир открытости и толерантности. Древнее китайское изречение гласит: «Из троих идущих обязательно найдется один, у которого можно чему-нибудь научиться». Сутью культуры многонационального Китая стал принцип «Океан вмещает сотни рек, широкая душа вмещает многое; достигать согласия, несмотря на разногласия, собрав все и вся». Подход Китая — это изучение и заимствование опыта, активное принятие квинтэссенции мировой цивилизации при полном уважении к разнообразию культур, поиск точек соприкосновения вопреки расхождениям, заимствование достоинств для восполнения недостатков. Лишь таким образом Китай может построить социализм с китайской спецификой и добиться мирного развития страны. Построение «человеческого сообщества с единой судьбой», к которому мы стремимся, — это формирование цивилизованного взгляда, в основе которого равноправие, взаимное познание, диалог и толерантность, это преодоление цивилизационных преград путем обменов, преодоление цивилизационных конфликтов путем взаимного познания, преодоление незаслуженного превосходства путем сосуществования культур.

Пятое — построить чистый и прекрасный мир. Китай придаст огромное значение повышению экологической культуры внутри страны и одновременно активно участвует в международном сотрудничестве по вопросам изменения климата: строго соблюдает принципы Рамочной конвенции ООН об изменении климата, исполняет условия Парижского соглашения по климату, тщательно выполняет требования Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Китай создал Фонд сотрудничества Юг — Юг по климатическим изменениям в размере 20 млрд юаней, выпустил Руководящие замечания по развитию зеленого строительства «Пояса и пути». Лишь совместными усилиями, твердо придерживаясь принципов «зеленого», низкоуглеродного, рециркуляционного, устойчивого развития, международное сообщество может прийти к чистому и прекрасному миру; лишь в таком мире возможно процветание человеческой цивилизации.

V. Роль Китая и России в формировании человеческого сообщества с единой судьбой

Китайско-российские отношения всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства занимают особое место в дипломатии крупной державы с китайской спецификой. Это самые важные, ключевые отношения между крупными державами, это важная сила в обеспечении мира и стабильности во всем мире. За последние пять с лишним лет Си Цзиньпин 7 раз посещал Россию и более 20 раз проводил встречи с Президентом РФ Владимиром Путиным — рекорд по количеству встреч между главами государств. Именно благодаря стратегическому руководству глав КНР и РФ возможно постоянное выдвижение на новый уровень отношений всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства между Китаем и Россией, которые выстраиваются на основе равноправия и взаимного уважения.

Политическое взаимодоверие на высоком уровне, тесные экономические контакты, содержательные гуманитарные обмены между Китаем и Россией, а равно и схожие позиции на международном уровне — все это свидетельствует о том, что Россия является важным партнером Китая в продвижении формирования человеческого сообщества с единой судьбой. На международном уровне страны выступают за создание международных отношений нового типа, которые базируются на сотрудничестве и взаимном выигрыше, решительно отстаивают ключевое значение ООН, призывают все

стороны к разрешению посредством политических средств таких острых вопросов международного и регионального характера, как кризис в Сирии и ядерная проблема Корейского полуострова. Китай и Россия разворачивают широкое сотрудничество в рамках таких механизмов, как «Двадцатка», АТЭС, БРИКС, ШОС, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии и блока Китай — Россия — Индия. В частности, КНР и РФ продвигают управление глобальной экономикой, повышают представительность и весомость голоса стран с нарождающимися рынками и развивающихся стран, стимулируют региональную экономическую интеграцию, содействуют инновационному развитию экономики, ведут борьбу с тремя силами зла (терроризм, экстремизм и сепаратизм) и распространением оружия массового поражения. Стороны поддерживают тесные контакты, эффективно взаимодействуют друг с другом, вносят важный вклад в укрепление мира, стабильности и развития.

Стоит отметить, что Россия оказывала значительную поддержку Китаю, когда КНР в течение последних нескольких лет проводила на своей территории дипломатические мероприятия. Владимир Путин принимал участие в этих мероприятиях и четко заявлял о том, что Россия одобряет выдвигаемые Китаем предложения и концепции. Принятие на саммите АТЭС в 2014 году Пекинской декларации противодействия коррупции, принятие на саммите «Группы двадцати» в Ханчжоу в 2016 году Плана действий по осуществлению Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, стратегии «Группы двадцати» по обеспечению роста глобальной торговли и Руководящих принципов «Группы двадцати» по глобальным инвестициям, принятие на саммите БРИКС в Сямэне в 2017 году Сямэньской декларации — все это свидетельство того, что Китай обладает возможностями, чтобы наравне с другими странами участвовать в глобальном управлении и способствовать решению существующих реальных проблем глобального и регионального характера.

В равной мере Китай также неизменно поддерживает Россию при проведении на территории последней крупных мероприятий. Так, в сентябре 2018 года Си Цзиньпин впервые посетил Россию для участия в Восточном экономическом форуме, совместно с Владимиром Путиным задал направление развития отношений между Китаем и Россией в новую эпоху, вместе с представителями всех стран и районов Северо-Восточной Азии обсудил крупные планы по обеспечению мира и развития в регионе. Китай и Россия также координируют усилия по принципиальным вопросам международного и регионального характера, продолжают следовать по единой траектории с международным сообществом. Две страны способствуют процессу разрешения политическими средствами различных острых проблем, совместно противодействуют унилатерализму и торговому протекционизму, отстаивают концепцию человеческого сообщества с единой судьбой, выступают за формирование международных отношений нового типа. Все это свидетельствует, что тесные отношения между Китаем и Россией являются стратегическим решением и долгосрочным выбором обеих сторон, представляет собой образец для отношений между крупными государствами и странами-соседями.

VI. Прекрасное будущее формирования человеческого сообщества с единой судьбой

Амбициозная инициатива создания человеческого сообщества с единой судьбой исходит от Китая, но адресована всему миру. Эта концепция не только выстраивается на трендах развития нашего времени, но и выражает намерение и ориентацию Китая на то, чтобы взять на себя ответственность крупной державы, а также отражает общее стремление народных масс к миру и развитию. Си Цзиньпин не просто выдвинул принципиально важную инициативу формирования человеческого сообщества с единой судьбой. Глава КНР направляет усилия на то, чтобы эта идея стала реальностью. Совместное

формирование «Одного пояса и одного пути» как раз выступает важным общественным благом, которое Китай предложил всему миру на основе поисков возможностей создания человеческого сообщества с единой судьбой.

За прошедшие 5 лет Китай уже подписал 103 документа о сотрудничестве по совместному формированию «Одного пояса и одного пути» с 88 странами и международными организациями. Высокоскоростная железная дорога Джакарта — Бандунг в Индонезии, порт Гвадар в Пакистане, китайско-российский трубопровод для поставок сырой нефти и множество других масштабных проектов уже принесли первые плоды. Общее число поездов, которые проследовали по железнодорожным маршрутам Китая — Европа, уже превысило 8000; эти маршруты позволили связать Китай с 42 городами 14 европейских стран. Объем товарной торговли с сопредельными странами превысил 5 трлн долл., а прямые инвестиции за пределы Китая — 70 млрд. Китай создал в сопредельных странах 75 зон торгово-экономического сотрудничества, общий объем инвестиций превышает 27 млрд долл.; эти проекты позволили создать более 200 тысяч рабочих мест для местных жителей и дали огромный стимул для совместного процветания в рамках экономики региона.

Продвижение формирования человеческого сообщества с единой судьбой не представляет собой дело, которое можно завершить моментально, в равной мере — это не корабль, который будет всегда сопровождать попутный ветер. Для реализации этой идеи требуются последовательные и серьезные усилия. Как уже подчеркивал Си Цзиньпин, «мы не можем из-за текущих сложностей отказываться от нашей мечты, но и не можем из-за отдаленности нашего идеала отказываться от стремления достичь его». На фоне текущей волны торгового протекционизма и популизма, проблем и вызовов, с которыми сталкивается существующий международный порядок, нарастания факторов неопределенности в мировом развитии требуются общие усилия всего международного сообщества. Правительства всех стран мира должны идти навстречу друг другу, исходя из неуклонного следования общей воле, координировать общие интересы, стимулировать положительное взаимодействие, создавать сообщество с единой судьбой, совместно формировать прекрасное будущее для всего человеческого общества.

О современной внешней политике КНР

© 2019

В.Я. Портяков

Статья посвящена анализу основных особенностей современного внешнеполитического курса Китая. Показано, что ведущее место в теоретической базе деятельности КНР на международной арене ныне занимают суждение Си Цзиньпина о человечестве как сообществе единой судьбы и его «Инициатива Пояса и Пути». Однако прослеживается и влияние взглядов руководителей КНР предшествующих поколений. В практической политике главным приоритетом Пекина остаются отношения с Вашингтоном, заметно осложнившиеся с повышением по инициативе Д. Трампа тарифов на импортируемые из Китая товары.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, концептуальные основы, человечество как сообщество единой судьбы, «торговая война» с США.

DOI: 10.31857/S013128120003917-9

I

Современный идейно-политический ландшафт в Китайской Народной Республике характеризуется абсолютным доминированием взглядов и суждений лидера партии и страны Си Цзиньпина практически во всех значимых сферах общественной жизни. С повышением значения, придаваемого в Пекине внешней политике страны, и с активизацией, особенно после XIX съезда правящей Коммунистической партии Китая, китайской внешнеполитической пропаганды подобное доминирование распространилось и на сферу международных отношений КНР. Может показаться, что основополагающие для позиционирования современного Китая в мире положения Си Цзиньпина о человечестве как сообществе единой судьбы и продвигаемая им «Инициатива Пояса и Пути» едва ли не всецело определяют как концептуальные подходы Пекина, так и его нынешний практический внешнеполитический курс.

На наш взгляд, это не совсем так. При всей важности и ведущей роли суждений Си Цзиньпина определенное место в концептуальных основах и в практической внешней политике КНР на современном этапе занимают идеи и доктрины, унаследованные от лидеров КПК и КНР предыдущих поколений.

От эпохи 1950-х годов нынешний Китай позаимствовал официально декларируемое следование во внешней политике принципам мирного сосуществования. Базовая для Мао Цзэдуна теория «трех миров» в целостном виде не соответствует реалиям нынешней международной жизни. Однако ее отголоски чувствуются в неизменной самоидентификации Китая как развивающейся страны, а в какой-то мере — и в китайском разделении государств мира на крупные, соседние и развивающиеся.

От Дэи Сяопина современный Китай берет, прежде всего, ориентацию на независимость и самостоятельность во внешней политике. В основном, как считают в Пеки-

не, сохраняет актуальность данное Дэн Сяопином определение современной эпохи как эпохи «мира и развития». Периодически эта дефиниция дополняется теми или иными элементами, например, такими, как «сотрудничество», «взаимный выигрыш», но окончательно закрепить обновленную версию в массовом сознании и политическом дискурсе пока не удается.

Сложнее обстоит дело с известной максимой «*таогуан янхуэй*» — «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя». Это выражение, составляющее стержень внешнеполитических заветов Дэн Сяопина, с начала 1990-х годов добрых два десятилетия определяло основной стиль поведения Китая в мировых делах. Сомнения в его применимости к стране, сначала переместившейся с политической периферии Азии в разряд крупных акторов Азиатско-Тихоокеанского региона, а затем стремительно вошедшей в первый ряд мировых держав, повсюду высказывались в КНР уже в последние годы пребывания у власти Ху Цзиньтао. После того как бразды правления перешли к Си Цзиньпину, Китай, по общему мнению, перестал «держаться в тени» и перешел к активной внешней политике и инициативному участию в глобальном управлении, приближаясь, как констатируют в Пекине, «к центру мировой арены». Соответственно, о заветах Дэн Сяопина вспоминать почти перестали.

Тем не менее, судя по ряду китайских публикаций, тему нельзя считать окончательно закрытой. Например, известный специалист по международным отношениям из Народного университета Китая Цзинь Цаньжун в монографии «Китайская мудрость: внешняя политика Китая со времени XVIII съезда» высказал мнение о необходимости и впредь совершенствовать и поддерживать курс «*таогуан янхуэй*», ставший важной составной частью китайской модели. Цзинь Цаньжун полагает, что Китаю выгодно по-прежнему придерживаться оборонительной стратегии, основанной на принципе «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя». На стратегическом уровне главной должна быть «мягкость», дополненная некоторыми элементами «жесткости». Это создавало бы условия для приоритетного решения внутренних проблем. Напротив, на тактическом уровне следует занимать активные позиции, защищая государственные интересы и беря на себя надлежащую международную ответственность. Здесь главенствующая «жесткость» дополняется элементами «мягкости»¹.

При Цзян Цзэмине было положено начало установлению Китаем партнерских отношений с различными государствами. Пекин, следуя принципу «компаньоны, но не союзники» («*цзебань бу цземэн*») к настоящему времени создал глобальную сеть партнерских отношений различных форматов². На начало 2017 г. их установили с КНР свыше 90 стран и международных организаций. Этот процесс достаточно активно продолжается и при Си Цзиньпине.

Еще одним существенным наследием «цзянцзэминевской эпохи» является проведение Китаем акцентированной политики в отношении соседних с ним государств. Старт ей был дан отчетным докладом Цзян Цзэминя на XVI съезде КПК в ноябре 2002 г.

Наконец, начатое при Цзяне в 1999–2000 гг. стимулирование выхода китайского бизнеса за национальные границы («*цзоучуэюй*», т.е. выход вовне) явилось предтечей «Инициативы Пояса и Пути».

Концепция «гармоничного мира», которую в 2005 г. в выступлении на Генеральной Ассамблее ООН представил Ху Цзиньтао, означала, полагает Цзинь Цаньжун, старт подхода Китая к международным делам с позиций его самоидентификации как ответственной державы. Усиление внимания КНР к многосторонней и общественной дипломатии, вытекавшее из концепции «гармоничного мира», способствовало успешному проведению в Пекине летней Олимпиады в 2008 г. и всемирной Экспо в Шанхае в 2010 г., улучшив образ Китая за рубежом³. Тем не менее очевидный элемент утопичности делает концепцию «гармоничного мира» не слишком востребованной в настоящее время, хотя она сохраняется в политическом дискурсе Пекина, по крайней мере, в «запасниках».

Заметно более прочные позиции занимает сегодня концепция «мирного развития Китая», пришедшая на смену сформулированной группой китайских экспертов во главе с Чжэн Бицзянем в 2003 г. концепции «мирного возвышения Китая». Основываясь именно на ней, Пекин настойчиво пропагандирует «исключительно мирный» характер своего развития, создающий благоприятный фон для углубления взаимовыгодного сотрудничества практически с любыми государствами мира.

II

XIX съезд правящей Коммунистической партии Китая вкратце обобщил выше-названные концептуальные элементы современного внешнеполитического курса страны, акцентировав при этом внимание на приоритетах, отвечающих задачам дня и ближайшей перспективы.

В отчетном докладе Си Цзиньпина съезду заявлено, что «дипломатия великой державы с китайской спецификой призвана содействовать созданию международных отношений нового типа и сообщества единой судьбы человечества»⁴.

Во внешнеполитическом разделе отчетного доклада, озаглавленном «Неизменно идти по пути мирного развития, стимулировать создание сообщества единой судьбы человечества», международные отношения нового типа охарактеризованы как основанные «на взаимном уважении, равенстве и справедливости, сотрудничестве и всеобщем выигрыше».

Строительство «сообщества единой судьбы человечества» диктует необходимость взаимного уважения различных стран, отказ от менталитета холодной войны и политики силы, преодоление разногласий через диалог и консультации.

Подчеркнута дальнейшая готовность Китая стимулировать международное сотрудничество в рамках «Инициативы Пояса и Пути». Отмечено, что Китай, как ответственная держава, будет активно участвовать в совершенствовании глобального управления⁵. Важным новшеством явилось включение положений о сообществе единой судьбы человечества и «Инициативы Пояса и Пути» в Программную часть Устава ЦК КПК⁶.

Сразу после завершения съезда и до конца 2017 г. в Китае была развернута масштабная пропагандистская кампания по разъяснению его итогов. Самое активное участие в освещении внешнеполитических решений XIX съезда КПК приняли министр иностранных дел КНР Ван И, ставший в марте 2018 г. членом Госсовета КНР, а также Ян Цзечи, избранный на съезде членом Политбюро ЦК КПК и вскоре занявший пост руководителя канцелярии Комиссии ЦК КПК по внешним делам.

Так, в авторской статье в газете «Жэньминь жибао» Ван И констатировал, что внешнеполитические положения доклада Си Цзиньпина на съезде «всесторонне определили задачи и направления внешней политики страны на последующий период», стали «компасом действий китайской дипломатии в новую эпоху». Создание международных отношений нового типа и строительство сообщества единой судьбы человечества охарактеризованы как «центральные, самые важные понятия» внешнеполитического раздела съездовского доклада, отвечающие на вопрос «какая внешняя политика нужна Китаю»⁷.

Ян Цзечи посвятил одну из своих статей детальному разбору концепции «строительства сообщества единой судьбы человечества», выделив в ней политические, экономические, культурные, экологические аспекты, а также компонент борьбы за всеобщую безопасность⁸.

Много внимания в комментариях высокопоставленных чиновников было уделено «Инициативе Пояса и Пути». Выступая 9 декабря 2017 г. на семинаре в Китайской академии международных проблем, посвященном международной обстановке и внешней политике КНР в 2017 г., Ван И назвал «Пояс и Путь» наиболее приветствуе-

мым на сегодняшний день в мире «международным общественным продуктом». Пожалуй, впервые была озвучена идея, что реализация «Инициативы Пояса и Пути» не только оказывает активное и глубокое влияние на развитие производства в глобальных масштабах, но и «может быть долговременным движителем строительства сообщества единой судьбы человечества»⁹.

В том же выступлении Ван И поставил перед китайской дипломатией ряд конкретных задач на ближайшую перспективу. Первой из них названо «развитие глобальной сети партнерских отношений, продвижение строительства международных отношений нового типа».

Ключевое значение здесь имеют отношения между державами, от которых зависят стабильность и спокойствие в мире. Если после XVIII съезда КПК (2012 г.) в Китае идею установления «нового типа международных отношений» адресовали почти исключительно США, то теперь в категорию держав Ван И включил также Россию и Европейский союз¹⁰. (По утверждению некоторых американских синологов, формула «нового типа международных отношений» не была принята американской стороной.) Вместе с тем такой «узкий состав» великих держав (США, Китай, Россия, Европейский союз) пока не является «каноническим». Встречается и более широкое толкование. Так, руководитель Школы международных отношений Пекинского университета Цзя Цинго включает в их число также Японию и Индию¹¹.

Вторая задача состоит в «стабильном продвижении строительства сообщества единой судьбы человечества». Как полагает Ван И, начинать этот процесс надо с соседского окружения Китая, для чего существуют «естественные условия», а продвигать — в опоре на развивающиеся страны.

Фигурирует в числе важнейших внешнеполитических задач и реализация 270 проектов, намеченных первым форумом «Пояса и Пути» высокого уровня, а также проведение в 2019 г. второго аналогичного форума¹².

III

По сравнению с концептуальными основами, практическая внешняя политика КНР отличается заметно большими нюансами.

Главным страновым направлением внешнеполитического курса Пекина в 2017–2018 гг. оставались отношения с США. В Китае любят объяснять безоговорочный приоритет связей с Америкой тем обстоятельством, что китайско-американские отношения представляют собой отношения крупнейшего развитого и крупнейшего развивающегося государств мира (самоидентификация КНР как прежде всего развивающейся страны была вновь подтверждена на XIX съезде КПК). В последние два года в этих отношениях появился новый осложняющий фактор — а именно, фактор 45-го президента США Дональда Трампа. Настороженно восприняв предвыборные обещания Д. Трампа вроде «сделать Америку снова сильной», Пекин на первых порах, тем не менее, казалось бы, сумел добиться желаемого для себя результата: найти в отношениях с Вашингтоном удовлетворяющий обе стороны «модус вивенди». Однако ни призывы избежать «ловушки Фукидида» (то есть доведения соперничества сверхдержав — действующей и потенциальной, «поднимающейся» — до военного противостояния), ни уверения в отсутствии у Китая намерений занять место США во главе мирового порядка успеха не принесли. В начале 2017 г. известный американский политолог Джозеф Най заявил, что Д. Трамп должен остерегаться еще одной ловушки — так называемой «ловушки Киндлбергер». Один из разработчиков плана Маршалла Чарльз Киндлбергер (Kindleberger) считал важной причиной кризисных явлений 1930-х годов то обстоятельство, что хотя США и заменили Великобританию в качестве ведущей глобальной державы, однако они не смогли взять на себя ее роль в предоставлении «глобальных общественных благ». Результатом

стали коллапс глобальной системы, а затем и война. В наши дни, полагает Най, «ловушка Фукидида» таится для США в представлении, будто Китай слишком силен. А ловушка Киндлбергера, напротив, порождена представлением, будто Китай все еще слаб и не способен производить «глобальные общественные блага»¹³. В конечном счете Китай, наряду с Россией, был объявлен «ревизионистской державой», стремящейся к подрыву существующего мирового порядка, и геополитическим противником США.

В Китае справедливо расценили подобные заявления как свидетельствующие о желании Вашингтона сдержать дальнейшее развитие КНР и усиление ее позиций в мире. Пекин по-прежнему старается вести себя в отношении США крайне осторожно, «не сжигать мосты». Однако Вашингтон подчас идет на откровенно провокационные шаги, к каковым, безусловно, относится повышение таможенных пошлин на многие товары китайского экспорта в Соединенные Штаты. Пекин выдвинул лозунг «Китай не хочет торговой войны, но не боится ее и способен противостоять любым вызовам»¹⁴. Соответственно, в Китае начиная с марта 2018 г. на каждый шаг американской стороны (угрозы повышения пошлин, далее их поэтапное введение на различные группы товаров и повышение уровня пошлин) отвечали практически зеркальными ответными мерами. Пока неясно, насколько последовательно Пекин сможет проводить этот курс, ведь в данной торговой войне он, по имеющимся расчетам, рискует понести заметно большие экономические потери, чем США¹⁵. Встреча Си Цзиньпина и Д. Трампа в Буэнос-Айресе, приуроченная к саммиту группы G-20, позволила сторонам взять передышку и возобновить переговоры по торговым вопросам. Трамп отвел для нахождения взаимоприемлемого решения срок примерно до 1 марта, после чего, в случае неуспеха переговоров, применение к товарам китайского экспорта повышенных таможенных пошлин может быть возобновлено и даже расширено. Китайская сторона, в первые дни после саммита полностью воздерживавшаяся от сколько-нибудь острых комментариев, все же позволила себе указать на экономические потери США от антикитайских действий в торговле как на важный фактор, побудивший их несколько смягчить свой подход к проблеме. В любом случае, реалии современных китайско-американских отношений не очень-то вписываются в формат «международных отношений нового типа».

Непростыми остаются и отношения Китая с Европейским союзом. Давним «камнем преткновения» выступает нежелание Евросоюза признать рыночный характер экономики КНР, что дает Брюсселю возможность в какой-то мере противодействовать чрезмерному наплыву китайских товаров в Европу.

Новым источником трений стало активное укрепление Пекином своих позиций в Центральной и Восточной Европе, для чего, в частности, всемерно используются саммиты «16+1». Западноевропейские политики, в течение ряда лет практически игнорировавшие его, вдруг увидели в этом мероприятии стремление КНР внести раскол в ряды европейских государств. Однако в целом отношения Китая с Европой характеризуются позитивной динамикой и широчайшей палитрой диалогов, взаимодействий и обменов. По-своему показательно, что если в 2017 г. стороны не смогли достичь договоренности относительно совместного коммюнике по итогам саммита КНР—ЕС, то в 2018 г. прощальный документ такого рода был согласован без особых проблем.

В декабре 2018 г. КНР обнародовала третий (после 2003 и 2014 г.) политический документ о китайско-европейских отношениях, нацеленный на дальнейшее углубление «отношений всестороннего стратегического партнерства сторон». Была выражена надежда, что Европейский союз сохранит открытость своего инвестиционного рынка и будет последовательно улучшать инвестиционную среду для китайских компаний, устранять имеющиеся здесь барьеры и препятствия (явный намек на более настороженное в последнее время отношение в Европе к китайским инвестициям).

Взаимоотношения с Японией выдерживались в спокойной деловой тональности, чему способствовали отмечавшиеся в 2018 г. «круглые даты» двух памятных собы-

тий — 45-летия установления дипломатических отношений и 40-летия заключения китайско-японского Договора о мире и дружбе. В мае 2018 г. премьер Госсовета КНР Ли Кэцян нанес визит в Японию. В октябре с визитом в Китае побывал премьер-министр Японии Синдзо Абэ.

Очередное похолодание в отношениях Китая с Индией пришлось на лето 2017 г. в связи со строительством Пекином дороги на плато Доклам (Дунлань) на спорном участке близ границы с Бутаном, внешнеполитические интересы которого обеспечивает Индия. В Дели звучали опасения, что дорога имеет целью улучшить стратегический доступ китайских вооруженных сил к северо-восточным штатам Индии. В 55-ю годовщину китайско-индийской пограничной войны 1962 г. такая трактовка, видимо, была рассчитана на известное нагнетание конфликта, но, благодаря выдержке обеих сторон, серьезного развития он не получил и был благополучно исчерпан. В 2018 г. состоялся ряд встреч Си Цзиньпина с Н. Модии, что способствовало определенному улучшению общей атмосферы двусторонних связей.

Китайско-российские отношения всеобъемлющего стратегического партнерства поддерживались на стабильно высоком уровне, чему во многом способствуют отлаженный диверсифицированный механизм взаимодействия в различных сферах и регулярные содержательные встречи руководителей двух государств. Объем двусторонней торговли в 2018 г. превысил рекордный уровень 2014 г. и достиг 107 млрд долл.

Особое место в международной деятельности КНР в 2017–2018 гг. занимали усилия по смягчению напряженности на Корейском полуострове. Для обеспечения мирного решения проблемы Китай выдвинул и вместе с Россией активно продвигал идеи «двойного замораживания» — соответственно, ракетно-ядерной деятельности КНДР и крупномасштабных совместных военных учений США и Республики Корея, и «параллельного продвижения» — к денуклеаризации Корейского полуострова и к формированию здесь механизма поддержания мира¹⁶. Несмотря на присоединение Китая к жесткому режиму санкций, наложенных на КНДР Советом Безопасности ООН, Пекину удалось после определенной заминки восстановить доверительный диалог с Пхеньяном. В 2018 г. Ким Чен Ын несколько раз посетил Китай для консультаций с китайскими лидерами относительно переговоров с американской администрацией, а затем и в целях информирования о встрече с Д. Трампом 12 июля в Сингапуре.

В ходе переговоров лидеров КНР и КНДР 7–8 мая в Даляне Си Цзиньпин констатировал, что в ходе его первой встречи с Ким Чен Ыном в марте были согласованы базовые принципы развития двусторонних отношений «в новую эпоху». В их числе — неизменность курса на развитие дружбы и сотрудничества, усиление взаимной поддержки друг друга как социалистических стран, развитие обменов на высшем партийном уровне, «усиление связей между народами двух государств»¹⁷.

В целом КНР сыграла весьма важную и незаменимую роль в позитивном развитии обстановки вокруг КНДР, в налаживании диалога Пхеньяна с Сеулом и Вашингтоном. Однако не обошлось и без «ложки дегтя»: после сокращения в 2017 г. импорта Китая из КНДР на 33%¹⁸, двусторонняя торговля продолжила падение и в 2018 г.

Ситуация в **Южно-Китайском море** сохранялась относительно спокойной. На встрече министров иностранных дел Китая и стран АСЕАН удалось согласовать для дальнейшего обсуждения единый текст проекта Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море¹⁹.

Одной из главных задач внешней политики КНР на современном этапе является обеспечение результативной реализации «Инициативы Пояса и Пути».

Здесь есть определенные достижения. Важным успехом Пекина и лично Си Цзиньпина явилось принятие 15 мая 2017 г. Совместного коммюнике по итогам Круглого стола лидеров в рамках Международного форума «Один пояс, один путь», одобренного саму «Инициативу Пояса и Пути» и отдавшего дань усилиям Китая по ее про-

движению²⁰. По свидетельству директора Института международных проблем Народного университета Китая Ван Ивэя, за пять лет со времени выдвижения инициативы развернуто крупномасштабное инфраструктурное строительство, в т.ч. железнодорожное и портовое. Общее количество поездов, проследовавших по маршруту Китай — Европа, превысило 9000²¹.

Вместе с тем «слабым звеном» «Пояса и пути» оказалась выявившаяся зависимость реализации согласованных проектов от политической ситуации в странах — реципиентах китайского содействия. В Шри-Ланке смена правительства привела к приостановке строительства ключевого для всего проекта «Морского Шелкового пути XXI века» порта Коломбо. Вслед за возобновлением строительства этого порта Китай оказал Шри-Ланке безвозмездную помощь на 400 млн юаней в 2017 г. и обещал предоставить в 2018–2020 гг. помощь еще на 2 млрд юаней²².

Смена правительств в Малайзии и даже во «всепогодном партнере» Пакистане также поставила под вопрос сооружение на их территории нескольких объектов, продвигаемых Китаем в формате «пояса и пути».

Не исключено, что и общая стратегия реализации «Инициативы Пояса и Пути» нуждается в определенном переосмыслении и корректировке.

* * *

В практической реализации своего внешнеполитического курса Китай сегодня сталкивается с немалыми трудностями. Администрация Д. Трампа делает ставку на абсолютное доминирование США в мире и, похоже, не готова к какому бы то ни было «новому типу международных отношений» и строительству «сообщества единой судьбы человечества». Появляются и все новые шероховатости в развитии сотрудничества в формате «Пояса и Пути». В данном контексте весьма интересным выглядит появление — после перерыва в несколько лет — «дэнсяопинновских мотивов» в политическом лексиконе высокопоставленных официальных лиц КНР. Так, член Госсовета Ван И, характеризуя внешнюю политику страны в 2018 г., назвал одной из ее ведущих особенностей способность, «проявляя выдержку, справляться с трудностями», относящуюся, как известно, к одному из базовых заветов Дэн Сяопина²³.

1. *Цзинь Цаньжун*. Чжунго чжихуй: шиба да илай Чжунго вайцзяо: [Китайская мудрость: внешняя политики Китая после XVIII съезда]. Пекин, 2017. С. 164–166.
2. Цзинь Цаньжун выделяет в общей сложности 17 разновидностей партнерских отношений КНР, ранжируя их от «отношений всестороннего стратегического партнерства и сотрудничества» с Россией и «отношений всепогодного стратегического партнерства и сотрудничества» с Пакистаном до «отношений партнерства и сотрудничества» с Фиджи, Албанией, Финляндией и «отношений дружеского партнерства» с Ямайкой. См.: *Цзинь Цаньжун*. Указ. соч. С. 109, 112–113.
3. *Цзинь Цаньжун*. Указ. соч. С. 177.
4. Чжунгун гунчаньдан ди шицзю цы цюаньго дайбяо дахуэй вэньцзянь хуэйбянь: [Сборник документов XIX Всекитайского съезда делегатов Коммунистической партии Китая]. Пекин, 2017. С. 16.
5. Там же. С. 46–48.
6. Там же. С. 75.
7. *Ван И*. Си Цзиньпин синь шндай Чжунго тэсэ шэхуйчжун сысян иньлин Чжунго вайцзяо кайпи синь цзинцзе: [Идеи Си Цзиньпина о новой эпохе социализма с китайской спецификой открывают китайской дипломатии новые горизонты]. Жэньминь жибао. 19.12.2017.

8. *Ян Цзечи*. Туйдун гоуцзянь жэньлэй минъюнь гунтунти (жэньчжэнь сюэси сюаньчуань чеди дандэ шицзю да цзиншэнь): [Продвигать строительство сообщества единой судьбы человечества (по-настоящему изучать и пропагандировать дух XIX съезда партии)]. Жэньминь жибао. 19.11.2017.
9. Вайцзяобу бучжан Ван И цзай 2017 гоцзи синши юй Чжунго вайцзяо яньтаохуй кайму ши шан дэ яньцзян: [Выступление министра иностранных дел Ван И на церемонии открытия семинара о международной обстановке и внешней политике Китая в 2017 г.]. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2017/1209/c1002-29696377.html>.
10. Там же.
11. *Цзя Цинго*. 2017 нянь дэ гоцзи синши ю люда тэдянь: [Шесть особенностей международной обстановки в 2017 г.] // Шицзе чжиши. Пекин, 2017. № 24. С. 16.
12. Вайцзяобу бучжан Ван И цзай 2017 гоцзи синши юй Чжунго вайцзяо яньтаохуй кайму ши шан дэ яньцзян: [Выступление министра иностранных дел Ван И на церемонии открытия семинара о международной обстановке и внешней политике Китая в 2017 г.]. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2017/1209/c1002-29696377.html>.
13. Цит. по: *Xu Jian*. China's Major-Country Diplomacy and Sino-Indian Relations // China International Studies. Beijing. May/June 2018. P. 20–21.
14. Шуй яо да маон чжань, Чжунго фэнпэй даоди!: [Кто бы ни развязал торговую войну, Китай готов стоять до конца!]. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2018/0324/c1002-20886251.html>.
15. *Фэн Е*. Чжунмэй маон чжань дэ мин юй ань: [Явное и тайное китайско-американской торговой войны] // Наньфан чжоумо. Гуанчжоу. 29.03.2018.
16. Специальный репортаж: Китай и Россия играют конструктивную роль в содействии политическому урегулированию острых международных и региональных проблем. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0503/c95181-9455858.html>.
17. Си Цзиньпин тун Чаосянь лаодун дан вэйюаньчжан Цзин Чжэн Энь цзай Далянь цзюйсин хуйу: [Си Цзиньпин провел в Даояне переговоры с председателем Трудовой партии Кореи Ким Чен Ыном] // Жэньминь жибао. 09.05.2018.
18. Хайгуань тунцзи: [Таможенная статистика]. Пекин, 2017. № 12. С. 114.
19. China, ASEAN arrive at single negotiating text of COC in South China Sea // Xinhua. August 03, 2018. URL: en.people.cn/n3/2018/0803/c90000-9488279.html.
20. См.: URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5188>.
21. Пять лет инициативе «Один пояс один путь». URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0807/c95181-9488532.html>.
22. «И дай и лу» цзяньшэ фачжань баогао (2018): [Доклад о развитии строительства «Пояса и пути» (2018)]. Пекин, 2018.
23. Ван И юн 6 гэ цы гайко 2018 нянь Чжунго вайцзяо: [Ван И использовал 6 слов для того, чтобы обобщенно охарактеризовать дипломатию Китая в 2018 г.]. URL: <http://world.people.com.cn/n1/20181211/c1002-30460426.html>. Дата обращения: 11.12.2018.

Япония и Китай: новая эра в отношениях или конъюнктурное сближение?

© 2019

В.О. Кистанов

Территориальный конфликт и различное восприятие истории двусторонних отношений оказывают сильный охлаждающий эффект на современные японо-китайские отношения. Это приводит к такому явлению во взаимодействии двух стран, как «горячая экономика, холодная политика». Вместе с тем происходящие в последние годы серьезные сдвиги в экономике, геополитике и сфере безопасности в АТР и на глобальном уровне заставляют руководителей двух стран смягчать политические противоречия и искать возможности сближения и сотрудничества.

Ключевые слова: Япония, Китай, США, Азиатско-Тихоокеанский регион, торговля, военная мощь, договор безопасности, Сэнкаку (Дяоюйдао).

DOI: 10.31857/S013128120003918-0

Противоречивое партнерство

Драматические отношения между Японией и Китаем на протяжении XX века играли важную роль в формировании геополитического ландшафта в Азиатско-Тихоокеанском регионе и оказывали серьезное воздействие на ход мировой истории. Причем практически все прошлое столетие Япония, волею судеб вошедшая в его начале в разряд мировых держав, задавала тон в своих отношениях с Китаем. В основном это был тон военной агрессии на материке. В XXI веке Китай не только оттеснил Японию с позиции экономического лидера в Азии, но и стал оспаривать у США хозяйственные высоты на глобальном уровне. Новое качество экономики «восходящего Китая» позволило теперь уже Пекину навязывать Токио свое видение двусторонних отношений.

В целом же в текущем столетии взаимоотношения Японии и Китая превратились в весьма заметный экономический и политический фактор не только в региональном, но и в мировом масштабе. При всей сложности этих отношений значительно повысилась их ценность для обеих стран. Исключительная взаимная значимость и непреходящая противоречивость партнерства двух ведущих азиатских держав ярко проявились во втором десятилетии нынешнего века, особенно в 2017 и 2018 г., когда Токио и Пекин отметили две юбилейные даты в своих отношениях — 45-летие восстановления дипломатических отношений и 40-летие Договора о мире и дружбе.

Вот, например, как японо-китайские отношения оценивает ежегодник японского МИДа «Голубая книга по дипломатии за 2018 год»: «Отношения с Китаем, соседней страной по Восточно-Китайскому морю, являются одними из наиболее важных двусторонних отношений Японии, и две страны имеют тесные экономические отношения, а также межличностные и культурные обмены. В 2017 г. исполнилось 45 лет со дня нор-

мализации японо-китайских дипломатических отношений, и была предоставлена возможность провести диалоги на высоком уровне, включая встречи на высшем уровне и встречи министров иностранных дел. Это был год, в котором значительно возросли темпы улучшения японо-китайских отношений»¹.

Далее «Голубая книга» утверждает, что Япония и Китай несут главную ответственность за мир и стабильность в регионе и в международном сообществе, а стабильные отношения между ними имеют большое значение не только для граждан обеих стран, но и для решения региональных и международных проблем, включая северокорейскую. Также подчеркивается, что в соответствии с идеей построения «взаимовыгодных отношений, основанных на общих стратегических интересах» японское правительство будет продолжать содействовать развитию дружественных связей с Китаем в широкой перспективе посредством продолжения диалога и сотрудничества на различных уровнях².

Безусловно, базой, цементирующей отношения Японии и Китая, являются их глубокие и разносторонние экономические связи. По данным той же книги, общий объем торговли между Японией и КНР (за исключением Гонконга) составил в 2017 г. около 296,8 млрд долл. (увеличение на 9,8% по сравнению с предшествующим годом). Китай является крупнейшим торговым партнером Японии на протяжении последних 12 лет. А прямые инвестиции Японии в Китай только в 2017 г. составили около 3,27 млрд долл. (прирост 5,1% в годовом исчислении, что связано с продолжающейся тенденцией восстановления китайской экономики). Япония занимает 3-е место по объему прямых инвестиций в Китай (Сингапур — 1-е место, Южная Корея — 2-е, США — 4-е). С 2013 г. продолжает расти число китайских туристов, посетивших Японию. В 2017 г. оно достигло рекордного показателя в 7,36 млн человек.

Важным фактором, способствовавшим экономическому «восхождению» Китая, явились японские иеновые займы на льготных условиях в рамках официальной помощи на цели развития (ОПР). С 1979 г. Япония предоставила ОПР на общую сумму более 3 трлн иен. Однако примерно десять лет назад она прекратила осуществление новых проектов в рамках кредитной и безвозмездной помощи, на которые приходится значительная доля ОПР. Токио посчитал, что Китай достиг такого уровня развития, когда в ней нет необходимости. В настоящее время основной формой помощи является техническое сотрудничество (на него в 2016 г. пришлось 500 млн иен). Кроме того, продолжает осуществляться помощь в виде грантов (29 млн иен в 2016 г.)³.

Говоря о проблемах в отношениях Японии с Китаем, главный документ японского МИДа указывает, что в Восточно-Китайском море китайские правительственные суда продолжают вторгаться в японские территориальные воды вокруг островов Сэнкаку (китайское название Дяоюйдао). Помимо этого, китайские военные быстро наращивают активную деятельность в этом районе. Китай продолжает одностороннее освоение ресурсов в Восточно-Китайском море и неоднократно проводил морские исследования без согласия Японии. В «Голубой книге» подчеркивается, что острова Сэнкаку являются неотъемлемой частью территории Японии в свете исторических фактов, и японское владение ими основано на международном праве. Книга отрицает существование в японо-китайских отношениях территориального спора по поводу островов Сэнкаку. «Чтобы защитить свои территориальные земли, море и воздушное пространство, Япония будет заниматься ситуацией решительно и спокойно», — говорится в ней⁴.

Действительно, в настоящее время группа необитаемых островков Сэнкаку (Дяоюйдао) контролируется Японией, но Китай считает их своими незаконно отторгнутыми территориями и требует возврата. Территориальный конфликт между двумя странами резко обострился после того, как правительство бывшего премьер-министра Японии Ёсихико Нода, предшественника Абэ, решило вернуть Сэнкаку под контроль государства в сентябре 2012 г., выкупив их у частного владельца. В тот год по Китаю прокатилась волна антияпонских выступлений.

Помимо территориальной проблемы японо-китайские отношения омрачает неприятие в КНР высказываний многих японских политиков и экспертов, стремящихся обелить агрессию Японии против Китая в первой половине XX века. Наиболее ярко это проявляется в крайне негативной реакции Пекина на посещения японскими официальными деятелями, включая премьер-министров и членов парламента, синтоистского храма Ясукуни в Токио, в котором наряду с рядовыми японцами, погибшими во время прошлых войн, почитаются души 14 военных преступников, казненных по приговору Токийского трибунала. Пекин считает храм Ясукуни олицетворением японского милитаризма. Однако, по мнению ряда японских комментаторов, он прибегает к антияпонской риторике, когда ему необходимо добиться очередных выгод в экономических отношениях с Японией или укрепить внутривластные позиции существующей власти.

Так или иначе, территориальный конфликт и различное восприятие истории двусторонних отношений, судя по всему, носят непреходящий характер и оказывают сильный охлаждающий эффект на современные японо-китайские политические отношения. Это приводит к такому перекосу во взаимодействии Японии и Китая, который сформулирован в известном выражении «горячая экономика, холодная политика». Вместе с тем происходящие в последние годы серьезные сдвиги в экономике, геополитике и сфере безопасности как в АТР, так и на глобальном уровне, заставляют руководителей двух стран по мере необходимости микшировать политические противоречия и искать возможности сближения и сотрудничества.

Это особенно заметно на примере трансформации отношений Японии и Китая в период нахождения у власти в Японии нынешнего премьер-министра Синдзо Абэ, который в КНР считается внешнеполитическим ястребом. Повторно заняв кресло премьер-министра в декабре 2012 г., Абэ «по инерции» совершил в декабре 2013 г. паломничество в Ясукуни. Визит вызвал взрыв возмущения в Китае и, в дополнение к покупке правительством Японии островов Сэнкаку (Дяюйдао) в предшествовавшем году, еще сильнее охладил отношения Токио с Пекином.

Базовым внешнеполитическим лозунгом Синдзо Абэ в его втором сроке премьерства является «Япония возвращается», который подразумевает курс на значительное повышение роли и места Японии на международной арене. По мнению Абэ, они серьезно ослабли при прежних администрациях. Одним из средств достижения этой цели, по замыслам японского премьер-министра, должно стать улучшение отношений с набирающим экономическую мощь и военную силу соседним Китаем. Причем это должно происходить параллельно с укреплением военно-политического союза с Соединенными Штатами, усилением собственного военного потенциала и другими мерами. В связи с этим глава кабинета министров Японии после 2013 г. воздерживается от посещений военного святилища Ясукуни, но ежегодно за свой счет делает храму традиционное подношение «масасаки» — деревце, которое в синтоизме считается священным. При этом парламентарии и члены кабинета министров Японии продолжали регулярно посещать храм Ясукуни, что неизменно порождает протесты китайских властей.

Весь период своего повторного премьерства Синдзо Абэ последовательно добивался официального саммита с Председателем КНР Си Цзиньпином. Однако таких встреч не происходило вплоть до осени 2018 г., если не считать эпизодических краткосрочных и неформальных встреч руководителей Японии и Китая на полях саммитов АТЭС и других международных форумов. Не было двусторонней встречи лидеров Японии и Китая и на Восточном экономическом форуме во Владивостоке в сентябре 2018 г., несмотря на то, что оба они сидели рядом за одним столом в президиуме пленарного заседания.

Судя по всему, Си Цзиньпин отсрочивал «встречу в верхах» со своим японским визави до нужного китайской стороне момента. Такой момент окончательно вызрел в течение 2018 г., прежде всего, под воздействием агрессивной внешнеторговой политики президента США Дональда Трампа, объектами которой в Азии, наряду с Южной Кореей,

стали Китай и Япония. Обе страны, по мнению Трампа, реализуют нечестную внешне-экономическую практику в отношении Америки, что выливается в ее огромный дефицит в торговле с ними. Такой подход американского президента делает Японию и Китай «братьями по несчастью» и мотивирует их к взаимному сближению.

Кроме того, по мнению японских аналитиков, Пекин в последние годы в условиях обострения противостояния с Вашингтоном в сфере безопасности в АТР начал постепенно поворачиваться в сторону Токио с надеждой ослабить японо-американский военный альянс. Как заявляют японские правительственные чиновники, этот поворот свидетельствует о том, что в последнее время Китай стремится укрепить свое политическое влияние за рубежом на основе растущей экономической и военной мощи в попытке пересхватить «гегемонию» в Азиатско-Тихоокеанском регионе у Соединённых Штатов⁵.

У Токио также имеются свои расчеты на сближение с Пекином. Премьер-министр Абэ в русле провозглашенного им курса на освобождение Японии от ограничений, наложенных на страну после окончания Второй мировой войны, хотел бы проявить большую самостоятельность на внешней арене. К этому его подталкивают, в том числе, и заявления президента Трампа о том, что азиатские союзники США, прежде всего Япония и Южная Корея, должны нести более существенное бремя по обеспечению собственной безопасности.

Исторический саммит?

Нарастание взаимных побудительных мотивов привело к тому, что 27 октября 2018 г. состоялся давно лелеемый японской стороной полномасштабный официальный визит премьер-министра Японии Синдзо Абэ в Пекин. Это был первый визит японского премьера в Китай за последние семь лет. В ходе него Синдзо Абэ провел переговоры с Си Цзиньпином, на которых подчеркнул, что надется «продвинуть японо-китайские отношения в новую эру, от конкуренции к сотрудничеству». Си Цзиньпин также положительно оценил эти отношения, сказав, что «китайско-японские связи вернулись в нормальное русло»⁶.

Абэ пригласил Си Цзиньпина посетить Японию в 2019 г. По сообщениям японских официальных лиц, китайский лидер «серьезно рассматривает» это предложение. Если он согласится, Си будет первым высшим руководителем КНР, посетившим Японию после Ху Цзиньтао, который побывал там с официальным визитом в 2008 г. Скорее всего, встреча состоится в конце июня, до или после саммита «большой двадцатки» (G-20) в г. Осака.

В Пекине Абэ встретился также с премьер-министром Китая Ли Кэцяном. На встрече он, в частности, заявил: «Япония и Китай — соседи и партнеры. Мы не станем угрозой друг другу». Абэ сказал, что Япония хочет работать с Китаем, чтобы «развивать свободные и справедливые торговые отношения», и добавил, что «премьер Ли и я подтвердили эти принципы»⁷.

Примечательно, что в поездке премьер-министра Японии сопровождала внушительная делегация японских бизнесменов, насчитывавшая более 500 человек. Это факт подтверждает мнение японских специалистов о том, что в условиях трудностей, вызванных старением населения и падающей рождаемостью, Япония по-прежнему нуждается в Китае как в важном внешнеэкономическом партнере. После встречи Абэ и Ли подписали ряд соглашений, охватывающих широкий спектр инициатив — от ослабления напряженности на море до сотрудничества в области энергетики, развития инфраструктуры и технологий.

Особое внимание привлекает то, что лидеры двух стран договорились развивать экономическое сотрудничество между японскими и китайскими компаниями в третьих странах. Этот шаг направлен на создание новой модели японо-китайского сотрудничества посредством развития в этих странах инфраструктуры и других проектов. Он является

своего рода ответом Токио на призыв Пекина участвовать в его инициативе, известной под названием «Один пояс, один путь» (ОПОП). До недавнего времени японское правительство негативно относилось к этой инициативе, полагая, что она приведет к созданию в Евразии огромной сферы экономического и политического влияния Китая в ущерб интересам Японии. Перемену курса Абэ в этом отношении также следует рассматривать как сигнал Пекину о готовности Токио идти на серьезное сближение с ним.

Правда, Япония намерена сотрудничать с Китаем при условии, что совместные проекты в третьих странах в рамках инициативы ОПОП будут соответствовать международным стандартам с точки зрения их прозрачности и финансовой обоснованности. Это вызвано опасениями по поводу того, что массированное кредитование Китаем таких проектов, как правило, приводит к чрезмерной задолженности стран-реципиентов и ставит их в зависимость от него. Учитывая опасения, что падение валют развивающихся рынков может дестабилизировать мировую экономику, правительство Японии планирует поднять вопрос о задолженности развивающихся государств, когда будет принимать саммит G20 в июне 2019 г. в Осака.

Символично также, что наряду с ОПОП японские бизнесмены выразили готовность сотрудничать с Пекином и в другой его инициативе под названием «Сделано в Китае 2025». Однако, учитывая негативное отношение Вашингтона к обеим инициативам китайского руководства и торговую войну, развязанную Трампом против КНР, японским компаниям, желающим получить выгоду от участия в указанных инициативах, несомненно, придется делать это с оглядкой на нынешнюю администрацию США. Другими словами, деловые круги Японии будут вынуждены искать «золотую середину» в их экономических связях с Китаем и Соединёнными Штатами.

На фоне череды взаимных благожелательных высказываний руководителей Японии и Китая относительно позитивных перемен в отношениях между двумя странами японские СМИ и эксперты критически оценили как состояние этих отношений, так и итоги самого визита Синдзо Абэ в КНР. Так, крупнейшая газета «Ёмиури симбун», указывая на то, что прошло сорок лет с тех пор, как в 1978 г. вступил в силу Договор о мире и дружбе между Японией и Китаем, напоминает, что тогда китайский лидер Дэн Сяопин, посетивший Японию с целью подписания договора, обратился за поддержкой к японским компаниям. Вскоре после возвращения в Китай он разработал политику реформ и открытости, предназначенную для налаживания рыночной экономики и достижения быстрого экономического роста Китая⁸.

По данным газеты, за последние 40 лет Япония предоставила Китаю по линии Официальной помощи развитию (ОПР) в общей сложности более 3,65 трлн иен, помогая стране в строительстве железных дорог, портов и другой инфраструктуры. В 2001 г. Китай вступил во Всемирную торговую организацию, а в 2010 г. он превзошел Японию по объему валового внутреннего продукта. Издание полагает, что эпоха, когда Япония в одностороннем порядке помогала Китаю и провозглашала «дружбу» с ним, давно прошла. В ходе своего визита в Китай Абэ объявил о решении полностью прекратить ОПР Японии Китаю, заявив, что «ее историческая миссия закончилась».

О новом качестве отношений двух ведущих азиатских держав свидетельствует и тот факт, что Китай вскоре станет вторым по величине денежным спонсором Организации Объединенных Наций, уступая только США, в соответствии с недавно принятыми планами взносов, оттеснив Японию со 2-го места, которое она занимала с 1980-х годов. Генеральная Ассамблея ООН 22 декабря 2018 г. приняла резолюцию об увеличении китайского взноса с 7,921% в 2016–2018 гг. до 12,005% в 2019–2021 гг. в связи с быстрым экономическим ростом КНР. Доля медленнее растущей Японии сократилась с 9,68% до 8,564%⁹. США по-прежнему будут платить 22%. Откат на 3-е место по этому показателю, очевидно, может ослабить влияние Японии не только в ООН, но и на международной арене в целом.

«Ёмнури симбун» не сомневается, что за изменением Китая своей жесткой позиции по отношению к Японии и шагами, направленными на улучшение двусторонних отношений, стоит ухудшение экономического положения КНР, вызванное торговыми трениями с США. Американо-китайское противостояние распространилось на безопасность и другие области и, похоже, будет длительным. Поворот Пекина к Токио, уверена газета, задуман как проверка Вашингтона¹⁰.

По мнению издания, одним из факторов конфронтации между США и Китаем является то, что Китай в контексте роста своего экономического влияния превратился в страну, угрожающую стабильности международного порядка. Нарастившая свою военную мощь и проводя жесткую дипломатию, Китай пытается навязать другим странам китайский стиль и нормы поведения, отличные от норм Европы и Соединённых Штатов, основанных на демократии и верховенстве права.

«Ёмнури симбун», как и некоторые другие японские СМИ, подмечает парадокс, который заключается в том, что в Договоре о мире и дружбе между Японией и Китаем содержится положение, согласно которому обе страны «выступают против усилий любой другой страны или группы стран установить гегемонию». 40 лет назад это положение подразумевало бывший Советский Союз, однако теперь сам Китай якобы проводит «гегемонистскую политику» в регионе¹¹.

Газета призывает администрацию Си Цзиньпина признать, что ее политика, направленная на то, чтобы поставить Китай на путь превращения в «сильную страну», усилила настороженность других стран к Пекину, и это привело к укреплению восприятия Китая как угрозы. Если Китай не предпримет шагов для прекращения создания военных плацдармов в Южно-Китайском море, исправления нечестной торговой практики и нарушений прав интеллектуальной собственности, он не будет рассматриваться как ответственная великая держава, полагает газета.

Издание выражает тревогу по поводу того, что регулярные вторжения китайских правительственных судов в японские территориальные воды вокруг островов Сэнкаку могут привести к кризису в сфере безопасности. Оно подчеркивает, что даже на октябрьском саммите Абэ и Си не смогли проложить путь к урегулированию конфронтации по поводу Сэнкаку. При этом лидеры двух стран не пошли дальше подтверждения договоренности, направленной на скорейшее создание «горячей линии» между ними. «Ёмнури симбун» настаивает, чтобы Япония противодействовала односторонней морской экспансии Китая, продвигая «стратегию свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» совместно с такими партнерами, как Соединённые Штаты и Австралия¹².

Довольно прохладно оценил японо-китайский «исторический саммит» и рупор деловых кругов Японии — газета «Нихон кэйдай симбун». По ее мнению, визит премьер-министра Синдзо Абэ в Китай показал, что японский лидер пытается балансировать в отношениях Токио с Вашингтоном и Пекином¹³. Отмечая дружескую атмосферу, царившую за ужином руководителей Японии и Китая, издание подчеркивает, что она была невозможна еще несколько лет назад, когда японо-китайские отношения из-за территориального спора в Восточно-Китайском море опустились до самого низкого уровня за весь период после их нормализации в 1972 г. В ходе ужина состоялся откровенный обмен мнениями между Абэ и Си по поводу текущей политики США, отношения с которыми являются и останутся в обозримом будущем важнейшим экономическим и политическим приоритетом как для Японии, так и для Китая.

Руководитель КНР довел до сведения своего японского визави, что выступает против однополярной системы во главе с США, и выразил разочарование позицией Вашингтона на торговых переговорах с Пекином, подчеркнув, что необходимо уважать систему свободной торговли. Как полагает газета, Си Цзиньпин намеренно сделал это, зная, что Синдзо Абэ является мировым лидером, имеющим тесные связи с американским президентом.

«Президент Трамп доверяет вам», — ответил Абэ, указав на то, что даже когда Трамп стал оказывать нажим на Китай, он воздержался в целом от критики в отношении лично Си Цзиньпина. «Если США и Китай не будут участвовать в большем диалоге, это будет плохо для мировой экономики», — утверждал Абэ¹⁴. Как полагает ведущее деловое издание Японии, укрепляя свои отношения с китайским лидером, Абэ надеется служить мостом между Си Цзиньпином и Трампом. Но, по мнению газеты, для японского лидера это будет непросто.

На встрече в Пекине Абэ положительно откликнулся на китайское предложение наладить между двумя странами диалог для обсуждения сотрудничества в области передовых технологий. При этом японский лидер отдавал себе отчет в том, что такой шаг может вызвать сильное неприятие со стороны Вашингтона, который резко критикует Пекин за его политику в области прав на интеллектуальную собственность. Тем более что, как считают многие эксперты, за нынешним «торговым наступлением» США на КНР кроется стратегическая цель воспрепятствовать превращению Китая в равноценного по силе конкурента в сфере передовых технологий.

Помимо принятия Си Цзиньпина у себя в стране в 2019 г., Синдзо Абэ планирует также посетить Китай в первой половине этого года для участия в трехстороннем саммите Япония — Китай — Южная Корея. Кроме того, японский премьер пригласил руководителя КНР участвовать в церемонии открытия Олимпийских игр 2020 г. в Токио. Мероприятие, по словам газеты, даст японскому лидеру еще один шанс улучшить отношения с Пекином. Примечательно, однако, что на просьбу снять эмбарго на импорт японских продовольственных товаров, введенное Китаем в связи катастрофой на АЭС Фукусима-1 в 2011 г., Синдзо Абэ не получил со стороны Си Цзиньпина положительного ответа. Такая реакция, не исключено, была продиктована пониманием китайским руководителем того, что его согласие усилило бы позиции Абэ на предстоящих летом 2019 г. выборах в верхнюю палату парламента Японии.

Газета «Нихон кэйдзай симбун» считает, что одного укрепления доверия между двумя лидерами может оказаться недостаточно, чтобы начать «новую эру» китайско-японского сотрудничества, которую провозгласил японский премьер в ходе визита в Пекин. Издание обращает внимание, что такие сложные вопросы двусторонних отношений, как безопасность, восприятие истории двух стран, совместное освоение ресурсов в Восточно-Китайском море, остались на заднем плане переговоров Абэ и Си. Что касается самой жгучей двусторонней проблемы — спора из-за Сэнкаку (Дяоюйдао), то оба лидера лишь условились улучшить связь между двумя странами, чтобы избежать случайных столкновений вокруг этих островов¹⁵.

Наряду с ростом военной напряженности между Японией и Китаем в Восточно-Китайском море, все явственнее вырисовывается еще один очаг их серьезной конфронтации — в Южно-Китайском море. Там, по мнению японских политиков и экспертов, Китай, претендуя на львиную долю морского пространства, а также существующих островных территорий, наращивает свою «морскую экспансию» путем строительства искусственных остров и их милитаризации. В то же время Япония имеет в Южно-Китайском море собственные национальные интересы в сфере экономики и безопасности, так как по нему проходят ее важнейшие торговые пути, в том числе маршруты доставки нефти из стран Ближнего Востока. Кроме того, море располагает огромными рыбными ресурсами, а под его дном таятся крупные минеральные резервы, включая углеводороды. Очевидно, что борьба двух ведущих азиатских и мировых держав за контроль над Восточно-Китайским и Южно-Китайским морями, за их природные ресурсы в перспективе будет лишь нарастать. Этим во многом объясняется гонка вооружений, которая в последние годы развернулась между Японией и КНР.

Кто кому угрожает

Накопленный экономический потенциал и быстрый рост на его основе военной мощи КНР вызывает все большую тревогу в Японии. Это нашло отражение в словосочетании «китайская угроза», которое пришло на смену термину «советская угроза» времен холодной войны. Термин «китайская угроза» в последние годы не только прочно укоренился в лексиконе японских политиков и экспертов, но вошел в официальные документы. Так, в изданной Министерством обороны Японии брошюре «Оборона Японии 2018» говорится, что на фоне резкого увеличения оборонного бюджета Китай быстро укрепляет свой военный потенциал в широком диапазоне с упором на ядерную и ракетную мощь, а также на военно-морские и военно-воздушные силы. В рамках этого Китай усилил свой так называемый потенциал А2/AD¹⁶. Помимо укрепления традиционного военного потенциала, в последние годы Китай осваивает новые средства борьбы в сфере электроники и киберпространстве. Брошюра утверждает, что на фоне дальнейшей консолидации Си Цзиньпина авторитарной власти в качестве председателя Центрального военного совета процесс военной модернизации КНР будет лишь ускоряться. Китай стремится к тому, чтобы закончить в основном модернизацию своих вооруженных сил к 2035 г., а к середине XXI века превратить НОАК в одну из сильнейших армий мира.

В документе отмечается активизация деятельности военно-морских и военно-воздушных сил Китая в районах вокруг Японии, включая острова Сэнкаку, а также обращается внимание на то, что Китай на своих военных маневрах отрабатывает тактику выхода своих вооруженных сил на открытое пространство Тихого океана. По мнению составителей брошюры, военная деятельность КНР в Южно-Китайском море расширяется. Быстрая модернизация НОАК, повышение ее оперативного потенциала и односторонняя эскалация деятельности в районах вокруг Японии без достаточной прозрачности создают серьезные проблемы для нее в области обеспечения безопасности, а также для региона и международного сообщества в целом. По всей видимости, считают японские аналитики, НОАК играет опорную роль в инициативе «Один пояс, один путь» благодаря своему участию в «защите морских путей». Более того, развитие инфраструктуры в рамках этой инициативы может привести к дальнейшему расширению деятельности НОАК в таких районах, как Тихий и Индийский океаны¹⁷.

Японские оценки военного строительства КНР вызывают резкое неприятие в Китае, а сама Япония подвергается критике за наращивание ее собственного военного потенциала. Так, касаясь опубликованной в августе 2018 г. «Белой книге по обороне Японии», агентство Синьхуа в своем комментарии на русском языке утверждает, что издание по-прежнему сильно сгущает краски в вопросе обеспечения безопасности вокруг Японии, чтобы тем самым проложить путь для расширения вооружений и разработки кабинетом Синдзо Абэ к концу 2018 г. новой «Программы национальной обороны». В то же время говорится, что «Белая книга» также не забыла рассказать и о так называемой китайской угрозе, допустив безответственные высказывания в адрес стандартных военных операций КНР и обычного оборонного строительства НОАК. На страницах книги произвольно искажаются цели патрулирования морскими судами Китая акватории островов Сэнкаку (Дяоюйдао) и ведение ими законной деятельности. Утверждается, что Китай якобы «в одностороннем порядке» наращивает военную деятельность вблизи Японии.

В то же время, подчеркивает Синьхуа, новое издание «Белой книги» подробно рассказывает о последних переменах курса кабинета Синдзо Абэ в направлении расширения оборонительной политики, в т.ч. о реформе Сил самообороны Японии и укреплении их способности к комплексным действиям. Говорится в ней и о создании подразделений японской морской пехоты, а также развертывании систем ПРО наземного базирования «Иджис». Все это, подчеркивает агентство, происходит на фоне непрерывного роста военного бюджета Японии шестой год подряд. Китайские аналитики считают, что продолжение японским правительством раздувания окружающих страну угроз в «Белой

книге по обороне — 2018» ставит целью заложить основание для увеличения военных расходов в 2019 финансовом году и переписать «Программу национальной обороны Японии» с целью дальнейшего усиления вооруженных сил страны¹⁸.

В самом деле, в декабре 2018 г. кабинет министров Японии одобрил пересмотренный вариант «Руководящих принципов национальной программы обороны», в которых обычно излагаются цели и принципы военной политики страны в течение 10-летних циклов. Как отмечает газета «Нихон кэйдай симбун», пересмотр знаменует собой значительную модернизацию обороноспособности страны, в том числе введение в строй первого со времен Второй мировой войны авианосца, развертывание ракет большой дальности, а также развитие возможностей ведения войны в кибер- и космическом пространстве¹⁹. «Нихон кэйдай симбун» утверждает, что досрочный пересмотр документа, предыдущее обновление которого произошло в 2013 г., вызван ракетно-ядерными испытаниями Северной Кореи, «китайской напористостью в Южно-Китайском море», а также усилением давления Китая на Японию по поводу островов Сэнкаку.

Чтобы укрепить обороноспособность Японии, правительство, в частности, преобразует свой вертолетоносец Izumo в авианосец, способный запускать истребители-невидимки F-35B. Эти самолеты могут совершать взлеты с коротким разбегом и вертикальные посадки. Япония закупит в США 105 таких самолетов, включая сухопутные модели. В ответ на угрозу китайских противокорабельных ракет большой дальности Япония развернет собственные противокорабельные ракеты, способные поражать цели морского базирования на расстоянии до 900 км. Минобороны также будет работать над новыми видами вооружений, например, гиперзвуковыми управляемыми ракетами, которые имеют скорость, в пять раз превышающую скорость звука. Кроме того, у США будет приобретена новая наземная система противоракетной обороны Aegis Ashore.

Согласно рассчитанной на пять лет «Среднесрочной оборонной программе», которая была принята одновременно с «Руководящими принципами программы национальной обороны», правительство выделяет более 27 трлн иен (240 млрд долл.) на военные расходы. Программа начнет осуществляться с 1 апреля 2019 г. Указанная в ней сумма примерно на 3 трлн иен больше по сравнению с программой, охватывающей период с 2014 по 2018 фин. г. Газета признает, что это является рекордным показателем для японских военных расходов²⁰. Нельзя исключать, что в связи с быстрым наращиванием Японией своего военного потенциала Пекин, как это бывало ранее, при случае обвинит Токио в «возрождении японского милитаризма».

В свете того, что национальные интересы Японии и Китая во многом сталкиваются на просторах Тихого океана, между двумя государствами в последние годы развернулась реальная гонка военно-морских вооружений. Парадокс заключается в том, что в 2018 г., когда обе страны отмечали 45-ю годовщину заключения Договора о мире и дружбе, эта гонка приобрела новое качество — обе страны обменялись «недружественными визитами» подводных лодок.

4 октября 2018 г. была спущена на воду первая в Японии подводная лодка, работающая на литий-ионных аккумуляторах. 84-метровая лодка «Орю» может развивать скорость до 20 узлов и имеет водоизмещение 2950 тонн. Она будет поставлена японским морским Силам самообороны в марте 2020 г. «Орю» уже одиннадцатая субмарина Японии класса «Сорю», строительство которых началось в 2005 г. Они входят в число крупнейших и наиболее бесшумных дизель-электрических подводных лодок в мире. «Орю» — это значительно обновленная версия «Сорю».

По мнению японских военных аналитиков, разработка и введение в строй новейшей японской субмарины отражает конкурентное укрепление Японией и Китаем своих военно-морских потенциалов в условиях нарастания их конфронтации на просторах Тихого океана и, прежде всего, в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. При этом обе страны значительно активизировали деятельность своих подводных лодок. Так, в январе 2018 г. японские Силы самообороны обнаружили китайскую субмарину в подвод-

ном положении вблизи островов Сэнкаку. А в сентябре того же года Токно впервые провел свои военно-морские учения в Южно-Китайском море, в которых приняла участие японская подводная лодка.

По мнению японских специалистов, несмотря на то, что в современных военно-морских стратегиях ведущая роль отводится авианосцам и самолетам-невидимкам, истинными субъектами «смены игры» в этих стратегиях являются подводные лодки. Специалисты отмечают также, что Китай активно ведет строительство авианосцев, но для эффективных боевых действий им требуется сопровождение подводных лодок. Подводные лодки с баллистическими ракетами, которые Китай развернул в Южно-Китайском море, также требуют защиты подводных лодок сопровождения. По японским оценкам, подводный флот КНР, насчитывающий около 60 субмарин, превосходит по численности японский флот, состоящий из 22 подлодок. Но считается, что Япония сохраняет значительное превосходство над Китаем в управлении подводными судами и проведении бесшумных операций. По заключению японских стратегов, в гонке подводных вооружений с Японией Пекин давно полагается на количество, чтобы компенсировать отставание в качестве. Это говорит о том, что флот подводных лодок Китая будет расти и дальше. Кроме того, КНР придает большое значение «стратегии асимметрии», развернув большое количество беспилотных подводных судов. Это потребует от Японии не только развития передовых подводных технологий, но и увеличения числа своих подлодок.

Военное противостояние Японии и Китая имеет и другие измерения. Так, по мнению некоторых американских экспертов, планы президента Трампа вывести США из Договора о ракетах средней и малой дальности (ДРСМД) вызваны не только якобы нарушением Россией указанного договора, но в значительной степени наличием у Китая огромного количества ракет этого класса. Они могут нести угрозу американским военным базам в Японии, которые находятся в пределах их досягаемости, а также Силам самообороны самой Японии.

По данным доклада Пентагона о китайской военной мощи за 2018 г., масштабная военная программа модернизации позволила Китаю разместить массу баллистических ракет малой и средней дальности с обычным боеголовками, а также крылатые ракеты наземного и воздушного базирования в рамках вышеупомянутой стратегии A2/AD. Примерно 95% арсенала китайских ракет имеют диапазон от 500 до 5500 км и, таким образом, подпадают под действие ДРСМД. Некоторые эксперты по региональной безопасности даже предполагают, что китайские военные могут практиковать упреждающие ракетные удары по передовым базам, которые лежат в основе военной мощи США в западной части Тихого океана.

На этом фоне и по мере того, как США и Китай начинают вступать в то, что некоторые эксперты называют «новой холодной войной», решение Вашингтона о выходе из ДРСМД, вероятно, будет иметь ряд последствий для Японии. Они включают возможность восстановления Соединёнными Штатами своего ракетного арсенала малой и средней дальности и отправку этого оружия в Японию и другие страны региона²¹. Этот шаг, несомненно, лишь усилил бы напряженность в отношениях между Японией и Китаем.

Судя по всему, одной из главных сфер военного противостояния двух стран в ближайшем будущем станет киберпространство и космос. В ходе состоявшегося в январе 2019 г. визита в Вашингтон министра обороны Японии Такэси Ивая между ним и исполняющим обязанности министра обороны США Патриком Шанаханом была достигнута договоренность о сотрудничестве в этих областях в ответ на стремление Китая к военному превосходству в них²². Эксперты отмечают, что визит состоялся через месяц после того, как кабинет премьер-министра Синдзо Абэ принял новую 10-летнюю оборонную программу и 5-летнюю среднесрочную программу наращивания военного потенциала, которые направлены на дальнейшее укрепление японо-американского альянса²³.

Примечательно также, что на встрече в Пентагоне Ивая и Шанахан подчеркнули свое несогласие с попытками Китая изменить статус-кво в Восточно-Китайском и Юж-

но-Китайском морях и обязались сотрудничать в деле укрепления там «верховенства права и свободы судоходства». Кроме того, оба деятеля подчеркнули необходимость усиления присутствия Японии и Соединённых Штатов в Индо-Тихоокеанском регионе, имея в виду совместное противостояние КНР в указанном районе мира. Понятно, что в контексте наращивания японо-американского военного сотрудничества с прицелом на Китай настороженность Пекина в отношении Токио будет лишь возрастать. Однако, как очевидно, объективно будет происходить и параллельное усиление центростремительных тенденций в отношениях двух ведущих азиатских держав, о чем говорилось выше.

Возможен ли китайско-японский кондоминиум?

Центростремительные тенденции, по мнению некоторых экспертов, могут со временем привести даже к совместному управлению АТР Японией и Китаем. Вот как на этот счет в статье «На пути к эре Pax Sinae-Nipponica», опубликованной в газете Japan Times, рассуждает проживающий в Токио предприниматель и экономический стратег Джеспер Коль (Jesper Koll)²⁴.

В статье говорится, что изначально Абэ снижал популярность в Японии как политик, жестко настроенный в отношении Китая. В частности, на выборах в парламент в 2012 г. он захватил воображение японской правящей элиты, представившись единственным кандидатом, готовым гарантировать, что Япония не превратится в колонию Китая. За период пребывания Абэ у кормила власти Япония стала более сильной страной: ее экономика значительно окрепла, на дипломатическом фронте позиция Японии также заметно укрепились. Во многих областях Япония станет еще более мощным посредником между двумя глобальными сверхдержавами — Соединёнными Штатами и Китаем. Покупка ракет и систем кибербезопасности у США и одновременные инвестиции в азиатскую инфраструктуру вместе с Китаем — это, по мнению предпринимателя-экономиста, не противоречит, а макнавеллевская стратегия обеспечения будущего процветания Японии и глобальной значимости страны.

Как полагает Коль, ключевая задача Синдзо Абэ состоит в том, чтобы фактически создать более осозаемые и предметные японо-китайские отношения. По его мнению, наилучшей отправной точкой в этом плане является экономическое сотрудничество в целом и совместное развитие азиатской инфраструктуры и экономическое государственное строительство, в частности. Он выделяет следующие пять столпов, которые могли бы создать надежную основу не только для улучшения японо-китайских отношений, но и для начала эры Pax Sinae-Nipponica в Азии.

Во-первых, Японии необходимо стать партнером Китая в его инициативе «Один пояс, один путь». Во-вторых, страна должна присоединиться к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций под руководством КНР. В-третьих, Япония должна принять участие в создании новой особой экономической зоны в Северной Корее, специально ориентированной на совместные инвестиционные проекты Японии, Китая и Южной Кореи. В-четвертых, Токио было бы целесообразно более активно вовлекать Китай в проводимые Японией переговоры о Транстихоокеанском партнерстве по созданию многостороннего Тихоокеанского соглашения о свободной торговле. В-пятых, требуется развитие внутриазиатской сети водоснабжения и энергоснабжения.

В ближайшие десятилетия, полагает аналитик, ограничения, налагаемые на рост китайской и азиатской экономик, пронстекающие из таких узких мест, как водо- и энерго-снабжение, предвещают угрозы. Из-за этого могут произойти будущие войны, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Наряду с этим, Япония и Китай должны стремиться к усилению взаимозависимости. В XX веке «уголь и сталь» стали основой германо-французского союза, сделавшего невозможной будущую войну. В XXI веке «вода и энергия» могли бы сделать то же самое для Азии с Японией и Китаем, создающими центр альянса.

Автор статьи в японской газете признает, что некоторые из этих мыслей кажутся невероятными и нереальными. В то же время он выражает надежду, что лидеры Японии и Китая не окажутся в вакууме, а будут прагматичными и дальновидными. По его мнению, настало время заложить основы нового азиатского порядка. По многим причинам Pax Nipponica или Pax Sinae не могут работать, но Pax Sinae-Nipponica почти наверняка будет приветствоваться Азиатско-Тихоокеанским регионом, поскольку это понятие символизирует включение, а не навязывание сверху.

Безусловно, с Джеспером Колем можно согласиться в том, что эра Pax Sinae-Nipponica, скорее всего, является чисто умозрительной концепцией, и если она когда-нибудь все же наступит, то это произойдет за видимой линией политического горизонта в АТР. Понятно также, что создание Pax Sinae-Nipponica несло бы комплексную угрозу базовым интересам США в Азии, и Вашингтон сделал бы все возможное, чтобы не допустить подобного тандема Японии и Китая. Поскольку Япония в ближайшие годы останется младшим партнером Соединённых Штатов в их двустороннем альянсе, у американцев для этого будут самые широкие возможности.

А в обозримом будущем на международной арене мы будем наблюдать диалектическое «единство и борьбу противоположностей» в лице Японии и Китая. В зависимости от протекания этой борьбы на первый план в отношениях между ними будут поочередно выходить то конфликты, то сотрудничество.

1. Цит. по: Diplomatic Bluebook 2018. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2018/html/chapter2/c020102.html#sf02>.
2. Ibid.
3. Ibid.
4. Ibid.
5. Japan Times. 12.08.2018.
6. Ёмиури симбун. 27.10.2018.
7. Нихон кайдзай симбун. 27.10.2018.
8. Ёмиури симбун. 27.10.2018.
9. Нихон кайдзай симбун. 24.12.2018.
10. Ibid.
11. Ibid.
12. Ibid.
13. Нихон кайдзай симбун. 28.10.2018.
14. Ibid.
15. Ibid.
16. A2AD, или A2/AD (англ. anti-access and area denial — ограничение и воспреещение доступа и маневра) — концепция сдерживания противника путем создания повышенной опасности для дислоцирования или перемещения сил противника в защищаемую местность.
17. Defence of Japan 2018. Токуо, 2018. P. 10.
18. Синьхуа. 29.08.2018.
19. Нихон кайдзай симбун. 18.12.2018.
20. Ibid.
21. Japan Times. 22.10.2018.
22. Japan Times. 16.01.2019.
23. Ibid.
24. *Koll Jesper. Toward a Pax Sinae-Nipponica era // Japan Times. 07.10.2018.*

К вопросу об активизации российско-японского диалога по территориальной проблеме

© 2019

О.И. Казаков

Активизация российско-японских отношений, инициированная в 2016 г. президентом России В.В. Путиным и премьер-министром Японии С. Абэ, привела к очередному этапу обсуждения необходимости заключения мирного договора в связке с решением территориальной проблемы. Япония традиционно продолжает настаивать на «возвращении северных территорий». Однако позиция Москвы, которая выступает за заключение мирного договора на базе Совместной декларации СССР и Японии 1956 г., вызывает — прежде всего в российском обществе — негативную реакцию.

Ключевые слова: Япония, российско-японские отношения, «мягкая сила», мирный договор, территориальная проблема, Совместная декларация СССР и Японии 1956 г., общественное мнение.

DOI: 10.31857/S013128120003920-3

Введение

6 мая 2016 г. в Сочи премьер-министр Японии Абэ Синдзо представил президенту России В.В. Путину план сотрудничества из восьми пунктов, который российская сторона с энтузиазмом поддержала¹. Этот шаг японской стороны в стиле «мягкой силы», названный Японией «новым подходом» к переговорам с Россией, в условиях ввода в действие серии антироссийских санкций ряда стран, обусловленных крымскими событиями 2014 г., можно считать новым этапом российско-японского диалога по обсуждению проблемы мирного договора и территориальной проблемы². Данным визитом Япония еще раз заявила о своем особом отношении к России в условиях, когда все страны G7, включая Японию, ввели антироссийские санкции. Однако нет никаких сомнений в том, что интерес Японии к России обусловлен не столько желанием активизировать развитие торгово-экономических связей, сколько намерением с помощью инструментов «мягкой силы» решить территориальную проблему, которая в Токно формулируется как «возвращение северных территорий» (в российской терминологии — южных Курильских островов) под суверенитет Японии³.

Как представляется, С. Абэ поставил перед собой историческую задачу: с помощью мирного договора решить территориальную проблему по японскому сценарию. Так, 6 января 2019 г. С. Абэ на могиле своего отца Абэ Синтаро, который с ноября 1982 г. по июль 1986 г. занимал пост министра иностранных дел страны, поклялся приложить все силы, чтобы несмотря ни на что продвинуть переговоры по заключению мирного договора с Россией и поставить в этом вопросе точку⁴. А время поджимает: в 2021 г. у Абэ истекает срок полномочий премьер-министра.

Казаков Олег Игоревич, старший научный сотрудник Центра японских исследований, заведующий Отделом наукометрии и информационных технологий ИДВ РАН. E-mail: kazakov_oleg@mail.ru.

Президент России В.В. Путин также считает нужным идти к заключению мирного договора с Японией, называя его отсутствие «анахронизмом» и ситуацией «ненормальной». Не исключено, что неожиданная активизация японской стороны в отношении России обусловлена тем, что С. Абэ уверен в успехе своего диалога с В.В. Путиным по вопросу заключения мирного договора и не хочет уйти с поста премьер-министра страны, не предприняв всех возможных усилий для достижения этой цели. А поскольку переговоры Путин — Абэ стали проводиться в закрытом для общественности режиме, то можно лишь догадываться, какие договоренности обсуждаются при закрытых дверях, и на каких основаниях Абэ с таким энтузиазмом проводит в жизнь идею заключения мирного договора лично В.В. Путиным и им, причем в ближайшей перспективе.

В связи с этим необходимо отметить два разных подхода, которые Япония предлагает России, а Россия — Японии. И если японская позиция⁵, неоднократно озвученная Токио, не требует поисков каких-либо иных смыслов, то Москва демонстрирует практику напускания тумана, скрывающего ее истинные намерения. При этом из-за несовпадения конечных целей каждой из сторон ожидать выхода на какое-либо компромиссное решение в ближайшей перспективе не приходится. В то же время существуют риски охлаждения отношений, если нынешний позитивный настрой ряда японских политиков из команды Абэ сменится разочарованием. Не исключено, что итоги 25-й встречи Путина и Абэ в январе 2019 г. стали началом этого процесса.

О позиции Японии

Неоднократно озвученная позиция японской стороны заключается в том, что Япония не считает правомерным объявление 8 августа 1945 г. Советским Союзом войны Японии (по причине нарушения СССР Договора о нейтралитете, подписанного в Москве 13 апреля 1941 г., который должен был действовать до 13 апреля 1946 г.) и захват советскими войсками южных Курильских островов⁶ в конце Второй мировой войны, поэтому требует вернуть их Японии, апеллируя, в частности, к Трактату о торговле и границах 1855 г., по которому эти острова официально стали японскими. Вероятно поэтому Япония считает эти острова «исконными японскими территориями». Таким образом, стратегическая задача внешней японской политики в отношении России — зафиксировать эксклюзивные права на данные острова с последующей передачей их Россией под суверенитет Японии.

При этом Япония готова рассматривать разные варианты решения этой задачи, включая вопрос последовательности передачи островов, а также временные рамки ее решения. Жестко придерживаясь своей стратегической задачи «вернуть северные территории», Япония в вопросах тактики, судя по всему, готова проявлять гибкость: она согласна на любую схему передачи, приводящую к получению суверенитета над островами даже в далекой исторической перспективе. В свою очередь, Совместная декларация СССР и Японии 1956 г., которая представляет собой «базовый юридический документ, положивший начало процессу переговоров о заключении мирного договора после восстановления дипломатических отношений между двумя странами»⁷, для Японии играет роль лишь вспомогательного инструмента возвращения «двух островов» (о. Шикотан и гряды Хабомаи).

Многолетнее обсуждение этой темы в публичном пространстве Японии привело к тому, что подавляющая часть японцев поддерживает официальную позицию Токио. Так, опрос газеты «Никкэй» в ноябре 2018 г. показал, что идею возвращения Японии южных Курильских островов поэтапно — сначала «два острова» по Декларации 1956 г. (о. Шикотан и гряда Хабомаи), а потом оставшиеся «два» (о-ва Итуруп и Кунашир) — поддерживают 46% опрошенных, тогда как только 5% респондентов готовы согласиться на возвращение Японии лишь «двух островов» (о. Шикотан и гряды Хабо-

ман)⁸. По декабрьским данным опроса ИА «Киодо», 53,2% японцев согласились, что правительству Японии на переговорах с Россией необходимо сфокусироваться «на возвращении двух островов (о. Шикотан и гряды Хабомаи. — *О.К.*) и продолжить переговоры по оставшимся двум островам (о-ва Итуруп и Кунашир. — *О.К.*)», но 28,6% респондентов подчеркнули, что необходимо добиваться возвращения всех «четырёх островов» сразу⁹. Характерно, что схема «два плюс альфа», предполагающая сначала передачу Японии «двух островов» по Декларации 1956 г. и продолжение переговоров по двум другим, обсуждается уже много лет, но она имеет существенный изъян: после заключения сторонами мирного договора у Японии не будет оснований для территориальных притязаний. Именно поэтому Япония выдвигает требование сначала решить вопрос по всем «четырем островам», а потом подписать мирный договор, что противоречит духу и букве Декларации 1956 г.

С 2016 г. С. Абэ реализует «новый подход» в переговорах с Россией, хотя в российском экспертном сообществе нет однозначного толкования того, что это за подход.

Смысл этого подхода для Японии, как представляется, заключается в том, чтобы на основе укрепления личных отношений с президентом России В.В. Путиным выйти на подписание мирного договора с Россией и получить «северные территории». При этом можно отметить следующие моменты тактического характера, которые в рамках концепции «мягкой силы» характеризуют этот «новый подход».

1. Переговоры проходят в личном формате Абэ — Путин, а сотрудники МИД, другие чиновники и политики выполняют вспомогательную роль. Оба лидера считают отсутствие мирного договора «анахронизмом» и призывают к его заключению. Проработкой конкретных вопросов прежде поручено заниматься чиновникам МИД и чиновникам экономических министерств двух стран. Делая ставку на личные отношения и, отчасти, на российский авторитаризм, японская сторона, возможно, недооценивает тот факт, что президент России действует не в одиночку, а опираясь, в частности, на силовые структуры, представители которых категорически против нарушения «территориальной целостности» России.

2. Под давлением российских чиновников, которые привыкли работать в советской стилистике (политическое руководство принимает решения, а народ эти решения поддерживает), Япония согласилась на закрытый характер данных переговоров, чтобы не будоражить общественность. В Японии принято, что премьер-министр и другие чиновники отчитываются за проведенные за границей переговоры, но с 2016 г. детали переговоров с Россией по мирному договору не оглашаются, что, в частности, вызывает негативную реакцию со стороны представителей японских СМИ.

Так, 15 декабря министр иностранных дел Японии Коно Таро в своем персональном блоге¹⁰ принес извинения журналистам за то, что в последнее время регулярно уходит от ответов на их вопросы, касающиеся мирного договора с Россией и переговорного процесса по этой проблеме. Позднее генеральный секретарь кабинета министров Суга Ёсихидэ на пресс-конференции пояснил: «Есть опасность, что разъяснение нашей позиции и образа мысли где-либо вне площадки переговоров может оказать негативное влияние на сами переговоры с Россией»¹¹.

3. Япония для создания благоприятной для переговоров атмосферы предложила план экономического сотрудничества из восьми пунктов, который ориентирован на Дальний Восток России, в регионах которого Япония планирует внедрять свои технологии. План подразумевает укрепление отношений двух стран в области энергетики, малого и среднего бизнеса, индустриализации Дальнего Востока, расширения экспортной базы. В него входит и предложение укреплять взаимодействие в сфере передовых технологий, включая атомную энергетику, и в области гуманитарных обменов. Несомненно, что подобного рода инициативы Японии привлекательны для испытывающей экономические

трудности России. Япония также вполне резонно считает, что «политика малых дел» в экономике демонстрирует россиянам пользу от развития двусторонних отношений.

4. Поскольку данный план не охватывает «северные территории», то для южных Курильских островов предложено проводить «совместную хозяйственную деятельность». Но здесь проблема заключается в том, что Япония настаивает на эксклюзивных правах на эти территории и не соглашается действовать по российским законам. Россия же не готова на введение специального режима для Японии на южных Курильских островах и предлагает Японии стандартные схемы сотрудничества, включая, например, создание территории опережающего социально-экономического развития (ТОР). В Японии считают, что совместные экономические проекты на островах помогут решить территориальный спор. Однако на практике, кроме рабочих визитов делегаций и обсуждения бизнес-проектов, каких-либо конкретных успехов в развитии этого направления сотрудничества пока не зафиксировано.

5. Важным имиджевым шагом в стилистике «мягкой силы» стал Перекрестный год России и Японии, проводившийся в 2018 фин. г., который был призван способствовать популяризации Японии в России и России в Японии. В этом смысле активизация гуманитарных обменов и в целом народной дипломатии, несомненно, внесет вклад в улучшение взаимопонимания на уровне «корней травы», т.е. на уровне простых граждан двух стран, а не только официальных лиц. Так, по предварительным оценкам японской стороны, в рамках Года Японии в России зарегистрировано более 500 проектов, количество участников превысило 700 тыс. человек, количество упоминаний в СМИ — более 1800. Однако такая практика гуманитарного сотрудничества должна быть системной и не носить конъюнктурного характера.

Немаловажным является и то обстоятельство, что президент США Д. Трамп сделал принципиальную ставку на двусторонние договоренности между странами, поэтому с его приходом в Белый дом США не контролируют жестко диалог Япония — Россия. Ранее С. Абэ вынужден был разьяснять президенту США Б. Обаме свой особый интерес к России, что отчасти ставило под вопрос принципиальную возможность Японии принимать самостоятельные внешнеполитические решения.

Таким образом, в связи с ослаблением роли США¹² в настоящее время Япония проводит достаточно независимую политику в отношении России в рамках «мягкой силы» с целью создания более благоприятной атмосферы в двусторонних отношениях, которые бы позволили, как считается, двум «сильным лидерам» — С. Абэ и В.В. Путину принять историческое решение о заключении мирного договора. По мнению ряда российских и японских экспертов, сейчас существует «окно возможностей» для принятия соответствующих решений.

В сентябре 2018 г. спецпредставитель премьер-министра Японии Хасэгава Эйити пояснил: «С точки зрения заключения мирного договора важно, чтобы диалог происходил не только на уровне лидеров наших двух стран, но важно, чтобы народы наших двух стран осознали важность японо-российских отношений. Именно с этой целью Япония предложила план сотрудничества из восьми пунктов, потому что мы стремимся к тому, чтобы народы наших стран ощутили те положительные качества, которые приносит сотрудничество. В дальнейшем нам бы хотелось продвигать наше сотрудничество с Россией, чтобы россияне ощутили на себе его результаты. В том случае, если и россияне, и японские граждане осознают важность сотрудничества между нашими странами, думаю, это станет основой для дальнейшего продвижения лидеров наших государств к решению данного вопроса»¹³.

Перед визитом в Москву в январе 2019 г. С. Абэ отмечал: «Объединение мощи России с технологиями и опытом Японии позволяет принести большие плоды обеим странам. Мы хотели бы, чтобы эти плоды распространились в повседневной жизни россиян»¹⁴.

Таким образом, Япония демонстрирует новую тактику ведения переговоров с Россией в стиле «мягкой силы», при этом не меняя конечную цель этих переговоров, а именно — «возвращение северных территорий», что для Японии имеет однозначную трактовку: переход южных Курильских островов из под суверенитета России под суверенитет Японии.

Как представляется, Япония попала в капкан собственной традиционно-консервативной политики: находящиеся во власти японские политики отказаться от цели «вернуть северные территории» не могут, поскольку оппозиция и часть общества обвинит их в поражении, что в демократической Японии может привести как к падению рейтинга партии, так и к прекращению политической деятельности лиц, отступивших от заданной целевой установки. В то же время, Россия никогда не признает итоги Второй мировой войны ошибочными, подтвердив это признание согласием «вернуть» Японии все южные Курильские острова.

О позиции России

Президент России В.В. Путин поддерживает устремления премьер-министра Японии С. Абэ заключить мирный договор между странами, тем самым по формальным основаниям намереваясь подвести окончательную черту в том числе и под территориальной проблемой. В разное время В.В. Путин предлагал свои пути решения проблемы. Так, 2 марта 2012 г. на встрече с главными редакторами ведущих иностранных изданий он предложил «компромисс... вроде *хикивакэ*», пояснив, что «*хикивакэ*» — это в дзюдо «ничья»¹⁵. А 12 сентября 2018 г. на пленарном заседании Восточного экономического форума В.В. Путин предложил заключить мирный договор до конца года «без всяких предварительных условий»¹⁶. Обе эти новации не привели к какому-либо конкретному варианту решения проблемы.

Однако тема мирного договора нужна России не для «подведения черты», поскольку СССР ее уже «подвел» в 1945 г., а для поддержания с Японией стабильных партнерских отношений, обусловленных как личными симпатиями В.В. Путина к Японии, так и соображениями политико-экономического и пропагандистского характера. В частности необходимостью развивать Дальний Восток России с помощью привлечения иностранного бизнеса и инвесторов из соседних стран, а также поддерживать позитивный диалог хотя бы с одной из стран, входящей в G7, чтобы продемонстрировать мировому сообществу, что никакой изоляции России после ввода санкций Запад не добился. Япония — одна из тех стран-соседей, развитие отношений с которой, несомненно, выгодно России, учитывая отсутствие серьезных противоречий между странами.

И в этом смысле указанные цели частично достигнуты. Так, товарооборот между Россией и Японией с 5,16 млрд долл. в 2000 г. превысил 30 млрд долл. в 2011 г. (резкий спад товарооборота произошел после 2014 г. — до 16 млрд долл. в 2016 г.), а Япония после ввода странами G7 антироссийских санкций лишь делает вид, что их соблюдает. При этом 22 января 2019 г. В.В. Путин и С. Абэ провели уже 25-ю двустороннюю встречу¹⁷. Ни с одним лидером другой страны президент России с такой интенсивностью не встречался.

В то же время задача заключения мирного договора так и осталась нерешенной, причем никакое «взаимоприемлемое» решение, которое «не противоречит интересам России и Японии», к настоящему времени даже не просматривается.

В связи с этим целесообразно сравнить первый визит президента России В.В. Путина в Японию в 2000 г. и ситуацию, сложившуюся к концу 2018 г.

Впервые В.В. Путин посетил Японию с официальным визитом в 2000 г., где провел встречу с премьер-министром Японии Мори Ёсиро. Перед этим, 3 сентября 2000 г., В.В. Путин приехал на Сахалин, чтобы принять участие в 1-й Международной

конференции, посвященной соглашениям о разделе продукции («СПП-2000»), где заявил о том, что Россия признает наличие территориальной проблемы с Японией, но при этом речь о передаче Курил не идет¹⁸. Из Южно-Сахалинска президент России вылетел в Токио. В аэропорту Ханэда В.В. Путин, которого встретил премьер-министр Японии Мори Ёсиро, заявил журналистам, что «российско-японские отношения находятся на самом высоком уровне со времен Второй мировой войны. Россия преисполнена решимости и в дальнейшем развивать двусторонние отношения на основе договоренностей, которые были достигнуты раньше, прежде всего на основании Декларации 1998 года»¹⁹.

Декларация 1998 года — это Московская декларация об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией, подписанная 13 ноября 1998 г. президентом России Б.Н. Ельциным и премьер-министром Японии Обути Кэйдзо. В ней, в частности, сказано об активизации переговоров о заключении мирного договора на основе Токийской декларации и договоренностей, достигнутых во время встреч на высшем уровне в Красноярске и Кавана. При этом Декларация 1956 г. в указанных документах не упоминается. Не упоминается она и в подписанном 5 сентября 2000 г. Заявлении президента России и премьер-министра Японии по проблеме мирного договора. Однако на совместной пресс-конференции Ё. Мори сказал: «Мы подтвердили все договоренности, достигнутые нашими предшественниками, в том числе Токийскую и Московскую декларации, которые являлись и являются базой для переговоров. И мы вновь подтвердили наше общее намерение заключить мирный договор на основе разрешения вопроса о принадлежности островов. Президент Владимир Путин мне определенно сказал, что Совместная японо-советская декларация 1956 года относится к прошлым договоренностям»²⁰. И уже в следующем году в Иркутске В.В. Путин и Ё. Мори подписали Иркутское заявление о дальнейшем продолжении переговоров по проблеме мирного договора, в котором сказано, что «Совместная декларация СССР и Японии 1956 года представляет собой базовый юридический документ, положивший начало процессу переговоров о заключении мирного договора после восстановления дипломатических отношений между двумя странами».

Таким образом, именно японская сторона в 2000 г. поставила вопрос о возвращении Декларации 1956 г. в двусторонний диалог по мирному договору, и Россия с этим согласилась. Позднее В.В. Путин вспоминал: «...в 2000 году тогдашний премьер Японии обратился ко мне с просьбой вернуться... к этим переговорам, кстати говоря, на основе Декларации 1956 года. Я согласился. С тех пор мы ведем диалог на этот счет, но не могу сказать, что наши японские партнеры и друзья остаются как раз в рамках этой Декларации 1956 года»²¹.

Накануне визита в Японию в декабре 2016 г. В.В. Путин дал интервью японским СМИ, в котором отметил: «Отсутствие мирного договора между Россией и Японией — это анахронизм, доставшийся из прошлого, и этот анахронизм должен быть устранен. Но как это сделать — это вопрос сложный». Он также упомянул о недостатках Декларации 1956 г.: «Там... написано, что мы сначала заключаем мирный договор, потом вступает в действие Декларация, и два острова передаются Японии. Не сказано, на каких условиях передаются, под чьим суверенитетом это остается. Но тем не менее такой документ был подписан»²².

В 2018 г. двусторонний диалог опять привел к обсуждению роли Декларации 1956 г. в контексте заключения мирного договора. 13–15 ноября 2018 г. состоялся визит президента России В.В. Путина в Сингапур для участия в саммите Россия — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии и 13-м Восточноазиатском саммите. 14 ноября президент России встретился премьер-министром С. Абэ. По итогам встречи лидеры двух стран условились, что «Россия и Япония активизируют переговорный процесс по проблематике мирного договора на основе советско-японской декларации 1956 г.»²³

В декабре 2018 г. В.В. Путин и С. Абэ назначили главных переговорщиков — специальных представителей на переговорах: заместителя министра иностранных дел России И.В. Моргулова и заместителя министра иностранных дел Японии Мори Такэо²⁴. Кроме того, лидеры стран приняли решение, что министры иностранных дел России и Японии — С.В. Лавров и Коно Таро проведут переговоры по мирному договору перед посещением России премьер-министром С. Абэ в 2019 г.

В конце 2018 г. усилились разговоры о том, что уже в январе 2019 г. состоится 25-я по счету встреча Путин — Абэ, на которой должны быть достигнуты существенные договоренности по мирному договору²⁵. Япония возлагала на эту встречу большие надежды²⁶, хотя японцы и задаются вопросом, пойдет ли В.В. Путин навстречу С. Абэ в решении многолетней территориальной проблемы²⁷. А уже в первых числах 2019 г. С. Абэ начал массивную информационную подготовку визита: он заявил о том, что передача Японии части Курильских островов должна проходить при полном согласии на это со стороны местных жителей и не подразумевает переселения россиян с этих территорий; в переговорах Японии и России по мирному договору настал «поворотный момент»; он намерен их «продвинуть вперед»; японо-российский мирный договор будет выгоден США и др. В свою очередь эти высказывания Абэ активно тиражировались российскими СМИ, которые сопровождаясь порой весьма резкими комментариями россиян как в адрес Японии, так и российской власти.

Об особенностях российского ведения переговоров

Если лидеры России и Японии регулярно проводят двусторонние встречи на разных площадках, где задаются основные параметры дальнейшего ведения переговоров, то всю «черновую работу» делают исполнители. В России это чиновники Администрации президента и Министерства иностранных дел, а также пресс-секретари и чиновники других ведомств. Учитывая «сакральный» характер президентской должности, здесь заметна такая особенность: именно заявления «вспомогательного персонала» в той или иной степени выявляют истинные намерения российской стороны в отношении Японии, тогда как президент России В.В. Путин, как правило, ведет с премьер-министром С. Абэ беседы в ключе «позитивной дипломатии», избегая заявлений, способных поставить оппонента в тупик.

Характерны, например, высказывания полномочного представителя президента России на Дальнем Востоке Ю.П. Трутнева, который 10 декабря 2018 г. в Южно-Сахалинске без всякого дипломатического «тумана» заявил о том, что, во-первых, при нем проблема передачи островов на встречах Путин — Абэ ни разу не обсуждалась и, во-вторых, Япония может быть активнее с точки зрения инвестиций в Курильские острова²⁸. Ранее, 1 февраля 2018 г. Ю.П. Трутнев отметил, что ему хотелось, чтобы японские инвесторы появились на Курильских островах, но этого не происходит: «Какое-то время, наверное, их еще можно подождать, но вряд ли долгое». Вице-премьер намеревался доложить об этом В.В. Путину и попросить у него разрешения «на активизацию действий по привлечению инвесторов из других стран»²⁹. Хотя Ю.П. Трутневу должно быть известно, как болезненно Япония реагирует на появление на южных Курильских островах представителей бизнеса из других стран.

Как только появилась информация о сингапурских договоренностях о том, что президент России В.В. Путин и премьер-министр Японии С. Абэ взяли за основу переговоров Декларацию 1956 г., помощник президента РФ Д.С. Песков заявил: «...можно ли говорить о том, что это означает автоматическую передачу каких-то территорий? Абсолютно нет». Он отметил, что переговоры по мирному договору с Токьо будут вестись с учетом союзнических обязательств Японии. Кроме того, не может не учитываться и поддержка этой страной санкций США против России. Он также вспомнил «ползучую

экспансию НАТО, в том числе военной инфраструктуры НАТО в сторону наших границ, которая, кстати, продолжается и по сей день». По его мнению, в вопросе о Курилах потребуется компромисс, который не должен противоречить интересам России и Японии³⁰. Однако, несмотря на многочисленных комментаторов, никто еще не озвучил, каким конкретно России видится этот «компромисс».

В свою очередь официальный представитель МИД России М.В. Захарова, в частности, заострила внимание на наличии в Японии американских военных баз и документе почти 60-летней давности. Она сказала, что требование СССР о выводе американских войск из Японии, изложенное в Памятной записке от 27 января 1960 г., должно учитываться в ходе переговоров о мирном договоре между Москвой и Токно³¹. Последнее фактически означает конец переговорам с Японией по мирному договору, поскольку Япония никогда ради призрачной надежды «вернуть северные территории» не пойдет на разрыв военно-политического альянса с США с очевидной перспективой остаться один на один с внешними военными угрозами.

Показательна и заочная перепалка между министром иностранных дел Японии Коно Таро и М.В. Захаровой в феврале 2018 г. В ходе парламентских прений 8 февраля 2018 г. глава МИД Японии Т. Коно сказал, что «нестабильность в текущий мир ядерного оружия вносят не США, а Россия, которая, следуя своей военной доктрине, ведет разработку тактических боеголовок с маломощными зарядами». По его словам, именно Россия «поставила США в такую ситуацию, что им пришлось начать разработку» такого вида вооружений³². В ответ М.В. Захарова сказала, что «подобные заявления Токно прямо противоречат приоритетной задаче формирования доверия в военно-политической области между Россией и Японией и оказывают негативное влияние на общую атмосферу двусторонних отношений, включая переговоры по проблеме мирного договора», при этом фактически обвинив Т. Коно в некомпетентности: «Говорить о том, что американцы якобы вынуждены создавать такое вооружение в ответ на некие шаги, предпринимаемые Россией, — значит просто в корне не понимать суть происходящего и, по большому счету, переиначивать факты, заранее под каким-то мифическим предлогом оправдывать действия США, которые как раз, к сожалению, целенаправленно проводят линию на подрыв основ международной безопасности и стабильности»³³. К. Таро отреагировал на данное высказывание М.В. Захаровой: «Хотелось бы, чтобы претензии по поводу новой ядерной доктрины США были направлены не мне, а высказаны американской стороне. Я никакого отношения к созданию новой ядерной стратегии не имею»³⁴.

Как и в Японии, общественное мнение в России консервативно. Россияне настаивают на территориальном статус-кво: южные Курильские острова должны оставаться в составе России. Так, по данным Левада-Центр³⁵, 61% жителей России «хорошо» относятся к Японии, лишь каждый пятый опрошенный оценил свое отношение к этой стране как «плохое». В целом, две трети россиян следят за новостями вокруг возможной передачи Японии части Курильских островов, однако большая часть населения (74%) не поддерживает эту идею. Только 17% россиян ради заключения мирного договора и развития экономического сотрудничества между странами готовы передать Японии несколько островов. И хотя эта цифра выросла по сравнению с предыдущим опросом (в мае 2016 г. за передачу было 7%, а против — 78%), она незначительна для принятия решения об изменении послевоенной границы. К тому же, мирный договор должен будет пройти ратификацию в парламентах двух стран, в которых позиции законодателей во многом опираются на доминирующее общественное мнение. Особенно, когда обсуждаются вопросы, затрагивающие такие деликатные сферы, как «национальная гордость», «патриотизм», «территориальная целостность».

Отметим, что накануне встречи Путин — Абэ в Аргентине на саммите G20 Сахалинская областная Дума обратилась к МИД России с просьбой исключить территориальный вопрос из переговорного процесса по мирному договору между Россией и Япо-

шей, при этом подчеркивая, что Курильские острова являются «неотъемлемой частью РФ и ее субъекта — Сахалинской области и имеют стратегическое, оборонное, экономическое значение»³⁶. 15 декабря в Южно-Сахалинске прошел не согласованный с областной администрацией митинг, названный «народный сход», против передачи Курильских островов Японии³⁷. А 22 декабря состоялся уже санкционированный митинг в защиту Курильских островов³⁸. Кроме того, в МИД России стали поступать письма от «встревоженных граждан» по поводу будущего Курильских островов. Так, по информации МИД России, в ноябре 2018 г. в связи с переговорами В.В. Путина и премьер-министра Японии С. Абэ в ходе Сингапурского саммита многие авторы обращений выражали обеспокоенность по поводу будущего Курильских островов и предлагали свои варианты условий заключения мирного договора между двумя странами³⁹.

10 января 2019 г. в Государственную думу внесен проект закона «О территориальных претензиях к Российской Федерации со стороны Японии», по которому запрещена подготовка правовых актов по отторжению Курильских островов от России⁴⁰. 20 января 2019 г., накануне переговоров Путина и Абэ в Кремле, в Хабаровске⁴¹ и Москве⁴² прошли митинги против «передачи Курил Японии».

Вероятно, такова цена ведения переговоров в закрытом режиме и не понятной широкой российской общественности позиции Кремля в отношении территориальных притязаний Японии, усиленных многочисленными оптимистическими заявлениями С. Абэ.

Однако, несмотря на поднятую Японией информационную волну, призванную проложить путь к успешной миссии С. Абэ в Россию в части принятия сторонами конкретных решений по территориальной проблеме, Москва выступила весьма решительно.

Накануне визита премьер-министра С. Абэ в Москву 14 января 2019 г. прошла встреча министров иностранных дел России и Японии. На пресс-конференции С.В. Лавров жестко отреагировал на ряд прозвучавших в Японии заявлений по мирному договору и озвучил требования к Японии. В частности он сказал, что «мы в самом начале пути», и призвал Токио признать итоги Второй мировой войны в полной объеме, включая суверенитет России над всеми островами южной Курильской гряды. «Тем более, что это зафиксировано в Уставе ООН и в многочисленных документах, которые были подписаны в рамках окончания Второй мировой войны, в частности 2 сентября 1945 г. и в ряде последующих документов. Это наша базовая позиция и без шага в этом направлении очень трудно рассчитывать на какое-то движение вперед по другим вопросам», — отметил он⁴³. На пресс-конференции по итогам года С.В. Лавров напомнил: «Япония присоединяется к антироссийским заявлениям, которые принимает “Группа семи”. Япония по всем резолюциям ООН, которые интересуют Россию, голодает не с нами, а против нас»⁴⁴. Позднее Д.С. Песков увязал подписание мирного договора с присоединением Японии к санкционному режиму: «Они поддерживают санкционный режим, и это один из вопросов и одна из ситуаций, которая мешает очень сильно подписанию мирного договора»⁴⁵.

22 января 2019 г. в Москве состоялась встреча президента России В.В. Путина с премьер-министром Японии С. Абэ. Она прошла не так, как ожидали в Японии: никаких подвижек по мирному договору не произошло. В заявлении для прессы В.В. Путин сказал: «Мы еще раз подтвердили нашу заинтересованность в подписании этого документа (мирного договора. — *О.К.*)». В свою очередь С. Абэ отметил: «Задача остается нерешенной более 70 лет после окончания войны. Это непросто, но мы должны ее решить. Под нашим с Президентом Путиным твердым руководством мы должны энергично проводить совместную работу по еще большему проявлению доверия в отношениях между гражданами Японии и гражданами России, в отношениях друзей с друзьями, и поиску взаимоприемлемого решения. Сегодня с Президентом Путиным мы подтвердили свою решимость на всю эту работу»⁴⁶.

После окончания переговоров Д.С. Песков заявил, что позиции Японии и России по мирному договору не изменились⁴⁷. Тем не менее, Россия и Япония намерены вести переговоры по заключению мирного договора и в дальнейшем.

О дальнейших перспективах российско-японского диалога по территориальной проблеме

Тем не менее с высокой степенью вероятности можно утверждать, что в ближайшее время никаких «прорывов» в территориальном споре с Японией не произойдет по причине отсутствия в переговорном процессе конструктивного компромисса, к которому стороны могли бы двигаться. Пока Япония настаивает на своем подходе к решению территориальной проблемы через возвращение ей всех «четырёх островов», у России есть серьёзная аргументация не делать этого. Если же в позиции Токио что-то изменится, и Япония согласится на решение территориального спора по сценарию Декларации 1956 г., то тогда Россия окажется в крайне затруднительном положении.

Как будет вести себя Россия, если Япония действительно согласится на подписание мирного договора, следуя букве Декларации 1956 г.? Т.е. когда согласно пункту 9 Декларации 1956 г. после подписания мирного договора между двумя странами Япония получает от России о. Шикотан и гряды Хабомаи, отказываясь в дальнейшем от притязаний на о-ва Итуруп и Кунашир, поскольку мирный договор, если он будет сформулирован корректно, оснований для таких притязаний не оставляет. В данном случае это будет не схема «два плюс альфа», а просто «два».

Как представляется, в этом случае возможны два варианта поведения России.

Во-первых, это продолжение российской стороной политики «ни пяди родной земли» под разными поводами, на что мы указывали ранее⁴⁸. А такие поводы уже не раз были озвучены. Например, Россия вернется к советскому тезису 1960 г. о том, что мирный договор может быть подписан лишь после вывода из Японии всех иностранных (фактически — американских) баз. Также Россия может продолжать утверждать, что «уровень доверия» между странами еще низок, поэтому: Японии надо отказаться от антироссийских санкций, надо развивать торгово-экономические отношения, увеличивать количество японских инвестиций в российскую экономику, Японии нужно больше участвовать в развитии Дальнего Востока России и т.д., и т.п. Хотя такое понятие, как «уровень доверия», и другие неколичественные показатели во многом субъективны.

В последние годы подобные упреки в адрес японской стороны не раз звучали из уст российских чиновников. Тем не менее, на пресс-конференции в декабре 2018 г. В.В. Путин сказал: «Вопросы безопасности крайне важны, в том числе при заключении мирного договора... Для нас это непонятная, закрытая часть. Мы не понимаем уровня суверенитета Японии при принятии решений подобного рода (о ситуации вокруг американской базы на Окинаве. — *О.К.*)... Нас беспокоят планы размещения систем противоракетной обороны... Но, понимая все это, тем не менее, стремимся и искренне будем стремиться дальше к заключению мирного договора с Японией, потому что я убежден, и эту убежденность со мной разделяет Премьер-министр Абэ, сегодняшнее состояние не является нормальным. И Япония, и Россия заинтересованы в полном урегулировании наших отношений, и не только потому, что нам чего-то от Японии нужно с точки зрения экономики»⁴⁹.

Указанный выше вариант продолжения Россией диалога с Японией без выхода на подписание мирного договора и передачи Японии каких-либо островов под разными предложениями, учитывая ситуацию в России, выглядит наиболее вероятным.

Во-вторых, потенциально существует действительно «прорывной» вариант, который приведет к исключению из политической и общественной дискуссии территориальные претензии Японии к России. Он основан на компромиссе по решению территори-

ального спора, как указано в Декларации 1956 г. Это должно быть политическое решение, за которое должны нести ответственность, прежде всего, лидеры двух стран. При этом для формирования общественного консенсуса необходимы активные мероприятия, разъясняющие широкой общественности двух стран целесообразность такого шага. Хотя, учитывая прагматичный характер японцев, после соответствующей работы правительства страны с общественным мнением их согласие на схему передачи только «двух островов» (альтернатива — не получить ничего) выглядит значительно более вероятным событием, чем симметричное согласие на это россиян.

Второй вариант, разумеется, потребует дополнительного решения ряда других вопросов, не прописанных в этом документе более чем 60-летней давности. Это вопросы будущего граждан России, проживающих на о. Шикотан; вопросы совместного использования после изменения границы прилегающей морской акватории, богатой морепродуктами; весь спектр вопросов обеспечения безопасности России с учетом действующего военно-политического альянса США — Япония. Например, целесообразно, если Россия поставит условием подписания мирного договора демилитаризованный статус этих островов, за соблюдение которого должна отвечать Япония. Также существенным остается вопрос (на что в Декларации 1956 г. не указано) о временных рамках передачи Японии Россией о. Шикотан и гряды Хабомаи после подписания мирного договора. А это может быть длительный процесс.

В случае подписания и ратификации сторонами такого мирного договора послевоенные претензии в двусторонних отношениях должны уйти из политического диалога, что, очевидно, создаст более благоприятную атмосферу для дальнейшего развития всего спектра российско-японских отношений. Как справедливо заметил посол Японии в России Кодзуки Тоёхиса, заключение мирного договора с Россией поднимет российско-японские отношения на новый уровень³⁰. Возможно, именно поэтому российская сторона в принципе поддерживает идею заключения мирного договора с Японией, делая акцент на том, что конкретное решение территориальной проблемы должно быть отдельным и взаимоприемлемым.

Однако, вероятнее всего, данный вариант не будет реализован из-за существующих традиционно-консервативных и несовместимых позиций России и Японии, которые выливаются в перманентное противостояние «патриотов» одной страны против «патриотов» другой. Как представляется, какими бы «сильными» лидерами не были В.В. Путин в России и С. Абэ в Японии, они не способны перешагнуть черту, проведенную не столько Второй мировой войной, сколько «наследием прошлого» в виде разного политического и исторического толкования ее итогов в каждой из стран. Поэтому странам-соседям — России и Японии, которые заинтересованы во взаимовыгодном сотрудничестве, придется набраться терпения и продолжать в интересах народов двух стран развивать отношения на всех фронтах без мирного договора, оставив потомкам решать проблемы, с которыми лидеры первой четверти XXI века справиться не смогли.

1. Встреча с Премьер-министром Японии Синдзо Абэ // Президент России. 06.05.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51884> (дата обращения: 20.12.2018).
2. Стрельцов Д.В. Российско-японский политический диалог в 2016–2017 гг. // Ежегодник Японии. 2017. Т. 46. С. 26–44.
3. См., например, сайт Ассоциации по решению проблемы Северных территорий. URL: <http://www.hoppou.go.jp> (дата обращения: 20.12.2018).
4. NHK. 06.01.2019. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20190106/k10011769021000.html> (дата обращения: 07.01.2019).

5. Кузьминков В.В. Японская историография проблемы территориального размежевания между Россией и Японией // Японские исследования. 2018. № 1. С. 60–70. DOI: 10.24411/2500–2872–2018–10005.
6. Российский термин «южные Курильские острова» — это современное политическое название островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и гряды Хабоман. Еще один ходовой термин — «четыре острова» активно используется в Японии, хотя гряда Хабоман островом не является. В настоящее время все эти термины тождественны по смыслу.
7. Иркутское заявление от 25 марта 2001 г., подписанное президентом России В.В. Путиным и премьер-министром Японии Мори Ёсиро.
8. Nikkei. 25.11.2018. URL: <http://www.nikkei.com/article/DGXMZO38162370V21C18A1PE8000/> (дата обращения: 25.11.2018).
9. Kyodo. 16.12.2018. URL: <http://this.kiji.is/446926171361018977> (дата обращения: 16.12.2018).
10. Kono Taro Official Website. 15.12.2018. URL: <http://www.taro.org> (дата обращения: 26.12.2018).
11. Токио не комментирует слова Путина о мирном договоре, чтобы не повредить диалогу // ТАСС. 21.12.2018. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5939238> (дата обращения: 21.12.2018).
12. Панов А.Н., Нелидов В.В. Внешняя политика Японии в контексте военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии // Японские исследования. 2018. № 4. С. 78–91. DOI: 10.24411/2500–2872–2018–10029.
13. «Если бизнесмены России и Японии вместе получают прибыль — заключить мирный договор будет легче» // Коммерсантъ. 05.09.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3731993> (дата обращения: 20.12.2018).
14. «Я полон решимости добиться завершения переговоров по мирному договору» // Коммерсантъ. № 9. 21.01.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3859511> (дата обращения: 21.01.2019).
15. Казаков О.И. О «хикивакэ» в российско-японских отношениях // Японские исследования. 2016. № 1. С. 47–58. DOI: 10.24411/2500–2872–2016–00006.
16. Пленарное заседание Восточного экономического форума // Президент России. 12.09.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58537> (дата обращения: 27.12.2018).
17. Переговоры с Премьер-министром Японии Синдзо Абэ // Президент России. 22.01.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59713> (дата обращения: 22.01.2019).
18. По прибытии на Сахалин Владимир Путин ответил на вопросы журналистов // Президент России. 03.09.2000. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/39220> (дата обращения: 20.12.2018).
19. Владимир и Людмила Путины прибыли с трехдневным визитом в Японию // Президент России. 03.09.2000. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/39160> (дата обращения: 20.12.2018).
20. Совместная пресс-конференция с Премьер-министром Японии Ёсиро Мори // Президент России. 05.09.2000. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21561> (дата обращения: 20.12.2018).
21. Интервью Владимира Путина телеслужбам «Ниппон» и газете «Ёмиури» // Президент России. 13.12.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53455> (дата обращения: 21.12.2018).
22. Там же.
23. Встреча с Премьер-министром Японии Синдзо Абэ // Президент России. 14.11.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59125> (дата обращения: 20.12.2018).
24. Назначены спецпредставители по мирному договору между Россией и Японией // Интерфакс. 03.12.2018. URL: <https://www.interfax.ru/world/640459> (дата обращения: 21.12.2018).
25. Abe says he plans to push for peace treaty with Russia // Japan Today. 4 Jan. 2019.
26. Abe's search for Russia peace pact: Best chance, last chance? // Japan Today. 22 Dec. 2018.
27. Abe's 2019 constitutional push may hinge on talks with Russia // Japan Today. 27 Dec. 2018.
28. Трутнев опроверг обсуждение вопроса передачи Курильских островов Японии // ТАСС. 10.12.2018. URL: <https://tass.ru/politika/5893781> (дата обращения: 21.12.2018).
29. Трутнев заявил о проблемах программы совместного с Японией освоения Курил // РБК. 01.02.2018. URL: <https://www.rbc.ru/business/01/02/2018/5a7182829a794728022b94fc> (дата обращения: 21.12.2018).
30. Песков исключил автоматическую передачу Курильских островов Японии // Интерфакс. 18.11.2018. URL: <https://www.interfax.ru/russia/638361> (дата обращения: 21.12.2018).

31. В МИД напомнили о требовании СССР о выводе американских войск из Японии // РИА Новости. 13.12.2018. URL: <https://ria.ru/20181213/1547916283.html> (дата обращения: 21.12.2018).
32. Япония обвинила Россию в развязывании новой гонки ядерных вооружений // ТАСС. 08.02.2018. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4939575> (дата обращения: 21.12.2018).
33. Захарова: обвинения в адрес РФ в разработке ядерного оружия малой мощности необоснованы // ТАСС. 08.02.2018. URL: <https://tass.ru/politika/4941670> (дата обращения: 21.12.2018).
34. Глава МИД Японии предложил Захаровой перенаправить критику с Токно на Вашингтон // ТАСС. 09.02.2018. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4943051> (дата обращения: 21.12.2018).
35. Российско-японские отношения // Левада-Центр. 30.11.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/11/30/rossijsko-yaaponskie-otnosheniya/> (дата обращения: 27.12.2018).
36. Депутаты Сахалина попросили МИД исключить Южные Курилы из переговорного вопроса с Японией // Интерфакс. 29.11.2018. URL: <https://www.interfax.ru/russia/639931> (дата обращения: 21.12.2018).
37. Несогласованный митинг против передачи Курил прошел спокойно // Sakhalin.info. 15.12.2018. URL: <https://sakhalin.info/search/162860> (дата обращения: 15.12.2018).
38. На митинге за Курилы: вместе топнем — будет гром // Sakhalin.info. 22.12.2018. URL: <https://sakhalin.info/search/163250> (дата обращения: 26.12.2018).
39. Краткий обзор обращений граждан в МИД России за ноябрь 2018 года // МИД России. 04.12.2018. URL: http://www.mid.ru/ru/addresses_of_citizens/references_of_citizens_reviews/-/asset_publisher/rV7229sl9Z5N/content/id/3426846 (дата обращения: 21.12.2018).
40. В Госдуму внесли законопроект, запрещающий передачу Курил Японии // Интерфакс. 10.01.2019. URL: <https://www.interfax.ru/russia/645545> (дата обращения: 20.01.2019).
41. Хабаровские коммунисты митинговали против передачи Курил Японии // Интерфакс. 20.01.2019. URL: <https://www.interfax.ru/russia/646882> (дата обращения: 20.01.2019).
42. Митинг против передачи Курил Японии в Москве завершился без происшествий // Интерфакс. 20.01.2019. URL: <https://www.interfax.ru/russia/646899> (дата обращения: 20.01.2019).
43. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел Японии Т. Коно, Москва, 14 января 2019 г. // МИД России. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3472147 (дата обращения: 14.01.2019).
44. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2018 году, Москва, 16 января 2019 г. // МИД России. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3476729 (дата обращения: 16.01.2019).
45. Песков назвал одно из главных препятствий для подписания мирного договора с Японией // Интерфакс. 27.01.2019. URL: <https://www.interfax.ru/russia/647921> (дата обращения: 27.01.2019).
46. Заявления для прессы по итогам переговоров с Премьер-министром Японии Синдзо Абэ // Президент России. 22.01.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59714> (дата обращения: 22.01.2019).
47. В Кремле заявили, что позиции Японии и России по мирному договору не изменились // Интерфакс. 22.01.2019. URL: <https://www.interfax.ru/russia/647267> (дата обращения: 22.01.2019).
48. Казаков О.И. К 60-летию Совместной декларации СССР и Японии 1956 года // Японские исследования. 2017. № 1. С. 75–89. DOI: 10.24411/2500-2872-2017-00006.
49. Большая пресс-конференция Владимира Путина // Президент России. 20.12.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59455> (дата обращения: 21.12.2018).
50. Посол Японии в России прокомментировал вопрос заключения мирного договора // РИА Новости. 26.12.2018. URL: <https://ria.ru/20181226/1548738230.html> (дата обращения: 26.12.2018).

Национальные интересы Южной Кореи в Арктике

© 2019

М.Ю. Гутенев

В статье рассматриваются становление и развитие арктической стратегии Южной Кореи. Автор делает вывод, что по сравнению с другими азиатскими наблюдателями в Арктическом совете Южная Корея имеет больший потенциал по развитию успешной национальной научной дипломатии. Республика постепенно формирует благоприятный имидж страны и укрепляет свой политический статус в качестве мирового экологического посредника, реализующего передовую политику устойчивого развития.

Ключевые слова: Арктика, Южная Корея, Россия, Северный морской путь (СМП), Арктический совет, газ, научная дипломатия.

DOI: 10.31857/S013128120003922-5

Южная Корея стала проявлять интерес к полярным исследованиям лишь с середины 80-х годов прошлого века. Республика начала свою полярную деятельность в Антарктике с ратификации Договора об Антарктике в 1986 г. Арктика не привлекала внимания Сеула до начала 2000-х годов. Впрочем, в работах корейских исследователей мы можем найти упоминание, что интерес к Арктике со стороны Корейского государства начинает проявляться с 1900-х годов¹. Так, в 1920 г., во время японской оккупации, в Сеуле в свет вышла статья, посвященная исследованиям полярных регионов. По задумке автора, идея освоения Арктики и Антарктики должна была стать способом восстановления и пробуждения национального духа утратившей независимость Кореи².

Подобно Китаю и Японии, начиная с конца 1980-х годов, полярная деятельность Южной Кореи была сосредоточена в основном на Антарктике. Официально Сеул стал участвовать в исследованиях полярных регионов после присоединения к Договору об Антарктике в ноябре 1986 г. В марте 1987 г. в корейском Институте исследований и освоения мирового океана (Korea Ocean Research & Development Institute) был создан полярный исследовательский центр (Polar Research Center), а в августе 1987 был открыт Корейский национальный комитет по антарктическим исследованиям (Korean National Committee on Antarctic Research). Создание станции «Король Сечжон» в Антарктике в 1988 г. свидетельствовало о том, что изначально Арктика не являлась приоритетом полярных исследований республики³.

В 1990-е годы первые результаты научных исследований Кореи в Арктике можно обнаружить в проекте «Фундаментальные исследования в области арктических исследований и разработок», осуществляемом Департаментом полярных исследований Корейского института океанских исследований и разработок, который принадлежал существовавшему на тот момент Министерству науки и техники, в 1993 г. В 1996 г., после создания Арктического совета, Южная Корея интенсифицировала свои исследования в Аркти-

---

Гутенев Максим Юрьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: m.gutenev@mail.ru.

ке и начала проводить совместные исследования с Японией. Из-за отсутствия собственной хорошей научной базы и инфраструктуры арктические исследования Южной Кореи в этот период часто проводились в рамках совместных международных проектов. Так, в 1999 г. к первой арктической экспедиции китайского ледокола «Снежный дракон» присоединились два корейских ученых, которые впервые провели полевые исследования Северного Ледовитого океана⁴. В августе 2000 г. были проведены совместные исследования с российским Арктическим и антарктическим научно-исследовательским институтом.

Начиная с 2000-х годов арктический регион начал привлекать к себе значительно большее внимание Сеула, чем Антарктика. Разворот к Северному полюсу был вызван стремительным таянием льдов в Арктике и, как следствие, улучшению доступа к ресурсам, которыми арктический регион располагает в больших количествах. По прогнозам Геологической службы США, в Арктике находится до 13% мировых запасов нефти и 30% газа⁵. Южнокорейское правительство и представители бизнес-сообщества хорошо понимают, что доступ к запасам нефти и природного газа Арктики может на долгие годы обеспечить энергобезопасность и благополучие республики. Кроме того, изменение климата и уменьшение площади морских льдов в акватории Северного ледовитого океана открывает большие возможности по использованию морского пути для судов Южной Кореи. В настоящее время существующий морской маршрут из Пусана до порта Роттердама через Суэцкий канал имеет расстояние 20 100 км. Новый маршрут по Северному морскому пути сократит общее навигационное расстояние до 12 700 км, что позволит уменьшить сроки доставки грузов примерно на 7–10 дней.

В 2001 г. был учрежден Корейский арктический научный комитет, который стал фундаментом самостоятельных арктических исследований республики. В 2002 г. Южная Корея добилась ощутимых результатов в деятельности, связанной с Арктикой, присоединившись к Международному научному арктическому комитету (IASC), а также открыв научно-исследовательскую станцию «Дасан» на норвежском Шпицбергене в поселке Нью-Олесунн. Следующие несколько лет Южная Корея не делала каких-либо существенных прорывов в реализации своих арктических амбиций. Однако уже в 2008 г. Республика впервые приняла участие в заседаниях Арктического совета в качестве специального наблюдателя.

С 2008 г. деятельность Южной Кореи, связанная с Арктикой, заметно расширилась. Южная Корея продолжала подавать заявки на получение статуса наблюдателя в Арктический совет с 2008 г. до его получения в мае 2013 г.

В 2009 г. Южная Корея построила ледокольное исследовательское судно «Араон», на котором с 2010 г. и по настоящее время ежегодно проводятся исследовательские работы в Северном Ледовитом океане. Таким образом, в 2010 г. Южная Корея наконец достигла высокого исследовательского потенциала, который позволил ей проводить самостоятельные научные работы в полярном регионе. Полученные результаты исследований были опубликованы в ведущем научном журнале *Science and Nature*, что стало отличным поводом для расширения и укрепления совместных исследований и сотрудничества со странами арктической пятерки.

В 2012 г. президент Южной Кореи Ли Мён Бак совершил рабочие поездки в Гренландию и Норвегию, в результате которых был подписан ряд меморандумов о взаимном сотрудничестве с некоторыми арктическими организациями этих стран. Его визиты широко освещались корейскими СМИ, что способствовало повышению осведомленности об арктической политике страны корейской общественности. На фоне этих событий в 2012 г. Министерство земли, транспорта и морских дел Республики опубликовало «План активизации политики в отношении арктических областей»⁶.

15 мая 2013 г. в Кируна (Швеция) Корея получила статус наблюдателя в Арктическом совете. Корейская общественность и средства массовой информации были рады этой новости как значительному шагу на пути корейской экспансии в Арктику. После по-

лучения статуса наблюдателя Министерство морских дел и рыболовства Кореи объявило 25 июля 2013 г. о планах по дальнейшей всеобъемлющей арктической политике. В 2013 г. корейское правительство провело обсуждения с профильными министерствами и исследовательскими организациями с целью создания окончательной арктической стратегии. В результате 10 декабря 2013 г. было объявлено о создании Генерального арктического плана Южной Кореи (Master Plan for Arctic Policy)⁷.

Корейский Генеральный арктический план состоит из концепции, политических целей, стратегий достижения политических целей и 31 подробной задачи, поставленной перед каждым министерством в соответствии с предметом ведения. Концепция Генерального арктического плана заключалась в следующем: «Корея — ведущая страна, обеспечивающая устойчивое будущее Арктики». Генеральный план выражает стремление Южной Кореи к устойчивому развитию Арктики и содействию подготовке благоприятного будущего региона в целях дальнейшего процветания всего человечества.

План включил в себя три основных принципа проведения Южной Кореей политики в регионе (формирование арктических партнерств, укрепление научных исследований и создание новых арктических производств), а также четыре ключевые стратегии, направленные на то, чтобы стать ведущей страной полярного региона, обеспечивающей устойчивое будущее Арктики.

Первая из четырех ключевых стратегий — укрепление международного сотрудничества за Полярным кругом в целях построения Арктической сети. Для этого корейское правительство выстроило систему сотрудничества со странами-членами Арктического совета как на многостороннем, так и на двустороннем уровне. Кроме того, корейское правительство активно участвовало в работе Арктического совета и его рабочих групп и в то же время прилагало усилия по созданию инфраструктуры сотрудничества с новыми государствами-наблюдателями в Арктическом совете.

Вторая ключевая стратегия заключается в укреплении научно-исследовательской деятельности в Арктике. Эта задача включала в себя расширение исследований с использованием существующих объектов исследовательской инфраструктуры, расширение исследований Арктики, изучение влияния изменения климата на экосистемы и океаническую среду; расширение станции «Дасан», а также строительство второго ледокольного судна.

Третья ключевая стратегия — запуск развития арктической бизнес-модели. В целях освоения новых маршрутов в Северном Ледовитом океане корейскими судоходными компаниями предусматривались разные виды государственной поддержки: обучение экспертов по арктическим рейсам, стимулирование грузоперевозок по СМП такими способами, как скидки на портовые сборы для арктических судов, маркетинговые исследования, консультации по упрощению транзитных процедур.

Четвертой стратегией стало совершенствование законов и институциональных основ арктической политики. Для содействия научно-исследовательской деятельности в полярных регионах корейское правительство посчитало необходимым пересмотреть законодательство.

Три рекомендуемые целями, которые соответствуют концепции арктической политики, стали: создание Арктического партнерства, вносящего вклад в международное сообщество; укрепление научных исследований, способствующих решению проблем, разделяемых глобальным сообществом; создание новых арктических отраслей промышленности.

Эти политические цели раскрывают основное направление Генерального арктического плана: присоединение Кореи к рабочей группе Арктического совета; формирование доверительных отношений с арктическими странами путем поддержки местных общин, разработка совместных договоренностей различного уровня; подготовка к получе-

нию экономической прибыли путем использования новых арктических морских путей, а также освоения энергетических и минеральных ресурсов регионов.

Реализация Генерального арктического плана была возложена на 6 министерств Южной Кореи, а также на профильные научные центры. Одним из самых известных южнокорейских центров по изучению полярной науки является Корейский полярный научно-исследовательский институт (Korea Polar Research Institute, KOPRI), расположенный в г. Инчхон. КПНИИ (KOPRI) насчитывает более 200 научных сотрудников, полностью финансируется правительством и является главным органом, реализующим национальную полярную программу Южной Кореи.

К ведению КПНИИ относятся вопросы организации полярных научных исследований и эксплуатации исследовательской инфраструктуры, такой, как станции «Король Седжон» и «Чан Бого». КПНИИ также отвечает за ледокольное исследовательское судно «Араон», консультирует корейское правительство по полярным вопросам и организует общественные и информационно-пропагандистские мероприятия. Помимо собственных исследований, КПНИИ реализует множество международных программ по привлечению к участию исследователей из отечественных и зарубежных университетов, особенно среди молодого поколения. Одной из известных корейских программ, организуемых КПНИИ, является «Корея от полюса до полюса» (Pole-to-Pole Korea), в рамках которой участники могут познакомиться с корейскими арктическими и антарктическими станциями, чтобы повысить осведомленность в области экологических и климатических изменений в полярных регионах⁸.

Помимо КПНИИ (KOPRI), в Южной Корее существует еще два крупных научных центра: Корейский океанологический институт (Korean Maritime Institute) с филиалами в г. Пусан и г. Ульсан, а также Исследовательский институт провинции Канвон (Research Institute for Gangwon) в г. Чхунчхон.

Благодаря созданной научно-исследовательской инфраструктуре, Южная Корея занимается составлением прогнозов по изменению климата в Арктике и предоставляет информацию о процессах таяния льда вблизи Северного морского пути, участвует в создании топографических и цифровых карт рельефа Северного Ледовитого океана, а также разрабатывает технологии для глубоководной добычи углеводородов в полярном регионе. Кроме того, Южная Корея участвовала в обсуждениях проектов Международного полярного кодекса, вступившего в силу 1 января 2017 г.

Способность правительства Южной Кореи вести морскую деятельность в полярных регионах сосредоточена вокруг исследовательского ледокола «Араон», построенного в 2009 г. Ледокол создавался для навигации по покрытой льдом поверхности в целях обеспечения полярных станций необходимым продовольствием и инвентарем, а также проведения научных экспедиций. Ледокол имеет специальное оборудование, которое может быть использовано для проведения исследований в области геофизики, биологии и океанографии. Использование «Араона» не ограничивается только наукой: с его помощью можно также заниматься поисками природных ресурсов, например, гидрата метана. Экипаж ледокола имеет большой опыт исследований как в Антарктике, так и в Северном Ледовитом океане. «Араон» принимал участие в совместных исследованиях с Россией и Японией по газогидратным месторождениям в Охотском море, а также в спасении российского судна «Спарта», застрявшего в декабре 2011 г. во льдах Антарктиды⁹.

Строительство второго ледокола, о котором упоминалось в Генеральном плане, может завершиться уже в скором времени. Так, в 2017 г. министр морских дел и рыболовства Южной Кореи Ким Ен Чун на встрече с министром Российской Федерации по развитию Дальнего Востока А.С. Галушкой подтвердил желание правительства республики построить второй южнокорейский ледокол для развития Северного морского пути к 2020 г.¹⁰

РК также является лидером на рынке строительства танкеров-газовозов: две трети всех танкеров мира, находящихся в эксплуатации, построены в Корее. Доля аналогичных японских и китайских судостроителей составляет 22% и 7% соответственно. По оценке компании Braemar, в 2018 г. южнокорейские верфи получили 78% мировых заказов на постройку судов, способных перевозить СПГ¹¹.

Южная Корея не только взаимодействует с международным сообществом в решении глобальных вопросов в Арктике, но и стремится внести свой вклад в качестве члена международного сообщества в развитие полярной науки, экономики, политики. Корея приложила много усилий для создания прочного фундамента по систематизации и улучшению существующих исследований в Арктике. Для расширения своих арктических программ в ноябре 2015 г. был создан Корейский Арктический исследовательский консорциум (KoARC). На встречах консорциума присутствуют научные коллективы, промышленные представители, научно-исследовательские институты и профессиональные организации, представляющие арктическую деятельность Кореи. Для более эффективного рассмотрения и обсуждения важных междисциплинарных исследовательских тем рабочие встречи консорциума, как правило, проходят в рамках разных секций: наука, политика, промышленность¹².

Одной из главных задач Южной Кореи как наблюдателя Арктического совета является укрепление тесных партнерских отношений со всеми арктическими странами. В целях устойчивого развития региона Сеул пытается активно участвовать в создании систем сотрудничества между государствами — наблюдателями Арктического совета и полноправными членами Совета, а также принимать участие в решении насущных проблем региона. Например, имея богатый опыт в решении экологических проблем, Южная Корея участвует в природоохранной деятельности в регионе, что способствует формированию и укреплению ее благоприятного имиджа.

Начиная с 2009 г. в своей внутренней политике Республика реализовывала Национальную стратегию «Зеленого роста», в рамках которой происходит стимулирование экологической и ресурсной производительности, снижение выбросов в атмосферу углекислого газа, улучшение качества окружающей среды и т.д. Южнокорейская концепция «Зеленого роста» предполагает формирование социальной и производственной инфраструктуры, сохраняющей природные ресурсы, окружающую среду и здоровье населения¹³. В рамках концепции «зеленые» технологии используются в качестве эффективных мер реагирования на негативные последствия изменения климата.

После внедрения этой парадигмы развития внутри страны Южная Корея начала распространение концепции «Зеленого роста» среди международного сообщества, в том числе через Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Так, в июне 2009 г. на заседании Совета министров ОЭСР 30 государств-членов и пять потенциальных членов одобрили декларацию, в которой признали значимость южнокорейской концепции. В дальнейшем членами ОЭСР была разработана стратегия «Зеленого роста», объединяющая экономические, экологические, технологические, финансовые аспекты развития для региональной комиссии Экономического и социального совета ООН¹⁴.

Непосредственную поддержку в становлении и укреплении имиджа независимого и передового экологического посредника Южной Кореи помогают осуществлять Институт глобального зеленого роста (Global Green Growth Institute) и Зеленый климатический фонд ООН (UN Green Climate Fund), расположенные в Сеуле.

Южная Корея входит в число государств, активно ведущих промысел морепродуктов и рыбы. С 2014 г. республика, наравне с другими арктическими государствами, участвует в переговорах о контроле рыболовства в нейтральных водах Северного Ледовитого океана. В результате Евросоюз и еще девять стран 3 октября 2018 г. подписали договор о запрете нерегулируемого рыболовства в международных водах центральной части Северного Ледовитого океана¹⁵. Участниками соглашения стали страны «арктиче-

ской пятерки» — Россия, Канада, Дания, Норвегия, США, а также крупные рыболовные державы — Южная Корея, Исландия, Япония, Китай и Европейский союз. Несмотря на то, что именно позиция России позволила закрепить особую роль прибрежных арктических государств, решения, касающиеся существенных аспектов соглашения, будут приниматься коллективно всеми участниками договора.

Южнокорейские ученые вносят свой вклад в создание и развитие сетей арктических организаций, а также в обмен данными по арктическим исследованиям. В поселке Нью-Олесунн на Шпицбергене южнокорейские исследователи активно развивают сотрудничество со своими коллегами из Норвегии и Китая. Корейские ученые и представители правительства ежегодно участвуют в крупных международных форумах «Арктические рубежи» (Arctic Frontiers) в Норвегии и «Полярный круг» (Arctic Circle) в Исландии. С 2006 г. число членов делегации южнокорейского государства неуклонно растет на форуме «Арктические рубежи»¹⁶, а в программной повестке «Полярного круга» появляется все больше специальных секций, посвященных интересам Южной Кореи в Арктике¹⁷.

С 2015 г. корейское правительство реализует образовательную программу под названием «Арктическая академия», по которой на ежегодной основе приглашает студентов — представителей коренных народов из арктических стран пройти специальные курсы, направленные на расширение знаний и представлений о научно-исследовательской и экологической политике Южной Кореи в Арктике¹⁸.

Южная Корея считает Россию одним из главных партнеров в области освоения арктических транспортных путей и судостроения¹⁹. Сеул рассматривает возможность предоставления стимулов грузоотправителям, которые импортируют грузы по СМП, а также обучает персонал для навигации по полярному региону. Такая правительственная политика уже начала приносить первые плоды. Следуя Генеральному плану в целях изучения новой «бизнес-модели», 16 сентября 2017 г. южнокорейское судно Hyundai Glovis вышло из российского порта Усть-Луга с 44 000 т легковоспламеняющейся нефти в сторону Южной Кореи. Судно успешно завершило первый рейс по транспортировке грузов между Европой и Азией по Северному морскому пути, прибыв в южнокорейский порт Кваньян 21 октября 2017 г.²⁰

Судостроительная промышленность Южной Кореи рассматривает все потенциальные возможности Северного Ледовитого океана. Предприятия Samsung Heavy Industries, Hyundai Heavy, и Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering (DSME) являются тремя крупнейшими в мире производителями судов, и у них есть потенциал для создания специальных судов, подходящих для арктического региона (ледоколы, контейнеровозы, перевозящие СПГ). Одним из самых успешных примеров сотрудничества РФ и РК в Арктике является заказ «Новатэка» на покупку 15 танкеров-ледоколов у южнокорейской верфи DSME для проекта «Ямал СПГ». Большая часть танкеров в настоящее время находится на стадии строительства. Несколько уже сданы в эксплуатацию и осуществляют перевозки газа по СМП в восточном и западном направлениях. По словам специального представителя Южной Кореи в России Сон Ён Гиля, помимо 15 танкеров, Россия заказала у Кореи еще 29 судов²¹.

Примечательно, что соглашение о покупке танкеров было заключено на фоне западных санкций против России сразу после украинских событий 2014 г. Отказ Южной Кореи вводить санкции в отношении России свидетельствует о большой заинтересованности в сотрудничестве с нашей страной, в том числе в проектах по разработке нефтегазовых ресурсов российской Арктики. В целом зависимость Кореи от импортируемых энергоносителей так же высока, как и других восточноазиатских стран, таких как Япония и Китай.

Южная Корея не добывает нефть ни на суше, ни в море и в значительной степени зависит от импорта большинства полезных ископаемых, поэтому диверсификация источников импорта нефти считается критически важной для ее энергетической безопасно-

сти. Южнокорейскому энергетическому сектору правительством даны гарантии по увеличению прямого участия в освоении и импорте углеводородных ресурсов Арктики. Крупнейшая южнокорейская газовая корпорация KOGAS с 2010 г. принимает участие в разработке горнодобывающих и газовых месторождений в Канаде. В июне 2018 г. в Москве состоялось подписание меморандума о взаимопонимании в области энергетики между Министерством торговли Южной Кореи и Министерством энергетики Российской Федерации. В рамках подписанного меморандума были закреплены возможности сторон рассмотреть покупку доли в проекте «Арктик СПГ 2» корпорацией KOGAS²². Помимо этого, меморандум предусматривает возможность участия корейской стороны в инфраструктурных и логистических проектах, в приобретении и торговле СПГ с месторождений полярного региона России.

* * *

Экологические изменения, необходимость научных исследований, растущий экономический оптимизм в отношении Арктического региона и прагматичная политика привели Южную Корею к тому, что она устремила свой взор на Арктику. Формирование Генерального арктического плана дало возможность Южной Корее организовать и упорядочить процедуру проведения арктических мероприятий, реализуемых правительственными министерствами и ведомствами.

Южная Корея, в сравнении с другими азиатскими наблюдателями в Арктическом совете, имеет большой потенциал по развитию успешной национальной «научной дипломатии». Республика постепенно формирует благоприятный имидж страны и укрепляет свой политический статус в качестве мирового экологического посредника, реализующего передовую политику устойчивого развития.

Медленными и осторожными шагами южнокорейское правительство готовится к экономической экспансии в Арктике. Для получения доступа к СМП и ресурсам региона Республика налаживает доверительные отношения с прибрежными арктическими странами и коренными народами Севера. Добросовестно выполняя обязанность государства-наблюдателя в Арктическом совете, Южная Корея проводит последовательную политику по защите окружающей среды, а также участвует в принятии мер по решению проблем изменения климата в Арктике. Постепенно укрепляя сотрудничество с арктическими государствами, Южная Корея будет проводить уважительную политику и соблюдать договоры, связанные с Арктикой, а также активно участвовать в процессах заключения новых соглашений. Поскольку активизация деятельности в Арктике приведет к большей потребности в регулировании Северного Ледовитого океана, новая тенденция, поддерживаемая Южной Кореей, подразумевает, что значимость международного права в области управления Северным Ледовитым океаном будет укрепляться.

Реализуя свою арктическую политику, Южная Корея делает акцент на сотрудничестве не только со странами арктической пятерки, но и с неарктическими государствами — Китаем и Японией. Выступая единым фронтом, страны Северо-Восточной Азии смогут оказывать гораздо большее влияние на политические и геоэкономические процессы, происходящие в арктическом регионе. Осознает ли руководство Южной Кореи в полной мере перспективы создания единого азиатского фронта, сказать сложно. С большей уверенностью можно утверждать, что у Южной Кореи есть стремление стать одним из главных «архитекторов» мирового порядка, а возможно, и неформальным лидером коалиции неарктических государств, продвигающих политику интернационализации региона.

1. *Dongmin Jin, Won-sang Seo, Seokwoo Lee.* Arctic Policy of the Republic of Korea // *Ocean and Coastal Law Journal.* 2017. № 1 (vol. 22). P. 84–96.
2. *Jong-Joon Lee.* Exploration to South Pole // *Polar region.* 1920. № 2. P. 20–37.
3. Arctic knowledge center. 14.11.2018. URL: http://arctic.or.kr/?c=main_en.
4. *Park Young Kil.* Arctic Prospects and Challenges from a Korean Perspective // *East Asia-Arctic Relations: Boundary, Security and International Politi.* 2013. № 3. P. 47–60.
5. *Энумеин В.А.* Арктическая политика Южной Кореи // *Общество: политика, экономика, право.* 2018. № 7 (60). С. 23–28.
6. *Aki Tonami.* Asian Foreign Policy in a Changing Arctic. The Diplomacy of Economy and Science at New Frontiers. 2016. Nordic Institute of Asian Studies University of Copenhagen. 140 p.
7. Arctic Policy of the Republic of Korea. 10.11.2018. URL: http://library.arcticportal.org/1902/1/Arctic_Policy_of_the_Republic_of_Korea.pdf.
8. About the Republic of Korea's National Antarctic Program. 15.11.2018. URL: <https://www.comnap.aq/Members/KOPRI/SitePages/Home.aspx>.
9. Sparta Set Free from Antarctic Ice. 18.11.2018. URL: <https://www.maritime-executive.com/article/sparta-set-free-from-antarctic-ice>.
10. Южная Корея готова построить ледокол для развития Севморпути. 16.11.2018. URL: <https://ria.ru/world/20171107/1508284557.html>.
11. Южная Корея упрочила свое лидерство в строительстве танкеров-газовозов. 20.11.2018. URL: <https://neftegaz.ru/news/view/176980-Yuzhnaya-Koreya-uprochila-svoe-liderstvo-v-stroitelstve-tankerov-gazovozov>.
12. Founding Declaration of Korea Arctic Research Consortium. 18.11.2018. URL: <http://www.arctic.or.kr/?c=11/13/65&idx=995>.
13. Korea's Green Growth based on OECD Green Growth Indicators. 14.11.2018. URL: <https://www.oecd.org/greengrowth/Korea's%20GG%20report%20with%20OECD%20indicators.pdf>.
14. Green growth. 18.11.2018. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/index.php?menu=1447>.
15. Девять стран и ЕС подписали «историческое» соглашение о защите центральной части Северного Ледовитого океана 16.11.2018. URL: <https://thebarentsobserver.com/ru/arktika/2018/10/devyat-stran-i-es-podpisali-istoricheskoe-soglashenie-o-zashchite-centralnoy-chasti>.
16. Arctic Frontiers. 16.11.2018. URL: <https://www.arcticfrontiers.com/about-the-conference/>
17. Arctic Circle Program. 16.11.2018. URL: <http://www.arcticcircle.org/Media/2018-arctic-circle-assembly-program.pdf>.
18. Korea Arctic Academy. 18.11.2018. URL: <https://education.uarctic.org/mobility/korea-arctic-academy/>
19. Южная Корея рассматривает возможность сотрудничества в Арктике. 10.11.2018. URL: <https://ria.ru/science/20171129/1509827669.html>.
20. Южная Корея впервые совершила рейс по Севморпути. 10.12.2018. URL: <http://pro-arctic.ru/27/10/2017/news/28937>.
21. Договор о «девяти мостах»: Южная Корея поможет России в развитии Арктики. 10.11.2018. URL: <https://regnum.ru/news/2448968.html>.
22. Южнокорейская KOGAS может войти в проект «Арктик СПГ» «Новатэка». 15.11.2018. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5315759>.

Экономика

КНР: совершенствование инфраструктуры для «зеленого» автотранспорта

© 2018

С.Л. Сазонов, Чэнь Сяо

В статье рассматриваются экономические меры Китая в сфере совершенствования источников питания для «зеленого» автотранспорта (на альтернативных источниках энергии) и создания разветвленной сети электрозарядных станций. Даны прогнозы о перспективах развития инновационного автотранспорта и инфраструктурных ноу-хау в данной сфере.

Ключевые слова: Китай, энергетическая безопасность, защита окружающей среды, аккумуляторы, водородные двигатели, утилизация батарей.

DOI: 10.31857/S013128120003927-0

Китайские ноу-хау в разработке аккумуляторов

Уже первым шагом в освоении производства автомобилей, использующих альтернативные источники энергии (АИИЭ) в Китае сопутствовал бурный рост выпуска литий-ионных аккумуляторных батарей. В 2017 г. его объем составил почти 38% мирового производства, а технологические характеристики, надежность и качество сегодня полностью соответствуют мировым стандартам¹. Так, президент Европейской ассоциации поставщиков компонентов для автомобилей (CLEPA) в ходе Международного автосалона во Франкфурте (2017 г.) посетовал, что европейцы «вынуждены платить китайцам» от 4 до 7 тыс. евро за каждую аккумуляторную батарею для своих электрокаров.

Впрочем, по признанию специалистов, современные литий-ионные аккумуляторы уже не в полной мере отвечают нуждам бурно развивающегося рынка «зеленых» автомобилей: ведь нынешние батареи емкостью 25 Вт·ч весят примерно четверть тонны, а их удельная энергоемкость на единицу массы составляла в 2017 г. 180 Вт·ч/кг, что обеспечивало в среднем около 300 км пробега без дополнительной зарядки. В будущем этих показателей будет явно недостаточно². В КНР развернулась серьезная конкуренция среди основных производителей. Немало мелких и неконкурентоспособных предприятий вытесняются с рынка: за прошедшие 3 года около 50% неэффективных производителей ба-

---

Сазонов Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: sazonovch@mail.ru;

Чэнь Сяо, аспирантка ИДВ РАН (КНР). E-mail: xiaoxiao2016@yandex.ru.

тарей для электрокаров (около 90 предприятий) обанкротились, и количество ведущих игроков этого сегмента к началу 2018 г. сократилось до ста³.

В 2016 г. Госсовет КНР постановил выделить более 650 млн юаней для финансирования научных разработок по производству новых видов аккумуляторов и создания системы широких преференций для привлечения прямых иностранных инвестиций в такие разработки⁴.

Китайские ученые разрабатывают новые виды батарей для электрокаров — литий-кислотные и серно-литиевые с удельной энергоемкостью до 400–500 Вт·ч/кг⁵. Будущее электромобилей китайские ученые и инженеры связывают с производством новых моделей электромобилей с натриево-ионными (SIB), металло-фосфатными, литий-полимерными (Li-pol)⁶ и цинко-воздушными (Zinc-Air)⁷ аккумуляторными батареями, которые пока что находятся в стадии разработки, будучи для массового внедрения дорогими⁸.

В начале 2018 г. ученые Даляньского института химической физики Китайской академии наук совместно с китайской компанией Sunrise Power разработали модуль топливного элемента для автомобилей HYMOD-300, который в ходе тестовых испытаний проработал 5 тыс. часов. Модуль может приводиться в действие при температуре -10°C , а также сохранять энергию при температуре -40°C .

Одновременно группа исследователей из Университета в Чжэцзяне разработала инновационную алюминиево-графеновую супербатареею, которая может полностью заряжаться всего за 3–5 секунд, а ее емкости достаточно для обеспечения работы в течение 2,5 часов. Батарея теряет менее 10% от своей первоначальной емкости после 250 тыс. циклов зарядки/разрядки и может функционировать при температурах в диапазоне от -40 до $+130^{\circ}\text{C}$. Разработанный образец выдерживает без потери емкости до 10 циклов деформации и менее опасен с точки зрения самовозгорания, чем обычные литий-ионные батареи. Интегрированная структура катода батареи позволяет обеспечивать значение плотности хранения энергии на уровне 111 мА*ч/грамм, а также сверхвысокие динамические характеристики, что позволяет батарее заряжаться за 1,1 секунды.

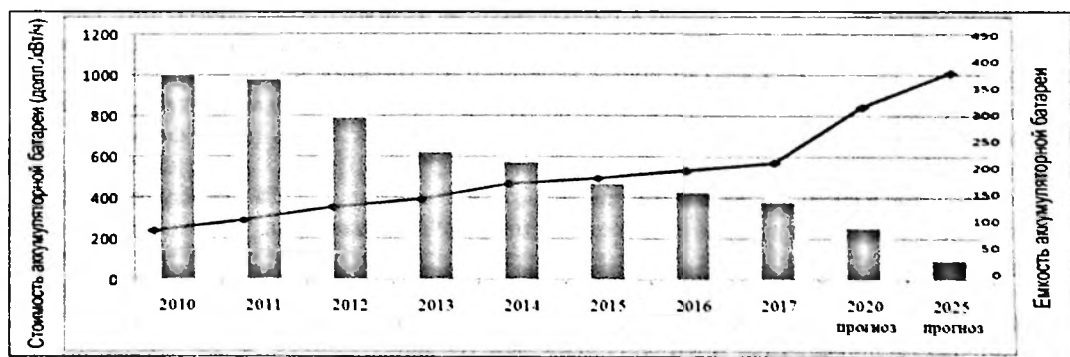

Рис. 1. Основные текущие и перспективные характеристики китайских аккумуляторных батарей (стоимость и энергоемкость)

Источник: Дулли дянъчи чэнвэй синьнэнъюань цичэ сянгэ чжундянь: [Аккумуляторы становятся следующей главной заботой для автомобилей, использующие новые источники энергии] // Китайские дороги: [Чжунго гунду]. 2017. № 5. С. 49; Дулли дянъчи чэнвэй синьнэнъюань цичэсянгэ фэнкоу: [Роль аккумуляторных батарей в производстве новых автомобилей на новых источниках энергии] // Цзинцзи цанькаобао. 04.10.2017; Ma Si. Fuel-cell cars set togetmoreimpetus. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201802/13/WS5a823caba3106e7dcc13c6f4.html>.

Китайские инженеры утверждают, что в будущем алюминиево-графеновые аккумуляторные батареи получат широкое применение, хотя признают, что впереди предстоит много работы: после проведения 250 тыс. циклов зарядки/разрядки потребуются время для того, чтобы внедрить в производство новую технологию, ибо сегодня идет речь лишь о математической модели, а не о реальных данных, полученных через тестирование опытных образцов.

В более отдаленном будущем китайские инженеры планируют производить экономичные водород-воздушные аккумуляторные (топливные) батареи с протон-обменной мембраной (это одна из наиболее перспективных технологий разработки топливных батарей) и металл-ионные жидкие аккумуляторные батареи (metal-air ionic liquid battery), плотность энергии которых примерно в 12 раз превышает литий-ионные аккумуляторы.

При производстве литий-ионных батарей (LIB) для электромобилей в Китае стали применяться нетканые материалы — тонкие микропористые полипропилен и полиамид с максимальным размером пор в 16 мкм, где электролит полностью абсорбирован в сепаратор по технологии AGM (Absorbent Glass Mat); сепаратор обеспечивает равномерное перемещение абсорбированной жидкости при равномерном распределении электролита в аккумуляторной батарее.

Аккумуляторные батареи, изготовленные по технологии AGM, гораздо дороже, чем классические LIB аккумуляторы с жидким электролитом, и на внутреннем рынке применяются в основном в электромобилях класса люкс. В 2016 г. в КНР произвели 926 млн кв. м абсорбирующего стекловолоконного холста (на треть больше, чем годом ранее), и доля Китая в его мировом производстве достигла 56%, хотя при внедрении сепараторов наивысшего класса Китай опирается на импорт.

Утилизации батарей

Срок службы аккумуляторов для электрокаров оценивается в 5–8 лет, а по прогнозам Шэньчжэньского института промышленных технологий, в 2020 г. общий объем отработанных литий-ионных батарей достигнет 120–220 тыс. т, превысив в 20 раз показатель 2016 г.

Китайские инженеры допускают возможность повторного использования таких аккумуляторных батарей (во время вечерних и утренних пиков потребления и на случай аварий в энергосистемах, а также для тихоходных электромобилей). При этом, однако, ослабевает их производительность вследствие частых и низкоэффективных зарядных циклов.

Ныне в КНР осуществляется переработка всего лишь 13% аккумуляторов, что чревато загрязнением окружающей среды. К тому же запасы сырья для их производства в природе (литий и кобальт) ограничены.

В конце 2016 г. Госсовет КНР обязал ведущих китайских производителей из сферы АИИЭ создать инфраструктуру и поиск инновационных решений для технологических цепочек по переработке отживших свой срок батарей.

В феврале 2018 г. Министерство промышленности и информатизации КНР совместно с 6 другими ведомствами выпустило нормативы по утилизации батарей для АИИЭ, где, в частности, содержится требование к производителям аккумуляторов финансировать затраты на их сбор, хранение и утилизацию.

Сегодня ведущие китайские компании по производству аккумуляторных батарей CATL и GEM Co Ltd (Шэньчжэнь) совместно с автопроизводителями BYD and Dongfeng осуществляют при производстве аккумуляторов для электрокаров и гибридных автомобилей переплавку отслуживших свой срок аккумуляторов (на основе разработанных в сотрудничестве с компаниями Tesla и Toyota технологий) с извлечением крайне нужных и ценных металлов, а также полностью утилизируют побочные отходы.

В 2017 г. перерабатывающие мощности компании CATL позволили «добыть» таким путем до 5 тыс. т кобальта и никеля. Китайская компания China Tower, занимающаяся утилизацией и переработкой аккумуляторов, в начале 2018 г. подписала соглашение с 16 ведущими китайскими автопроизводителями (BYD, Chongqing Changan Automobile, SAIC, BAIC, Geely и др.) о сотрудничестве в производственной утилизации аккумуляторных батарей. China Tower имеет уже более 3 тыс. станций по переработке аккумуляторов в 12 провинциях КНР.

Сети электрoзарядных станций

Китайское руководство отчетливо понимает, что успех в области развития автотранспорта на альтернативной энергии зависит от создания высокоэффективной, доступной и относительно недорогой общенациональной системы электрoзарядных станций.

С целью побудить провинциальные власти к расширению у себя таких сетей правительство КНР с начала 2016 г. стало предоставлять местным властям и гражданам⁹ субсидии в размере 4,6 тыс. юаней за каждую введенную в строй зарядную колонку¹⁰. С 2012 г. Государственная электросетевая корпорация Китая (ГЭКК, или State Grid Corporation of China, SGCC), будучи основным подрядчиком развертывания национальной сети электрoзарядных установок для АИАИЭ, приступила к формированию сети в крупнейших городах, включая Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, Шэньчжэнь, Сямэнь, Гуанчжоу, Цзилинь, Ухань, Чунцин, Баотоу, Урумчи, Наньчан и др.

В 2017 г. правительство инвестировало более 120 млн юаней в строительство 214 тыс. электрoзарядных станций и 160 тыс. электрoзарядных колонок. В начале 2018 г. общее количество первых превысило 325 тыс. единиц, количество вторых составило 445 723 единиц (213 903 общественных и 231 820 частных). По этим показателям Китай является мировым лидером. В среднем соотношение общего числа его электрoзарядных колонок к общему количеству наличных единиц АИАИЭ составляет 1:3,8 (т.е. примерно по одной зарядной колонке на каждые 4 электрокара).

При сопоставлении равноценного пробега в 300 км на одной зарядке/заправке транспортного средства стоимость зарядки АИАИЭ (0,5 юаня за 1 кВт/ч, или 28 юаней за полную зарядку) оказывается в 6–7 раз дешевле, чем заправка бензином автомобиля с двигателем внутреннего сгорания (ДВС).

Темпы расширения сети электрoзарядных станций в Китае впечатляют: в период 12-й пятилетки ими были оснащены около 25 тыс. км скоростных автомобильных магистралей, проходящих через Шанхай, города региона Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй и промышленные центры дельты реки Янцзы (в Китае ежемесячно вводилось в строй почти по 6 тыс. электрoзарядных колонок¹¹).

Более того, Государственная электросетевая корпорация Китая (ГЭКК)¹² запланировала к концу 2018 г. завершить установку новых современных электрoзарядных станций в 160 городах: на всем протяжении скоростной автомагистрали Пекин — Сянган — Аомэнь протяженностью около 2,3 тыс. км, перескающей страну с севера на юг. Заодно предполагается возвести подобные станции на скоростных шоссе Пекин — Шанхай, Пекин — Далянь, Шэньян — Хайкоу, Ляньюньган — Урумчи, Циндао — Иньчуань, доведя общую протяженность скоростных автомагистралей, оснащенных электрoзарядными станциями, до 35 тыс. км¹³. Согласно принятым в КНР нормативам, такие станции будут располагаться на магистралах через каждые 50–70 км., причем каждая будет иметь по 6 зарядных генераторов мощностью 140 кВт/ч, каждый генератор будет способен заряжать до 10 машин одновременно, а сама заправка будет продолжаться не более 15 минут при стоимости около 40 юаней (6 долл.).

Активно внедряются на китайский рынок электрoзарядной инфраструктуры зарубежные компании. Так, в Пекине и в Шанхайской экономической зоне Пудун амери-

канский концерн Tesla установил 50 крупных электростанций; германский BMW Charging Station Wallbox установил в 2017 г. 65 тыс. электростанций в 90 китайских городах и намерен довести число своих станций до 80 тыс. с охватом более 100 крупных городов КНР¹⁴.

В начале 2018 г. в Пекине эксплуатировалось 112,6 тыс. электростанций (80,8 тыс. частных и 31,8 тыс. государственных) и 6,4 тыс. электростанций, которые располагаются на расстоянии не более 5 км одна от другой в пределах 6-го транспортного кольца Пекина¹⁵. Полная заправка электромобиля в столице в среднем составляет около 1 часа при стоимости менее 30 юаней (5 долл.) Здесь же функционируют 290 станций быстрой замены аккумуляторных батарей для электрокаров, что значительно повысило эффективность использования столичного транспорта на электрической тяге — электротакси и электробусов.

Ныне инфраструктура пекинских электростанций обеспечивает потребности в заправке более 40 тыс. электромобилей, а к 2020 г. этот показатель возрастет до 350 тыс. По прогнозу властей Шанхая, число электростанций в городе также почти удесятится: более чем до 250 тыс. единиц¹⁶.

Согласно Решению Госсовета «О плане развития производства автомобилей, использующих альтернативные источники энергии (2013–2020)» к 2020 г. в Китае должно быть установлено 3 млн электростанций, из которых более 60% будут государственными¹⁷.

Шоссе из солнечных батарей

Первые пешеходные и велосипедные дорожки с применением технологии фотогальванических элементов появились в 2014 г. в Нидерландах, а первая в мире автомобильная дорога с применением солнечных батарей — два года спустя в нормандской деревне Турувр-о-Перш. Французское правительство намерено в течение ближайших 5 лет построить 966 км таких дорог. Солнечные панели также установлены на некоторых дорогах в Республике Корея, Германии, Италии. И Китай не намерен отставать в этом инновационном тренде.

В декабре 2017 г. в г. Цзинань (пров. Шаньдун) китайская компания Qilu Transportation Development Group после 10 месяцев работы завершила строительство второго участка дороги, который состоит из солнечных панелей, обеспечивающих беспроводную зарядку автомобилей, осуществляемую синхронно с движением электрокара. Разработанные китайскими инженерами инновационные панели способны улавливать и перерабатывать до 25% солнечной энергии, вырабатывая ежегодно 1 млн кВт/ч. Эти же батареи могут использовать излишки энергии для покрытия потребностей 800 домохозяйств, прилегающих к трассе необычного шоссе, а также для растапливания снега в зимнее время, освещения полотна дороги, обеспечения энергоснабжением дорожных знаков, камер видеонаблюдения дорожного движения, турникетов для взимания дорожных сборов¹⁸. В дальнейшем в дорожную инфраструктуру автомобильной магистрали планируется инкорпорировать такую функцию, как подключение Интернета.

Протяженность участка автомобильной дороги составила 1,12 км¹⁹, он состоит из трех слоев, которые способны выдерживать вес грузовика среднего размера. Верхний слой представляет собой прозрачный бетон, который по свойствам похож на стандартный асфальт. Центральный слой — солнечные панели (батареи) общей площадью 5875 кв. м. Нижний слой представляет собой изоляцию для защиты солнечных батарей от влажности, исходящей от земли. Общая мощность этих солнечных панелей составляет 817,2 кВт. Автомобильная дорога, гарантийный срок службы которой определен в 20 лет, в техническом отношении уже готова к эксплуатации, однако

различные тесты и проверки предполагается завершить в начале 2019 г.²⁰ Стоимость прокладки и эксплуатации этого инновационного участка автомобильной дороги пока не оглашается, но по заверению китайских специалистов, она составляет 50% себестоимости подобных «солнечных дорог» в западных странах, причем по мере развития сети подобных магистралей в Китае их прокладка будет постоянно дешеветь.

Это уже второй участок инновационного шоссе в г. Цзинань. Первый участок дороги со встроенной фотогальванической инфраструктурой протяженностью 160 м был проложен в сентябре 2017 г. Также в конце 2017 г. в г. Шаосин (пров. Чжэцзян) был построен участок фотогальванической дороги²¹. В перспективе китайские инженеры планируют применять автономное управление электромобилей на этих специальных дорогах при помощи компьютеров, которые возьмут на себя организацию процесса движения, составление маршрута, осуществление контроля за возможными опасностями и управление машиной, что позволит обеспечить максимальный комфорт и безопасность. Водителю электромобилей по этим дорогам останется лишь задать конечный пункт назначения, а остальные функции возьмет на себя компьютер. В отдаленной перспективе планируется строительство автомобильных дорог с встроенной системой беспроводной зарядки электромобилей. Способ передачи энергии будет аналогичен принципу работы большинства зарядных устройств: индукционные катушки, встроенные под дорожным покрытием, генерируют магнитные поля, которые трансформируются в электрическую энергию, необходимую для работы двигателя²².

В начале 2018 г. в пров. Чжэцзян началось строительство первой «интеллектуальной» интерактивной скоростной автомагистрали с повышенным уровнем информативности и безопасности. Магистраль, шириной в 6 полос и протяженностью в 161 км, она свяжет г. Ханчжоу (административный центр этой провинции) с г. Шаосин и крупнейшим в мире портом Нинбо-Чжоушань (в 2017 г. его грузооборот превысил 1 млрд т). Строительство и введение магистрали в эксплуатацию намечено на 2022 г. и будет приурочено к открытию летних Азиатских игр в г. Ханчжоу. Вдоль маршрута будут установлены солнечные панели для выработки электроэнергии для питания светодиодов, которые в автоматическом режиме будут передавать на компьютер проезжающих автомобилей сведения о состоянии дорожного полотна (в случае появления осадков, либо гололеда), возможных заторах, авариях на пути движения автомобиля. Китайские проектировщики предусматривают интегрировать в полотно дороги оборудование для беспроводной зарядки электрокара во время движения. Правительство КНР планирует в будущем внедрить эти технологии на всех скоростных автомагистралях страны²³.

Авто на водородном топливе

В последние годы в Китае активно развивается автотранспорт, использующий водородное топливо. Лидерами в его разработке и производстве являются автопроизводители Zhongtong Bus Holding Co., Yutong и Beijing Automotive Group.

В декабре 2017 г. в Ухане был представлен образец городского автобуса, использующий водородное топливо. Автобус длиной 8,5 м явился разработкой компании Wuhan Tiger Fuel Cell Vehicle Co., и ожидается, что в конце 2018 г. он уже будет эксплуатироваться на улицах г. Ухань. Он имеет 56 пассажирских мест, может проезжать на одной заправке более 450 км, процесс дозаправки занимает всего 3–5 минут; автобус способен работать при температурах до -20 градусов Цельсия и автоматически выявлять возникшие неполадки в работе. Компания Tiger Fuel Cell Vehicle Co. подписала соглашение о создании СП с производителем автомобилей на новых источниках энергии Wuhan Skywell, которое в ближайшие два года выпустит 3 тыс. таких автобусов. Планировалось уже в 2018 г. установить в Ухане первую водородную заправочную станцию, а в ближайшие три года их число достигнет 21 единицы²⁴.

С целью расширения и углубления разработок в области производства аккумуляторных батарей на водородном топливе в Уханьской зоне технико-экономического развития создается научно-исследовательский центр, который сможет сформировать промышленную цепочку, объединяющую разработку, производство и продажу водородных топливных элементов для «зеленых автомобилей» в сотрудничестве с автомобильными производителями Китая (в Ухане базируется ряд автомобильных компаний, включая одну из крупнейших автомобильных корпораций страны Дунфэн, Dongfeng Motor Corporation). Инвестиции в создание этого центра составят около 12 млрд юаней (1,8 млрд долл.), а годовой объем промышленного производства центра после введения его в эксплуатацию составит 35 млрд юаней²⁵.

В марте 2018 г. презентация автобуса, оснащенного двигателем на водородном топливе состоялась и в г. Чэнду. Длина автобуса — 10,5 м, он способен проезжать 500–600 км при полном заполнении топливного бака, причем после израсходования водородного топлива он может продолжить свой ход на электрической тяге. Разработка программы создания данного транспортного средства обошлась в 6 млрд юаней, планируется в ближайшее время выпустить 25 тыс. подобных автобусов.

Еще о видах на будущее

Научно-исследовательский центр автомобильной корпорации BYD (Build Your Dreams) разрабатывает технологию быстрой заправки, которая при помощи более мощных электрических кабелей сможет обеспечить полную зарядку электромобилей за полчаса, 80% — за 15 минут, а 50% — за 3–5 минут. Крупная китайская автомобильная корпорация Chery, участница госпрограммы развития промышленности альтернативной энергетики, планирует создать в Китае широкую сеть электрозарядных станций, где водители электрокаров имели бы возможность осуществлять не только обычную зарядку аккумуляторов, но и поменять разряженные аккумуляторные батареи на заряженные.

В 2016 г. общая мощность произведенных в Китае литий-ионных аккумуляторных батарей для АИАНЭ составила 28 ГВт/ч, в конце 2017 г. — 110 ГВт/ч, а в 2020 г. правительство КНР планирует довести этот показатель до 220 ГВт/ч²⁶.

Развитие в Китае промышленности производства зарядных батарей для АИАНЭ генерирует значительный мультипликативный эффект в различных отраслях экономики страны, способствует созданию около 100 тыс. новых рабочих мест на самом производстве литий-ионных аккумуляторов и более 200 тыс. дополнительных рабочих мест в смежных отраслях промышленности КНР.

Для повышения качества и емкости аккумуляторных батарей для альтернативного транспорта Госсовет КНР постановил сконцентрировать к 2021 г. 90% производства литий-ионных аккумуляторов на ключевых предприятиях 5–10 ведущих отечественных производителей, а к 2025 г. довести удельную энергоемкость на единицу массы литий-ионных аккумуляторов до 400–450 Вт·ч/кг. Это позволит в 2025 г. увеличить дальность пробега электромобилей до 500 км на одной подзарядке, а в 2030 г. — до 800–900 км, в результате «зеленые авто смогут успешно конкурировать с автомобилями, имеющими двигатели внутреннего сгорания»²⁷.

Правительство ориентирует ведущие отечественные электротехнические компании к 2020 г. довести среднюю энергоемкость аккумуляторных батарей электромобилей до 240 Вт·ч/кг (электробусов — до 180 Вт·ч/кг, электромобилей, обеспечивающих логистические перевозки в пределах городов — до 140 Вт·ч/кг), а себестоимость до 2 юаней Вт/ч. Планируется повысить энергоемкость аккумуляторных батарей до 350 Вт·ч/кг, а себестоимость снизить до 1,5 юаня Вт/ч. Таким образом, поставлена цель — превратить Китай в мирового лидера по производству аккумуляторных батарей для ЭМ со значительным объемом продаж на глобальном рынке, который, по оценкам

западных экспертов, ежегодно будет возрастать в среднем на 7,9%, причем к 2025 г. его объем достигнет 95,57 млрд долл.²⁸

Реализация принятой Госсоветом КНР «Программы развития автомобилестроения на основе энергосбережения и новой энергетики (2011–2020)» в части развития новых типов инновационных энергоносителей позволит перейти к полномасштабному производству принципиально новых источников альтернативной энергии, повысить их емкость, снизить габариты и себестоимость, потеснить на мировом рынке ведущих западных производителей инновационных аккумуляторов для нового поколения «зеленых автомобилей».

Масштабное развитие национальной сети электростанций позволит решить приоритетную задачу Программы — предоставить к 2020 г. удобную, быструю и относительно недорогую заправку 5-миллионного парка автомобилей, использующих альтернативные источники энергии. Развитие промышленной переработки аккумуляторных батарей призвано обеспечить решение не менее грандиозной задачи, поставленной руководством КПК перед автомобильной промышленностью на основе новой энергетики, — превратить Китай в страну с самыми большими в мире экологически чистыми территориями.

1. В марте 2018 г. в г. Сининь (пров. Цинхай) началось строительство крупного завода по производству карбоната лития, который используется в производстве аккумуляторных батарей для электромобилей. Совместным проектом промышленной группы Qinghai Salt Lake и Шэньчжэньской инвестиционной компании стоимостью 4,85 млрд юаней предполагается получать 30 тыс. т лития в год. Подробнее см.: Production base for lithium battery material planned in NW China. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201802/05/WS5a7807f3a3106e7dcc13ad86.html>; Extending lead in the market for green cars. URL: http://www.china.org.cn/business/2018-02/05/content_41126107.htm.
2. *Li Fusheng*. Customers charged up about new choices for electric cars. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/motoring/2017-09/25/content_32446029.htm.
3. *Jing Shuiyu, Hu Meidong (China Daily)*. Battery giant buys stake in lithium firm. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201803/14/WS5aa88351a3106e7dcc1418bd.html>.
4. Charging piles for electric cars mushrooming in China. URL: http://www.china.org.cn/business/2017-12/11/content_50096807.htm.
5. Дулли дяньчи чэнвэй синьнэнюань цичэ сянгэ фэнкоу: [Роль аккумуляторных батарей в производстве новых автомобилей на новых источниках энергии] // Цзинцзи цанькаобао 04.10. 2017.
6. Эти батареи позволят повысить эффективность и упростить производство, причем литий-полимерные аккумуляторы могут иметь любую форму при очень малой толщине (до 1 мм).
7. Цинко-воздушные батареи обладают прекрасными экологичными свойствами, а продукты, получаемые в результате реакции воздушно-цинковых элементов, абсолютно безопасны для здоровья человека, материалы для их производства не загрязняют окружающую среду и могут быть вторично использованы после переработки.
8. Ань синьнэнюань цичэ гуйцзюй чжицзао синьнэнюань цичэ: [Стандарты производства аккумуляторов для автомобилей, использующих новые источники энергии] // Цзинцзи цанькаобао. 25.06.2017.
9. К марту 2018 г. около 80% новых владельцев электрокаров установили собственные электростанции. См.: Китай три года подряд лидирует по производству и продажам автомобилей на новых источниках энергии. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0309/c31518-9435240.html>.
10. Battery breakthroughs sought. URL: http://www.ce.cn/business/2016/02-29/200913_1.shtml.
11. *Li Fusheng (Chinadaily.com.cn)*. China has the most public EV charging stations worldwide. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/11/WS5a5759d9a3102c394518e9e1.html>.

12. ГЭСК является одной из крупнейших в мире электросетевых компаний. Подробнее см.: Доходы Государственной электроэнергетической инвестиционной корпорации Китая впервые превысили 200 млрд юаней. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0221/c31518-9428453.html>.
13. State Grid official predicts 60% rise in EV sales in China in 2018. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201803/09/WS5aa1f79ea3106e7dcc140a16.html>.
14. *Hao Yan*. BMW to install 80,000 public charging poles nationwide. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201803/26/WS5ab86391a3105cdecf6514454.html>.
15. Радиус обслуживания сети общественных станций подзарядки электромобилей в пределах шести транспортных колец Пекина составляет около 5 км. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2017-08/09/content_41379718.htm.
16. Shanghai to build 10 times more vehicle charging piles by 2020. URL: http://www.chinadaily.com/business/motoring/2017-04/06/content_24320855.htm.
17. *Zheng Yiran*. EV charging network to expand. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/19/WS5a613492a3106e7dcc1352f8.html>; China's public NEV charging piles up 51% in 2017. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/22/WS5a656210a3106e7dcc135bed.html>.
18. Китай является мировым лидером по развитию солнечной энергетики. По состоянию на начало 2018 г. установленная мощность фотогальванических элементов в КНР составляла 120 ГВт. См.: Non-fossil fuel accounts for 17.6 pct of China's energy output. URL: http://en.cc.cn/main/latest/201712/27/t20171227_27446900.shtml; Объем выработки электричества с использованием техники фото voltaжа в Китае впервые превысил отметку в 100 млрд кВт/ч. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0103/c31518-9311044.html>.
19. Этот участок составляет часть высокоскоростной кольцевой автомобильной дороги в южной части г. Цзинань.
20. *Xing Yi*. Road of future paved with solar panels. URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2017-12/22/content_35356391.htm.
21. Иностранцы заинтригованы строительством автодороги на солнечной энергии в Китае: возможно, такая дорога сможет заряжать автомобили, двигающиеся по ней. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-12/28/content_50172993.htm.
22. Синьнэнюань цичэ тидай жаньючэ цзиньчжу мохэци: [Переход к замене традиционных автомобилей на новые, использующие альтернативную энергию, находится на первоначальном этапе] // Цичэ юньшу. Пекин. 2017. № 5. С. 23–24.
23. «Умную» суперавтостраду построят на востоке Китая». URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0124/c31518-9419012.html>.
24. Новый автобус на водородном топливе представили в Центральном Китае. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2017-12/29/content_50174154.htm.
25. Первый в Китае промышленный парк по разработке и производству водородных топливных элементов будет построен в Ухане. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2017-12/24/content_50159860.htm.
26. *Robert Blain, Chen Yingqun*. Taking the pole position. URL: http://chinadaily.com.cn/weekly/2017-12/15/content_35308105.htm; *Jing Shuiyu*. Shake-up looms over auto battery segment. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201803/12/WS5aa5f4b9a3106e7dcc1410fb.html>.
27. Ань синьнэнюань цичэ гуйцзюй чжицзао синьнэнюань цичэ: [Стандарты производства аккумуляторов для автомобилей, использующих новые источники энергии] // Цзинцизи цанькаобао. 25.06.2017; Тишэн чаньнэн хэ цзишу мэньканьгунсиньбу чжэню цичэдуни дяньци гуйфань ицзянь: [Повышение производственных мощностей и технического порога мощностей. Министерство промышленности и информации ищет стандартные решения совершенствования автомобильных батарей] // Цичэ юньшу. Пекин. 2017. № 7. С. 11–12.
28. *Ma Si*. Fuel-cell cars set to get more impetus. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201802/13/WS5a823ca6a3106e7dcc13c6f4.html>; Global auto battery market to hit \$95.57b by 2025: Study. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201803/13/WS5aa7944aa3106e7dcc1415ec.html>.

Особенности формирования и развития финансовой системы Брунея

© 2019

В.Д. Андрианов

В статье прослеживается история становления денежного обращения Брунея. Анализируется роль коммерческих банков, небанковских финансовых организаций, исламских банков развития в современной финансовой системе страны. Показаны особенности функционирования международного финансового центра Брунея.

Ключевые слова: денежное обращение, кредитно-банковская система, финансовые институты развития, мусульманские финансы, международный финансовый центр.

DOI: 10.31857/S013128120003928-1

Денежное обращение

В китайских и арабских летописях содержатся упоминания о государстве Пони (VII век), одном из древнейших на территории современного Брунея. По предположениям историков, тамошние правители были вассалами древнего малайского царства Шривиджайя, располагавшегося на Суматре¹.

В X веке у государства Пони установились тесные торговые связи с Китаем (где тогда утвердилась династия Сун), которые поддерживались и с приходом четыре столетия спустя династии Мин. Своего расцвета феодальное государство Бруней достигло в первой половине XVI века. В период правления пятого султана Болкнаха (1485–1521) оно контролировало практически всю территорию Калимантана, острова Сулу и другие северо-западные территории.

В древнем брунейском государстве для оплаты товаров использовались ракушки каури, считающиеся одной из первых в мире примитивных форм денег². Другой «домонетной» формой были аямы (*ayam*) — фигурки бойцового петуха из олова, свинца или меди, выпускавшиеся голландскими и португальскими колониальными властями в XVI веке. Аямы долгое время имели хождение на территории Малаккского полуострова, Калимантана, на островах Ява и Суматра³. По мере развития товарно-денежных отношений и ремесел в Брунее и по всему побережью Северного Борнео в качестве одного из видов товарных денег широкое хождение обрели бронзовые заварные чайники, различные ткани, в том числе батик, сонгкет и другие ремесленные изделия.

Становление монетного обращения началось в 1868 г., когда в султанате стали отливать оловянные и свинцовые монеты, именовавшиеся питис (*pitis*). По форме они были круглыми или восьмиугольными, цельными или с отверстием внутри. Как правило, на аверсе и реверсе имелись надписи арабской вязью. Номинал определялся размером, весом и материалом изготовления. В диаметре монеты питис составляли в среднем 12–

Владимир Дмитриевич Андрианов, доктор экономических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, академик РАЕН, заслуженный экономист России. E-mail: andrianov_vd@mail.ru.

25 мм и весили до 4,7 г. В 1888 г. брунейская монета питис достоинством 1 цент равнялась одной сотой доллара.

В период почти векового нахождения султаната под британским протекторатом (1888–1984)⁴, вплоть до 1939 г. на его территории в качестве платежного средства использовался «доллар Проливов» (*Straits dollar*) — денежная единица, имевшая хождение в большинстве британских колоний. Во время Второй мировой войны, в период японской оккупации Брунея (1942–1945) на территории султаната использовали так называемые банкноты Банка развития юга — деньги, выпущенные Японией специально для обеспечения денежного обращения на подконтрольных территориях в Юго-Восточной Азии.

Япония не стала печатать единую валюту для всех оккупированных территорий, как это делала Германия, эмитировавшая оккупационную рейхсмарку, предпочитая выпускать для каждой из оккупированных территорий свои дензнаки, номинированные в названиях местных денежных единиц. В Корее это были иены, в Малайе и Брунее эти японские деньги назывались долларами. Оккупационные доллары существовали только в виде купюр (даже центы были бумажными). Первоначально в обращении находились купюры достоинством 1,5 и 10 долларов. У банкнот был различный дизайн лицевой и оборотной сторон, имевший, однако, общие черты. На лицевой стороне были изображены наиболее известные местные тропические растения. Из-за того, что на 10-долларовых банкнотах изображались бананы, местные жители называли оккупационные купюры «банановыми деньгами» (*duit pisang*). Поскольку банкноты были слабо защищены от подделки (в частности, на многих отсутствовали номера, указывалась только серия), их подделка достигла небывалых масштабов.

Кроме того, из-за ухудшения экономической ситуации, роста инфляции, постоянной девальвации валюты японским оккупационным властям пришлось в 1944 г. увеличить денежную эмиссию, введя при этом в обращение купюры более крупных номиналов, в том числе по 100, а затем и по 1000 долларов.

После капитуляции Японии у населения Брунея осталось огромное количество обесцененных «банановых денег». Вопреки усилиям ряда стран, переживших оккупацию, обменять их на современную валюту, японское правительство до сих пор отказывается рассматривать эту проблему⁵.

В процессе деколонизации Британской империи после Второй мировой войны в Сингапуре, Малайской Федерации, Британском Северном Борнео, Сараваке, султанате Бруней был в 1951 г. учрежден единый эмиссионный орган — Совет уполномоченных по денежному обращению в Малайе и Британском Борнео. С 1 января 1952 г. Совет ввел в обращение доллар Малайи и Британского Борнео (именовавшийся в Малайзии «ринггит»), ставший законным платежным средством на территории этих государств. После формального оформления их независимости, с 12 июня 1967 г. Малайзия, Сингапур и Бруней стали эмитировать и использовать собственные национальные денежные единицы. В Брунее на основании Закона о валюте был учрежден Валютный совет, получивший право эмиссии собственных национальных банкнот — брунейских долларов, которые в регионе называют ринггитом Брунея.

Доллары Малайи и Британского Борнео оставались в обращении вплоть до 16 января 1969 г. Малайзийский ринггит обменивался по номиналу на брунейский и сингапурский доллары вплоть до 23 июня 1973 г. Бруней и Сингапур в 1967 г. заключили соглашение о взаимном обмене валют, действующее до настоящего времени. Привязка валюты Брунея к сингапурской стала стабилизирующим фактором для финансовой системы султаната. До сих пор обе валюты являются законными платежными средствами на территории обеих стран при сохранении курсового паритета.

В 1967 г. правительство Брунея выпустило в обращение купюры достоинством в 1, 5, 10, 50 и 100 ринггитов, в 1979 г. — в 500 и 1000 ринггитов. В 1989 г. надпись на банкнотах «Kerajaan Brunei» («Правительство Брунея») было заменено на официальное название

страны — «Negara Brunei Darussalam» («Государство Бруней-Даруссалам»). В том же году в обращение были введены купюры достоинством в 10 000 ринггитов. На всех банкнотах имеются надписи на малайском языке, которые продублированы по-английски и арабской вязью. На большинстве банкнот имеются изображения султана Брунея. За все время существования национальной валюты было выпущено пять серий купюр.

С 2004 г. — из-за участившихся случаев подделки купюр — брунейские банкноты изготавливают из полимерных материалов с высокой степенью защиты. В 2005 г. в Австралии на Фестивале достижений в области полиграфии полимерная купюра Брунея достоинством в 100 ринггит получила золотую медаль как банкнота, наиболее защищенная от подделок.

Кредитно-банковская система

В настоящее время кредитно-банковская система Брунея состоит из национальных и иностранных коммерческих банков, исламских банков и финансовых институтов развития, небанковских финансовых учреждений, национальных государственных институтов развития⁶. Формировавшаяся под влиянием Великобритании, она во многом копировала себе финансовые институты. В 1935 г. был основан Почтовый сберегательный банк⁷, который начал работу еще в период нахождения султаната под британским протекторатом. Как правило, почтово-сберегательные банки и их отделения создавались в тех местностях, где отсутствовали коммерческие банки. Эти финансовые учреждения аккумулируют средства населения и используют их для кредитования государства и населения через широкую сеть региональных почтовых отделений. Незадолго до японской оккупации Брунея, в 1940 г. в нем начал работу филиал одного из старейших банков мира — британского Hongkong and Shanghai Banking Corporation Ltd (HSBC). Позднее, в 1958 г. там был зарегистрирован банк Standard Chartered Brunei-Darussalam, являющийся дочерней компанией одноименного английского банка. Его штаб-квартира располагается в столице, городе Бандар-Сери-Бегаван. Банк специализируется на предоставлении ипотечных кредитов, кредитов частному сектору, оказании страховых услуг и др.

В послевоенные годы процесс формирования банковской системы Брунея продолжился: были созданы другие коммерческие банки — Малайский банк (1960 г.) и Национальный банк Брунея (1964 г.) Первый американский транснациональный банк Ситибанк открыл свой филиал в Брунее в 1971 г.

Первый финансовый институт развития в Брунее был создан в 1980 г. под названием «Айленд девелопмент бэнк» (Island Development Bank). Позднее, после его слияния с Национальным банком Брунея возник новый крупный национальный институт развития — Международный банк Брунея.

Первый национальный брунейский коммерческий банк «Байдури Банк Берхад» (Baiduri Bank Berhad) открылся в 1994 г. Имеющий несколько отделений на территории страны банк специализируется на кредитовании малого и среднего бизнеса, образовательных программ для населения, на приобретении, строительстве и реновации жилья.

Год спустя появился новый государственный финансовый институт развития — «Банк развития Брунея». А еще через год — второй национальный коммерческий банк, «Инвестиционный и коммерческий банк Брунея» (Brunei Investment and Commercial Bank), специализирующийся на финансовом обслуживании представителей частного сектора.

В отличие от других стран Юго-Восточной Азии, в Брунее долгое время не было финансового учреждения денежно-кредитного регулирования, аналогичного Центральному банку. Регуляторные и надзорные функции выполняло Министерство финансов через Управление денежного обращения, Валютное управление, Департамент финансового сервиса и Инвестиционное агентство Брунея.

Министром финансов и одновременно премьером-министром, главнокомандующим вооруженными силами и министром обороны является султан Брунея. Все эти функции государственной исполнительной власти с 1984 г. принадлежат султану Хассаналу Болкиаху⁸. Как министр финансов, он в июле 2010 г. учредил «Валютно-финансовое Управление Брунея Даруссалам» («The Monetary Authority of Brunei Darussalam»), фактически выполняющее функции Центрального банка. На этот регуляторно-надзорный финансовый орган были возложены задачи выработки денежно-кредитной политики страны, контроля над банковской сферой, поддержания стабильности национальной валюты. Для реализации задачи контроля за деятельностью коммерческих местных и иностранных банков последние обязаны ежемесячно представлять в этот надзорный орган пакет документов финансовой отчетности, в том числе: сводный месячный отчет об активах и пассивах по всем банковским операциям, график соблюдения норм резервирования финансовых ресурсов, расчет показателя достаточности собственного капитала, ежеквартальный отчет о кредитовании по всем банковским операциям.

В Брунее ныне функционируют 10 банков, в том числе 4 местных и 6 иностранных (представленных филиалами и дочерними компаниями).

Исламские банки и финансовые институты развития

В Брунее, как и в Малайзии, Индонезии, исламская банковская система функционирует параллельно с традиционной. Исламский банкинг экономисты выделяют в отдельную финансовую систему с ее приверженностью законам шариата. Главное отличие исламского банкинга от традиционной модели банковского кредитования — отказ от применения ссудного процента (по-арабски «риба»). Поскольку, по законам шариата, деньги не являются товаром, требовать плату за их предоставление в долг считается попранием норм исламской морали: взимание процентов на ссудные деньги считается несправедливым, ростовщичество запрещено правовыми и моральными нормами, установленными в Коране и хадисах. Поэтому в исламской банковской системе «ссудный процент» заменяется на «долю в прибыли» от реализации торговой сделки, коммерческого или инвестиционного проекта. Кредитную основу банковского бизнеса исламские банки фактически заменяют на инвестиционную, т.е. по сути, изначально действуют как банки развития. Таким образом, исламская финансовая система основывается на принципе отделения прибыли от торговли и инвестиций между кредитором и заемщиком.

Как правило, исламский банк открывает счета, на которых аккумулирует средства вкладчиков. Этими средствами он финансирует торговые, коммерческие сделки и инвестиционные проекты мусульманских предпринимателей. Вместо традиционного процента бизнесмен в соответствии с законами шариата делит полученную прибыль с банком, а тот в свою очередь — с вкладчиками банка. На тех же принципах распределяются риски и убытки от коммерческой и предпринимательской деятельности.

В Брунее первый банк, функционирующий на принципах шариата — «Пербаданан Табунг Аманах Ислам Бруней» (ТАИВ) — был создан специальным одноименным законодательным актом и открыт лично султаном Брунея 29 сентября 1991 г. Год спустя был принят Закон об исламских банках, регулирующий их деятельность на территории страны. В 1993 г. начал функционировать «Исламский банк развития Брунея Бхд». (Islamic Development Bank of Brunei Bhd.), созданный путем преобразования и реструктуризации Международного банка Брунея. В конце 1990-х годов доля исламских банков Брунея в общем объеме банковских депозитов населения страны составляла 11,5%.

В 2005 г. был образован еще один банк на принципах шариата — «Исламский банк Брунея» («Bank Islam Brunei Darussalam Bhd»), его штаб-квартира расположена в столице, в городах Бруней Муара, Тутонг, Куала Билайт и Тимбуронг имеются четыре региональных отделения. Банк предоставляет широкий набор финансовых услуг, соблюдая

законы шариата, в том числе потребительские и образовательные кредиты населению, кредиты малому и среднему бизнесу, исламские инвестиционные продукты, а также страхование жизни, жилья, автотранспорта и прочие виды страхования.

Исламские банки Брунея и другие финансовые институты используют широкий спектр финансовых инструментов с исламской спецификой, в том числе:

- беспроцентные ссуды и кредиты (*кар-аль-хасан*);
- участие в распределении прибылей (*мудараб* и *мушарака*);
- торговое финансирование (*саям*, *муаджал*, *истисна*, *мурабаха*, *мусавама*) и торговые депозиты;
- долговое финансирование путем выпуска и размещения исламских суверенных и корпоративных облигаций (14 видов, в том числе *сукук аль мукарада*, *сукук аль иджара*, *сукук аль ширкат*, *сукук аль саям*, *сукук аль истисна* и др.), деривативов и других ценных бумаг;
- лизинг (*иджара*) и его аналоги (*иджара ва иктина*, *иджара тумма аль бай*);
- страхование (*такафул*) и перестрахование инвестиций;
- хеджирование и своп-операции;
- прямое инвестирование и участие в акционерном капитале компаний, в том числе финансовых;
- микрофинансирование для малого и среднего бизнеса (*кардуль хасана*);
- техническое содействие в планировании и осуществлении проектов и программ развития;
- оказание консультационных услуг;
- финансирование научных исследований и образовательных программ для мусульманского населения.

Отметим еще одну особенность исламского финансового рынка, неукоснительно соблюдаемую в Брунее: исламским финансовым институтам запрещено финансирование, в том числе долговое, бизнеса, связанного с производством и продажей алкоголя, табака, оружия, азартными играми (лотерей), колдовством, проституцией, распространением порнографии. Во многих исламских финансовых структурах предусмотрено создание шариатских советов, призванных определять, не оскорбляет ли финансовая деятельность этих компаний исламскую религию.

Исламские банки Брунея способствовали развитию финансового сектора и конкуренции с другими банковскими учреждениями страны. В настоящее время крупнейшим исламским банком в Брунее является TAIB, чьи активы оцениваются в 8,5 млрд долл., а доля в общем объеме банковских активов страны превышает 40%⁹. Среди основных банковских продуктов, предлагаемых им мусульманскому населению страны, — сберегательные срочные депозиты, финансирование розничной торговли и др. Для корпоративных и ВВП-клиентов банка предусмотрено индивидуальное обслуживание. В структуре банка созданы и функционируют две дочерние компании, которые специализируются на страховом и туристическом бизнесе. На территории Брунея банк имеет 8 отделений и 19 банкоматов.

В декабре 2017 г. Исламская корпорация развития частного сектора (The Islamic Corporation for the Development of the Private Sector, ICD), будучи структурным подразделением Исламского банка развития (ИБР), подписала соглашение с TAIB о создании своего филиала в Брунее¹⁰. Основными направлениями деятельности нового исламского финансового института развития в Брунее будут модернизация частных предприятий, создание новых рабочих мест, поддержка экспорта, развитие местного рынка исламских капиталов.

Доля исламских финансов в общем объеме активов финансового сектора Брунея в 2018 г. достигла 58%, будучи самой значительной среди стран ЮВА¹¹. Динамично развивающаяся исламская финансовая система Брунея представляет собой весьма жизнеспособный проект, способствующий решению базовой проблемы экономики —

привлечению, эффективному аккумулированию и распределению финансовых ресурсов на цели развития.

Небанковские финансовые учреждения

Кроме национальных и иностранных банков в финансовой сфере Брунея функционируют небанковские финансовые учреждения, к которым прежде всего относятся финансовые, страховые компании и государственные финансовые институты развития.

Финансовые компании. По характеру своей деятельности относятся к финансовым посредникам. Капитал таких компаний формируется через депозитные операции, выпуск краткосрочных коммерческих векселей, акций и облигаций, деривативов, кредитов коммерческих банков. Финансовые компании располагают также денежными и материальными взносами учредителей, доходами от своих финансовых операций.

В Брунее существует несколько видов финансовых компаний, среди них — работающие с ценными бумагами, финансирующие торговые сделки, занимающиеся предоставлением потребительских кредитов, факторингом, лизингом и пр. По масштабам финансовой деятельности стоит выделить три из них: «Байдурн Файненс Берхад» (Baiduri Finance Berhad), «Эйч Эс Би Си Файненс (Бруней) Берхад» (HSBC Finance (Brunei) Berhad), «Ай Би Би Кредит Берхад» (IBB Kredit Berhad).

Многие брунейские финансовые компании в своей деятельности придерживаются шариатских принципов, используя широкий спектр различных финансовых инструментов с исламской спецификой.

Страховые компании. Закон о страховании в Брунее учитывает не только современные требования к страховому делу, но и принципы исламского закона Такафул: о соблюдении принципов взаимной выгоды и заинтересованности. Различные виды страховых компаний формируют здесь свои активы, прежде всего за счет продажи страховых полисов. Операции страховых компаний часто близки по их характеру к банковским операциям. Значительные финансовые ресурсы страховых компаний позволяют использовать их для долгосрочных производственных капиталовложений, включая рынок ценных бумаг. По своим активным операциям страховые компании — конкуренты коммерческих банков, инвестиционных и пенсионных фондов страны.

Ныне в Брунее действуют 5 страховых компаний, специализирующихся на отдельных видах страховых операций: Islam TAIB Sendirian Berhad (Takaful/Insurance), Aerojaya Insurance Agency Sdn Bhd, AIA Co. Ltd, IMG Insurance Agency Services, Indera En Voy Transportation, MKB Insurance Agency. Суммарная стоимость активов брунейских страховых компаний в 2004–2013 гг. колебалась в пределах от 4,1 до 6,4% ВВП. В последние годы этот показатель не превышал 4–5%.

Национальные государственные финансовые институты развития. Важным институтом такого рода является «Общий резервный фонд Брунея» («Brunei's General Reserve Fund»), созданный в 1983 г. с целью аккумулирования доходов государства от продажи углеводородов на мировых рынках. Ныне он фактически выполняет функции суверенного фонда национального благосостояния Брунея.

Инвестиционная деятельность и управление зарубежными активами Брунея осуществляется через еще один финансовый институт развития — «Брунейское инвестиционное агентство» («Brunei Investment Agency» BIA), являющееся структурным подразделением Министерства финансов. Под его управлением состоят около 30 млрд долл. заграничных инвестиций Брунея. К его наиболее доходным зарубежным активам относятся мировая сеть люксовых отелей «Dorchester Collection», международные компании, работающие в сфере недвижимости, в том числе «Nudhar Corporation» и «Bahagia Investment Corporation». Кроме того Брунейское инвестиционное агентство владеет крупной иностранной добывающей компанией — иорданской «Jordan Phosphate Mines

Сотрапу» и австралийской брокерской фирмой «Patersons Securities». Одна из ключевых функций агентства — контроль за состоянием и использованием золотовалютных резервов страны, которые в 2018 г. достигли 3,5 млрд долл.¹²

Брунейский международный финансовый центр (БМФЦ). Развитие банковской сферы и растущие финансовые возможности Брунея способствовали более активной интеграции страны в мировой финансовый рынок. Важный шаг в этом направлении был сделан в 2000 г., когда Министерство финансов страны учредило Брунейский международный финансовый центр (Brunei International Financial Center). Одна из его стратегических задач — создать условия для притока международного капитала, новейших технологий в банковской сфере, повысить уровень квалификации банковских служащих, сформировать отряд финансистов мирового уровня.

Для эффективного функционирования БМФЦ был принят ряд законодательных актов, в том числе Закон о порядке деятельности международных и совместных компаний, Закон о международном трасте, Закон о страховании, Закон о лицензировании зарегистрированных агентов и доверительных собственников, Закон о запрете отмывания денег. Ими предусмотрено предоставление нерезидентам значительных налоговых и иных льгот, что обеспечивает БМФЦ высокую конкурентоспособность по сравнению с другими международными финансовыми центрами (фактически налицо статус офшорной зоны). А это в свою очередь сулит расширение и диверсификацию финансовых услуг, эффективную и безопасную финансовую инфраструктуру для международного бизнеса, развитие внешних связей, привлечение финансовых ресурсов с мирового рынка капиталов.

Компании-резиденты в Брунее платят налоги на прибыль, полученную как в стране, так и за рубежом. Налог на доходы компаний взимается по ставке 30%. Султан Брунея заключил соглашения об избежании двойного налогообложения с четырьмя странами: Великобританией (1950), Индонезией (2000), Китаем (2004), Сингапуром (2005). Основные положения этих международных соглашений не распространяются на офшорные компании Брунея. Последние платят налоги на доходы, полученные только в пределах Брунея. Налоги на прирост капитала, недвижимость и имущество не взимаются.

При регистрации в БМФЦ компания получает сертификат, позволяющий не платить указанные налоги в течение 10 лет. Для офшорных компаний отсутствует требование по оплате уставного капитала. Компании, зарегистрированные в БМФЦ, не обязаны сдавать аудиторский и бухгалтерский отчеты, если они не имеют страховую или банковскую лицензию.

Созданный в стране благоприятный инвестиционный климат побуждает многие крупные международные компании рассматривать Бруней как региональную и даже глобальную базу для ведения финансовых операций. К середине 2005 г. в Центре было зарегистрировано 3500 компаний. К 2018 г. число офшорных структур увеличилось более чем в 3 раза, достигнув почти 10 тыс. Офшорный бизнес стал существенным источником государственных доходов Брунея. Наиболее распространенной формой регистрации офшорных компаний в Брунее являются международные трасты и офшорные фонды.

Международные трасты. В Брунее сформировалась весьма надежная международная юридическая база для доверительной деятельности в форме международных трастов (International Trust) с исламской спецификой. В мировой практике трастовые компании — это специализированные кредитно-финансовые организации, осуществляющие трастовые (доверительные) операции для физических и юридических лиц. Как правило, трастовые компании не занимаются традиционной банковской деятельностью, их основная функция — осуществление доверительных операций, разрешенных законом. Трасты дают возможность планировать и осуществлять финансовую деятельность, обеспечивают сохранение, защиту активов и имущества как частных лиц, так и крупных иностранных корпораций.

По закону о международном трасте, в Брунее могут создаваться коммерческие трасты, специальные трасты, трасты коллективного инвестирования, благотворительные трасты.

Коммерческие трасты обычно создаются крупными корпорациями, поскольку в брунейском законодательстве отсутствует требование о необходимости наличия бенефициара, являющегося физическим лицом.

В *специальном трасте* бенефициар не имеет прав на имущество траста и не может воздействовать на процесс его управления. Спорные вопросы деятельности таких трастов решаются исключительно в судебном порядке.

Трасты коллективного инвестирования могут создаваться физическими лицами, имеющие одинаковые инвестиционные цели и бизнес-планы. Потенциальные инвесторы и партнеры могут объединять свои средства, имущество, интеллектуальную собственность и оформлять их в виде траста.

Деятельность *благотворительных трастов* не должна противоречить социальной политике правительства Брунея. Их учреждение поощряется в сферах охраны окружающей среды, сохранения исторических памятников, в социальных проектах.

При создании трастов основным юридическим лицом является «учредитель доверительного управления», или «гарант», который размещает активы или передает их в управление третьему лицу. При регистрации офшорных трастов финансовые и нефинансовые активы и имущество находятся, как правило, в другой стране. При этом трастовые компании могут иметь собственный капитал и получать прибыль от своей деятельности. Далее учредитель доверительной собственности передает свои активы трасту, которым управляет *назначенный доверительный собственник*. В соответствии с законодательством Брунея, как минимум один из доверительных собственников должен обладать лицензией («Закон о лицензировании зарегистрированных агентов и доверительных собственников 2000 г., RATLO»). Доверительный собственник управляет трастом от имени учредителя и на основании официального документа (декларации), в котором содержатся подробные условия и правила управления активами в интересах бенефициаров.

В Брунее при создании офшорного траста бенефициаром может быть любой гражданин, не являющийся резидентом страны. Гарант следит за деятельностью траста, обеспечивая соответствие положениям декларации о трасте, а также за тем, чтобы управление трастом осуществлялось надлежащим образом. Доверительный собственник несет полную юридическую ответственность за управление активами бенефициаров.

Следует отметить высокую степень юридической защиты активов и профессиональный уровень управления капиталом в Брунее. Среди преимуществ регистрации там офшорных трастов можно указать отсутствие налога на имущество. Кроме того, имущество траста не может быть арестовано. Траст в Брунее позволяет избежать права на обязательную долю в наследственной массе, что позволяет учредителю выбирать, кому и в каком размере он желает завещать свои активы. Потенциальные наследники не могут предъявлять трасту иски. Между прочим, в Брунее нет налога на наследство.

Офшорные фонды

Альтернативная трастам форма сохранения и управления активами в Брунее — *офшорные фонды*, которые могут создаваться с целью защиты личного и корпоративного имущества и управления им, налогового планирования в целях наследования активов, реализации схемы участия работников в прибылях, пенсионного планирования, благотворительной деятельности.

Учредителем фонда может быть как физическое, так и юридическое лицо. Фонды в Брунее могут владеть многими компаниями и активами. После создания фонда он обретает права и обязанности юридического лица и становится собственником имуществ-

ва. У фонда могут быть бенефициары, но конкретный владелец отсутствует. Законодательство Брунея гарантирует конфиденциальность учредителям офшорных фондов.

Фонды могут создаваться на определенный срок. Для обеспечения работы фонда необходим гарант, который будет действовать в интересах офшорных клиентов и компаний. В соответствии с официальной декларацией руководит работой фонда совет, который обеспечивает его надлежащее функционирование.

В соответствии с целями, для которых создаются и используются офшорные фонды, их можно классифицировать следующим образом:

- публичные фонды (создаются группами физических лиц, семьями);
- частные фонды (создаются частными лицами);
- государственные фонды (создаются организациями и органами исполнительной власти);
- смешанные фонды (могут создаваться любыми лицами из числа вышеуказанных).

Законодательство о деятельности различных фондов, в том числе исламских, предусматривает возможность создания шариятских советов, призванных определять, не оскорбляет ли деятельность этих фондов исламскую религию.

В офшорном фонде в Брунее можно держать различные виды финансовых и нефинансовых активов, в том числе акции, облигации и прочие ценные бумаги частных и государственных компаний; сформированные инвестиционные портфели; банковские депозиты; полисы страхования жизни; объекты недвижимости; права на интеллектуальную собственность и др. Безвозмездные вклады в фонд исключаются из налогооблагаемой базы. Детально разработаны законодательные положения о лицензировании и безопасности функционирования фондов.

* * *

Национальные кредитно-банковские учреждения и финансовые институты развития Брунея, в том числе и исламские, внесли существенный вклад в становление Брунея как одной из самых богатых стран мира. По методологии ООН, Бруней относится к странам с высоким уровнем дохода на душу населения. В 2017 г. он занимал по этому показателю 1-е место в Азии и 8-е — в мире (по паритету покупательной способности, составившему там 80 тыс. долл.) По номинальному ВВП на душу населения (26,4 тыс. долл.) Бруней в 2017 г. занимал 28-е место в мире¹³.

В 2008 г. правительство Брунея разработало и приняло стратегию долгосрочного развития «Вавасан Бруней — 2035». В стратегии поставлена амбициозная задача: в ближайшие десятилетия войти по уровню экономического развития в первую десятку стран мира.

В рамках реализации этой программы страна намерена продолжить совершенствовать и повышать эффективность функционирования банковской и финансовой системы, в том числе с исламской спецификой. Улучшению инвестиционного климата призван способствовать и Международный финансовый центр Брунея. Следует ожидать роста притока банковского и финансового капитала, в том числе из крупных исламских государств. В ближайшей перспективе можно прогнозировать увеличение активов и уровня капитализации банковской системы Брунея, исламских банков, повышение эффективности и эластичности их функционирования, появление новых исламских финансовых институтов, новых финансовых инструментов.

Динамично развивающаяся финансовая система Брунея будет способствовать привлечению инвестиций и эффективному распределению финансовых ресурсов для целей развития султаната. В среднесрочной перспективе Бруней совместно с Малайзией, Индонезией, Бахрейном, Саудовской Аравией и рядом других мусульманских стран планирует увеличить свой вклад в формирование и развитие международного исламского денежного и финансового рынков. Султан Брунея Хассанал Болкиах и монетарные вла-

сти страны поддерживают идею создания валютного союза мусульманских государств, формирование новой валютной зоны и введение в обращение единой исламской валюты — золотого динара¹⁴.

Новая мировая валюта, основанная на золотодевизном стандарте, не противоречит шариятским законам и в перспективе, при определенных условиях, может стать одним из реальных конкурентов доллару США.

1. *Демин Л.М.* Бруней. У карты мира. М.: Мысль, 1973. 56 с.
2. Каури — уникальное и неповторимое творение природы: круглые, гладкие и весьма изящные небольшие раковины, похожие на искусные изделия из фарфора. Некоторые разновидности каури были так красивы и редки, что ценились наравне с золотом, нефритом, ляпис-лазурью и другими драгоценностями во многих странах Юго-Восточной Азии и др. Каури оказались универсальным средством платежа, самыми долговечными мировыми товарными суррогатными деньгами. Подробнее см.: *Ериов В.Е., Кантор Ю.И.* Морские раковины. Краткий определитель. М.: Курсив, 2008. С. 86.
3. *Лопатников Л.И.* Товарные деньги // Экономико-математический словарь. Словарь современной экономической науки. 5-е изд., доп. и пер. М.: Дело, 2003. 520 с.
4. Полная независимость Брунея была провозглашена 1 января 1984 г. См.: *Погодаев В.А.* Бруней. Краткий справочник. М.: Ключ-С, 2015. 192 с.
5. *Сенилов Б.В.* Военные деньги Второй мировой войны. М.: Финансы и статистика, 1991. 123 с.
6. Подробнее см.: *Финансовые институты развития: особенности стратегического управления / под ред. В.Д. Андрианова.* М.: Экономика, 2013. 278 с.
7. Первые почтово-сберегательные банки появились в Великобритании в 1861 г. В 1930-е годы такой тип банковских учреждения получил широкое распространение почти во всех британских колониях, в том числе в странах Юго-Восточной Азии.
8. В Брунее сохранилась уникальная система государственного управления, которую принято называть теократическая малайская исламская монархия. Эта патриархально-авторитарная форма правления имеет глубокие исторические, политические и социокультурные корни. Ее основными составляющими являются исламская религия, система мусульманских ценностей, малайская культура и обычаи, а также верховенство монархической власти султана. Многие европейские и российские исследователи продолжают рассматривать сложившуюся форму правления как абсолютную монархию. Нынешней глава государства — Хассанал Болкнах является 29-м представителем правящей с 1405 г. династии, провозглашен султаном в октябре 1967 г. и коронован в августе 1968 г. Подробнее см.: *Пахимова Л.* Бруней: новые горизонты развития // *Азия и Африка сегодня.* 2006. 24 февраля.
9. Top 500 Islamic Financial Institutions // *The Banker.* 2018.
10. Islamic Development Bank URL: <https://www.isdb-pilot.org/>
11. Islamic financial services industry Stability Report (IFSB) 2018.
12. World Economic Outlook Database. International Monetary Fund. 17 April 2018. URL: <https://www.imf.org>.
13. Ibid.
14. Эту идею еще в конце прошлого века выдвинул и поддерживает Махатхир Мохамад, премьер-министр Малайзии (1981–2003), который 18 мая 2018 г. в возрасте 92 лет был вновь избран на этот высокий пост.

Государство и общество

Неправительственные организации в КНР с начала осуществления политики реформ и открытости

© 2019

А.А. Семенов

Экономические реформы в Китае существенно снизили уровень государственного контроля над экономикой и обществом. Это повлекло постепенное делегирование части государственных функций неправительственным акторам. В экономической сфере это происходит путем создания торговых ассоциаций и торгово-промышленных палат, которые выполняют регулируемую и координационную функции. Те же процессы происходят и в сфере социального развития, что влечет развитие неправительственных организаций (НПО).

Ключевые слова: Китай, политическая система, НПО, гражданское общество.

DOI: 10.31857/S013128120003929-2

Как правило, НПО ставят перед собой вполне конкретные, общественно значимые цели и задачи и руководствуются ими в своей деятельности. Они выполняют важную функцию повышения осведомленности общественности и влияют на государственную политику. НПО могут вносить непосредственный вклад в развитие общества, особенно в области гуманитарных вопросов, путем предоставления информации и экспертной помощи¹. Во многих странах НПО сыграли важную роль в том, чтобы убедить законодателей в необходимости и полезности ряда важных законодательных инициатив. НПО заполняют не занятые государственными структурами ниши в социально-экономическом развитии страны. Деятельность НПО отличается мобильностью и динамизмом, инициативой и ориентацией на собственные силы².

В результате политики реформ и открытости материковый Китай с середины 1990-х годов переживает подъем активности неправительственных организаций. Их развитие показывает впечатляющую количественную динамику. В 1992 г. в Китае на общенациональном уровне было зарегистрировано 1270 общественных организаций, на местном — 154 тыс. К 1996 г. эти цифры составили 1800 и 200 тыс. соответственно. В 2002 г. количество зарегистрированных НПО составило более 230 тыс., к концу 2006 г. — уже более 350 тыс.³, а к 2012 г. — около полумиллиона⁴. На текущий момент в Китае существует около 600 тыс. официально зарегистрированных НПО и более 1,5 млн незарегистрированных⁵, большая часть из которых появилась за последние 20 лет. Ввиду того, что до недавнего времени процесс регистрации был довольно сложным, многие НПО в Китае не имеют официальной регистрации, и ряд исследователей оценивают действительное количество НПО в 3–4 млн⁶.

Семенов Алексей Александрович, младший научный сотрудник ИДВ РАН.

E-mail: alexeisemenov@mail.ru.

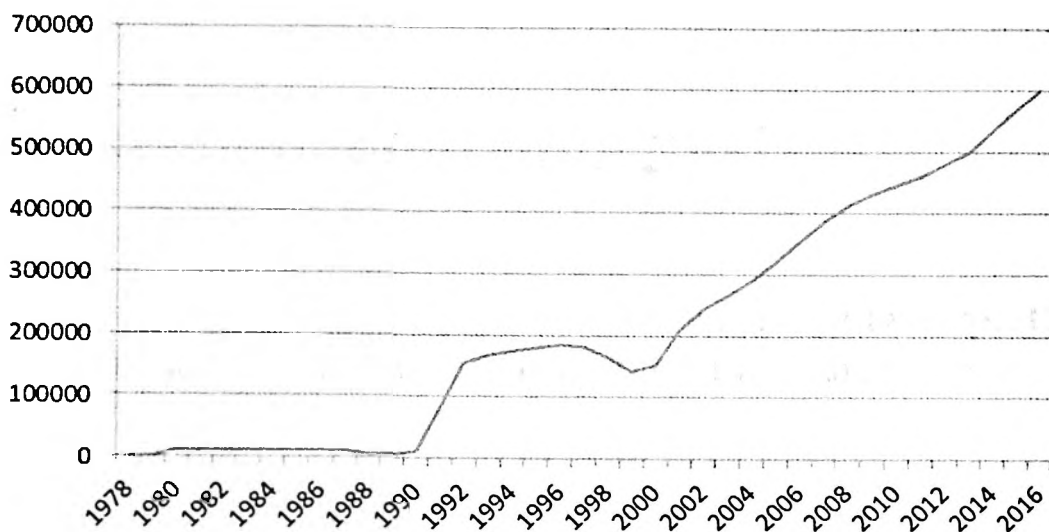

Рис. 1. Динамика численности зарегистрированных общественных объединений в Китае с 1978 по 2016 г.

Критерии для определения НПО в Китае

Прежде чем обсуждать социальные, политические и правовые условия для возникновения и развития НПО в Китае, необходимо определить понятие НПО и разъяснить, как этот термин используется в КНР.

Определение, широко принятое в западных странах, обозначает следующие общие характеристики НПО⁷:

1. Организация: они имеют институциональное присутствие и структуру.
2. Независимость: они институционально отделены от государства, то есть они не являются частью правительственных структур, и у них в руководстве нет правительственных чиновников.
3. Неучастие в получении прибыли: они не распределяют материальные выгоды для членов организации.
4. Самоуправление: они сами контролируют свои собственные дела, то есть их внутреннее управление является свободным от внешнего контроля.
5. Добровольный характер: членство в организации не требуется по закону; также присутствует значительная степень добровольного участия как в фактической деятельности организации, так и в решении административных вопросов.

Многие китайские НПО имеют довольно тесные связи с правительством или КПК. Это поднимает вопрос о том, следует ли рассматривать эти организации как НПО, так как они не являются полностью независимыми от государства. Некоторые ученые считают, что, согласно представлениям западной науки, очень немногие китайские организации можно рассматривать как настоящие НПО. Тем не менее, при применении западных концепций НПО к странам с различными экономическими, политическими и социальными условиями следует принимать во внимание, что актуальность каждой из пяти обозначенных выше характеристик может варьироваться в зависимости от местных условий⁸.

Западные концепции НПО дают нам определенные стандарты, по которым можно оценить ситуацию с НПО в Китае. Однако ввиду уникальности экономического, социального и политического контекста Китая его НПО имеют свои особые характеристики. Отношения между правительством и НПО в Китае гораздо ближе и теснее, чем в западных странах. Это является следствием не только политической и правовой среды, в кото-

рой находятся НПО в КНР, но и того, как китайские НПО понимают свою собственную роль. Большинство лидеров китайских НПО не видят в качестве цели своей деятельности защиту общества от государства или иные виды противостояния с правительством. Скорее они видят свою миссию в исполнении своей гражданской ответственности через сотрудничество с правительством⁹.

Термин «НПО» был впервые введен в Китае в контексте 4-й Всемирной конференции по положению женщин, которая проходила под эгидой ООН в Пекине 4–15 сентября 1995 г. Для подготовки китайских женских организаций к неправительственному форуму, проходившему параллельно с конференцией, в котором приняли участие почти 2 млн женщин-лидеров и общественных активистов, в Китае впервые был введен термин «НПО». С тех пор этот термин стал официальным понятием в КНР и прочно вошел в китайскую политическую лексику.

Таким образом, полная независимость от правительства не является ключевым признаком для оценки развития НПО в Китае. В китайском контексте под понятием НПО следует подразумевать организации, подпадающие под обозначенные выше критерии, по крайней мере, по трем-четырем признакам, т.е. самоуправляемые, добровольческие, некоммерческие организации и т.д. В качестве НПО в КНР следует рассматривать также организации, первоначально учрежденные правительством или партийными ведомствами, незарегистрированные организации и т.д. Различная степень автономии этих организаций является одним из аспектов для анализа. Хотя подавляющее большинство китайских НПО не имеют антагонистической позиции по отношению к правительству или КПК, это отнюдь не уменьшает их значение для развития общества и политической системы КНР.

Социальная среда для НПО в Китае

Экономические реформы, начатые в Китае в конце 1970-х годов, создали основу для развивающегося некоммерческого сектора страны. Децентрализация производства в сельской местности привела к быстрому развитию сельских отраслей промышленности и повышению продуктивности сельскохозяйственного сектора. Быстрорастущие негосударственные предприятия в городах стали одним из наиболее активных секторов китайской экономики. К 1992 г. стоимость продукции, производимой негосударственными предприятиями, превысила стоимость продукции государственных предприятий. Все эти изменения привели к огромному увеличению темпов роста ВВП в период реформ и повышению уровня жизни населения в городских и сельских районах. Среднегодовые темпы роста китайской экономики достигали двузначных цифр.

Начиная с открытия внешней торговли и инвестиций и проведения экономических реформ в 1980-е годы, Китай входит в число наиболее быстрорастущих экономик мира, при этом реальный годовой рост ВВП составлял к 2017 г. в среднем 9,5%, что, по мнению Всемирного банка, является примером самого быстрого устойчивого развития крупной экономики в истории¹⁰.

ВВП Китая с 1978 по 2017 г. увеличился в 82 раза, до 12,24 трлн долл., составив 15% мировой экономики, что сделало китайскую экономику второй по величине в мире¹¹.

Доход граждан Китая на душу населения увеличился более чем в 7 раз, свыше 400 млн человек были избавлены от крайней нищеты¹². Показатели Китая в Индексе человеческого развития (ИЧР), рассчитываемого Программой развития ООН (ПРООН), также значительно повысились: если в 1990 г. этот показатель составлял 0,501 (низкий уровень), то к 2014 г. он вырос до 0,727 (высокий уровень)¹³.

Процесс экономических реформ не был направлен на полный отказ от социалистической системы и характеризовался исключительным и безусловным господством КПК. Целью процесса реформ было повышение экономической эффективности социалистической системы путем введения элементов рыночной экономики, в результате чего ожида-

лось повышение политической стабильности и, следовательно, укрепление власти КПК¹⁴. Однако переход от плановой экономики к рыночной, помимо увеличения темпов экономического роста, привел к другим, непредвиденным последствиям для китайского общества.

Одним из последствий бурного экономического развития Китая стал рост неравенства в доходах между сельскими и городскими районами, а также между восточными прибрежными регионами и западными провинциями. Несмотря на то, что быстрый экономический рост в последние десятилетия действительно улучшил условия жизни большинства жителей Китая, рост благосостояния не был распределен равномерно. Тем не менее в стране стал стремительно расти средний класс, имеющий сильную экономическую базу и хорошее образование.

Изменение характера государственного вмешательства в экономической сфере от прямого контроля к косвенному и появление среднего класса привели к большей плюрализации китайского общества. Это, в свою очередь, и заставило граждан начать осознавать ценность самоорганизации в автономные группы за рамками государственных структур¹⁵.

Тем не менее многие сельские районы в западной части Китая остаются крайне бедными. Растущее неравенство доходов привело к массовой миграции из деревень в города вдоль восточного побережья страны. Внутренняя миграция обусловлена значительным избытком рабочей силы в сельскохозяйственном секторе и существенной разницей в заработной плате работников в городах и сельской местности¹⁶.

Городское население Китая постоянно росло, и в 2011 г. его доля впервые в истории страны превысила долю сельского. Всего городское население страны с 1979 г. выросло примерно на 567 млн человек — до 749 млн в 2014 г.¹⁷ Более 70% из этих 567 млн составили мигранты из сельских районов КНР¹⁸. Такая массовая миграция вызвала огромное давление на сферы образования, здравоохранения и коммунальных услуг¹⁹. Многие люди не в состоянии оплачивать расходы на лечение или обучение.

Другим серьезным последствием бурного экономического развития страны стало серьезное ухудшение состояния окружающей среды. Большое и непрерывно растущее население Китая оказывает огромное давление на природные ресурсы страны.

Китайские власти активно борются с проблемой загрязнения воздуха, вызванной сжиганием угля, который из-за низкой стоимости по-прежнему является главным источником энергии. Около 70% энергетических потребностей Китая обеспечивается за счет угольных электростанций²⁰. Сегодня в Китае активно рассматриваются проекты по оборудованию предприятий современными системами утилизации и переработки отходов, особенно в сельской местности.

Процесс экономических реформ и их социальные и экологические последствия следует рассматривать в качестве фоновых условий для возникновения сектора НПО в Китае. Однако обсуждение этих условий не дает точной картины их возникновения и развития. Следует также рассмотреть государственную политику, которая служит основой для возникновения и развития НПО в рамках социалистической политической системы КНР.

Всестороннее открытие экономики после 1978 г. внесло существенные изменения в производство и распределение экономических и социальных ресурсов: стало сложно поддерживать полный контроль со стороны государства.

Начиная с конца 1970-х годов вместе с ростом экономической и социальной свободы наблюдается как возрождение традиционных институтов, так и появление новых форм общественных организаций в КНР. Именно в это время в стране начали активно развиваться различные формы самоорганизации граждан, в том числе НПО. В первые годы реформ было создано около 200 тыс. подобных организаций. Некоторые из них создавались либо путем разделения групп существовавших правительственных организаций, либо по инициативе отдельных лиц. НПО стали играть все более важную роль в обеспечении благосостояния и охраны окружающей среды.

Правовая среда для НПО в КНР

Государственная политика в начальный период экономических реформ характеризовалась «принципом невмешательства», о чем свидетельствует отсутствие в те годы нормативно-правовой базы и официального органа, ответственного за регистрацию НПО. В те годы еще не был понятен масштаб этого явления, и китайское правительство не пыталось систематически контролировать НПО. Этот период иногда характеризуется как «хаотический», поскольку для НПО не существовало особых правил, а регистрация осуществлялось на всех уровнях различных правительственных ведомств²¹.

Согласно Конституции КНР, руководящей силой в обществе и государстве является Коммунистическая партия Китая²². В результате в стране тесно переплетаются партийные и государственные функции, деятельность партийных и государственных органов.

При этом в Китае существуют и действуют еще восемь других политических партий, объединяющих представителей различных слоев общества, а иногда лиц определенных профессий. Поправки к Конституции, принятые в 1993 г., предусматривают длительное многопартийное сотрудничество и демократические консультации между партиями и общественными организациями.

Концепция единства общественных организаций и движений в Китае означает, что путем применения государственных мер правящей партией созданы «сверху» единые профсоюзные, женские, молодежные и иные общественные объединения, которые по существу являются «квазигосударственными».

Большинство из них входит в особую общественно-политическую организацию — Единый фронт. В Конституции говорится, что он сформировался в ходе революции и социалистического строительства, руководит им КПК, а по характеру он является патриотической организацией. Единый фронт — наиболее широкое общественное объединение в Китае. В его состав входят все существующие в стране партии и массовые общественные объединения. В рамках Фронта, в его центральном органе — Народном политическом консультативном совете Китая (НПКСК) — вырабатывается общая позиция по принципиальным вопросам развития страны, но поскольку руководство Фронтом осуществляет КПК, то она направляет деятельность всех организаций, входящих в его состав. Однако это делается не прямо, а опосредованно — через другую, более широкую организацию²³.

До 1989 г. ни одно из государственных министерств не занималось регистрацией и регулированием общественных неправительственных организаций. Партийные и государственные органы могли одобрить и взять на себя ответственность по отдельным их видам.

В 1989 г. Госсовет КНР обнародовал Постановление о регистрации и управлении ассоциациями (*Шэхуэй туанъти дэнцзи гуанъли тяоли*). С тех пор за управление и контроль над НПО, действующими в Китае, отвечает Административное бюро по неправительственным организациям Министерства гражданской администрации КНР (МГА). Министерство определяет общественные организации как «организации, образуемые гражданами-добровольцами, которые осуществляют деятельность, направленную на реализацию общих устремлений своих членов в соответствии с уставом организации», к которым относятся «торговые ассоциации, общины, торгово-промышленные организации, правозащитные организации, фонды, академические и исследовательские ассоциации и общества дружбы»²⁴.

За некоторыми исключениями, все общественные объединения сначала должны получить официальное разрешение государственного учреждения в качестве их административно-надзорного органа прежде чем на законных основаниях зарегистрироваться в МГА или местном бюро. Таким образом, сформировалась система «двойного управления» (*шюанчун гуанъли*)²⁵. Освобождение от регистрации в основном касалось квазиправительственных организаций, к которым относились: 1) объединения, участвующие в НПКСК; 2) объединения, создание которых утверждено органами в структуре Государ-

ственного совета, и по его решению освобожденные от регистрации; 3) объединения, образованные в рамках и по решению органов, объединений, хозяйствующих субъектов, и осуществляющие свою деятельность внутри них.

В последние десятилетия в целях упорядочения деятельности НПО в Китае были приняты Временное положение о регистрации негосударственных некоммерческих организаций²⁶, Положение о регистрации и управлении общественными организациями²⁷, Закон КНР о пожертвованиях для социальной защиты населения²⁸ и Положение об управлении фондами²⁹.

В 1998 г. Госсовет принял новую редакцию Правил о порядке регистрации общественных организаций³⁰, предусмотренных временным Положением о регистрации негосударственных некоммерческих организаций. Он официально изменил название «Департамент по общественным организациям» на «Бюро по делам неправительственных организаций», что символизировало официальное признание неправительственного характера гражданских организаций. С тех пор официальное название НПО в КНР — «организации гражданского общества» (*миньцзянь цзучжи*).

Развитие НПО ограничивалось двумя принципами, предписанными Правилами 1998 г. Во-первых, «принцип отсутствия конкуренции», то есть в определенной сфере деятельности разрешалась регистрация только одного НПО. Во-вторых, «принцип надзора на разных уровнях», который требовал, чтобы НПО могли осуществлять деятельность в пределах той области, где они первоначально зарегистрированы. Одно из оснований для отказа в регистрации заключалось в том, что в пределах региона уже существовало сходное или аналогичное по направленности общественное объединение, и не было необходимости еще в одном. В случае нарушения правил регистрация аннулировалась, причем возможность судебного оспаривания такого решения предусмотрена не была³¹.

Важно отметить, что китайское законодательство различает НПО, деятельность которых имеет целью общественную пользу, и те, которые созданы для иных целей.

Общественно-полезная деятельность предусматривает:

- помощь при стихийных бедствиях, борьбу с нищетой, содействие инвалидам и малообеспеченным гражданам;
- образовательную, научную, культурную и здравоохранительную деятельность;
- охрану окружающей среды и строительство общественных сооружений;
- другие общественные меры, содействующие социальному развитию и прогрессу.

Все фонды, некоторые общественные организации и большинство государственных учреждений имеют статус общественно-полезной организации. Теоретически НПО также может получить статус общественно-полезной организации и принимать пожертвования под юрисдикцией Закона о пожертвованиях для социальной защиты населения. Однако до сих пор многие НПО зарегистрированы в качестве коммерческих предприятий или не имеют официальной регистрации, вследствие чего не подпадают под юрисдикцию данного закона, несмотря на то, что фактически являются некоммерческими организациями и занимаются общественно-полезной деятельностью.

В течение долгого времени, вплоть до 2016 г., общественные организации подлежали совместному «двухуровневому» контролю со стороны как МГА (или его областных, городских, других местных отделений), так и госучреждения-поручителя, ответственного за организацию (обычно правительственного министерства или другого государственного агентства на национальном, провинциальном, муниципальном или местном уровне с юрисдикцией в сфере взаимодействия с общественными организациями).

Требования к регистрации в качестве общественной организации, в частности на национальном уровне, были довольно строгими и получить статус общественной организации без какой-либо государственной поддержки было достаточно трудно.

Эта сложная «двухуровневая» система регистрации привела к тому, что большая часть китайских НПО до недавнего времени не имели официальной регистрации.

В мае 2012 г. министр по гражданским делам Ли Лиго заявил, что в Китае необходимо ослабить жесткие требования по регистрации НПО и позволить ассоциациям в области бизнеса, экономических, общественных интересов, благотворительности, социального обеспечения и социальных услуг регистрироваться напрямую в отделах МГА без обязательного поручительства административно-надзорного органа в виде государственного учреждения³².

Такой план стал ответом на публичную неудовлетворенность системой «двойного управления», которая была основным тормозом в развитии НПО в Китае.

После 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва, который состоялся 12 ноября 2013 г., было принято решение о разработке новых правил регистрации НПО, в рамках которых больше не потребуются двойной процесс регистрации.

В некоторых провинциях и городах Китая, например, Гуандун и Шанхай, проводились эксперименты с новыми, упрощенными правилами регистрации, чтобы понять, как они могут быть реализованы более эффективно.

21 августа 2016 г. Госсоветом были изданы новые руководящие принципы «О реформировании системы руководства социальными организациями в целях содействия здоровому и упорядоченному развитию общественных организаций»³³.

Новые правила призваны серьезно упростить и стандартизировать процедуру регистрации НПО в КНР³⁴. Теперь для НПО, желающих зарегистрироваться, больше не требуется «двойной» процесс регистрации. Новый порядок регистрации позволяет осуществлять регистрацию напрямую четырем следующим категориям:

- промышленные ассоциации;
- благотворительные организации;
- организации, занимающиеся общественными услугами;
- организации, занимающиеся вопросами развития науки и техники.

Организации, попадающие под критерии этих четырех категорий, будут регистрироваться напрямую в МГА без предварительного рассмотрения и утверждения другими регулирующими органами. В настоящее время около 85% зарегистрированных в Китае НПО подходят под определения обозначенных четырех категорий.

Данная поправка в законодательство также сформулировала правила для создания филиалов зарубежных НПО или НПО, создаваемых китайскими эмигрантами в материковой части Китая. Для них предусмотрены исключения из этого нового оптимизированного процесса регулирования. Религиозные организации, представительства иностранных НПО, а также НПО, чья деятельность рассматривается как политическая, по-прежнему обязаны проходить предварительную регистрацию и утверждение другими регуляторами (госучреждениями-поручителями).

Новые правила призваны дать дополнительный импульс развитию и увеличению количества благотворительных организаций и НПО страны, дав возможность сотням незарегистрированных в настоящее время китайских общественных организаций войти в систему и начать работать легально на территории Китая.

Государственная политика КНР по отношению к НПО

В процессе решения социальных и экологических проблем китайское правительство все чаще сталкивалось с тем, что одной опоры на собственные возможности недостаточно для их решения. В период реформ доходы бюджета в процентном отношении к ВВП быстро снижались. Правительство пыталось оптимизировать систему государственного управления, чтобы сэкономить средства, чем, в свою очередь, значительно ослабило свою способность предоставлять общественные блага, такие, как, например, социальное обеспечение. Именно поэтому правительство решило начать передачу части своих функций различным общественным группам и организациям, которые были готовы принять активное участие в различных областях деятельности в качестве НПО.

С начала 1990-х годов китайское правительство во многом придерживается стратегии «малое правительство, большое общество»³⁵. Ее суть заключается в том, чтобы расширить неправительственный сектор и мобилизовать ресурсы внутри общества в целях борьбы с негативными явлениями. Так, в ходе 9-й сессии Всекитайского собрания народных представителей в марте 1998 г. генеральный секретарь Государственного совета КНР Ло Гань заявил, что правительство взяло на себя управление многими делами, которыми оно не должно заниматься³⁶. Он предложил в связи с этим расширить деятельность «социальных посреднических организаций». В целях решения социальных и экологических проблем правительство учреждает организации, которые формально находятся за пределами государственной системы. Кроме того, оно поддерживает некоторые независимые НПО в таких областях, как охрана окружающей среды, образование и обеспечение социальной защиты населения³⁷.

Правительство и НПО имеют различные преимущества в плане гарантирования и предоставления социального обеспечения.

Правительство играет важную роль в таких областях, как:

1. Политика социального обеспечения и формулирование планов соцобслуживания.
2. Осуществление законов и нормативных актов.
3. Распределение ресурсов.
4. Мониторинг и оценка качества обслуживания.
5. Предоставление услуг в определенных областях.

Роль НПО в основном включает в себя:

1. Предоставление услуг социального обеспечения.
2. Осуществление проектов в сфере социальных услуг, в т.ч. государственных.
3. Изучение ресурсов социального обеспечения.
4. Предоставление консультаций правительству в процессе принятия политических решений.

5. Разработку и внедрение новых идей и методов.

6. Пропаганду прав человека, социальной справедливости и равенства³⁸.

Признавая сильные стороны НПО, китайское правительство поощряет их деятельность в сферах благотворительности и социального обеспечения.

Тем не менее, поскольку правительство КНР считает, что деятельность НПО может иметь также и негативные последствия, иностранные НПО и организации, занимающиеся религиозными вопросами, обычно находятся под более строгим контролем. Правительство обеспокоено тем, что в условиях роста социальной напряженности некоторые НПО могут участвовать в политических мероприятиях или подстрекать к массовым протестам.

Подавляя НПО, деятельность которых расценивается как «опасная для социальной стабильности», китайское правительство пытается включить менее полезные для общества НПО в существующую партийно-государственную структуру, сохраняя и поддерживая таким образом контроль над их регистрацией и управлением.

В то же время никакие официальные правовые нормы не ограничивают участие НПО и общественных организаций в законодательном процессе. Как правило, общественные организации, входящие в НПКСК, участвуют в обсуждении законодательного процесса через СМИ и имеют право сообщить о своем мнении во Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) и НПКСК, а также в провинциальные законодательные органы. При этом НПО не могут заниматься политической деятельностью.

Несмотря на некоторые трудности, с которыми сталкиваются китайские НПО, правительство КНР в целом рассматривает их как необходимый общественный компонент и в последние годы улучшает условия работы для организаций, занимающихся социальными проблемами.

Посредством принятия законов, упрощающих деятельность НПО, правительство КНР в целом признает их полезность для общества. Если раньше в КНР существовали лишь общественные организации, входящие в НПКСК и напрямую связанные с правительством, то теперь в Китае развился обширный неправительственный сектор, который, находясь под серьезным государственным контролем, обладает определенным уровнем независимости.

Правительство обратило серьезное внимание на взаимодействие с НПО. В современном Китае общественные организации становятся важным каналом коммуникации между правительством и гражданами, и постепенно начинают принимать определенное участие в процессе принятия решений партийных и государственных органов.

1. *Willets P.* What is a Non-Governmental Organization? // UNESCO Encyclopaedia of Life Support Systems / City University London. URL: <http://www.staff.city.ac.uk/p.willets/CS-NTWKS/NGO-ART.HTM>.
2. *Ulleberg I.* The role and impact of NGOs in capacity development. From replacing the state to reinvigorating education // UNESCO/IIEP. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001869/186980e.pdf>.
3. *Ying X., Zhao L.* China's rapidly growing non-governmental organizations // EAI Background Brief. 2010. No. 514. URL: <http://www.eai.nus.edu.sg/BB514.pdf>.
4. China Daily. Number of NGOs in China grows to nearly 500,000. 20.03.2012. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2012-03/20/content_14875389.htm.
5. *Hasmath R.* China's NGOs Go Global // The Diplomat. 23.03.2016. URL: <http://thediplomat.com/2016/03/chinas-ngos-go-global/>
6. *Nicholas J.* 21st Century China: Does Civil Society Play a Role in Promoting Reform in China? // Center for Democracy, Development and the Rule of Law Thesis / Stanford University. 2012. URL: http://cddrl.fsi.stanford.edu/sites/default/files/JENNA_NICHOLAS.pdf.
7. *Salamon L., Anheier H.* Civil Society in Comparative Perspective // Global Civil Society: Dimensions of the Nonprofit Sector / Salamon L., Anheier H. (eds.). Baltimore: Center for Civil Society Studies, 1999. P. 3–39.
8. *Brie M., Pietzcker H.* NGOs in China — Die Entwicklung des Dritten Sektors // Discussion Paper SP III 2004–110. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung, 2004. URL: <http://skylla.wz-berlin.de/pdf/2004/iii04-110.pdf>.
9. *Ma Q.* Chinese non-governmental and non-profit organizations since the late 1970s // Research Report. 1997. Washington, DC. The Aspen Institute Working Paper Series.
10. *Morrison W.M.* China's Economic Rise: History, Trends, Challenges, and Implications for the United States // Congressional Research Service. February 5, 2018. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL33534.pdf>.
11. 40 years after reform and opening-up: China's GDP 1978–2017 // Global Times. 23.05.2018. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1103708.shtml>.
12. *Kuva A.B.* Реформы в Китае и России: сравнительный анализ / Институт востоковедения РАН. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2015. 304 с.
13. Trends in the Human Development Index, 1990–2014. United Nations Development Project. URL: <http://hdr.undp.org/en/composite/trends>.
14. *Sandschneider E.* Die Kommunistische Partei Chinas an der Macht: Politische Entwicklungen bis zum Ende der Ära Deng Xiaoping // *Herrmann-Pillath C., Lackner M.* Länderbericht China — Politik, Wirtschaft und Gesellschaft im chinesischen Kulturraum. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2000. P. 169–185.
15. *Ye Z.* Nongovernmental Organizations in China: Present and Future // The Asia Foundation 1997: Focus on China. Asian Perspectives Series. URL: <http://www.asiafoundation.org/pdf/focusonchina.pdf>.
16. *Lipschitz L., Rochon C., Verdire G.* A Real Model of Transitional Growth and Competitiveness in China // International Monetary Fund Working Paper. April 2008. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2008/wp0899.pdf>.
17. Urban and rural population of China from 2004 to 2014 (in million inhabitants). URL: <http://www.statista.com/statistics/278566/urban-and-rural-population-of-china/>

18. *Kam W.C.* Internal Labor Migration in China: Trends, Geographical Distribution and Policies // Proceedings of the United Nations Expert Group Meeting on Population Distribution, Urbanization, Internal Migration and Development. UN/ POP/ EGM-URB/ 2008/ 05. United Nations. 2008. P. 93–122.
19. Образование для всех. 2000–2015 гг.: достижения и вызовы. Всемирный доклад ЮНЕСКО по мониторингу ОДВ. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002325/232565R.pdf>.
20. *Meisen P., Hawkins S.* Renewable Energy Potential of China Making the Transition from Coal-Fired Generation // Global Energy Network Institute. San Diego, 2009. URL: <http://www.geni.org/globalenergy/research/renewable-energy-potential-in-china/Renewable%20Energy%20Potential%20in%20China.pdf>.
21. *Brie M., Pietzcker H.* Op. cit.
22. Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 г.). URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution.
23. *Кормушкина Н.В.* Конституционное право зарубежных стран // Политические партии, общественные («народные») организации КНР. URL: <http://www.be5.biz/pravo/kknv/64.htm>.
24. *Lau C.S.* The Role of NGOs in China. 2009. URL: <http://www.lsus.edu/Documents/Offices%20and%20Services/CommunityOutreach/JournalOfIdeology/NGOsInChinaarticle.pdf>.
25. *He J.* Mapping the Chinese NGO Sector. URL: http://www.booksandideas.net/IMG/pdf/20121119_ngo_jianyu.pdf.
26. Миньбань фэй ши даньвэй дэнци гуаньли чжаньсин тяоли: [Временное положение о регистрации негосударственных некоммерческих организаций]. URL: <http://www.lawinfochina.com/display.aspx?id=14549&lib=law>.
27. Шэхуэй гуаньти дэнци гуаньли тяоли: [Положение о регистрации и управлении общественными организациями]. URL: <http://www.lawinfochina.com/display.aspx?lib=law&id=5613&CGid=>
28. Чжунхуа жэньминь гунхэго гуни ши цзюаньцзэн фа: [Закон КНР о пожертвованиях для социальной защиты населения]. URL: <http://www.lawinfochina.com/display.aspx?id=6238&lib=law>.
29. Цицинь хуэй гуаньли баньфа: [Положение об управлении фондами]. URL: <http://www.lawinfochina.com/display.aspx?id=1275&lib=law>.
30. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюнь гунбао: [Правила о порядке регистрации общественных организаций] // Вестник Государственного совета Китайской Народной Республики. 1998. № 27. С. 1036–1041.
31. *Ганшин В.Г.* Китай и его соседи: на пути к гражданскому обществу (особенности и закономерности формирования основ гражданского общества в Китае и некоторых странах АТР). М.: ИДВ РАН, 2004. С. 145.
32. *Zheng J., Xu J.* Govt Plans To Give All NGOs Equal Treatment // China Daily. 8 May 2012.
33. См.: URL: <http://www.mca.gov.cn/article/zwgb/mzyw/201608/20160800001526.shtml>.
34. *Feng L., Zhang Y.* The Field of Philanthropy: The Duo-Variation of Administration and De-Administration // Observation Report on China's Third Sector. 2014. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/6893/05fdccd33843102b78383ce809633e26eca6.pdf>.
35. *Edele A.* Non-Governmental Organizations in China // Centre for Applied Studies in International Negotiations Report. May 2005. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/20365/05.2005.pdf>.
36. *Saich A.* Negotiating the State: The Development of Social Organizations in China // The China Quarterly. 2000. Vol. 161. P. 124–141.
37. *Xing Z.* NGOs can become key social 'partner // China Daily. 13.03.2004. URL: http://www.chinadaily.com.cn/english/doc/2004-03/13/content_314397.htm.
38. *Вэй Яньбинь (Негай Нгань-пунь).* Фули фачжань: чжэнфу юй фэй чжэнфу фули цзигоу до цзю-эсэ // Аомэнь шэхуэй фули фачжань: тэдянь юй цюйши. Чжунго аомэнь: аомэнь дасюэ аомэнь яньцзю чжунсинь чубань: [Развитие социального обеспечения: роль государственных и неправительственных организаций в области социального обеспечения // Развитие системы социального обеспечения Аомэнь: характеристики и тенденции. Аомэнь: Центр исследований Аомэнь в ун-те Аомэнь]. 2006. С. 286–296.

Государственная политика КНР в области сохранения историко-архитектурного наследия КВЖД

© 2018

Н.Н. Аблажей, Ли Дань

Статья посвящена современной государственной политике Китая в области сохранения архитектурно-строительного наследия КВЖД. На основании Всекитайских переписей объектов наследия и национальных реестров архитектурных памятников государственного значения приводятся данные по динамике численности объектов застройки в русском стиле, имеющих статус охраняемых и расположенных на территории Автономного района Внутренняя Монголия, провинций Хэйлуунцзян, Цзилинь и Ляонин. По материалам законодательства и официальных органов власти КНР анализируются программы, реализуемые на национальном и провинциальном уровнях в области сохранения архитектурно-строительного наследия КВЖД.

Ключевые слова: Россия, Китай, КВЖД, архитектурно-строительное наследие, охрана историко-культурного наследия, памятники архитектуры.

DOI: 10.31857/S013128120003930-4

Неотъемлемой частью историко-культурного наследия Китая является архитектурно-строительное наследие Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). По линии КВЖД находится более полутора тысяч объектов, которые представляют важную историческую, культурную и экономическую ценность, часть из которых охраняется государством. Несмотря на доминирующую точку зрения на КВЖД как эпицентр колоннальной экспансии России в Китае, сегодня среди китайских специалистов и представителей власти нет сомнений в необходимости сохранить исторический облик КВЖД, в первую очередь как часть наследия в русском стиле.

Тренд, связанный с изменением политики Китая в области сохранения «архитектурного и инженерно-строительного наследия КВЖД», отмечают как отдельные российские специалисты¹, так и просто почитатели российской старины на своих интернет-страницах. Есть показательный пример длительного сотрудничества российских исследователей с китайскими специалистами, нацеленного не только на изучение русского архитектурно-градостроительного наследия и его истории², но и практическую деятельность по исторической реконструкции «объектов в русском стиле» в Харбине, Даляне, Циндао. В данном случае речь идет о специалистах из Тихоокеанского государственного

Аблажей Наталья Николаевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (г. Новосибирск), доцент кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета. E-mail: ablazhey@academ.org;

Ли Дань, магистр истории, переводчик Института городского планирования и дизайна Харбинского политехнического университета (г. Харбин). E-mail: 297197196@qq.com.

университета (г. Хабаровск), под руководством известного историка архитектуры Н.П. Крадина. Стоит упомянуть и совместный проект Санкт-Петербургского университета и Харбинского политехнического университета, в рамках которого в Харбине создан российско-китайский центр по изучению и охране культурного наследия КВЖД. Активное участие российских ученых в серии конкретно-ориентированных проектов, безусловно, предполагает знание текущей ситуации с объектами наследия и политики Китая в этой области, но, к сожалению, эта тематика не получила должного отражения в отечественной историографии.

В последние годы тема сохранения историко-культурного наследия КВЖД привлекает пристальное внимание китайских специалистов — как ученых из вузов и исследовательских институтов, так и работников государственных структур, занимающихся сохранением наследия. Среди работ китайских специалистов, изучающих проблемы сохранения и использования индустриального наследия КВЖД, необходимо назвать статьи Лю Лихуа³, Тун Юйцюань⁴, Гай Лисинь и Тао Ган⁵. К числу фундаментальных работ по теме относится издание справочного характера по объектам КВЖД провинции Хэйлунцзян, подготовленное Ван Чжэньчжэнь, Гай Лисинь, Вэй Сяоюй⁶. Также необходимо упомянуть справочное издание, подготовленное сотрудниками Чаньчуньского института объектов материальной культуры⁷ и магистерскую диссертацию Янь Сяофэн⁸. Ввиду крайне противоречивой и небольшой по объему информации на эту тему в русскоязычных публикациях возникает необходимость анализа мероприятий китайских властей в этой области, основываясь, в первую очередь, на исследованиях китайских специалистов и официальных китайских источниках.

Прежде чем анализировать основные мероприятия по сохранению историко-культурного наследия КВЖД, необходимо остановиться на общих тенденциях развития государственной политики Китая в этой сфере и ее правовой базе. Работа по сохранению национального наследия началась с момента образования КНР. Первым шагом стало создание 1 ноября 1949 г. Управления по охране культурного наследия Министерства культуры Центрального народного правительства (Госсовета) КНР. Далее последовало формирование системы государственного управления объектами культурного наследия на уровне автономий и провинций. В 1956 г. Госсовет принял постановление «Об охране историко-культурного наследия в процессе сельскохозяйственной деятельности», в котором обозначалась необходимость создания национального реестра объектов наследия. Следствием этого решения было проведение первой общенациональной переписи объектов наследия. В 1961 г. Госсовет принял «Временное положение об управлении работами по сохранению историко-культурного наследия», введившее градацию объектов историко-культурного наследия и уровни их охраны (национальный — провинциальный — городской/уездный) и «открытости».

Основной закон «Об охране объектов историко-культурного наследия КНР» был принят в 1982 г., но уже четырежды пересматривался и дорабатывался (1991, 2002, 2007, 2015). В его развитие принята серия национальных регламентов. Среди них: «Метод управления: “фиолетовая линия” города» (2003), определяющий принципы выделения границ охраняемой территории историко-архитектурного ансамбля и ответственность за уничтожение объектов; «Нормы сохранения китайского историко-культурного наследия» (2008), призванные содействовать охране памятников на уровне муниципалитетов и поселений; «Правила сохранения известных историко-культурных городов, поселков и деревень» (2008), нацеленные по защите объектов историко-архитектурного строительства. С 2005 г., в соответствии с решением Госсовета «Об усилении работы по сохранению историко-культурного наследия»⁹, ежегодно вторая суббота июня в стране отмечается как «День историко-культурного наследия».

В КНР проведено три национальных переписи объектов историко-культурного наследия. В ходе Первой переписи (1956–1959) было выявлено около 7 тыс. объектов.

По ее итогам в 1961 г. утвердили Первый реестр охраняемых государством памятников, в который включили 180 объектов¹⁰. Вторая национальная перепись (1981–1988) выявила более 400 тыс. объектов. По материалам этой переписи был издан «Атлас китайских памятников культурного наследия»¹¹, включающий данные по всем провинциям Китая. По результатам Второй переписи были утверждены также второй (1982), третий (1988), четвертый (1996), пятый (2001) и шестой (2006) реестры объектов наследия общенационального значения. Третья национальная перепись, проведенная в 2007–2011 гг. и нацеленная не только на выявление новых памятников, но и на оценку состояния объектов, ранее включенных в первые шесть реестров, выявила на территории КНР 766 722 объекта историко-культурного наследия¹². В ходе переписи уточнялись также границы охраняемой территории, собирался дополнительный архивный материал. Помимо рекомендаций по улучшению охраны и управлению объектами, ставилась задача популяризации культурного наследия. На основе результатов Третьей переписи Госсовет утвердил седьмой (2013) реестр архитектурных памятников государственного значения. Статус «охраняемый государством» в КНР на данный момент имеют 1944 объекта архитектурного наследия¹³.

Архитектурно-строительное наследие КВЖД расположено на территории Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ), провинций Хэйлуцзян, Цзилинь и Ляонин. Основная часть строений находится на территории провинции Хэйлуцзян. Сооружения, составляющие архитектурно-строительное наследие КВЖД, представляют собой не только объекты инфраструктуры железной дороги, но и строения разного назначения в городах и пристанционных поселках, сооруженные в конце XIX — первой четверти XX в. На протяжении ста лет происходили ветшание конструкций, реконструкция, перестройка и даже снос, поэтому сооружения по линии КВЖД отнесены к объектам повышенной сложности.

Основанием к охране объекта является его наличие в материалах национальных переписей и реестрах. Первым объектом, согласно третьему реестру отнесенным к категории «охраняемых государством», стала в 1988 г. тюрьма в районе Люйшунь, где находилась крепость Порт-Артур (совр. г. Далянь, провинция Ляонин). Построенное русскими в 1902 г., здание тюрьмы в годы русско-японской войны использовалось под госпиталь. В Китае Люйшуньская тюрьма печально известна в первую очередь как японский концлагерь.

Четвертый реестр (1996) добавил в число охраняемых сразу три объекта: собор Святой Софии 1907 г. постройки, бывший особняк предпринимателя В.Ф. Ковальского 1919 г. (ул. Июань, № 1) в Харбине и здание пароходства КВЖД 1902 г. в Даляне. Здание Софийского собора ныне занимает Харбинский музей архитектуры и искусства; в здании пароходства расположена художественная галерея; в особняке Ковальского разместился музей в память о посещении Мао Цзэдуном провинции Хэйлуцзян. Пятый реестр не увеличил число объектов КВЖД.

По данным шестого реестра, в число охраняемых объектов КВЖД вошли бывший универмаг «Москва» постройки 1906 г. (Харбин) и архитектурно-строительный ансамбль в пос. Хэндаохэцзы (городской уезд Хайлинь). В здании торгового комплекса «Москва» с 1923 г. размещались общеобразовательная школа КВЖД, площади также использовались под выставки. Бывший универмаг «Москва» находится на проспекте Хунцзюнь, 46-го района Наньган г. Харбин. С 1954 г. здание полностью занимает Музей провинции Хэйлуцзян. Ансамбль в пос. Хэндаохэцзы состоит из семи зданий: паровозное депо, православная церковь, железнодорожное здание «Белый дом» (построено в 1913 г., в 2013 г. утверждено как объект государственного значения), контора охраны КВЖД; здание бывшей станции Хайлинь и два деревянных дома в русском стиле.

В 2013 г. число охраняемых, согласно данным 7-го реестра, дополнили еще три «объекта КВЖД». В их числе оказались гостиница «Модерн» в Харбине постройки

1913 г., известная тем, что в ней в 1936 г. останавливался и выступал Федор Шаляпин, и бывшее русское консульство в г. Инкоу (пров. Ляонин). В число охраняемых объектов также включен «Исторический архитектурно-строительный ансамбль КВЖД». В данном случае речь идет о группе объектов КВЖД, расположенных на территории четырех регионов: АРВМ, провинций Хэйлуцзян, Цзилинь и Ляонин. Перечень этих объектов утвержден Госсоветом КНР как единый объект, «находящийся под охраной государства». В число охраняемых вошли 227 отдельных объектов, преимущественно русской постройки.

На территории провинции Хэйлуцзян — всего 180 объектов, из них 179 русской постройки: 1) здания станции Сянфан (2 объекта), Харбин; 2) историко-архитектурный ансамбль КВЖД в уездном городе Шанчжи (58 объектов), Харбин; 3) здание управления КВЖД, Харбин (построено в 1902 г, перестроено в 1906 г.; в 2005 г. здание утверждено как объект государственного значения); 4) мост Цихун, Харбин; 5) Большой Сунгарийский мост на линии Харбин — Маньчжоули, 5) историко-архитектурный ансамбль КВЖД в регионе Аньанси города Цицикар (111 объектов), Цицикар; 8) историко-архитектурный ансамбль КВЖД в Суйфэньхэ (6 объектов, из них 5 является русским наследием), Суйфэньхэ; 9) на территории АРВМ — 38 объектов, из них 37 русской постройки; 10) историко-архитектурный ансамбль КВЖД в городе Чжаланьтунь (38 объектов, из них русских), Чжаланьтунь; 11) на территории провинции Цзилинь (11 объектов).

Начиная с 2010 г. в отношении охраны объектов КВЖД власти КНР сделали акцент на реализацию не только общенациональных, но и региональных программ. С целью более активного участия властей провинций были инициированы и приняты региональные программы. Первым шагом в этом направлении стало принятие регионами планов охранных мероприятий в отношении объектов КВЖД. Первая программа планирования охранных мероприятий была разработана в 2011 г. властями провинции Хэйлуцзян. Проект «Сохранение архитектурно-строительного наследия КВЖД на территории провинции Хэйлуцзян» был утвержден в 2013 г. Управлением по охране культурного наследия КНР¹⁴, что вывело его в ранг общенациональных программ. В 2015 г. аналогичную программу получила провинция Цзилинь, а в 2016 г. — провинция Ляонин¹⁵. На данный момент такой программы нет только в АРВМ.

В Китае на территориях компактного расположения исторических и культурных памятников практикуется создание охраняемых «исторических и культурных зон» («известные историко-культурные» города, поселки, станции, проспекты, улицы, кварталы). Первым из комплексов КВЖД статус «известный историко-культурный поселок» был присвоен в 2008 г. поселку Хэндаохэнцзы¹⁶. В 2009 г. полуторакилометровый центральный проспект Даоли в Харбине (24 строения в русском стиле), изначально называвшийся ул. Китайская и известный сегодня как «китайский Арбат», был утвержден в статусе «известного историко-культурного проспекта» 1-го уровня. В 2015 г. статус «известный историко-культурный проспект» 2-го уровня под названием «Русская улица» был присвоен полуторакилометровой улице Линъюань в районе вокзала Аньанси в г. Цицикар¹⁷. На ней расположено 111 памятников архитектуры в русском стиле и 20 — в японском стиле.

В последние годы Управление историко-культурного наследия КНР активно инициирует и поддерживает программы по сохранению объектов КВЖД; таковыми могут быть как единичные архитектурные ансамбли, так и комплексные. В значительной степени на это ориентированы провинциальные программы. Так, программа провинции Хэйлуцзян была нацелена на сохранение ансамбля «Русская улица КВЖД» в районе вокзала Аньанси¹⁸. В 2014 г. принята схожая программа по сохранению историко-архитектурного ансамбля КВЖД г. Гунчжули¹⁹. Аналогичное решение было принято в 2015 г. для объектов пос. Имяньпо²⁰.

Работа в этом направлении идет достаточно интенсивно, но она далека от завершения. Наиболее активно действует Управление историко-культурного наследия

провинции Хэйлуцзян. В ходе третьей переписи объектов наследия на территории провинции было выявлено 865 объектов КВЖД (1181 здание). Полный перечень этих объектов по городам и уездам доступен на сайте Управления историко-культурного наследия КВЖД провинции Хэйлуцзян²¹. Согласно ему в г. Харбине имеется 243 объекта, в г. Цицикар — 240, в г. Дацин — 38, в г. Анда — 71, в г. Чжаодун — 32, в г. Муданьцзян — 270, в г. Суйфэньхэ — 45 объектов и т.д. В ходе переписи 2010 г. Управление рекомендовало 180 исторических зданий КВЖД к получению статуса охраняемого государством объекта, который и был довольно быстро присвоен²². Из 1181 здания, обозначенного в материалах переписи, на сегодня треть имеют статус охраняемых объектов. В отношении охраняемых объектов установлены знаки «охраняются государством», составлены подробные описания и определены ответственные организации. Объекты КВЖД, которые на данный момент не попали в систему охраны, тем не менее, визуально обозначены как объекты наследия²³.

В ходе Третьей переписи была запланирована реконструкция многих объектов КВЖД, которая осуществляется за государственный счет и включена в план 13-й пятилетки (2011–2015 гг.). Запланированы и выделены средства для проведения работ по реконструкции в пос. Хэндаохэцзы в районе Аньанси, в пос. Имяньпо, в городах Суйфэньхэ и Харбин²⁴. В 2013 г. восстановили паровозное депо и православную церковь в пос. Хэндаохэцзы; в 2014 г. — контору Охранной службы в пос. Хэндаохэцзы²⁵. В 2015 г. были выделены средства на реставрацию бывшей школы русских эмигрантов в Суйфэньхэ²⁶, в 2016 г. — здания клуба для служащих КВЖД в районе Аньанси²⁷ и Большого Сунгарийского моста²⁸. В 2014 г. на территории АРВМ были проведены восстановительные мероприятия на объектах КВЖД, расположенных на перегонах близ станций Маньчжуря²⁹, Бокэту³⁰, Чжаланьтунь³¹. В 2014 г. выделили средства на восстановительные мероприятия на объектах КВЖД на территории провинции Цилинь, за счет которых была проведена реконструкция здания цеха № 110 паровозного завода в г. Гунчжулин³². Планами развития историко-культурного наследия на 14-ю пятилетку (2016–2020 гг.) предусмотрены работы по 12 объектам, в число которых вошел и комплексный проект — «Программа охраны и сохранения историко-архитектурного наследия КВЖД»³³.

Особо стоит также остановиться на мероприятиях, реализованных в связи со строительством в 2012–2017 гг. скоростной железнодорожной магистрали протяженностью 281 км, связавшей крупнейшие города провинции Хэйлуцзян — столицу Харбин и второй по значению г. Цицикар. Дорога проходит через станции Чжаодун, Анда и Дацин. В связи со строительством возникла необходимость перемещения некоторых историко-архитектурных объектов КВЖД. Первым таким объектом стало здание ст. Чжаодун, перемещенное 23 октября 2012 г. Кроме него, был перемещен еще ряд строений, в том числе здание в русском стиле рядом со ст. Цзянцзя в районе Тедун, бывший склад на ст. Цзянцзя в г. Шуйхуа; двухэтажное здание в русском стиле и здание багажной кассы в г. Анда³⁴. На объектах КВЖД такого рода инженерно-технические и строительные работы проводились впервые.

В 2013–2016 гг. по инициативе Управления по охране культурного наследия КНР и Ассоциации по вопросам охраны и сохранения историко-культурного наследия прошла серия межрегиональных семинаров и конференций. На первом семинаре (2013) обсуждались подходы к реализации проектов и программ по охране историко-культурного наследия КВЖД. В центре работы второго семинара (2014) оказался проект реконструкции паровозного депо и православной церкви в пос. Хэндаохэцзы, вошедший в десятку важнейших национальных проектов по сохранению историко-культурного наследия. Две последние межрегиональные конференции (2015 г., г. Маньчжуря, АРВМ; 2016 г., г. Далинь пров. Ляонин) были посвящены выработке рекомендаций по охране наследия КВЖД в плане совершенствования законодательства, реализации мероприятий по планированию и реконструкции, в том числе в сфере обмена опытом между регионам; взаимо-

действию государственных структур с владельцами, в собственности которых находятся объекты историко-культурного наследия КВЖД, организации научных исследований, в том числе расширению контактов с российскими специалистами и привлечению их к реализации проектов, пропаганде ценности наследия КВЖД среди населения, а также его использованию для нужд туризма³⁵. Несмотря на рост внимания к охране историко-культурного наследия КВЖД, в этой области имеется еще немало проблем. До сих пор многие объекты КВЖД находятся в крайне неудовлетворительном состоянии, имеет место их ветшание по причине заброшенности и ненадлежащего использования, констатируются также случаи незаконного уничтожения охраняемых объектов (например, незаконный снос в 2010 г. здания станции Тайкан)³⁶. В крайне плачевном состоянии находятся объекты железнодорожной инфраструктуры КВЖД, в том числе жилые дома в большинстве поселков и деревень, расположенных вдоль линий железной дороги. Несмотря на то что многие объекты находятся под охраной общенационального и провинциального законодательства, в отношении объектов историко-культурного наследия КВЖД как линейного наследия нет специального закона по аналогии с законом 2006 г. по охране Великой Китайской стены. Принятие такого закона повлекло бы разработку единого (общегосударственного) плана мероприятий по сохранению объектов историко-культурного наследия КВЖД на основе уже принятых региональных программ, создание специальных отделов по наследию КВЖД при управлениях охраны историко-культурного наследия в регионах, где оно имеется. Среди первоочередных мер — усиление взаимодействия и сотрудничества между властью, бизнесом, наукой, организациями в сфере культуры, иностранными специалистами (в первую очередь, из России), пропаганда среди населения, проживающего в исторических зданиях, значимости и ценности объектов КВЖД. Для возрождения наследия в русском стиле необходимо развивать туризм. Историко-культурное наследие должно стать особым ресурсом Северо-Востока Китая и важным фактором его социально-экономического развития.

К настоящему времени Китай имеет оформившуюся государственную политику в области сохранения историко-культурного наследия КВЖД. За последние 15 лет охрана историко-культурного наследия КВЖД в КНР осуществляется как самостоятельное направление, реализуемое на национальном и провинциальном уровнях. В последние годы много объектов историко-культурного наследия КВЖД были утверждены как объекты охраны разного уровня. Сформирована система защиты, позволяющая охранять объекты в едином комплексе. Важно, что существующие модели сохранения историко-культурного наследия КВЖД позволяют приспособить его для использования в современных условиях. Однако неохранные государством объекты историко-культурного наследия КВЖД находятся под угрозой повреждения и исчезновения, что обусловлено негативными условиями окружающей среды, безграмотной хозяйственной деятельностью человека.

1. *Самойлов Н.А.* Историческое наследие КВЖД и формирование образа России на Северо-Востоке Китая // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 2 (171). С. 88–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.93; *Самойлов Н.А., Старовойтова Е.О., Ходяков М.В., Янченко Д.Г.* Китайско-Восточная железная дорога — историческое наследие двух народов: перспективы изучения // Новейшая история России / Modern history of Russia. 2016. № 3. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2016.313.
2. *Крадин Н.С.* Харбин — Русская Атлантида. Хабаровск: Изд-во Хворова А.Ю., 2001; *Он же.* Вклад русских зодчих в архитектуру Харбина // Архитектура. Строительство. Дизайн. 2007. № 4. С. 32–38.; *Козыренко Н.Е., Ян Хунвэй, Иванова А.П.* Градостроительное наследие Харбина. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2015 и др.

3. Лю Лихуа. Чжундун телу сяньсин гунье ичань дэ чжэнти син баоху юй лиюнь: [Комплексное сохранение и использование промышленных объектов историко-культурного наследия КВЖД] // Шэжухэй кэсюэ бань. Шэньян шифань дасюэ: [Социальные науки. Журнал Шэньянского педагогического университета]. 2013. № 6. С. 24–28.
4. Туи Юйцюань. Чжундун телу гунье ичань дэ фэньбу сяньчжуан цзи ваньчжэн син баоху: [Современное состояние промышленных объектов историко-культурного наследия КВЖД и их комплексное сохранение] // Чэньши фачжэнь яньцзю: [Проблемы городского развития]. 2013. № 4. С. 41–46.
5. Гай Лисинь, Тао Ган. Чжундун телу ичань цзи «чжундун телу цзяньчжу шюнь цзунти баоху цзихуа» бяньчжи жогань вэньти яньцзю: [Историко-культурное наследие КВЖД и разработка «Комплексного плана охраны архитектурного ансамбля КВЖД] // Бэйфан вэньу: [Культура Севера]. 2016. № 3. С. 70–75.
6. Ван Чжэньчжэнь, Гай Лисинь, Вэй Сяюй. Хэйлуцзян шэн чжундун телу яньсянь цзяньчжу тулу: [Каталог сооружений, расположенных вдоль КВЖД в провинции Хэйлуцзян] // Харбин: Хэйлуцзян цзяюй чубаньшэ, 2012. 179 с.
7. Чжундун телу чжисянь чанчунь дуань дяоча баогао / Чанчунь вэньу баоху со: [Доклад об обследовании Чанчуньского участка КВЖД / Чанчуньский институт сохранения объектов культурного наследия]. Чанчунь: Цзилинь вэньши, 2012. 136 с.
8. Янь Сяофэн. Чжундун телу цзилинь дуань лишн цзяньчжу ицунь баоху юй лиюнь яньцзю: [Сохранение и использование сохранившихся исторических сооружений Чанчуньского участка КВЖД]. Дис.... магистра архитектуры. Чанчунь, 2016. 111 с.
9. Уведомление «Об укреплении работы по сохранению историко-культурного наследия». Постановление Госсовета № 24. 2005. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2006/content_185117.htm (дата обращения: 21.03.2017).
10. Две переписи историко-культурного наследия в Китае. Электронная библиотека Шучэн. URL: <http://www.yimiwang.com/Reader/Reader/Book.00003203.9.html> (дата обращения: 21.03.2018).
11. Гао Далунь. Чжунго вэньу диту цзи: [Атлас китайских памятников культурного наследия]. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2009. 1296 с.
12. Результаты Третьей национальной переписи историко-культурного наследия КНР. Сайт Агентства Синьхуа. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2011-12/30/c_122515966.htm (дата обращения: 23.03.2018).
13. Седьмая партия объектов государственного значения. URL: http://www.gov.cn/gzdt/2013-05/03/content_2395234.htm (дата обращения: 27.03.2018).
14. Вэй Сяюй, У Цзян, Чжан Цзиньмэй. Хэйлуцзян шэн чжундун телу лишн цзяньчжу баоху гунизо цзуншу: [Обзор деятельности по сохранению исторических сооружений КВЖД в провинции Хэйлуцзян]. 25.03.2013. URL: <http://www.ccrnews.com.cn/index.php/Home/Digital/index?data=2013-03-08&num=5> (дата обращения: 29.03.2018).
15. Специальная программа «Сохранение архитектурно-строительного наследия КВЖД в провинции Хэйлуцзян. Постановление № 1234 (2013). Сайт Управления историко-культурного наследия КНР. URL: http://www.sach.gov.cn/art/2013/8/6/art_1324_101665.html (дата обращения: 26.02.2018); Специальная программа «Сохранение архитектурно-строительного наследия КВЖД в провинции Цзилинь. Постановление № 2460 (2015). URL: http://www.sach.gov.cn/art/2015/5/14/art_1324_120767.html (дата обращения: 26.02.2018); Специальная программа «Сохранение архитектурно-строительного наследия КВЖД в провинции Ляонин. Постановление № 149 (2016). URL: http://www.sach.gov.cn/art/2016/3/2/art_1324_128774.html (дата обращения: 26.02.2018).
16. Известные историко-культурные кварталы и поселки Китая (3-я партия). Сайт Управления историко-культурного наследия КНР. URL: http://www.sach.gov.cn/art/2014/5/20/art_1662_50365.html (дата обращения: 03.05.2018).
17. 30 известных историко-культурный кварталов и поселков Китая (1-я партия). Сайт «Жэньминь». 22.04.2015. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2015/0422/c1001-26884209.html> (дата обращения: 27.05.2018).
18. «Заявление о составлении планирования по сохранению историко-архитектурного ансамбля КВЖД в регионе Ан-ан-си». Постановление № 402 (2011). Сайт Управления историко-

- культурного наследия КНР. URL: http://www.sach.gov.cn/art/2011/4/28/art_1324_103607.html (дата обращения: 25.02.2018).
19. «Заявление о составлении планирования по сохранению историко-архитектурного ансамбля КВЖД в городе Гунчжулин». Постановление № 1462 (2014). URL: http://www.sach.gov.cn/art/2014/6/8/art_1324_100719.html (дата обращения: 25.02.2018).
  20. «Заявление о составлении планирования по сохранению историко-архитектурного ансамбля КВЖД в поселке Имяньпо». Постановление № 2246 (2015). URL: http://www.sach.gov.cn/art/2015/5/8/art_1324_120620.html (дата обращения: 25.02.2018).
  21. Состояние работы по сохранению историко-архитектурного ансамбля КВЖД в провинции Хэйлуцзян. Сайт Управление историко-культурного наследия КВЖД провинции Хэйлуцзян. URL: <http://www.hljwht.gov.cn/system/201506/101057.html> (дата обращения: 03.04.2018).
  22. Там же.
  23. Там же.
  24. *Вэй Сяоюй, У Цзян, Чжан Цзиньмэй*. Указ. соч.
  25. Проект реконструкции здания конторы Охранной службы в пос. Хэндаохэцзы. Постановление № 1845 (2014). URL: http://www.sach.gov.cn/art/2014/6/8/art_1324_100432.html (дата обращения: 01.03.2018).
  26. Проект реконструкции бывшей русской школы в Суйфэнхэ. Постановление № 2508 (2015). URL: http://www.sach.gov.cn/art/2015/5/20/art_1324_120980.html (дата обращения: 01.03.2018).
  27. Проект реконструкции здания клуба для служащих КВЖД в районе Ан-ан-си. Постановление № 257 (2016). URL: http://www.sach.gov.cn/art/2016/3/23/art_1324_129297.html (дата обращения: 01.03.2018).
  28. Проект реконструкции Большого Сунгарийского моста. Постановление № 923 (2016). URL: http://www.sach.gov.cn/art/2016/5/31/art_1324_131258.html (дата обращения: 01.03.2018).
  29. Восстановительные мероприятия на территории станции Маньчжурия. Постановление № 1234 (2014). URL: http://www.sach.gov.cn/art/2014/6/8/art_1324_100820.html (дата обращения: 02.03.2018).
  30. Восстановительные мероприятия на территории станции Бокэту. Постановление № 1326 (2014). URL: http://www.sach.gov.cn/art/2014/6/8/art_1324_100660.html (дата обращения: 03.03.2018).
  31. Восстановительные мероприятия на территории станции Чжаланьтунь. Постановление № 1325 (2014). URL: http://www.sach.gov.cn/art/2014/6/8/art_1324_100661.html (дата обращения: 03.03.2017).
  32. Реконструкция здания ремонтного цеха № 110 паровозостроительного завода в г. Гунчжулин. Постановление № 1321 (2014). URL: http://www.sach.gov.cn/art/2014/6/8/art_1324_100665.html (дата обращения: 03.03.2018).
  33. Работа по 12 проектам сохранения историко-культурного наследия «Плана развития отрасли национального историко-культурного наследия на 13-ю пятилетку. 22.02.2017. URL: http://www.sach.gov.cn/art/2017/2/22/art_1027_137457.html (дата обращения: 08.03.2018)
  34. Перемещение объектов историко-культурного наследия КВЖД на территории города Шуйхуа. URL: http://www.sach.gov.cn/art/2012/10/24/art_723_78093.html (Дата обращения: 04.03.2018).
  35. Совместное заседание по сохранению историко-архитектурного наследия КВЖД. 08.07.2016. Сайт Китайского архитектурного наследия. URL: <http://www.zggjzw.cn/huiyi/7824.html> (дата обращения: 07.03.2018).
  36. *Лю Лихуа*. Указ. соч. С. 27.

Дискуссионная трибуна

Особенности политического лидерства: Си Цзиньпин и Ангела Меркель

© 2019

А.К. Галимзянова

Статья посвящена исследованию политического лидерства в Китае и Германии. Автор рассматривает политическую культуру современного Китая с момента провозглашения КНР. Также исследуется политическая культура Германии. Автор приходит к выводу, что политическое и культурное развитие страны находится в тесной связи с личностью ее лидера, индивидуальные качества которого влияют на ее положение на мировой арене.

Ключевые слова: Германия, Китай, Си Цзиньпин, Ангела Меркель, персональное политическое лидерство.

DOI: 10.31857/S013128120003931-5

Вместе с изменениями, происходящими сегодня на мировой арене, возрастает роль персонального политического лидерства. «Лидеры и их влияние становятся якорем политического процесса, политических интерпретаций и политической оценки»¹. Небезынтересно понять, как личностный фактор не только пролагает дорогу к вершинам, способствует достижению высот политической власти, но влияет на положение стран, возглавляемых этими лидерами. Эта проблема рассматривается на примерах лидеров двух стран — Китая и Германии, выбор которых обусловлен возрастающим влиянием Китая в современном мире и влиянием Германии на процессы, происходящие в ЕС.

Политическая культура современного Китая

Если говорить о политической культуре Китая, то в основе ее лежат ценности китаизированного «рыночного социализма», «китайской национальной идеи», а также синтез даосизма, буддизма, легизма и конфуцианства, которому отводится центральное место и с которым связаны «терпение, миролюбие и умение найти компромисс: предпочтение “золотой середины” во всем; неизменная благоговенность перед предками, пожилыми и учеными людьми, а также зрелый гуманизм, ставящий человека в центр вселенной»².

В первое десятилетие после провозглашения Китайской Народной Республики политическая культура в стране развивалась под влиянием маоистской идеологии и носила авторитарный характер. Все изменилось в 80-е годы XX века. Реформы, начатые

под руководством Дэн Сяопина, способствовали распространению ценностей «рыночного социализма», что через определенное время вывело экономику страны на новый уровень. Кроме того, на становление политической культуры Китая издревле оказывает влияние система *гуанси*, построенная на принципе лояльности клановых связей. Система подразумевает взаимодействие и клановую преемственность. Действие этой системы четко отражено в передаче власти от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину, а впоследствии к Цзян Цзэминю, Ху Цзиньтао и, наконец, к Си Цзиньпину³.

Особенности политической культуры Китая выражаются также в том, что она представляет собой разновидность авторитарной политической культуры, существующей более полувека в условиях однопартийной государственной системы, где основная роль принадлежит Компартии Китая. Политическая культура Китая выступает в двух основных формах: официальной (официально-массовой) и оппозиционной (реформистской и либеральной). Стоит особо отметить традиции авторитарного восприятия власти, конфуцианского менталитета «семья — государство», и соответствующего поведения в политике, принципиальную роль тысячелетних традиций в развитии политической культуры. Во внешней политике Китая проявляются принципы традиционного ханьского политико-культурного менталитета, смысл которых состоит, с одной стороны, в избегании Китаем прямых столкновений и конфронтации на международной арене, а с другой — в упорном и последовательном обеспечении для китайского общества и государства выгодных внешнеполитических условий развития при одновременной опоре на зарубежные этнические китайские общины⁴.

Согласно типологии национальных деловых культур, предложенной Р. Льюисом, китайскую культуру можно отнести к реактивным. Это культуры, ориентированные на обеспечение общей гармонии, в которых деятельность осуществляется не по плану, а в зависимости от изменяющихся контекста и условий. В свою очередь культура Германии относится к моноактивным, т.е. ориентированным на решение конкретных проблем, когда эта деятельность разбивается на последовательные этапы без отвлечения на другие задачи. В моноактивных культурах время объективно и линейно, а в реактивных — циклично и не уходит в будущее⁵.

В связи с возвышением Китая в западной политологии стали появляться теории «китайской угрозы», «претензий на роль гегемона вместо Америки», «высокомерия Китая», «китайского неокolonialизма»⁶. Все это нанесло немалый вред целям развития Китая и стратегии модернизации страны. Большая часть обвинений явилась результатом непонимания постулатов китайской культуры.

Китай — единственная цивилизация, история которой насчитывает пять тысячелетий, на протяжении которых происходили ее взлеты и падения, но ценности оставались неизменными. Наполняясь новым содержанием, они способствуют сегодня обновлению современного Китая, его модернизации и демократизации. «Отсюда важнейшей характеристикой политической культуры конфуцианско-буддийского типа следует считать гибкость, способность к реинтерпретации традиционных ценностей в духе современности, к перманентному самообновлению, к творческому восприятию и адаптации инокультурных влияний с опорой на национальную традицию. Именно здесь в значительной степени скрыта разгадка «тихоокеанского чуда» — гигантского рывка [КНР] практически во всех сферах жизни»⁷.

Возвращаясь к феномену политического лидерства, напомним некоторые исторические этапы становления современного Китая, взяв в качестве отправной точки 1 октября 1949 г. — провозглашение Китайской Народной Республики. Став руководителем огромной страны, Мао Цзэдун захотел в короткие сроки превратить КНР в мирового лидера в экономическом и военном отношении и непременно превзойти по этим показателям СССР и США. Провозгласив лозунг «три года упорного труда — десять тысяч лет счастья», Мао сделал основной акцент на развитие индустрии и сельского хозяйства, по-

ложив начало политике «большого скачка», целью которой было достичь уровня экономического развития Англии в течение 15 лет. Однако это превратилось для Китая в настоящее бедствие. Произошла трудовая мобилизация крестьян, началась коммунизация сельского хозяйства, в результате чего «большой скачок» обернулся провалом, что особенно отразилось на простом населении — миллионы людей погибли от голода.

Затем, в 1966 г., наступил период «культурной революции», затянувшийся на 10 лет. Главным ее лозунгом был «огонь по штабам!», начались репрессии интеллигенции и неугодных партийных руководителей. Критике подвергся даже Лю Шаоци, которому Мао позволил в 1959 г. занять пост Председателя КНР. Основной целью этой кампании было укрепление «культы личности» Мао Цзэдуна.

В 1976 г. к власти в КНР пришел Дэн Сяопин. на плечи которого легла задача восстановления экономики страны после всех потрясений. Он считал, что экономике Китая может помочь только деколлективизация. Девизом политики Дэна стал крылатый афоризм: «Не важно, какого цвета кошка — черная или белая, если она может ловить мышей — это хорошая кошка». Началось строительство «капитализма с китайской спецификой», была поставлена цель создания смешанной экономики, провозглашена политика «реформ и открытости», целью которой стало привлечение в страну иностранного капитала. Также была выдвинута концепция «Одна страна — две системы», суть которой заключалась в сосуществовании в рамках единого государства социализма и капитализма. В итоге Китай превратился в одного из лидеров мировой экономики и политики.

Особенности политического лидерства Си Цзиньпина

Нынешний Председатель КНР Си Цзиньпин является одной из самых влиятельных фигур мировой политики. Он — сын видного китайского политического деятеля Си Цзунсюня — одного из основателей Нового Китая.

В детстве Си Цзиньпин ходил в престижный детский сад, потом в элитную школу для детей высокопоставленных работников. Однако после ареста отца девятилетний Си столкнулся с жизненными трудностями. В годы «культурной революции» Си Цзиньпин вступил в ряды хунвэйбинов, однако он был сыном «контрреволюционера» и не имел права вступать в ряды тех, кто с ними боролся. Когда обман раскрылся, Си Цзиньпина могли отправить в колонию, но вместо ареста он был направлен в группу по исправлению малолетних преступников. Си прошел через голод и скитания, пока не отправился к своей бабушке в провинцию Шэньси.

Жизнь в деревне была трудной, но тяжелый крестьянский труд закалил юного Си Цзиньпина. Он перечитал все книги, которые лежали на деревянном ящике рядом с его кроватью, а были это в основном труды Мао Цзэдуна и газеты. Он старался усовершенствовать деревенскую жизнь, придумывая разные инновации. Вступил в комсомол и в партию, быстро стал партийным секретарем производственной бригады. В 1975 г. Си Цзиньпин был зачислен на химико-технологический факультет пекинского университета Цинхуа по квоте «представителей рабоче-крестьянских масс». За время учебы Си Цзиньпина в университете произошло много событий, поменявших историческую судьбу Китая: стихийные демонстрации на площади Тяньаньмэнь людей, охваченных скорбью по покойному премьеру Чжоу Эньлаю, закат империи Мао Цзэдуна, арест «банды четырех».

В апреле 1979 г. Си Цзиньпин окончил университет. Пройдя все ступени политической карьеры, в октябре 2007 г. он вошел в Политбюро ЦК КПК, в ноябре 2012 г. был избран Генеральным секретарем и председателем Центрального военного совета, а в 2013 г. стал Председателем КНР.

Си Цзиньпин — амбициозен и целеустремлен. Однажды он сказал: «Меч выковывается камнем, а человек — в трудностях»⁸. Его фамилия Си в переводе с китайского языка означает «упражняться в (чем-л.); повторять (что-л.), овладевать (чем-л.); совер-

шенствоваться в (чем-л.)). Имя Цзинь имеет значение «близкий, родной; приближенный», а иероглиф «пин» значит «справедливый, беспристрастный; точный; мирный, спокойный, безмятежный; благополучный, довольный»⁹. Так как имя Цзиньпин пишется слитно, то его можно перевести как «близкий к миру, благополучию». Интересно, что когда Си Цзиньпин ставит свою подпись на документах, он использует так называемое древнее, или полное, написание иероглифа, обозначающего его фамилию. В этом проявляется стиль политического лидерства Си Цзиньпина — открытый и прагматичный современный политик с опорой на традиции.

Японская газета Diamond Weekly составила политический портрет Председателя КНР Си Цзиньпина, основными чертами которого являются:

1. Внимание к своим оппонентам.
2. Несмотря на приверженность традициям в Китае, Си Цзиньпин старается ломать стереотипы и старые правила.
3. Открытость и честность.
4. Способность контролировать окружающее пространство.
5. Самостоятельность в принятии решений. («Я не буду взвешивать все “за” и “против”, если кто-то просто что-то скажет. На мой аппетит это не повлияет»)¹⁰.
6. Готовность пойти на риск.
7. Непредсказуемость действий.
8. Преданность¹¹.

Можно с чем-то согласиться, с чем-то нет, но на прошедшем в октябре 2017 г. XIX съезде Коммунистической партии Китая Си Цзиньпин стал вторым человеком после Мао Цзэдуна, чье имя при жизни было внесено в Устав КПК. В Устав вошли идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи. На съезде была дана установка всем членам партии «добиваться единства взглядов и действий на основе идей Си Цзиньпина. Внедрять эти идеи во все аспекты партийного руководства». Возможно, никто из политических лидеров современности не обладает сегодня такой властью, как Председатель КНР Си Цзиньпин.

Приходя к власти, китайские лидеры, несомненно, что-то перенимали у своих предшественников, а что-то отвергали. Так, теория Дэн Сяопина, соединяя в себе основные положения марксизма-ленинизма, являлась продолжением идей Мао Цзэдуна в новых исторических условиях. Потом идеи Мао и Дэна воплотились в идею «тройного представительства». Концепцию «трех представительства» развивал затем Ху Цзиньтао. Первое, с чего начал Си Цзиньпин после прихода к власти, — это *борьба за укрепление личной власти*. Он начал непримиримую борьбу с коррупцией, приверженцами которой являлись сторонники предшествовавших китайских лидеров. И судя по количеству арестов, эта борьба идет успешно. У Дэн Сяопина он унаследовал *стремление постоянно развиваться и продвигаться вперед*, повышая влияние Китая на мировой арене. На XIX съезде КПК Си Цзиньпин указал на необходимость руководствоваться принципами марксизма-ленинизма, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, а также важными идеями тройного представительства, научной концепцией развития и идеями о социализме с китайской спецификой новой эпохи.

Политическая культура современной Германии

Политическая культура страны в целом определяет личность ее политического лидера. Однако она не имеет исчерпывающей и всеми разделяемой дефиниции. Одной из самых «рабочих» представляется ее определение, предложенное Габриэлем Алмондом, стоявшим у истоков современных исследований данного понятия. По его мнению, политическая культура — это «субъективное измерение общественных основ политической системы, то есть совокупность всех политически релевантных мнений, позиций и ценно-

стей субъектов конкретного социального и политического организма»¹². Рассмотрим, исходя из этого определения, ключевые характеристики немецкой политической культуры и культуры политического лидерства.

Не одно столетие немецкая нация стремилась к формированию единого национального государства. Единое германское государство возникло в 1871 г., а сама история Германии насчитывает несколько периодов: это Кайзеровская империя (48 лет), Веймарская республика (14 лет), Третий рейх (12 лет) и вот уже более 60 лет существующая Федеративная Республика¹³. На пути к единству Германии пришлось преодолеть немало трудностей, включая наполеоновскую экспансию, конец которой был положен при Фридрихе Вильгельме III. Именно Фридрих, воспитанный в культуре абсолютистского правления, заложил основы той немецкой политической культуры, которая привела Германию к ее взлетам и падениям, драмам и трагедиям. И именно он сформировал матрицу особого, немецкого типа персонального политического лидерства, которую «институционализировал» канцлер Пруссии Отто фон Бисмарк.

Главным достижением Бисмарка является объединение Германии, достигнутое благодаря стилю его политического лидерства, фундаментом которого стала концепция *Realpolitik*. Однако этот стиль жесткой прагматичной руки был скорректирован Веймарской республикой, ее попыткой ввести в него инъекцию либерализма. В этот период в Германии пытались преодолеть последствия Первой мировой войны, восстановить экономику, стабилизировать политическое и социальное развитие. Однако докатившийся в 1929–1932 гг. до Веймарской республики мировой экономический кризис спровоцировал в ней массовую безработицу, общее падение уровня жизни населения и, соответственно, волну недовольства. На этом фоне бурную деятельность развернула Национал-социалистическая рабочая партия Германии, выражавшая социальный протест против власти. В 1933 г. Веймарская республика распалась и к власти пришел Адольф Гитлер, возродивший утраченный культ жесткого «бисмарковского» персонального лидерства.

Сегодняшняя политическая культура Германии строится на принципе парламентаризма. Наученная опытом прошлого, Германия построила взвешенную систему государственной власти с четким разграничением полномочий. Благодаря многопартийности и сложной законодательной базе власть не может быть подчинена интересам одного человека. Политическая культура Германии допускает дискуссии между оппонентами, но требует от них взаимного уважения, а также безусловного исполнения федеральных и земельных законов.

Особенности политического лидерства Ангелы Меркель

Ангела Меркель, первая женщина-канцлер Германии, является одной из самых ярких фигур в политике и одним из самых успешных политических лидеров ЕС. Но изначально у нее не было никаких предпосылок к такому успешному политическому будущему.

Дочь пастора из восточной германской провинции впервые обратила на себя внимание в школе благодаря успехам в изучении математики и русского языка. В политику она пришла в 35 лет и начала стремительно продвигаться по карьерной лестнице. В этом ей, безусловно, помогли способность к налаживанию контактов и умение внимательно выслушивать собеседников. В 1991 г. Ангела Меркель стала заместителем тогдашнего канцлера Германии Гельмута Коля в Христианско-демократическом союзе (ХДС). В 1992 г. Меркель уже министр по делам женщин и молодежи, в 1994 г. — министр охраны окружающей среды. В 2000 г. Меркель была избрана председателем ХДС, а в 2005 победила на выборах в бундестаг, став канцлером Германии. В сентябре 2017 г. Ангела Меркель вновь побеждает на парламентских выборах и через полгода добивается нового коалиционного договора. Это был успех не только Германии, но ЕС в целом.

В чем же особенности персонального политического лидерства Ангелы Меркель? По словам ее личного биографа Жаклин Бойзен, Меркель «переставляет фигурки на шахматной доске так, чтобы никто не был для нее опасным», «она принимает решения на основании цифр, данных и фактов, легко забывая об идеологических установках своей партии, если аргументы говорят в пользу какого-либо шага»¹⁴. К особенностям ее политического стиля можно отнести прагматизм в принятии решений, отказ от содержательных дискуссий, препятствование деятельности несистемной оппозиции, усиленный контроль за СМИ.

Канцлер Германии Ангела Меркель воспринимается частью населения Германии как мать всей нации. Хотя ее имидж нельзя считать безупречным, однако он отличается гармоничностью. Канцлер демонстрирует сдержанность и деловитость во всем, будь то внешний вид или политика. Она умеет доходчиво донести до обывателя нужную информацию, избегая лишних формулировок и выстраивая четкую логику. Ее предвыборный слоган «Дело не в карьерах. Дело в другом. Я хочу служить Германии, которая может справиться с проблемами. Вместе мы с ними справимся»¹⁵ работает по сей день. Можно утверждать, что Меркель является образцом современного немецкого политика, сочетающего стабильность, добропорядочность, умение тихо и мирно одерживать победы, придерживаясь при этом жесткой прагматичной линии в своей политике.

Сегодняшняя Германия практически не имеет себе равных по экономическому развитию. И все это — несмотря на разные периоды в истории развития страны, взлеты и падения. Германия смогла быстро восстановить свои позиции на мировой арене, особенно ярко это проявилось после Второй мировой войны. После окончания холодной войны Восточная и Западная Германия объединились, что ознаменовало новый период в развитии страны. Германия стала активным членом Европейского союза и постепенно заняла место одного из лидеров мировой политики. Она вступила в XXI век влиятельным государством, и этот успех обусловлен, в том числе, влиянием лидера, стоящего «у руля». Ангела Меркель занимает пост федерального канцлера Германии с 22 ноября 2005 г. Секрет ее политического долголетья, возможно, в том, что она «...ничего не добивается для себя и не подпиливает ножки ни под чьим стулом»¹⁶. Так она ответила в 1991 г. газете *Neue Zeit* на вопрос о причинах своих успехов. Скорее всего, отправной точкой, способствовавшей возвышению Германии, является период ее председательства в ЕС, где Ангела Меркель наметила основные направления своих действий. Это — Конституция ЕС; вопросы, касающиеся защиты климата; выработка общеевропейской энергетической политики; вопросы трансатлантического экономического сотрудничества; углубление дружественных отношений с Черноморским регионом и странами Центральной Азии...

* * *

Каким же образом личные качества политических лидеров Китая и Германии влияют на позиции этих стран на мировой арене?

Между политическим и культурным развитием страны и личностью ее политического лидера, безусловно, прослеживается взаимосвязь. То, какое место занимает данная страна на политической арене, зависит и от личностных качеств ее руководителя. На примерах Китая и Германии можно наблюдать, как биография, становление политического лидера, его влияние на внутренние и внешние политические процессы, опыт и наследие его предшественников влияют на внешнюю политику страны. Личность лидера, безусловно, оказывает влияние на взаимоотношения того или иного государства с мировым сообществом. Зная личностные качества политического лидера, свойственную ему стратегию принятия решений, можно выстроить правильную и эффективную линию взаимодействия со страной, которой этот лидер руководит.

1. *Кукурцева М.А.* Эффект персонализации современной политики // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. № 4–2 (10). С. 239–251.
2. *Мельников А.П.* Политическая культура Китая // Вестник Брестского университета. Сер. 1. Философия. Политология. Социология. 2012. № 1. Электронная библиотека БГУ. URL: <http://elbib.bsu.by/handle/123456789/13138>
3. *Баранов Н.А.* Политическая культура Японии, Китая и Индии. URL: <http://nicbar.ru/fotonovgorod/pages/128.htm>
4. Там же.
5. *Тулчинский Г.Л.* Политические культуры: проблема изучения типологии // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 1 (14). С. 5–20. URL: <https://www.culturalresearch.ru/archives/94-polit>
6. *Wenhua wajiao yu zhongguo wenhua "zouchuqu" de dongyin, wenti yu duice*: [Побудительные мотивы, вопросы и ответные меры выхода культурной дипломатии и китайской культуры за рубеж]. URL: http://www.qstheory.cn/special/2012/dwwh/201208/t20120813_175532.htm
7. *Мельников А.П.* Указ. соч.
8. О чем мечтает председатель Си. URL: http://www.bbc.com/russian/resources/idt-sh/Thoughts_Chairman_Xi_Russian
9. Большой китайско-русский словарь. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E9%BB%98%E5%85%8B%E5%B0%94>
10. URL: http://www.bbc.com/russian/resources/idt-sh/Thoughts_Chairman_Xi_Russian
11. Особенность китайской национальной политики: Си Цзиньпин. URL: <http://chinalogist.ru/book/news/za-rubezhom/osobennost-kitayskoj-nacionalnoy-politiki-si-czinpin>.
12. *Almond G.A.* Comparative Political System // Political Behavior: A Reader in Theory Research (Glencoe III). 1956. P. 36.
13. *Павлов Н.В.* Внешняя политика германской империи. URL: mgimo.ru/files/210929:pavlov_german-1871-1918.doc
14. Ангела Меркель: история успеха прагматичного политика. URL: <http://geo-politica.info/angela-merkel-istoriya-uspekha-pragmaticchnogo-politika.html>
15. Канцлер Ангела Меркель. URL: <http://www.dw.com/ru/a-1808047>
16. Ангела Меркель: из физика-теоретика в канцлеры. URL: <http://www.dw.com/ru/a-1600576>

К 50-летию важнейшего сражения вьетнамо-американской войны

© 2019

Г.М. Локин

В 2018 г. в США и во Вьетнаме отмечали 50-летие генерального наступления вооруженных сил Национального фронта освобождения Южного Вьетнама в канун новогоднего праздника Тэт, которое изменило ход событий во вьетнамской войне. Ему было посвящено множество публикаций в различных СМИ. Автор статьи полемизирует с рядом американских ученых о характере и последствиях этого наступления и подчеркивает, что преступления США не имеют оправданий и не могут приравняться к действиям бойцов НФОЮВ, вынужденных с оружием в руках защищаться от американской интервенции, отстаивая свободу, независимость и единство своей страны.

Ключевые слова: Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама, Хуэ, генеральное наступление, Ле Зуан, Ле Дык Тхо, Милай (Сонгми), Вьетконг, парижские переговоры, вьетнамский синдром.

DOI: 10.31857/S013128120003932-6

В 2018 году Вьетнам отметил 50-летие генерального наступления вооруженных сил Национального фронта освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ) в праздник Тэт в 1968 г., открывшего путь к Парижским переговорам о прекращении войны. После этого наступления, развернутого 21–31 января, и взятия ими древней столицы и старейшего культурного центра страны на Ароматной реке — города Хуэ изменился весь ход событий в войне Вьетнама против агрессии США.

Памятная дата привлекла широкое внимание не только во Вьетнаме, но и в самой Америке. Самой важной операцией второй Индокитайской войны (которой стало это генеральное наступление, поддержанное войсками Вьетнамской народной армии) и раньше было посвящено множество различных исследований, книг, статей и мемуаров военных и политических деятелей того времени, многих рядовых участников тех событий в обеих странах, среди которых выделяются, например, мемуары бывшего Государственного секретаря США Генри Киссинджера, вышедшие в русском переводе в 2017 г.¹ К этой дате приурочил свой новый фильм «Пост» известный кинорежиссер Стивен Спилберг, и хотя он посвящен в основном публикации в США Дэниэлом Элсбергом из-

---

Локин Григорий Михайлович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: gloksin@gmail.com.

вестных «Документов Пентагона», разоблачивших провокацию американцев в Тонкинском заливе, много места в фильме занимают события 1968 года в Хуэ.

По данным *Wall Street Journal*, книга бывшего военного корреспондента во Вьетнаме Марка Боудена «Хуэ 1968. Поворотный пункт в войне США во Вьетнаме», вышедшая в июне 2018 г. в Нью-Йорке, оказалась на 1-м месте среди 10 самых читаемых книг года. Она была во главе списка из 50 наиболее покупаемых книг в США и получила высокую оценку американского телевидения.

Обозреватель *Wall Street Journal* Карл Марлантес писал: «Книга содержит много данных, никогда не публиковавшихся ни во Вьетнаме, ни в США, а также многочисленные интервью с участниками войны с обеих сторон. М. Боуден показывает все этапы этой важнейшей операции под разным углом зрения»².

Большое внимание привлекла также книга известного английского журналиста Макса Хастингса под названием «Вьетнам: эпическая трагедия, 1945–1975»³. Рекомендую ее американским читателям, Жерри Харкави из «Асошэйтед пресс» назвал ее автора одним из лучших исследователей «тайной войны в аду». В этой 900-страничной хронике трагической истории Вьетнама, от провозглашения Хо Ши Мином независимости до коллапса режима Южного Вьетнама, представленное в одинаково неприглядном виде все главные «действующие лица» тех событий: Франция, США, Сайгон, Ханой и Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама — «Вьетконг», как его называли тогда в США. Автор утверждает, что с 1968 г. война радикально изменилась. Как сказал знаменитый тогда ведущий программ CBS Уолтер Кронкайт, «страна увязла в болоте этой войны». Но война продолжалась еще целых семь лет, за которые произошли такие события, как массовая резня в Милай⁴, вторжение в Камбоджу, варварские бомбардировки Северного Вьетнама на праздник Рождества в 1972 г. и многое другое, чему не было никаких политических и военных оправданий. И ни одна сторона не вышла из войны, как говорит автор, «с чистыми руками».

К сожалению, этот известный военный журналист, автор многих книг о Второй мировой войне, впадает в мнимую «объективность», ставя на одну доску иностранных интервентов, вторгшихся за тысячи километров от США в чужую страну, и тех, кто был вынужден с оружием в руках от них защищаться. Понимая, что США никогда «не отмыться» от преступлений, которые были совершены ими во Вьетнаме, многие западные авторы, возвращаясь к этой теме, делают главный акцент на том, что возлагают не меньшую, а даже большую ответственность на вооруженные силы НФОЮВ и Северного Вьетнама, пересказывают воспоминания бывших офицеров сайгонской армии, подробно расписывая якобы раскрытые позднее массовые захоронения мирных жителей в пригородах Хуэ и других местах Южного Вьетнама.

Участники международной научной конференции, проходившей в Центре изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН в 2014 г., выслушали длинный перечень таких обвинений от доцента Университета штата Техас Ольги Дрор, автора монографии «Два Вьетнама: война и молодежь 1965–1975». Четыре года спустя, в просторном интервью на радио BBC 18 февраля 2018 г., она вспоминала, что в выступлении на нашей конференции представила свой перевод книги ныне живущей в США южновьетнамской писательницы Ня Као «Траурная повязка по Хуэ»⁵, которая пережила там все эти события и сама видела немало жертв и пострадавших не только среди бойцов сайгонских войск и американцев, но и среди мирных граждан, оказавшихся под бомбами и снарядами обеих сторон. Она подробно расписывала аресты многих сайгонских чиновников, в частности из полиции и секретных служб, после взятия города силами НФОЮВ. Дело в том, что в Хуэ еще до этого были сильные волнения среди молодежи и буддистских монахов, выступавших против властей. Из-за массовых репрессий многие были вынуждены бежать в горы, где присоединились к партизанским отрядам. Часть этих людей вместе с ними вернулась в Хуэ. Они, конечно, хорошо знали особо «отличившихся» жандармов, оставшихся в за-

нятом городе, многие из которых, действительно, были арестованы. Ведь, как известно, война во Вьетнаме была не только национально-освободительной, но в значительной мере — гражданской.

На основании этой работы Ольга Дрор утверждала, что военные преступления совершались в равной мере обеими сторонами, но в советской печати и научной литературе того времени, как и сегодня, эти преступления Сил освобождения замалчивались и замалчиваются, а говорится только о преступлениях американцев. Она не скрывала своей обиды на то, что ее «доказательства» не произвели на участников конференции должного впечатления. Не раздалось ни одного голоса в поддержку ее обвинений, вспоминала она, наоборот, они вызвали резкие возражения российских участников конференции.

Автор этих строк был одним из тех, кто, действительно, категорически отверг такой внешне «объективистский» подход к событиям в Хуэ и вообще в Южном Вьетнаме того времени. В ходе многих поездок в Северный Вьетнам в годы войны Сопrotивления 1965–1975 гг. (в том числе, в составе международных миссий Стокгольмского трибунала по расследованию преступлений США во Вьетнаме) мне довелось лично видеть такое, чего не пожелаю никому. Это были десятки разрушенных церквей, детских садов, школ и больниц, целые кварталы городов Нгеан, Намдинь и Хайфонг, буквально превращенные в руины в результате так называемых ковровых бомбардировок самолетов Б-52. До сих пор перед глазами стоят десятки жертв массового применения напалма — этого ужасающего по своим последствиям химического оружия, запрещенного всеми международными конвенциями. А как оценивать явные попытки американской авиации разбомбить дамбы, защищающие от затопления целые уезды? Счастье, что сделать этого им не удалось, но попытки были очевидны. Как же можно сравнивать, а тем более ставить на одну доску эти варварские способы ведения войны с жертвами боевых действий, которые, конечно, были, и не могли не быть? Поскольку война, которую вели силы освобождения на Юге, во многом носила не только национально-освободительный, но, повторюсь, и гражданский характер.

За годы той войны, по самым приблизительным подсчетам, американские войска уничтожили около 3 млн вьетнамцев, большинство из которых были мирными гражданами. Символом этой преступной войны стала чудовищная резня, устроенная американскими солдатами в деревне Милай (известной у нас как Сонгми). 18 марта 1968 г., когда наступление кое-где еще не завершилось, солдаты одного из подразделений 23-й пехотной дивизии США под командованием лейтенанта Уильяма Келли без всякого повода в течение дня уничтожили там более 300 человек, включая женщин, стариков и детей. Эта массовая резня подробно описана в выпущенной Оксфордским университетом книге Говарда Джонса «Милай: 1968 год и погружение во мрак»⁶. Книга эта издана в Англии, а не в США, где она лишь упоминалась в нескольких академических журналах. Преступление это всячески пытались скрыть, но оно все-таки получило известность в результате письма, направленного в Вашингтон одними из участников бойни — солдатом спецназа Рональдом Риденауэром, который потребовал расследования. Лейтенант Келли был арестован и предан суду. В 1971 г. его приговорили к пожизненному заключению, но, не отсидев и четырех месяцев, он был помилован президентом Никсоном.

Усилия большинства американских авторов направлены на объяснение этих и многих других подобных зверств тем, что в такой войне, как вьетнамские, когда бойцы сил освобождения не носили военной формы, невозможно было понять, кто противник, а кто простой мирный житель. Сопrotивление американцам зачастую оказывали вовсе не регулярные войска. Но все это звучит не объяснением, а скорее оправданием массовых преступлений, у которых нет срока давности.

Что же действительно произошло в Южном Вьетнаме зимой и весной 1968 года?

К лету 1967 г. стало очевидно, что война там затягивается, а масштабы интервенции США растут. Вооруженные силы США, численность которых со времени высадки в Дананге в марте 1965 г. достигла к концу 1967 г. 465 тыс. человек, не смогли предотвратить «инфильтрацию» все новых подразделений противника с легендарной «тропы Хо Ши Мина». Операции против базовых освобожденных районов оказались безрезультатными и не смогли изменить общее положение в стране. Быстро росли потери личного состава американцев. К концу 1967 г. США потеряли убитыми 16 250 человек, причем только в 1967 г. 9400 человек. Это вдвое превышало потери предшествующего 1966 г. Тем не менее командующий войсками генерал Уэстморленд и командующий Тихоокеанским флотом США адмирал Шарп докладывали в Вашингтон, что война идет успешно и они уже «видят свет в конце туннеля». Тем временем в бюджете страны образовалась «дыра» в 30 млрд долл. Оказалось, что даже такая экономика, как американская, не способна обеспечить стране одновременно «пушки и масло». Надо было выбирать.

*Несмываемые следы резни в Милай 16 марта 1968 г.
Источник: Ronald L. Haeberle, AP, Life magazine.*

В этой обстановке в июле 1967 г. XIV Пленум ЦК ПТВ третьего созыва принял решение отказаться от прежней ставки на изматывание американских и сайгонских войск в затяжной войне и начать подготовку широкого контрнаступления, чтобы путем крупной и успешной операции приблизить победоносное окончание войны. Ведь примерно так закончилась первая война Сопrotивления французским колонизаторам после их сокрушительного разгрома в операции под Дьенбьенфу в мае 1954 г.

Это решение принималось не просто и, как теперь известно, не совсем единодушно. Ему предшествовало много заседаний Политбюро ЦК ПТВ. Достоверной информации о дискуссиях в руководстве ПТВ тех времен до сих пор нет, но косвенные признаки указывают на то, что среди высшего руководства партии были разногласия и сомнения по этому вопросу. У Хо Ши Мина, например, якобы были сомнения в связи с неблагоприятной международной обстановкой, сложившейся в результате враждебной полити-

ки КПК по отношению к Советскому Союзу. В Китае в разгаре была пресловутая «культурная революция». Свои опасения выражал и такой авторитетный полководец, как Во Нгуен Зиап, который считал, что у ДРВ недостаточно сил, чтобы разгромить полумиллионную группировку американских войск, которая могла еще возрасти. Но Ле Зуан и его единомышленники сумели убедить большинство членов Политбюро в целесообразности генерального наступления на Юге. На одном из заседаний Генерального штаба, как пишет выше упомянутый М. Боуден, ссылаясь на документы Министерства обороны ДРВ, Ле Зуан поставил задачу «нанести удар в самом логове врага — в городах и уездных центрах». По его словам, это должно вызвать мощную волну политической борьбы как в городах Южного Вьетнама, так и в США. Эта установка была поддержана Политбюро ЦК ПТВ. И уже в августе Генштаб издал директиву об ударах по городам «в сочетании с организацией восстания»⁷.

Необходимо отметить, что в нашей историографии Вьетнама всегда уделялось много внимания личности и политической роли бессменного президента ДРВ Хо Ши Мина, но несравнимо меньше места отводилось роли Ле Зуана, который после III съезда ПТВ в 1960 г. 26 лет был первым секретарем, а потом генеральным секретарем ЦК КПК. В прошлом году 7 апреля во Вьетнаме широко отмечали 110-летие со дня его рождения. Его представляли как «несгибаемого коммуниста, выдающегося лидера партии». Однако в зарубежной и нашей научной литературе только в последние годы появились статьи, более детально описывающие жизнь и деятельность Ле Зуана. Возможно, это связано с тем, что значительная часть его партийной работы и жизни проходила в условиях подпольной борьбы на Юге, и о ней мало что известно. Но факт состоит в том, что именно с ним связаны важнейшие стратегические решения, принимавшиеся партией в 60-е — 70-е годы прошлого века, в том числе — по ведению той войны. Именно его считали в американском истеблишменте главным врагом США в Ханое.

Известно, что к середине 1960-х годов Хо Ши Мин сильно постарел и испытывал серьезные проблемы со здоровьем. Постепенно после III съезда ПТВ он уступил Ле Зуану и его ближайшему соратнику Ле Дык Тхо лидирующую роль в практическом повседневном руководстве партией и государством, оставаясь признанным символом и почитаемым всеми вождем. Ле Зуан с его богатым опытом борьбы на Юге хорошо знал противника, его сильные и слабые стороны, и глубоко понимал характер развернувшейся там войны.

Бывший полковник ВНА и главный редактор воскресного издания газеты «Нян зан» Буй Тин, ныне живущий в Париже, в интервью ВВС в начале февраля 2018 г. говорил, что основными действующими лицами, принимавшими главные решения со стороны Севера, были первый секретарь ЦК ПТВ Ле Зуан и его «правая рука» Ле Дык Тхо. На Юге непосредственное руководство осуществляли член Политбюро ЦК ПТВ Фам Хунг и командующий войсками НВСО в 5-й зоне Тю Хюи Ман. Начальником генерального штаба ВНА в это время был генерал Ван Тисен Зунг. Велика, по его мнению, была роль в подготовке всей операции другого члена Политбюро ЦК ПТВ — Нгуен Ти Тхана, который, до ее начала не дожил и умер в июле 1967 г. Хо Ши Мин в это время был на три месяца отправлен на лечение в Китай, и вся операция проходила в его отсутствие.

Тем не менее главными участниками и исполнителями всех задуманных операций были бойцы Народных вооруженных сил освобождения (НВСО), тот самый «Вьетконг». На месте ими руководили такие ставшие позднее известными командиры, как генерал Чан Ван Ча и политический комиссар Чан Бать Данг⁸.

Подготовка наступления началась осенью 1967 г. рядом кровопролитных и, как могло показаться, довольно бессмысленных боев в различных районах страны. Но их настоящая цель по всем правилам военного искусства состояла именно в отвлечении сил противника от направления главного удара. С этой же целью 21 января 1968 г. НВСО с помощью частей ВНА осуществили осаду американской базы морской пехоты Кхесань

в районе демилитаризованной зоны южнее 17 параллели в 20 км от границы с Лаосом и около дороги № 9, известной как «тропа Хо Ши Мина». А в ночь с 30 на 31 января — в главный праздник вьетнамцев «Тэт» (Новый год по лунному календарю) НВСО нанесли одновременные удары почти в 100 городах и крупных населенных пунктах по всей территории Южного Вьетнама. Самые мощные атаки были в Сайгоне и Хуэ. Ударам подверглись многочисленные базы, склады, аэродромы, командные пункты. Утром 30 января атакам подверглись американские базы в Дананге, Плейку и в хорошо известном сегодня нашим туристам Нячанге, а также еще в 9 городах Центрального Вьетнама. В ночь на 31 января были обстреляны президентский дворец в Сайгоне, генштаб сайгонской армии, аэропорт, посольство США и многие другие объекты. Одновременно в разных частях страны активизировались местные партизанские части. Но основной удар был нанесен в ночь праздника Тэт в главном городе Центрального Вьетнама Хуэ, который был полностью освобожден силами НВСО и оставался под их контролем до 25 февраля, т.е. почти целый месяц.

Однако всеобщего восстания населения Южного Вьетнама, на которое, как считают многие авторы, рассчитывали Ле Зуан и его окружение, не произошло. В военном отношении добиться начального успеха не удалось нигде, кроме Хуэ, который удерживали 25 дней, но в 40 других атакованных городах и 70 поселках удавалось продержаться от 3 до 10 дней. После первоначальной паники американцам удалось организовать контрнаступление, и главные силы НВСО были вынуждены отступить, понеся значительные потери. Восстановить силы удалось только к 1972 году.

Жители сайгонского района Тёлон среди развалин после наступления и ответного огня сайгонских войск (Фото Wikimedia Commons)

В американской печати это наступление до сих пор представляется как сильнейшее поражение ВНА и НФОЮВ. С военной точки зрения, оно действительно стоило дорого. Американцы насчитали только убитыми около 40 тыс. бойцов Сил освобождения. Их собственные потери тоже были немалыми — около 4 тыс. человек. Сайгонские войска в ходе этого наступления НВСО потеряли убитыми около 30 тыс. и еще 70 тыс. ране-

ными⁹. Эти данные не сильно отличаются от тех, которые приводятся во вьетнамских источниках, в том числе «Истории Коммунистической партии Вьетнама», во втором томе которой говорится, что в ходе того наступления погибли 45 тыс. кадровых работников и бойцов НВСО и 61 тыс. были ранены.

Отмечая 50-летие этих событий занимавший пост министра обороны Вьетнама в 1997–2006 гг. генерал армии Фам Ван Ча говорил, что в Южном Вьетнаме «тогда погибло действительно много наших бойцов и командиров, но в конечном счете они одержали победу. Они были вынуждены пойти на эти жертвы для того, чтобы одержать политическую победу и успешно закончить войну»¹⁰.

Так что же это было — победа или поражение? Если поражение, то почему оно превратилось в политическую и психологическую победу?

27 апреля 2017 г. корреспондент ВВС взял большое интервью у профессора Высшей военно-морской академии США Закария Шора, известного своими работами по истории войны во Вьетнаме, которому задал прямой вопрос: было ли решение начать это наступление самой большой ошибкой Ле Зуана в войне?

Отвечая на него, профессор сказал, что с точки зрения перспективы потерять десятки тысяч человек в этом наступлении, что можно было предвидеть и о чем предупреждали некоторые тогдашние руководители ПТВ, это можно было, по его мнению, считать тактической ошибкой. Однако она превратилась в стратегическую победу, так как это наступление окончательно подорвало поддержку войны со стороны американского народа. Мы не можем точно знать, считает профессор Шор, предвидел ли Ле Зуан этот крутой поворот. Многие документы того времени остаются еще недоступными. Но когда историки получат к ним доступ, мы сможем узнать, как далеко «заглядывал» Ле Зуан, и как его стратегическое мышление повлияло на ход войны»¹¹. Он довольно точно предсказывал, что будет достаточно уничтожить 40–50 тыс. американских солдат и офицеров в первой фазе интервенции, чтобы остановить эскалацию войны. С этой целью он разработал стратегию нанесения ударов в самые слабые места противника.

Ле Зуан отлично понимал, что эта война, во-первых, была прежде всего политической. Во-вторых, она была тотальной, требовавшей мобилизации всех сил и средств нации, что удалось достичь руководству ПТВ на Севере и чего никак не могли добиться власти на Юге. В-третьих, это была затяжная война, где фактор времени работал на силы освободителя. И, в-четвертых, в новой фазе эта война перешла от партизанских действий и политической борьбы к накоплению военной силы и все более решительному ее применению.

Американцы смогли противопоставить этому только невнятную стратегию «ограниченной войны», все чаще срываясь в бессмысленные зверства, которые вызывали возмущение во всем мире. Благодаря телевидению они стали известными в каждом доме, и не только в США.

Не все расчеты Ле Зуана оправдались. Он явно переоценил уровень поддержки НФОЮВ среди населения Южного Вьетнама, находившегося под контролем более чем миллионной армии и полиции сайгонских властей. Его надежды на всеобщее восстание не сбылись. Но среди всего руководства ПТВ и ДРВ того времени именно Ле Зуан был одним из самых решительных и непоколебимых сторонников воссоединения страны любой ценой.

Закарий Шор считает достойным сожаления, что «он взвалил на народ Вьетнама столь высокую цену для достижения этой цели»¹². Но американскому профессору невдомек, что Ле Зуан, как и многие другие руководители ПТВ, руководствовался совсем другими принципами, которые прозвучали в Обращении Хо Ши Мина к народу в декабре 1972 г., в момент самых яростных американских бомбардировок. «Нет ничего дороже независимости и свободы», — провозгласил тогда Президент Хо Ши Мин. А Ле Зуан всегда считал себя и действительно был его верным соратником и единомышленником.

Наступательная операция 1968 года нанесла агрессору мощный и неожиданный удар, который сильно подорвал боевой дух американских войск и обозначил важный поворот в ходе войны. Начатые в праздник Тэт атаки были продолжены двумя следующими волнами наступления — в мае и в августе в ряде районов Южного Вьетнама. Но они не были столь же мощными и скоординированными ударами.

Политическое значение этого наступления было исключительно велико и оказалось даже выше, чем военное. Выяснилось, что противостоящие войска сайгонских властей отнюдь не горят желанием воевать. Первая фаза операции, завершившаяся 25 февраля 1968 г., нанесла интервентам мощный и неожиданный удар, который сильно подорвал их боевой дух. Это вынудило генерала Уэстморленда запрашивать в Вашингтоне еще 206 тыс. американцев, чтобы «завершить военные действия». Для этого требовалась дополнительная мобилизация призывников и резервистов, на что президент Л. Джонсон пойти уже не мог. Сильнейшее впечатление в США и во всем мире произвели кадры обстрела посольства США в Сайгоне. В стране начало набирать силу широкое антивоенное движение. И это было в год очередных президентских выборов. В результате последовали отказ Л. Джонсона баллотироваться на второй срок, очередная частичная пауза в бомбардировках ДРВ севернее 20-й параллели и предложение начать переговоры. Правительство ДРВ вскоре приняло это предложение, что позволило начать предварительные переговоры, приведшие, в конечном счете, к Парижским соглашениям 1973 г. и выводу американских войск из Вьетнама. Хотя война продлилась еще семь лет до освобождения Сайгона 30 апреля 1975 г., все эти годы были связаны с лихорадочными поисками Вашингтоном таких условий окончания провалившейся авантюры, которые позволили бы США хоть как-то «сохранить лицо».

«Вьетнамский синдром», как называют тяжкие воспоминания о проигранной войне, в США до сих пор не преодолен. Там по-прежнему выходит множество научных и псевдонаучных трудов, а также мемуаров отставных генералов, политиков и дипломатов, ищущих причины этого провала и возлагающих вину за него друг на друга. Это поражение США, первое за их двухсотлетнюю историю, прозвучало как предостережение для всех: внутриполитические проблемы другой страны не решить вторжением извне. Оно доказало на практике, что во второй половине XX века военная сила уже перестала быть продолжением внешней политики.

Война во Вьетнаме не стала исключительно региональным явлением. Вмешательство США вывело проблему национально-освободительного движения в этой стране далеко за рамки внутреннего конфликта и превратило ее в одну из сложнейших международных проблем второй половины XX века.

Эта война вовсе не была случайной ошибкой американской элиты. Она выросла из фундаментальной стратегии, принятой США после Второй мировой войны. Ей в решающей степени способствовали искаженные мессианские представления о роли США в мире. И, если Вьетнам, по мнению многих авторов книг и статей, по-прежнему появляющихся в США, был ошибкой, значит, ошибочной была вся эта стратегия. Но пока в США это мало кто признает.

Казалось бы, американцы сделали для себя вывод — больше никаких Вьетнамов! Не случайно именно так назвал свои мемуары бывший президент США Р. Никсон, который писал: «Ни одно событие в американской истории не понимается настолько неверно, как война во Вьетнаме. О нем глгали тогда и извращают в воспоминаниях сегодня. Редко бывает, когда так много людей заблуждаются в столь многих вещах. Но никогда еще последствия их заблуждений не были столь трагическими»¹³. Жизнь, к сожалению, показала, что должных выводов из этого все-таки сделано не было.

1. *Киссинджер Г.* Мировой порядок. М., 2017.
2. *Bouden Mark.* Hue 1968. A Turning Point of the American War in Vietnam. New-York, June 2017. Цит. по: VOA. 27.02.2018. URL: <https://www.voanews.com/>
3. *Hastings Max.* Vietnam: An Epic Tragedy, 1945–1975. [Б. м.]: Harper, 2018. ISBN 978-0-06-240566-1.
4. В наших СМИ это стало известно как расправа с крестьянами деревни Сонгми.
5. Во Вьетнаме принято носить такие повязки на рукаве или на отвороте пиджака.
6. *Jones Howard.* *My Lai: Vietnam, 1968 and the Descent into Darkness.* Oxford: Oxford University Press, 2017.
7. *Bouden Mark.* Op. cit.
8. Việt Nam Cộng Hòa trước và sau Tết Mậu Thân 1968: [Республика Вьетнам до и после праздника Тэт 1968]. URL: <http://www.bbc.com/vietnamese/vietnam-43217291>.
9. Там же.
10. *Bouden Mark.* Op. cit.
11. URL: <http://BBC.co.uk/27/4/2017>.
12. Там же.
13. Цит. по: Полная академическая история Вьетнама. Т. IV. М., 2014. С. 248.

Вице-консул в Гуанчжоу А.И. Хассис — дипломат и человек

© 2019

В.Г. Дацышен, Дай Цзяньбин

Статья посвящена советскому дипломату и разведчику Абраму Исааковичу Хассису. Биография этого человека, трагически закончившего жизнь на посту вице-консула в Гуанчжоу, отразила все сложности и противоречия эпохи. Несмотря на многочисленные публикации по истории советско-китайских отношений 1920-х годов, кризис в двухсторонних отношениях 1927 г. и роль советских дипломатов в этих событиях до сих пор изучены недостаточно. Возможно, изучение личности и трудов вице-консула А.И. Хассиса поможет лучшему изучению истории советско-китайских отношений.

Ключевые слова: А.И. Хассис, советско-китайские отношения, дипломаты, Шанхай, Гуанчжоу.

DOI: 10.31857/S013128120003933-7

В истории советско-китайских отношений одним из самых сложных и противоречивых периодов были 1920-е годы. В это время шло становление нового государства, претендовавшего на роль базы мировой революции и центра будущей системы новых социалистических государств. Китай, оказавшийся в фокусе «советских интересов», строил свое новое национальное государство. И в связи с этим особый интерес представляют «стронтели нового мира», активные участники тех событий, вынесенные на поверхность политической жизни революционной эпохой.

К числу таких типичных представителей эпохи, активных участников революционных событий можно отнести и советского разведчика-дипломата Абрама Исааковича Хассиса. Это имя не было забыто благодаря тому, что он, будучи вице-консулом СССР, был арестован на рабочем месте и расстрелян. В советской историографии старались лишний раз вообще не упоминать декабрьские события в Гуанчжоу 1927 г., тем более не было там места А.И. Хассису. В мемуарах С.А. Далина говорится о том, что «рабочие под руководством коммунистической партии подняли восстание в Кантоне и провозгласили Кантонскую коммуну», восстание было подавлено, но советский китаевед и современник событий не упоминает факта убийства советских дипломатов¹. Советские историки много писали о работе В.К. Блюхера в качестве советника в Гоминьдане в 1926–1927 гг., не упоминая о расстреле советских дипломатов². Лишь на завершающей стадии развития советской историографии стали не только чаще упоминать А.И. Хассиса, но и озвучивать некоторые детали событий. В записанном в 1989 г. интервью с бывшим

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор Красноярского государственного педагогического университета, Сибирского федерального университета. E-mail: dazishen@mail.ru.

Дай Цзяньбин, доктор исторических наук, профессор Хэбэйского педагогического университета (КНР). E-mail: jianbd@mail.hebtu.edu.cn.

сослуживцем А.И. Хассиса по Политуправлению Туркестанского фронта И.Я. Врачевым говорилось: «И революция в Китае пошла на спад, Сталин через Коминтерн провел решение о восстании в Кантоне, о создании Китайской Красной Армии, о борьбе за власть Советов в Китае и т. д. Это привело к чудовищному кровопролитию. Между прочим, и наши люди гибли. Мой товарищ по гражданской войне Абрам Хассис был генеральным консулом в Кантоне. Его схватили и публично четвертовали на улице»³.

В современной историографии рассмотрены проблемы противоречивой политики Москвы в отношении развития революции в Гуанчжоу в 1926–1927 гг., но при этом авторы почти не упоминают декабрьских событий и самого А.И. Хассиса⁴. В большинстве работ, посвященных советско-китайским отношениям в 1920-е годы, даже таких масштабных исследователей, как М.В. Крюков⁵ или А.В. Панцов⁶, ни декабрьские события в Гуанчжоу, ни имя А.И. Хассиса, практически не рассматриваются. Лишь в редких современных работах по истории международных отношений кратко упоминается о событиях ареста и расстрела Хассиса⁷.

Несмотря на слабый интерес к событиям убийства советских дипломатов в Гуанчжоу, исследователям известны основные этапы жизненного пути и карьеры А.И. Хассиса. Например, китаевед В.Н. Усов в примечаниях к своему исследованию дает краткую биографию А.И. Хассиса, от вступления в 1916 г. в ВКП(б) до назначения в 1926 г. в Гуанчжоу. Правда, в своем фундаментальном исследовании «Советская разведка в Китае в 20-е годы XX века» этот историк лишь один раз упоминает А.И. Хассиса, сообщая о его расстреле⁸.

Для восстановления биографии А.И. Хассиса, бывшего одной из ключевых фигур советской дипломатии в Китае в 1927 г., мы обратились к прежде не введенным в научный оборот документам. Среди зарубежных архивов следует выделить Hoover Institution Archives (Архив Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете, США). В Архиве Гуверовского института имеется отдельная папка с личными документами А.И. Хассиса⁹. В ней собраны автобиографические и дневниковые записи, деловая и личная переписка, анкеты, различного рода удостоверения и другие документы и материалы на русском, английском и китайском языках. Документы Хассиса также хранятся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), где имеется отдельная единица хранения — дело «Хассис Абрам Исаакович. Главпролитпросвет»¹⁰.

Хассис Абрам Исаакович родился 19 декабря 1894 г. в селе Новопавловка, Екатеринославской губернии на Украине. В автобиографии отмечалось: «Отец мой — еврейский учитель... мать моя была швея. До 10 лет учился в «Хедере» (евр. школа). Затем с перерывами в реальном, в прогимназии и коммерческом училище. В последнем дошел до 7 класса... С 14 лет живу на собственные средства»¹¹. В 1915 или 1916 г. А.И. Хассис женился на Гинде Липовне Соколовской. Их брак узаконил раввин, и в дальнейшем Хассис-Соколовская всегда свидетельствует от брака от раввина хранила у себя. У А.И. Хассиса 27 декабря 1915 г. родился сын Филипп, которого обычно называли Липа.

О том, как А.И. Хассис пришел к большевикам, он написал в автобиографии следующее: «С революционным движением и социалистической литературой стал знакомиться еще будучи в коммерческом училище». Далее он писал, что дальнейшее формирование его политических взглядов проходило во время службы на Люблиновском содовом заводе, но «мобилизованный в армию... был оторван от всякого социалистического движения... по освобождению от воен. службы попадаю на Волгу (в Казани, Астрахани, Царицыне) и благодаря близкому знакомству с некот. товарищами «большевиками» вступил в начале 1916 года (в апреле) в Р.С.Д.Р.П. (большевик)»¹². Февральскую революцию А.И. Хассис встретил в Подольской губернии, где жил со своей семьей. В 1927 г., накануне своей гибели, в письме в Московский городской суд А.И. Хассис утверждал:

«С 1917 по 1920 год я находясь непрерывно на фронтах сначала в Красной Гвардии, а затем в Красной Армии... я был на Восточном и Туркестанском фронтах»¹³.

В ноябре 1920 г. «Политуправление реввоенсовета выдает А.И. Хассису мандат на право административного надзора и общего управления музеем «Жизнь Красной Армии и Флота» до 9 ноября 1921 г. По приказу правительства, А.И. Хассис назначался комиссаром по делам музея. В его обязанности входил надзор за деятельностью музея, а также сохранность представленных экспонатов.

Будучи в Самаре, в 1922 г. Хассис поступает в Военную академию им. Фрунзе. По окончании академии в аттестате у А.И. Хассиса значилось, что он выучил два языка — японский и английский. Но реальных подтверждений о знании японского языка нет. Указания на то, что выпускник японского отделения Академии очень не хотел связывать свою службу с Японией, а на переговорах с японцами пользовался услугами переводчиков, позволяют предположить, что он не получил достаточной японоведческой подготовки. С английским языком, судя по документам, у А.И. Хассиса было лучше. Например, в начале 1927 г. он писал: «поможет мое относительное, конечно, знание английского языка, позволяющее мне работать с китайцем, знающим этот язык». В воспоминаниях сослуживцев А.И. Хассиса говорилось о свободном владении им английским языком¹⁴.

Помимо изучения иностранных языков в стенах академии, А.И. Хассис «прошел аттестацию по политэкономии, международному праву, истории и географии Дальнего Востока, политической истории Запада, консульскому и международному праву» и еще более чем 14-ти дисциплинам. В августе 1924 г. А.И. Хассис заканчивает Восточное отделение Военной академии РККА им. Фрунзе. В результате двухлетней учебы он получил высшее специальное образование по специальности востоковед.

После окончания военной академии, 15 августа 1924 г., А.И. Хассису был предоставлен отпуск сроком на 60 дней в Сочи¹⁵. По возвращении из отпуска 17 октября 1924 г. А.И. Хассис получает удостоверение о зачислении в резерв назначения НКВД на должности помощника референта. С этого момента А.И. Хассис меняет сферу своей деятельности и полностью посвящает себя работе в Народном комиссариате иностранных дел.

В конце 1924 г. А.И. Хассис начал готовиться к выезду на работу за границу. 4 ноября 1924 г. он писал: «Сегодня... узнал о намерениях Гпу послать меня вместе с... в Яп. Это сразу выбило меня из колен. Работать уже не мог. Я так уже настроился ехать в Ур-ми. Ознакомился с большей частью материала. Кое-какие планы. И вдруг меня, снова в Яп... Теряюсь в догадках... в каком качестве поеду. Буду ли в состоянии. Ведь знаний так мало!»¹⁵.

Сохранившиеся в архивных фондах документы указывают, что молодой дипломат не мог посвятить все свое время работе, его постоянно занимали личные семейные проблемы. В дневниковых записях начала 1920-х годов постоянно говорится о чувствах А.И. Хассиса к другой женщине. Во время Гражданской войны бывшая жена с сыном жили на Украине, а летом 1920 года Г.Л. Хассис-Соколовская получила в Московском ЧК «Удостоверение (пропуск)» на поездку в Ташкент «по делам службы», вероятно, для встречи с бывшим мужем. В 1924 г. А.И. Хассис вновь женился, но дела со своей прежней супругой он не уладил. Г.Л. Соколовская несколько раз писала жалобы на то, что А.И. Хассис уклоняется от выплаты материальной помощи на содержание ребенка. Сам А.И. Хассис писал, что после 1922 г. он уступил свою комнату бывшей жене, а сам вынужден был «ютиться у различных товарищей»¹⁶. Из Китая в Московский суд А.И. Хассис писал по поводу своей бывшей жены: «Знаю её мать как обыкновенно настроенного человека»¹⁷. Бывшая жена Соколовская-Хассис в жалобе в 1925 г. отмечала: «Но он вечно развивал со мной теорию самостоятельности и свободы личности, очень для него выгодной»¹⁸.

Второй супругой стала Александра Николаевна Калугина, впоследствии взявшая фамилию мужа. Через год совместного проживания в Москве, 8 января 1925 г. супруги подали на развод. Причины развода, как и с предыдущей супругой, не уточняются. Но на момент бракоразводного процесса А.И. Хассис активно занимался делами НКВД, постоянно был в рабочих командировках, и инициатива развестись со второй женой была с его стороны.

Отъезд в Китай не спас А.И. Хассиса от бесконечных тяжб с бывшей женой. Документы указывают, что одной из важных страниц биографии А.И. Хассиса были судебные тяжбы по вопросам алиментов, занимавшие много времени в ходе военной, дипломатической и разведывательной службы в России и за границей. Например, он писал в суд: «Сумма, присужденная матери моего сына — 115 рублей в месяц является чрезмерно преувеличенной...», он просил установить алименты в размере 50 руб. в месяц, мотивируя это тем, что его оклад в Советском Союзе был равен примерно 150 рублям. Дипломат тщательно подбирал документы и медицинские справки для того, чтобы суд снизил размер алиментов¹⁹.

За поддержкой в тяжбах по поводу алиментов А.И. Хассис обращался в Шанхайскую ячейку ВКП(б). 5 сентября 1925 г. состоялось заседание Бюро ячейки РКП(б) в Шанхае. На этом заседании кроме Хассиса присутствовали Вильде, Левин, Смирнов и «технический секретарь ячейки ВКП(б)» Николаева. Шанхайская парторганизация полностью встала на сторону Хассиса, а для решения проблемы рекомендовала отдать его сына в детдом или разрешить проживать ему с отцом.

В начале 1925 г. А.И. Хассис, не имевший никакой специальной Китаеведческой подготовки, оказался на ответственной работе в Китае. В феврале 1925 г. он вступил в должность секретаря советского консульства в Шанхае, в апреле 1925 г. перешел на должность секретаря советского консульства в Ханькоу. В конце 1926 г. А.И. Хассис стал вице-консулом в Кантоне (Гуанчжоу). Перед новым назначением он, очевидно, выезжал в Советский Союз, сохранившиеся в личном деле Хассиса справки указывают на то, что он в октябре 1926 г. прошел обследование в Центральной курортной клинике в Москве.

В Китае менялись места службы и должности, но неизменной оставалась загруженность дипломата решением личных семейных проблем. В ноябре 1926 г. А.И. Хассис указывает в черновике письма, что его жена является инженером-химиком и проживает с ним в Китае, но в переписанном заново черновике письма он сообщает, что «жена не обладает определенной специальностью». Также он просил передать от матери ему сына на воспитание. В письме в Мосгорсуд А.И. Хассис пишет: «Мне приходится подерживать лишенную заработка сестру с 4 детьми»²⁰.

Благодаря переписке, связанной с задолженностью по алиментам, мы можем познакомиться с некоторыми проблемами, с которыми сталкивались советские дипломаты-разведчики в Китае. Например, он пишет: «Средств соцстраха при высоком проценте заболеваемости сотрудников в Китае не хватает, а лечение проводить приходится преимущественно за свой счет»²¹. Говоря о ценах и стоимости услуг в Гуанчжоу, Хассис писал: «Визит врача — 10 таэлей, в переводе на нашу валюту около 16–17 руб.»²² Здесь же сообщения о зарплатах А.И. Хассиса: «Должность, занимаемая мною оплачивается 150 рублями во время моего нахождения на территории Союза. Согласно постановления С.Н.К. СССР об оплате работников учреждений СССР за границей от 8/1–24 г.... занимаемая мною должность при нахождении вне Союза оплачивается в связи с характером работы и дороговизной жизни в Китае, 178 ам. дол. 75 цент., что соответствует 13 разряду действующей в СССР тарифной сетке»²³. Работая в Шанхае, затем в Ханькоу, он получал жалование в размере 300 рублей. Как и прежде, половина зарплаты уходила на материальное обеспечение его подрастающего сына. Материальные проблемы отнимали значительную часть его времени, в ущерб, вероятно, государственной службе. А.И. Хассис

вел бесконечную переписку с советскими судебными органами по поводу его задолженностей по уплате алиментов.

Ко времени прибытия А.И. Хассиса в Гуанчжоу на Юге Китая еще работали советские военные и политические советники — около 40 человек. Обострение советско-китайских отношений привело к тому, что большинству советских советников, помогавших Чан Кайши прийти к власти, пришлось в срочном порядке тайно уезжать из Китая. Главного политического советника М.М. Бородин (Грузенберга) в Гуанчжоу сменил Г.Б. Скалов (Синани). Как писал А.И. Хассис советскому полпреду в Пекине А.С. Черных, «у меня было представление, что в лице тов. Синани в Кантоне находится вполне облеченный полномочиями заместитель тов. Бородин. В таком случае многие вопросы связи с правительственными лицами и взаимоотношений Генконсульства с ними разрешились бы проще и скорее. Между тем, как Вы знаете из писем тов. Синани к тов. Бородину, вопрос о его полномочиях перед китайцами до сих пор висит в воздухе. Тов. Бородин, уехав, не представил его китайцам, как своего заместителя, они его не признали, он не был принят ни Тан Ин-каем, ни Ли Ти-сином»²⁴. Летом 1927 г. тайно, будучи заграничным, на японском пароходе уехал из Уханя и главный военный советник В.К. Блюхер. Началась новая эпоха отношений между гоминьдановцами и советскими представителями в Китае.

В это сложное время полностью сменился весь личный состав советского консульства в Гуанчжоу. Покинул место службы и Генконсул в Гуанчжоу Л.Е. Берлин. Изменились не только политическая обстановка, но место консульства в советско-китайских отношениях. Как писал сам А.И. Хассис: «Пока здесь был тов. Бородин... пока здесь находилось Нац. Правительство... роль Генконсульства сводилась к очень ничтожным функциям... в глазах как китайцев, так и иностранных консулов играло роль канцелярии тов. Бородин по оформлению некоторых консульских действий»²⁵.

Для новых дел в Южный Китай были направлены новые люди. И из всего состава советского Генерального консульства в Гуанчжоу первым туда прибыл Хассис, а остальные, включая генконсула, — весной-летом 1927 г. Генеральным консулом в Гуанчжоу был назначен бывший глава спецслужб Дальневосточной Республики Б.А. Похваллинский (псевдоним Веселов).

А.И. Хассис активно занимался различными вопросами организационного порядка, от которых зависела работа генконсульства в Кантоне. Он проделал большую работу, чтобы выявить истинное положение дел. А.И. Хассис пришел к выводу, что получаемая Москвой информация из Пекина, по которой А.И. Хассис изучал положение дел в Гуанчжоу в 1925–1926 гг., не давала полного представления об истинном положении вещей в Китае. Академик В.С. Мясников в своей работе приводит множество примеров, когда деятели Исполкома Коминтерна в 1926–1927 гг. заявляли о том, что Москва не знает китайских реалий. Он приводит, например, выдержку из доклада секретаря Дальбюро ИККИ М.Г. Рафеса от 14 декабря 1926 г.: «Месячный период пребывания в Кантоне является самым богатым в работе Дальбюро. Здесь мы убедились, как мало в Москве знают о внутренней жизни Кантона»²⁶.

Ко времени приезда А.И. Хассиса в Гуанчжоу в этом городе уже имела место крупная антисоветская акция гоминьдановцев. В марте 1926 г. Чан Кайши потребовал немедленного отъезда группы советников во главе с Куйбышевым. В воспоминаниях одного из военных советников говорится: «20/III произошел знаменательный инцидент: Чан Кай-ши приказал окружить дом, где жили русские советники, а также прибывшая в Гуанчжоу комиссия во главе с А.С. Бубновым, разоружить охрану. Нас окружили 2 и 3-й батальоны 2-й дивизии Вампу. А дело началось с крейсера «Чжун-шань». Чан Кай-ши приказал арестовать всех коммунистов. Комиссар флота был убит. Но Чан Кай-ши быстро понял, что зашел слишком далеко. Инцидент начал улаживаться в тот же

день — сняли блокаду и опять вооружили нашу охрану. Мне довелось по распоряжению Рогачева «освободить» из-под ареста комиссию А.С. Бубнова»²⁷.

Весной 1927 г. в Гуандуне к власти пришли правые гоминьдановцы, в середине апреля 1927 г. Гуанчжоу перешел под контроль Ли Цзишэня. Советский Союз направил генеральным консулом в Гуанчжоу Б.А. Похвалинского, который писал: «Когда я приехал в Кантон в мае месяце. Я уже не застал никаких следов прежнего революционного Кантона. Вся власть в Кантоне принадлежала военному диктатору Ли Цзи-шэню»²⁸.

Главной задачей для А.И. Хассиса было установление нормальных отношений с китайскими властями. Особенно важно сближение было еще и потому, что на тот момент наблюдалась прогрессирующая замена оставшихся в Кантоне китайских властей. Этим и другими вопросами А.И. Хассис занимался непрерывно в течение двух лет.

О жизни в Китае А.И. Хассис писал очень скупое. Из его ежемесячных отчетов можно сделать вывод, что в Китае особых привилегий в плане жилья советским дипломатам не предоставлялось. Генконсульство располагалось в комнате, где жила советская делегация. А.И. Хассис и ряд других его товарищей по службе неоднократно докладывали, что для наиболее продуктивной работы необходимо несколько расширить штаб. Принимать китайскую делегацию в однокомнатной квартире было не слишком удобно.

Непосредственный начальник А.И. Хасиса, генконсул Б.А. Похвалинский так описал работу консульства в 1927 г.: «Соблюдая внешне необходимые приличия в обращении с советским консулом, Ли Цзи-шэнь вместе с тем делал все, чтобы затруднить работу консульства: военная цензура на почте и телеграфе... полиция преследовала проживавших в Кантоне советских граждан. Ставила всяческие препятствия в работе советских торговых учреждений и т.д. Фактически вся работа консульства сводилась к улаживанию и пресеканию всех этих придирок и препятствий. Результаты этой работы были невелики. Постоянные придирки и полная невозможность из-за них работать вынудили нас ликвидировать в Кантоне одно за другим торговые учреждения (торгпредство, агентство Совторгфлота, контору Нефтесиндиката), а в августе китайская полиция произвела налет и закрыла последнее наше учреждение — ТАСС»²⁹.

В конце 1927 г. китайские коммунисты при поддержке советских представителей попытались восстановить свое влияние в Гуанчжоу. В это время в качестве главы нового правительства в этот город прибыл Ван Цзинвэй, попытавшийся восстановить стабильность в раздираемом гражданской войной регионе. Ситуация была благоприятной, как писали советские историки: «В первых числах декабря начались военные действия между враждующими группировками... в Гуанчжоу остался только учебно-инструкторский и артиллерийский полки и другие немногочисленные формирования»³⁰.

В это время в Москве шел XV съезд ВКП(б). На 13 декабря было назначено антигоминьдановское восстание. Но об этом стало известно в Шанхае, 9 декабря Ван Цзинвэй телеграфировал из Шанхая левому гоминьдановскому генералу Чжан Фаюю: «Советское консульство является штаб-квартирой коммунистов. Мы ждем, что вы произведете обыск и выгоните советского консула...»³¹. Чжан Фауй направил в Гуанчжоу генерала Хуан Цисяна с войсками. Поэтому восстание, известное как «Кантонская коммуна», началось раньше запланированного срока, 11 декабря, и почти сразу было подавлено.

О событиях в советском консульстве в это время написал в своих воспоминаниях по горячим следам генконсул Б.А. Похвалинский: «Мы приняли меры к самообороне. В консульской усадьбе жили я с семьей, вице-консул Хассис и секретарь Уколов с семьей. Остальные сотрудники помещались в другом доме. Они бросили свои квартиры и переселились так же в консульство. Вооружились кое-каким оружием... ночью посменно несли караул... до вечера 13 декабря у нас все было спокойно... В Дуншане проживало много всяких иностранцев. Главным образом немцев и японцев. В первый же день восстания все эти иностранцы бежали из Дуншаня на английской канонерке в Шамянь. Нет надобности говорить, что ни у кого из нас не мелькнуло и мысли воспользоваться этим

путем для своего спасения. Советскому представительству было не по пути с английской канонеркой, мы были и остались на своем посту»³².

Вечером 13 декабря 1927 г. весь состав советского консульства, включая членов семей, был арестован. Советские историки писали: «Проникнутые ненавистью к Советскому Союзу, реакционеры напали на Советское консульство в Гуанчжоу, арестовали его работников во главе с консулом Б.А. Похвалинским. Пятеро советских граждан — вице-консул А.И. Хассис и сотрудники В.А. Уколов, К.С. Иванов, Ф.И. Попов и П.П. Макаров — были зверски убиты гоминьдановскими бандитами»³³. Генконсул Б.А. Похвалинский подробно описал, как их арестовали в консульстве, перевели в штаб одной из воинских частей, где и держали привязанными к решетке около 12 часов. Он перечислил всех арестованных: «вице-консул А.И. Хассис, секретарь В.А. Уколов, шифровальщик Ф.И. Попов, переводчик П.П. Макаров, делопроизводитель К.С. Иванов, машинистка Н.М. Кульничкая, моя жена А.Д. Похвалинская, дочь Светлана пяти лет, жена Уколова М.Н. Уколова с дочерью Эллой двух лет и жена второго секретаря Г.М. Берман. Из китайцев были... Лоу, ночной сторож, курьер консульства А Ва, садовник Ло, повар Ван, помощник повара, мальчик 11 лет Хин и няня дочери Вонг»³⁴. Судьба оставшихся в консульстве 11 китайских служащих генконсулу была неизвестной.

14 декабря китайцы выбрали из арестованных отдельную группу. Как писал Б.А. Похвалинский, «к Хассису бросились солдаты, отвязали его от решетки и крепко скрутили ему руки назад»³⁵. В воспоминаниях другого участника событий — Г.М. Боровой (очевидно, Г.М. Берман), говорится: «В полдень явились двое военных с большим листом бумаги. Они заговорили на английском языке, которым наш консул владел очень слабо. Поэтому Хассис, свободно говоривший по-английски, перевел требования консула... Офицер... обратился к Хассису: «Вы у нас первый. ваша фамилия?». Хассис возразил: «Почему я первый?». Тогда офицер задал вопрос: «Кто здесь консул?». Прошло немного времени. Офицер возвратился с нарядом солдат. Держа в руках список с нашими фамилиями, он указывал солдатам то на одного, то на другого арестованного... Первым отвязали и подняли Хассиса... С порога доносился голос Хассиса, запевшего «Интернационал»... Часовые вывели Хассиса, Уколова, Попова, Иванова, Макарова и китайцев»³⁶.

Арестованных в консульстве китайцев сразу же расстреляли, а над советскими гражданами устроили «специальную процедуру», описанную генконсулом: «К каждому из них привязали плакат с надписью «русский коммунист, всякий может сделать с ним что хочет», и с этими плакатами их повели в город. Уличная толпа из обозленных и испуганных восстанием лавочников охотно откликнулась на призыв плаката: всю дорогу на них бросались, их били. Кололи ножами, плевали и т.д. Так их вели версты полторы, до здания полицейского управления. И там на площади их муки, наконец, окончились — их расстреляли»³⁷. После этого по Гуанчжоу распространялись открытки с изображением трупов советских граждан и надписью: «пять русских, расстрелянных 14 декабря 1927 г.»³⁸.

В Советском Союзе на убийство советских дипломатов отреагировали, но не так активно и массово, как это обычно бывает в международной практике. «Кантонская коммуна» и расстрел советских дипломатов произошли в то время, когда в Москве проходил съезд ВКП(б), на котором И.В. Сталин окончательно отстранил от власти Л.Д. Троцкого.

В советской историографии, включая опубликованные в СССР работы китайских авторов, не упоминали о связи советских советников и дипломатов с восставшими коммунистами в Гуанчжоу. В мемуарах Чан Кайши, наоборот, утверждается: «Советский вице-консул и его помощник активно участвовали в Кантонском восстании и были схвачены с полничным на месте. Обнаруженные в процессе дальнейшего следствия секретные документы доказывали, что советское консульство и торгпредство в Кантоне были центрами шпионажа и подрывной деятельности, в которых разрабатывались планы восстания»³⁹. Однако вышеприведенный текст указывает на бессодержательность данного заяв-

ления. Непонятно, о ком пишет Чан Кайши, говоря о «вице-консуле» и «его помощнике», кроме того, Чан не упоминает об убийстве советских дипломатов.

Из руководства советского генконсульства в Гуанчжоу не был расстрелян и вернулся на родину лишь генеральный консул в Гуанчжоу — Б.А. Похвалинский, который и описал произошедшие события. Здесь лишь можно добавить, что этот советский дипломат-разведчик, как и почти все работники советских спецслужб в Китае, был расстрелян в СССР в начале 1938 г. Как пишет известный исследователь В.Н. Усов: «большинство разведчиков, резидентов, сотрудников Коминтерна, работавших в Китае и в странах Востока, погибло не от рук противника, а от ложных обвинений советских судебных и карательных органов»⁴⁰. Таким образом, жизненный путь А.И. Хассиса дает редкий пример, когда советский разведчик был убит не собственными «товарищами» в Москве, а на «боевом посту». Его останки были похоронены, по словам Похвалинского, «в неизвестной яме за городом»⁴¹.

Несмотря на то, что А.И. Хассис не успел стать «врагом народа», имя его в истории советской дипломатии и разведки не получило известности. На протяжении всей жизни главной задачей А.И. Хассиса была военная и дипломатическая миссия. Однако А.И. Хассис, как и большинство деятелей революционной эпохи, был плохо профессионально подготовлен, он поехал работать в Китай, сознательно избежав работы на японском направлении, для которой и готовился в Военной академии. Будучи ответственным работником в Китае, он много времени и сил тратил на решение своих личных проблем, улаживал в суде задолженность по алиментам и прочее, собирал справки о проблемах со здоровьем.

Гибель советских дипломатов стала заметным событием того времени, она отразила глубину кризиса советско-китайских отношений, стала зримым свидетельством неудач советской внешней политики. Советский Союз не имел возможности «адекватно» отреагировать на зверскую расправу над своими официальными представителями. Но и «раздувать проблему», вскрывшую недостатки советской политики, большевикам также не хотелось. Имя А.И. Хассиса не было забыто, но и не стало каким-либо «политическим символом». Например, в апреле 1928 г. было предложено именем А.И. Хассиса назвать в Москве китайское товарищество «Гоминьданский пекарь»⁴². Но летом 1928 г. на общем собрании кооператива это предприятие назвали «Китайский пролетарий». Пока остается не выясненным, китайские пролетарии в Москве не захотели связывать себя с именем А.И. Хассиса или советские партийные руководители отговорили их от этой идеи.

1. *Далин С.А.* Китайские мемуары. 1921–1927. М.: ГРВЛ «Наука», 1982. С. 382.
2. *Картунова А.И.* В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг. Документированный очерк. Документы. 2-е доп. изд. М.: ГРВЛ «Наука», 1979. С. 223.
3. Я был сторонником Троцкого // Социологические исследования. 1990. № 8. С. 96–97.
4. *Мамаева Н.Л.* О некоторых особенностях формирования китайской политики Коминтерна и ВКП(б) в период национальной революции 20-х годов // Восток — Россия — Запад. Исторические и культурологические исследования. К 70-летию академика В.С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 559–564.
5. *Крюков В.М.* Весна и осень революционной дипломатии. Первое десятилетие советской политики в Китае. Т. 2.: 1922–1926. М.: Памятники исторической мысли, 2015. С. 392.
6. *Панцов А.В.* Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М.: ИД «Муравей-Гайд», 2001. С. 378–395.
7. *Цыплин В.Г.* Дипломатическое противостояние в период англо-советского разрыва (1927–1929 гг.) // Изв. Саратовского ун-та. Новая сер.: История. Международные отношения. 2015. Т. 15. № 2. С. 91.

8. *Усов В.* Советская разведка в Китае. М, 2012.
9. Hoover Institution Archives. Box.1. Acc. 47005. 8m. 49. Personal Papers of Hassis (Soviet Vice-Consul in Canton, executed in 1927 Chian Kai-shek's Secret Police) (далее — НИА. В. 1. А. 47005).
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 60. Д. 43.
11. Там же.
12. Там же.
13. НИА. В. 1. А. 47005.
14. *Боровая Г.М.* В революционном Кантоне (из воспоминаний) //Кантонская коммуна (к сорокалетию восстания в Гуанчжоу). М.: ГРВЛ «Наука», 1967. С. 177–178.
15. НИА. В. 1. А. 47005.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. *Мясников В.С.* Первый в России научно-исследовательский Институт по Китаю. // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 3. С. 138.
27. *Кончиц Н.И.* Китайские дневники. 1925–1926 гг. М.: ГРВЛ «Наука», 1969. С. 118.
28. *Похвалинский Б.А.* Кантонская трагедия. Разгром Генерального консульства СССР в Кантоне в 1927 г. (рассказ очевидца) //Кантонская коммуна (к 40-летию восстания в Гуанчжоу). М.: ГРВЛ «Наука», 1967. С. 159.
29. Там же. С. 160.
30. *Афанасьев А.Г.* Героическое восстание пролетариата в Гуанчжоу 11–13 декабря 1927 г. //Кантонская коммуна (к 40летию восстания в Гуанчжоу). М.: ГРВЛ «Наука», 1967. С. 9.
31. *Усов В.* Указ. соч. С. 294.
32. *Похвалинский Б.А.* Указ. соч. С. 165–166.
33. *Афанасьев А.Г.* Указ. соч. С. 26.
34. *Похвалинский Б.А.* Указ. соч. С. 167.
35. Там же. С. 170.
36. *Боровая Г.М.* Указ. соч. С. 177–178.
37. *Похвалинский Б.А.* Указ. соч. С. 170.
38. *Усов В.* Указ. соч. С. 295.
39. *Цзян Чжунчжэнь* (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. 2-е изд. М.: Посев, 2009. С. 75.
40. *Усов В.* Указ. соч. С. 312.
41. *Похвалинский Б.А.* С. 173.
42. *Калкаев Е.Г.* «Гоминьданский» хлеб. К истории китайцев в Москве второй половины 1920-х годов // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 2. С. 127.

«Я решил... вести подготовку к новому освободительному движению...»

Генерал И.М. Зайцев и подготовка белоэмигрантами
вооруженного вторжения на советскую территорию в 1923 г.

© 2019

А.В. Ганин

В статье впервые вводятся в научный оборот прежде не привлекавшие внимание исследователей письма одного из видных деятелей русской военной эмиграции в Китае, соратника атамана А.И. Дутова, генерал-майора И.М. Зайцева, касавшиеся вопроса подготовки им в 1923 г. вторжения белоэмигрантов на советскую территорию. Документы были выявлены в архиве Гуверовского института в США и проливают свет на малозвестный эпизод военно-политической истории русской эмиграции в Китае.

Ключевые слова: Гражданская война, русская военная эмиграция, генерал И.М. Зайцев.

DOI: 10.31857/S013128120003934-8

С окончанием Гражданской войны и исходом остатков белых армий в эмиграцию лидеры Белого движения не прекратили разработку планов вооруженного реванша. Надежды на возвращение в Россию и на победу над большевизмом поддерживали военных эмигрантов на протяжении многих лет. Особенно реальными такие надежды казались в начале 1920-х годов, пока эмиграция не утратила свою армейскую структуру и боевой дух.

Реваншистские настроения были присущи не только ветеранам Белого движения, перебравшимся в Европу, но и тем, кто после поражения оказался в Азии. Конкретные планы вторжения в советский Туркестан в 1920 — начале 1921 г. разрабатывал оказавшийся в Западном Китае оренбургский атаман генерал-лейтенант А.И. Дутов, что в итоге стало причиной советской спецоперации по его ликвидации¹.

Преемники Дутова не оставили надежд на реванш. Одним из сторонников возобновления борьбы был генерал-майор И.М. Зайцев (1877–1934) — склонный к конспирации опытный белый подпольщик и человек авантюрного склада характера².

Период 1920–1924 гг. в биографии Зайцева наименее известен. По имеющимся данным, в начале 1920 г. Зайцев был командирован Дутовым из Семиречья в Кульджу и Кашгар с широкими полномочиями. Однако на китайской границе членов миссии ограбил разброд анненковцев, в результате чего Зайцев откомандировал всех чинов в район Чугучака, а сам с адъютантом отправился на Урумчи, чтобы далее с помощью российского консула отправиться в Кашгар и выполнить поставленные задачи. Этим планам

Ганин Андрей Владиславович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН. E-mail: andrey_ganin@mail.ru.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 17–81–01022 а(ц) «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии».

не суждено было сбыться. Летом 1920 г. Зайцев из Урумчи уехал в Пекин, куда прибыл только в октябре 1920 г.³ Побывал в Харбине и Владивостоке, обосновался в Пекине, где служил представителем Дальневосточной белой армии. Позднее перебрался в Шанхай.

Возможно, именно о тех событиях, смешанных с историей назначения Зайцева начальником штаба Оренбургской армии Дутова, свидетельствовал генерал П.Ф. Рябиков, вспоминаявший про «командировку довольно большой миссии генерала Ивана Тимофеевича (правильно — Матвеевича. — А.Г.) Зайцева (оренбургского казака, окончившего академию Генерального штаба по 2 разряду), получившего задачу войти в связь с туземными племенами Туркестана и, насколько помню, попытаться проникнуть и в Бухару, и в Хиву. Генерал Зайцев с[о] своей миссией⁴, знаток Туркестана, отлично подготовившийся и снабженный и средствами в золоте, и ассортиментом подарков, — во время своего движения, уже совпавшего с концом Омска, попал на свой же белый “внутренний” фронт атамана Анненкова, был им задержан и едва выбрался, видимо, лишившись и части своих средств и подарков.

О столь неожиданном конце этой столь широко задуманной командировки я уже слышал от генерала Зайцева в Шанхае, куда он в конце концов пробрался⁵.

17 февраля 1921 г. Зайцев телеграфировал из Пекина в Чугучак начальнику отряда атамана Дутова генералу А.С. Бакичу: «Поручена организация нового предприятия подробность подготовительной работы курьерами, скоро еду [в] Европу...»⁶. Генерал П.Ф. Рябиков писал 12 декабря 1921 г. атаману Г.М. Семенову о Зайцеве: «От всей души сочувствуя Вашему плану готовить почву на Западе Вост[очной] Сибири для борьбы с большевиками, считаю долгом порекомендовать как весьма полезного для этой работы ген. Зайцева, имеющего связи в Туркестане и по югу Сибири, отлично знающего обстановку и имеющего уже определ[енные] планы. Я ему рекомендовал побывать у Вас, дабы работа велась планомерно и систематически по Вашим указаниям»⁷.

В архиве Гуверовского института удалось обнаружить четыре письма Зайцева, проливающих свет на подготовку вторжения на советскую территорию в 1923 г. В коллекции В.И. Моравского сохранились машинописные копии двух писем Зайцева от 24 апреля и 6 августа 1923 г., адресованных В.П. Чередниченко-Мерсье, а также два подлинных рукописных, но не датированных письма Зайцева А.В. Сазонову⁸. Эти документы предлагаются вниманию читателей впервые.

В.И. Моравский в прошлом был членом Временного Сибирского правительства, получил известность как политический деятель и публицист⁹. Установить данные о В.П. Чередниченко-Мерсье не удалось. Судя по всему, это был один из представителей династии коммерсантов, с которым еще в январе 1921 г. И.М. Зайцев заключил договор о снабжении всем необходимым сил, готовившихся к вторжению на советскую территорию. В счет этого белым командованием Чередниченко-Мерсье были обещаны несколько концессий в Средней Азии.

А.В. Сазонов намного известнее. Этот бывший народоволец и член партии эсеров в революционных кругах именовался «дедушкой русской революции». Являлся одним из лидеров сибирских областников. В эмиграции жил в Шанхае и вел активную антибольшевистскую деятельность, в том числе возглавляя Совет уполномоченных организаций автономной Сибири — своего рода сибирское правительство в изгнании.

В апреле 1923 г. Зайцев решил напомнить В.П. Чередниченко-Мерсье о ранее заключенных договорах. Документы проливают свет на финансовую сторону готовившихся операций. В частности, финансирование предполагалось получить в обмен на предоставление коммерсантам концессий в освобожденной от красных России.

Из письма Зайцева следует, что советская спецоперация по убийству атамана А.И. Дутова действительно сорвала планы белого командования по вторжению на территорию Семиречья. Кроме того, из публикуемых документов следует, что генерал Зайцев считал себя преемником Дутова в вопросе реализации планов вторжения. При этом Зай-

цев пытался представить свою роль в выработке этих планов в качестве основной, а со временем отмежевался от неудачных методов работы Дутова.

По всей видимости, весной 1923 г. появились возможности реализации старых договоров 1921 г. Зайцев пытался в качестве предварительной меры направить к границам СССР некую миссию из шести (позднее — из восьми) человек, которая должна была из Китая отправиться до одного из портов Персидского залива. Далее, видимо, через Персию предполагалось добраться до приграничной зоны («в один из пунктов Среднего Востока») и готовить базу для вторжения. Крайний срок организации миссии намечался в первой половине августа 1923 г.

В обнаруженных письмах Зайцева, начиная с первого письма к А.В. Сазонову, подготовка вторжения была частично замаскирована под организацию коммерческого предприятия (подобную конспирацию Зайцеву не всегда удавалось соблюсти). Тем не менее тексты первых двух писем, как и ряд моментов в текстах последующих писем, не оставляют сомнений в их истинном смысле. В документах встречаются новые упоминания о Среднем Востоке, где намечалось организовать базу для вторжения, содержатся отсылки к политическим вопросам — например, об объединяющем органе, который бы работал в русских интересах, указания на необходимость вести работу в Сибири и российских азиатских владениях (в случае коммерческого предприятия эмигрантов это было бы невозможно, разумеется, речь шла о вторжении), об организации «главного правления» (видимо, правительства в изгнании), причем указания последнего будут выполняться лишь в том случае, если оно окажется приемлемым по составу. В случае обсуждения коммерческих вопросов состав администрации фирмы вряд ли мог бы стать предметом обсуждений и причиной неисполнения указаний руководства. Однако при обсуждении политических вопросов такое вполне могло произойти. В деловых письмах было бы странно обсуждать политическую обстановку в советском Туркестане. Кроме того, в этих письмах не скрывают прочерками названия географических пунктов. Наконец, деловая переписка не требует многократного и постоянного подчеркивания того, что речь идет не о каких-то предприятиях, а именно о торгово-промышленных. Переписка по коммерческим вопросам должна содержать конкретику, в том числе цифровую, здесь же такие данные отсутствуют. Разумеется, важна и личность адресата писем, который был известен именно как политический лидер сибирских областников. Наконец, публикуемые документы хранятся вместе (по внутренней нумерации В.И. Моравского это папки № 93 и 94), что также свидетельствует в пользу их смысловой взаимосвязи. При этом в Гуверовском архиве сохранились документы Зайцева за август 1923 г., действительно касавшиеся коммерческих вопросов (закупка сырья в Западном Китае и его доставка на восток страны при поставках в Западный Китай товаров с востока)¹⁰.

В письмах Сазонову Зайцев отмечал, что план переносится на период не ранее октября. Письма не датированы, но, скорее всего, речь также идет о 1923 г. Помимо конкретных предложений по организации борьбы Зайцев направил Сазонову свою статью о казачестве в 1917 г., сопроводив ее в письме резкой критикой в адрес атамана А.И. Дутова. Фактически размышления Зайцева о казачьих лидерах Гражданской войны отражали его взгляды на вопросы тактики и стратегии продолжения антибольшевистской борьбы.

Публикуемые документы касаются одной из частных инициатив белого реванша на Дальнем Востоке. В то же время они проливают свет на деятельность в 1923 г. генерала И.М. Зайцева как непримиримого противника большевиков¹¹. Трудности в реализации этого плана, видимо, подвигли Зайцева избрать еще более безумный путь борьбы — отправиться в СССР для подготовки там внутреннего восстания. В пресамбуле к опубликованной посмертно книге воспоминаний Зайцева прямо говорилось о неудаче плана, задуманного генералом: «Он прибыл в Пекин, а оттуда переселился в Шанхай, не прекращая при этом работы по организации очагов борьбы с большевиками. На этом поприще ему не удалось добиться положительных результатов.

Время шло... Переговоры и договора с дипломатическим корпусом о финансировании новых антибольшевистских отрядов неожиданно оборвались благодаря гг. М. и Ч.-М.

Убедившись в тщетности усилий организовать новые очаги борьбы с большевиками из-за границы, у генерала Зайцева зарождается новый, самый рискованный план борьбы с ком[мунистической] властью»¹². Публикуемые ниже документы не оставляют сомнений в том, что Ч.-М. — это В.П. Чередниченко-Мерсье. Под литерой М., скорее всего, зашифрован В.И. Моравский.

В августе 1923 г. Зайцев находился в Пекине «по одному политическому делу»¹³. Вероятно, речь шла о подготовке вторжения в СССР. Но, «видя, что оно не может быть осуществимо»¹⁴, он через третьих лиц на фоне обострения советско-английских отношений стал зондировать почву на предмет своего возможного возвращения в Россию и амнистии. Зайцев побывал в советском полпредстве и позднее подал прошение об амнистии. Генерала амнистировали. Затем, 23 октября 1923 г., было удовлетворено и его прошение о предоставлении советского гражданства. В мае 1924 г. генерал Зайцев приехал в СССР. Выбранный план обернулся для генерала арестом, тюремным и лагерным заключением, несколькими побегами, возвращением в Китай и в результате привел его к самоубийству на почве недоверия соратников по белой борьбе.

Документы публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации. Явные ошибки исправлены без оговорок. Выражаю глубокую благодарность моему другу И. Франкьену (Сан-Франциско) за помощь в подготовке статьи.

Документ 1

Письмо И.М. Зайцева В.П. Чередниченко-Мерсье от 24 апреля 1923 г.

Копия

Бывший
начальник чрезвычайной военно-дипломатической миссии
особоуполномоченный представитель
Походного атамана всех казачьих войск
и главного начальника Семиреченского края
и особоуполномоченный
главнокомандующего всеми вооруженными силами Дальнего Востока
«24» апреля 1923 г.

№ 50.

г. Шанхай.

О возобновлении

и выполнении

договоров 1921 года.

Милостивый государь, Владимир Павлович.

Как Вам известно, — 25-го января 1921 года мной с Вами был подписан договор [о] снабжении всеми видами довольствия и о предоставлении денежных субсидий органу или лицу, которое встанет во главе нового освободительного движения в России. Договор предусматривает снабжение во время подготовки к выступлению и в первый период его развития в окраинных областях Российского государства.

28-го января того же 1921 г. нами был заключен второй договор, по которому передано Вам несколько концессий в российских среднеазиатских владениях как возмещение за материальную поддержку и предоставленные субсидии и как обеспечение имеющих быть заключенными займов.

Однако выполнение обоих этих договоров не было осуществлено по следующим причинам:

- 1) Убийство атамана Дутова 6-го февраля 1921 г. в Западном Китае.
- 2) Руководящие органы и лица, стоявшие здесь, на Дальнем Востоке, во главе освободительного движения были нежелательны и неприемлемы в широких кругах населения, особенно в российских среднеазиатских владениях.
- 3) Некоторые другие причины политического характера.

Признавая себя нравственно ответственным за неосуществление тех идей, которые были положены в основу плана, выработанного мною совместно с атаманом Дутовым, еще в 1920 году, являясь на основании доверительных грамот и Положения о полевом управлении войск преемником и заместителем атамана Дутова, главным образом, по выполнению прежних предначертаний, а также внимая просьбам и мольбам с мест от разных политических групп и партий, я решил совместно с моими политическими единомышленниками вести подготовку к новому освободительному движению.

Международное политическое положение и настроение народных масс в окраинных областях российского государства весьма благоприятны и повелительно диктуют немедленно приступить к организационной работе.

Одно из первейших и главнейших подготовительных мероприятий — это изыскать источник снабжения деньгами и разными видами довольствия, к чему и направлены сейчас наши стремления.

Сообщая вышеизложенное, прошу уведомить меня, возможно ли осуществить при настоящем политическом и экономическом положении все условия договоров, заключенных нами в январе 1921 года.

С нашей стороны не предвидится и не будет предложено никаких изменений или дополнений в условиях этих договоров, предлагается осуществить все, что ими предусмотрено.

Лишь произойдут изменения в сравнении с тем, что было нами условлено в 1921 году в выборе новых путей подвоза и образовании баз снабжения.

Однако вследствие выбора нового района для снабжения, изменений в обстановке в сравнении с 1921 годом, трудностей установления и поддержания связи и прочих условий, является существенно необходимым для подготовки к осуществлению всего намеченного — это командировать особую миссию на место. Эта миссия послужит в будущем кадром для образования руководящего органа.

В виду того, что наши организации не обладают денежными средствами на выполнение этого мероприятия, то я обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой, как бы предварительного выполнения условий договора, оказать содействие в изыскании денежных средств на эту командировку.

Потребность является следующая:

- 1) Шесть пассажирских билетов до одного из портов Персидского залива,
- 2) На содержание миссии и на самые неотложные расходы на первое время — 10-ть тысяч мексиканских долларов.

Если почему-либо не представится возможным командировать означенную миссию, то нельзя будет осуществить и наши договоры, так как без подготовки на месте не будет возможно найти сочувствующих и содействующих нашему предприятию, — следовательно сами договоры теряют всякое значение.

Поэтому примем при новом нашем соглашении следующее условие: если до 1-го августа сего года мы не будем в состоянии организовать командировку означенной миссии, то с этого числа договоры теряют силу и должны быть преданы уничтожению.

Прошу Вас дать ответ на мое настоящее предложение.

В случае Вашего согласия на сделанное предложение я считаю настоятельно необходимым все экземпляры наших прежних договоров со всеми к ним приложениями

(планами, копиями доверительных грамот и проч[им]) зарегистрировать установленным порядком во французском консульстве.

В ожидании ответа

Остаюсь с почтением И. Зайцев

[Hoover Institution Archives (HIA). V.I. Moravsky collection. Box 10. Folder 37. Машинописная копия.]

Документ 2

Письмо И.М. Зайцева В.П. Чередниченко-Мерсье от 6 августа 1923 г.

Милостивый государь, Владимир Павлович.

При возобновлении нами переговоров о том мероприятии, начало которому было положено два года тому назад, я поставил неременным условием, чтобы первое наше предприятие, командировка объединяющего органа в один из пунктов Среднего Востока, была осуществлена не позже 1-го августа. К 1-му августа Вы, по Вашему заявлению, не имели возможности закончить Вашу работу по изысканию необходимых средств на командировку партии. Я, по соглашению с моими единомышленниками, решили¹⁵ перенести срок на 5-ое августа, но и к этому времени вопрос о командировке не был разрешен в ту или другую сторону. В последний раз решили перенести срок до 10-го августа включительно и после этого уже считать все наши договорные обязательства прекращенными.

Вам, может быть, является непонятным, почему все это обставлено так спешно, особенно в последний момент. Я могу кратко информировать Вас о причинах. Главные из них следующие:

1) Настоящее международное положение так неопределенно, мы накануне резких изменений во взаимоотношениях некоторых государств и образования новых коалиций. С этими изменениями может резко измениться и политическое положение на Среднем Востоке. Есть основание предполагать, что после перемен в международных отношениях некоторые государства, которые наиболее всего заинтересованы в судьбе Среднего Востока, предпримут решительные шаги на Среднем Востоке и это может нарушить все наши расчеты. Мои политические единомышленники, единомышленники по поставленной нами цели, а не по средствам и способам осуществления ее, склонны взять направление на одно государство, о котором я говорил с Вами. Тогда к великому прискорбию могут пострадать интересы русского народа. По их пути я не последую.

2) Как Вам известно, что, начиная с апреля месяца, на места посылаются руководящие указания. Всякое промедление может охладить настроение и даже вызвать недоверие к нашей работе.

3) На основании полученных сведений с мест настоящий политический момент повелительно диктует отправить без замедления партию на место, чтобы сейчас же рассеять всякие колебания, и все течения направить в одно русло.

Сообщая вышеизложенное, я прошу Вас, как Вы обещали, закончить всю организационную работу по отправке военно-дипломатической миссии к 10 августа включительно. Я надеюсь, что Вы при Вашей энергии выполните работу в намеченный срок. В противном случае всю нашу работу придется прекратить, ибо моя деятельность обусловлена этим последним сроком. Напоминаю Вам, что необходимые расходы на командировку военно-дипломатической миссии нижеследующие: 8 пассажирских билетов до порта в Персидском заливе и на первоначальные расходы 20 тысяч мексиканских дол[ларов].

Примите¹⁶ И. Зайцев

6го августа 1923 г.

Шанхай

[HIA. V.I. Moravsky collection. Box 10. Folder 37. Машинописная копия.]

Письмо И.М. Зайцева А.В. Сазонову

Многоуважаемый Анатолий Владимирович!

Спешу ознакомить кратко и сжато с теми сведениями, что получены мной от некоторых наших агентов, работающих по организации торгово-промышленных предприятий в некоторых пунктах Среднего Востока, на тот случай, когда могут быть открыты нормальные сношения.

Наши коммивояжеры, посетившие зимою Пе[ки]н, прибыли обратно на места и сообщили мне весьма ценные сведения об общем ходе работы; кратко поделюсь с Вами:

1) На интересующий нас вопрос, когда могут начать функционировать намеченные нами торгово-промышленные предприятия, ответим, что подготовительная организационная работа на местах идет весьма успешно; что клиентов для новых предприятий навербовано в изобилии, материалов для снабжения их имеется достаточно, вообще намеченные предприятия на местах встречены весьма сочувственно, почему можно рассчитывать на быстрое и широкое развитие; что на первоначальные расходы по оборудованию надеются получить ссуду из некоторых источников; но что (и это весьма важно) рассчитывать начать работу ранее октября месяца ни в коем случае нельзя.

Главные причины тому следующие:

а) не закончены подготовительные организационные работы, главным образом, объединяющего характера; б) нет на местах объединяющего органа, работающего в чисто русских интересах; в) наконец, и в самых главных, полное отсутствие продовольственных продуктов на местах, что всякую работу делает невозможной¹⁷, следовательно нужно ждать сбора нового урожая.

2) Предложенная им идея, что намечаемая торгово-промышленная акционерная компания будет распространять свою работу лишь на Сибирь и на российские азиатские владения, встречена нашими отделениями на местах весьма сочувственно. Они все такого же мнения, что пока не следует обращать внимания в сторону европейских российских областей; в будущем само собой совершится, и мы завоюем рынок и там.

3) Снова и снова, не помню, который это раз, обращаются с просьбой прислать какое-либо лицо, энергичное и опытное в коммерческих делах, по возможности известное по работе на местах, которое могло бы объединить все предприятия и, образовав при себе небольшой орган, руководить общей работой.

В противном случае зловеще предостерегают, что может быть крах всех русских предприятий, так как усиленно работают разные иностранные предприниматели и местные туземные, которые стараются во всем игнорировать русских.

4) Уже начавшие свою деятельность некоторые отделения сообщают, что они в дальнейшей своей работе будут равняться и держать направление на конторы, могущие быть открытыми на Дальнем Востоке, и будут следовать указаниям главного правления, если оно по составу будет приемлемо (этот вопрос их очень интересует, и они с нетерпением ждут известий об образовании правления).

Попутно, между прочим, сообщают о политическом положении в русском Туркестане; говорят, что напряжение народных масс, главным образом, мусульман, достигло крайнего напряжения, что стоит большого труда сдерживать народный гнев; что спорадически вспыхивают восстания то в одном, то в другом месте; но эти восстания самолично неорганизованные, одновременного повсеместного выступления пока не было, ранее определенного времени.

Что на всем Среднем Востоке борьба трех крупных политических течений: пан-исламистское, организованное германо-турками; сепаратное или английской ориентации и коммунистическое. Как большевики, так и германо-турки намереваются зажечь мировой пожар на Среднем Востоке.

Вы сообщаете, что для разрешения насущных вопросов по организации наших предприятий предположено созвать съезд акционеров. Я считаю, что политический и экономический моменты повелительно диктуют поспешить с этим съездом.

Но ведь устройство съезда вызовет расходы; имеете ли Вы на это средства?

Вы задаете вопрос, какие мои пожелания относительно организационных работ по открытию в будущем наших предприятий на Среднем Востоке.

Приведу одно, уже упомянутое выше, — я считаю необходимым по весьма многим причинам командировать кого-либо энергичного и опытного в коммерческих целях на Средний Восток и с ним человека три—четыре компаньонов.

Путь следования возможен, о чем я уже беседовал, через Бомбей и Гильгит в Кашгар.

Подходящие лица для этой командировки найдутся в Харбине.

Но на эту командировку самое меньшее нужно 8 тыс. золотых рублей. Можно ли достать такую сумму и где?

Если будет можно осуществить это мероприятие, то нужно с этим спешить как можно скорее.

Анатолий Владимирович, прилагаю при сем вырезки из газеты с моей статьей, озаглавленной «Почему казачество безмолствовало в 1917 году»¹⁸.

Эта статья по духу и содержанию предназначена для большого ежемесячного журнала, и я послал ее, по просьбе генерала Акулинина¹⁹, для помещения в «Военном сборнике», выходящем в Белграде.

Вы увидите, как я в этой статье на основании личных наблюдений, а, главным образом, на основании личной борьбы с бесцветными и безызвестными казачьими деятелями, доказываю, что казачество в первые месяцы революции бездействовало, благодаря исключительно разным политическим честолюбцам, совершенно случайно выброшенным революционной волной.

Во главе этих честолюбцев стоял известный Ал[ександр] Ил[ьич] Дутов, который ошибочно причислен к народным героям, правда, так считают лишь его клеветы, к ним тогда принадлежал и господин Анисимов²⁰, подвизающийся и до сих пор на Дальнем Востоке.

Этих героев я считаю политическими преступниками против русского народа.

Меня поражает, что до сих пор типы вроде Анисимова подвизаются на политическом попрнице.

Иль, может быть, они дождутся того момента, когда против них будут приняты решительные репрессивные меры.

Я полагаю, что моя статья, хотя по духу исторического характера, но по содержанию будет интересна здесь, на Дальнем Востоке, особенно в момент образования нового руководящего органа, почему прошу Вас, обратитесь в редакцию какой-либо газеты, по Вашему выбору, и попросите, чтобы напечатали эту статью.

Просьбы: а) информировать кратко о ходе ваших работ; б) своевременно сообщить о времени и месте предполагаемого съезда.

Я утверждаю, что наступило время и пришел час для истинно русских людей действовать самым решительным образом и, жертвуя собой, пойти ва-банк...

До свидания. Уважающий Вас И. Зайцев

[НИА. V.I. Moravsky collection. Box 10. Folder 37. Подлинник. Автограф.]

Письмо И.М. Зайцева А.В. Сазонову

Многоуважаемый Анатолий Владимирович!

Сейчас только беседовал с нашим коммивояжером, который приехал в Харбин из Пекина.

По его словам, часть вопросов удалось разрешить благоприятно, другие, надеются, будут разрешены при моем содействии.

На открытие крупного торгового предприятия на Среднем Востоке обещает дать средства на подготовительную работу одно самое крупное иностранное предприятие.

Было суждение о том, чтобы образовать крупную акционерную компанию; в состав правления компании должны войти представители от всех отделений; во главе должны встать пять директоров; в числе которых среднеазиатская компания желала бы иметь своего; кандидатом прочат одного отпрыска царствовавшего дома, пользующегося громадной популярностью среди правоверных мусульман.

Также необходимо приглашать акционеров и вербовать клиентов.

Подробности сообщу по выяснении всего в Пекине, куда сегодня же выезжаю.

Прилагаю при сем мой ответ казакам на их вопросы относительно деятельности «некоей казачьей организации, обосновавшейся во Владивостоке».

Этот «Ответ и обращение к казакам[»] я разослал всем интересующимся казакам и всем нашим организациям.

Посылаю и Вам для сведения.

Ну, будьте здоровы

Глубокоуважающий Вас

И. Зайцев

[НИА. V.I. Moravsky collection. Box 10. Folder 37. Подлинник. Автограф.]

1. Подробнее см.: *Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов. М., 2006. С. 462–502.
2. Подробнее о Зайцеве см.: *Ганин А.В.* Большая игра генерал-майора И.М. Зайцева // *Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Альманах.* 2005. № 8. С. 193–207; *Он же.* Шестой побег генерала Зайцева // *Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал.* 2005. № 3. С. 28–32; *Он же.* «Соловки» Ивана Матвеевича Зайцева // *Воспоминания соловецких узников 1923–1939.* Соловки, 2014. Т. 2: 1925–1928. С. 162–171; *Он же.* «Я дал клятвенное обещание неустанно, неусыпно вести борьбу с палачами и тиранами русского народа...» Новые материалы о генерале И.М. Зайцеве // *Известия Лаборатории древних технологий (Иркутск).* 2017. Т. 13. № 3. С. 109–121; *Ганин А.В., Семенов В.Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945. Биографический справочник. М., 2007. С. 227–228.
3. Подробнее см.: Новые материалы об атамане А.И. Дутове / публ. А.В. Ганина // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: Сб. статей и материалов / сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., 2015. С. 194–196.
4. В миссии был и священник (примеч. П.Ф. Рябикова).
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 26.
6. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 985. Л. 76.
7. ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 98. Л. 83.
8. Архив Гугеровского института (НИА). V.I. Moravsky collection. Box 10. Folder 37.
9. Подробнее о нем см.: *Моравский Н.В.* Валериан Моравский — журналист и политический деятель эпохи Гражданской войны. М., 2015.
10. НИА. V.I. Moravsky collection. Box 5. Folder 12.
11. Подробнее см.: *Ганин А.В.* «Я дал клятвенное обещание»...

12. Краткая биография ген[ерал]-майора Зайцева // Зайцев И.М. Четыре года в стране смерти. Шанхай, 1936.
13. *Зайцев И.М.* Четыре года в стране смерти. Шанхай, 1936. С. 13.
14. Там же.
15. Так в документе.
16. Здесь и ниже вписано от руки без завершения стандартной для этикета того времени фразы от-правителя письма (примите уверения в совершеннейшем к Вам почтении).
17. В документе ошибочно — невозможным.
18. Нам известна лишь позднейшая публикация И.М. Зайцева под таким названием: *Зайцев И.М.* Почему казачество безмолвствовало в 1917 году? // Армия и флот (Шанхай). 1932. Т. 35. № 8 (1169). Сентябрь. С. 25–32.
19. Акулинин Иван Григорьевич (12.01.1880–26.11.1944) — генерал-майор, Войсковой атаман за-рубежных оренбургских казаков (с 1923).
20. Анисимов Николай Семенович (18.12.1877–08.04.1931) — генерал-майор, заместитель Войско-вого атамана Оренбургского казачьего войска (01.03.1921–16.02.1923) после гибели А.И. Дутова. Снят с поста за растрату войсковых средств.

Борьба за фронтир: противостояние спецслужб и автохтонного населения на советском Дальнем Востоке в 1920-х годах

© 2019

Д.С. Кулешов, С.С. Цуканов

Статья посвящена трудностям установления административно-территориального деления на Дальнем Востоке России. Обращая внимание на затяжной характер Гражданской войны в регионе, специфические условия жизни коренного населения и трудности становления советской власти, авторы освещают роль сотрудников органов государственной безопасности в этом процессе. На материалах центральных, региональных и ведомственных архивов рассмотрена борьба советских и партийных структур Дальнего Востока за включение коренного тунгусского населения в административные субъекты.

Ключевые слова: Дальний Восток, спецслужбы, восстание, границы расселения, выход к морю.

DOI: 10.31857/S013128120003935-9

Несколько столетий Дальний Восток дает России, с одной стороны, природные богатства, а с другой — является «окном» в мир стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Основой дальневосточного фронта России является встреча и встраивание европейского и азиатского менталитета. До прихода русских Охотское побережье было заселено тунгусами, коряками, ламутами и якутами. В результате многолетней ассимиляции якутского и тунгусского населения коренными кочевыми и полукочевыми туземцами Охотского побережья стали потомки тунгусов и якутов. Это объясняло постоянное тяготение населения побережья и Якутии друг к другу. Помимо коренных жителей, на побережье Охотского моря жили и «пришлые» люди: русские, якуты, бывшие ссыльные поселенцы разных национальностей, а также приезжие торговцы и рыбаки. Несмотря на свое меньшинство, они являлись более грамотными и культурными, поэтому управление районами находилось практически под их контролем. Еще в царские времена концессии привлекали на Охотское побережье большое количество японских арендаторов. Аборигенное население, не конкурировавшее с русскими и японскими арендаторами, покидало свои места многовековых рыбалок.

Удаленное от центра России географическое положение Якутии и населенных пунктов Охотского побережья обуславливало проблему снабжения их населения промышленными товарами. Нестабильное положение советской власти в регионе, сопряженное с усиленным экономическим влиянием американцев и японцев, способствовало тому, что в 1920 г. центральные власти Советской России разрешили Якутской губернии

Кулешов Денис Сергеевич, соискатель Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: kuleshov_d82@mail.ru;

Цуканов Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент Дальневосточного филиала Академии метрологии, стандартизации и сертификации (г. Владивосток). E-mail: ota12@ua.ru.

совершать самостоятельный товарообмен и вывозить пушнину через северные порты Охотского моря, а также осуществлять сношения с границей. Населенные пункты с многочисленными жителями подвергались периодическим территориально-административным изменениям и относились то к Якутии, то к Камчатке.

Утверждение советской власти на северо-востоке России протекало в условиях малочисленности низовых партийно-советских аппаратов, что не способствовало скорейшей советизации. Частая ротация кадров негативно влияла на устройство местной власти и развитие инфраструктуры. Коренные народности, занимаясь своим привычным делом, были оторваны от политических реалий того времени. Поверхностное отношение отдельных служащих к решению насущных проблем, отсутствие национальной стратегии развития районов отталкивало туземное население от советской власти. Народы, имевшие свою культуру, нравы, традиции, требовали от работников советских органов власти учета национальных интересов. Посылаемые из центра директивы зачастую выполнялись представителями Советов без учета жизненных позиций населения и доходили иной раз до абсурда. С кочевого населения взимались сельскохозяйственный, подушный налоги, а также на заготовку хвороста и дров, промысел морского зверя и пушнины и др. Процветавший бюрократизм не давал возможности людям заниматься основной деятельностью — охотой. Убитого зверя приходилось регистрировать, а для этого охотнику необходимо было отправиться за несколько сот километров до ближайшего ревкома. Аналогичной процедуре подвергался промысел для собственных нужд. Непонятным для туземцев был и запрет на вырубку леса в 100 квадратных верстах, несмотря на то, что они жили в тайге. Дополнительным бременем ложилась и введенная в 1923 г. каюрная повинность, включавшая бесплатный провоз должностных лиц, сотрудников ГПУ, милиции и представителей военных. Однако особое недовольство тунгусов вызывала необходимость регистрировать оружие¹. Налоговая политика приводила к обнищанию местного населения. Тунгусы, владевшие до октября 1917 г. 40–50 оленями, в 1920-е годы имели около 10 голов. Обстановку отягощали постоянные рейды ГПУ, бесконечные аресты, допросы, обыски, высылки. Само отношение властей к туземцам было далеко неуважительное². Летом 1923 г. с территории Охотского уезда были высланы камчадалы, якуты, коряки и поддерживающие аборигенов русские, имелись случаи исчезновения местного населения.

Политическая обстановка на Охотском побережье осложнялась контрреволюционной агитацией против советской власти, проводимой остатками бывших белогвардейских отрядов, зажиточными людьми и купцами. В мае 1924 г. на северном побережье Охотского моря в районе с. Нелькан туземцы под командованием Павла Карамзина и Михаила Артемьева подняли антисоветское восстание под лозунгами: «Якутия для якутов», «Долой русских и коммунистов, да здравствует советская власть», «Национальная Якутия без власти русских»³. 10 мая 1924 г. в Нелькане мятежники арестовали 3 советских работников (А.В. Якуловского, Ф.Ф. Попова и Корякина) и товары Нельканского отделения американской фирмы «Гудзон бэй»⁴.

Обеспечение безопасности на территории РСФСР возлагалось на сотрудников Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), однако в условиях северных районов сохранялась малочисленность чекистов, территориальная удаленность подразделений и нехватка вооружения. В начале июня 1924 г. отряд в 100 человек, состоящий из тунгусов и якутов, в районе Аяна напал на подразделение ОГПУ. Проводившие повстанцев диктовались получением помощи от японского генерала Окаяма, прибывшего на крейсере с вооружением и продовольствием⁵. По воспоминаниям одного из участников восстания, М.К. Артемьева, повстанцы предлагали командиру подразделения ОГПУ Суворову сдать без кровопролития. Однако «когда мирная делегация тунгусов подходила к нему на саженой десяток, Суворов открыл по ней огонь»⁶. В результате завязавшегося боя три сотрудника спецслужб, среди которых и Суворов, были убиты, пя-

теро ранены и около пятнадцати захвачены в плен. Кроме того, бандиты завладели 30 трехлинейными винтовками, 2 пулеметами системы Шоша и гранатами⁷.

В августе 1924 г. восставшие организовали в Нелькане съезд тунгусов всего Охотского побережья. Собравшиеся констатировали, что «центральные власти присылали для исполнения циркуляры, мало пригодные для местных условий, члены улусного ревкома не контактировали с Центром и кочевым населением», приводились факты незаконных действий совершаемых представителями советской власти в регионе⁸.

Делегатами съезда было избрано Временное Тунгусское Национальное Управление, его председателем стал голова Аяно-Нельканского и Усть-Маско-Алданского стойбища Адам Амосов, заместителем — Дьячковский. На съезде была утверждена «государственная» символика, приняты решения об отделении от РСФСР, создании автономной Тунгусской области⁹. Требование о самостоятельности совпадало с позицией партийного и советского руководства Якутии, желавшего выхода на внешний рынок и настаивавшего на объединении с Охотским побережьем. На съезде высказывалось и противоположное предложение: руководствуясь постановлениями Дальревкома, учредить местную власть из числа представителей коренного населения и ввести представителя от тунгусов в подотдел туземных племен при Дальревкоме, которое осталось не реализованным¹⁰. Съезд позаботился и об учреждении «вооруженных» сил. Был создан Главный штаб тунгусских партизанских отрядов (далее — ТПО) во главе с Павлом Карамзиным, начальник Штаба ТПО — М. Артемьев. Как позже охарактеризовал его представитель Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) К.К. Байкалов, «националист до фанатизма с болезненным самолюбием»¹¹.

Анализируя создавшуюся обстановку, руководитель Полномочного представительства (ПП) ОГПУ по Дальневосточной области (ДВО) А.П. Альпов в ходе доклада Дальневосточному бюро ЦК РКП (б) и Дальневосточному революционному комитету (Дальревком) утверждал, что повстанцы с закрытием навигации и при поддержке японцев займут Аян и Охотск¹².

Партийное руководство требовало решительных и энергичных мер для подавления восстания¹³. Его ликвидацию руководитель Дальревкома Я.Б. Гамарник и глава ПП ОГПУ по ДВО видели в принятии вооруженных мер. Распоряжением А.П. Альпова из очередного отпуска был отозван представитель Министерства по делам национальностей ДВО и одновременно уполномоченный ОГПУ А.Н. Липский с направлением в Николаевск-на-Амуре. Ему, хорошо знавшему местное население, удалось «максимально коротко и с незначительными потерями провести эту операцию»¹⁴.

Для удержания Охотского побережья осенью 1924 г. был сформирован дивизион ОГПУ, численностью 120 человек, во главе с Дербутом. С его прибытием в Охотск бандитским формированиям пришлось отступить в тайгу. Для окончательного подавления повстанцев, в условиях отдаленности и труднодоступности, требовалось применение значительных сил и средств¹⁵. Еще один отряд ОГПУ, численностью 45 человек, под руководством В.А. Абрамова был направлен в п. Улья, расположенный в 143 км от Охотска. Не обнаружив повстанцев, чекисты изнасиловали и убили местную женщину, а в качестве устрашения расстреляли трех русских рыбаков, трех тунгусов, якута, еще два тунгуса скончались от полученных травм¹⁶.

Однако с точки зрения центрального руководства РСФСР, в период переговорного процесса о выводе японских войск с территории Северного Сахалина применение вооруженного метода подавления восстания было бы политически невыгодным¹⁷. Согласно инструкции, направленной И.В. Сталиным уполномоченному ВЦИК в Якутии К.К. Байкалову, ликвидацию восстания нужно было провести мирным путем, а применять силы только в необходимых случаях¹⁸.

Наиболее остро проблема понимания фронта автохтонным населением и представителями советских органов власти обнажилась на II съезде аборигенного населения

Охотского побережья, проходившем в Нелькане 20–23 января 1925 г. Переговоры с повстанцами проводила делегация от Якутского ЦИКа в составе П. Оросина, А. Давыдова и П. Филиппова. Делегаты представили информацию о политической жизни в Якутии, рассказали о реализации национальных интересов в республике, после их выступления мнения восставших о продолжении восстания и отделения от РСФСР разделились¹⁹.

В середине февраля 1925 г. в 9 верстах от Охотска внезапно для советского руководства Охотского уезда появился отряд П. Карамзина, насчитывающий около 400 человек, с лозунгами о независимости Якутии. В результате вооруженного столкновения с находившимся с осени у Охотского побережья дивизионом ОГПУ, последний понес значительные потери и был оттеснен. Повстанцам удалось занять п. Новое-Устье, где располагались промышленные и продовольственные склады фирмы «ОКАРО», в которых имелись значительные запасы оружия и боеприпасов. Склады были разграблены, а продукты питания и оружие вывезены в тайгу²⁰.

Известие о взятии Нового-Устья советским органам власти в Охотске пришло спустя сутки. Направившиеся в захваченный поселок бойцы 67-го отдельного Охотского дивизиона войск ОГПУ под командованием Дербута решили отправить в район взвод численностью 30 человек, усиленный одним пулеметом системы Льюиса. В результате превосходящих сил повстанцев взвод ОГПУ был разбит²¹. А 23 февраля 1925 г. Камчатский губревком объявил военное положение в Охотском уезде²².

Сложившаяся ситуация подтверждала лишь одно: работа охотских властей была в серьезной степени дезорганизована. Уполномоченный ПП ОГПУ по ДВО Соловьев и уполномоченный Камчатского губотдела ОГПУ М.В. Кунцевич занимались взысканием дореволюционных «долгов» с аборигенов²³. Очевидцы свидетельствовали, что Кунцевич брал взятки и присваивал конфискованное имущество²⁴. По архивным данным, только за 1924–1925 гг. представителями дальневосточных чекистов в регионе были расстреляны 314 человек, еще 64 — арестованы²⁵. Представители ОГПУ, имевшие задачу непосредственного осуществления оперативного прикрытия Охотского уезда, в своей деятельности руководствовались ложными доносами, сплетнями и разными слухами. На основе этих данных и строились оперативные планы и мероприятия чекистов. Поэтому при занятии повстанцами Нового-Устья не оказалось достоверной информации для Охотского руководства ни о численности, ни о вооружении банд²⁶.

Получив информацию о поражении взвода ОГПУ, Дербут мобилизовал местное население, увеличив тем самым численность войск до 219 человек при 7 пулеметах, и приступил к обороне самого Охотска. Захватив продовольствие, отряд П. Карамзина дальнейшей активности не проявлял. Докладывая обстановку в Дальбюро РКП (б), заместитель ПП ОГПУ по ДВО В.И. Музыкант утверждал, что проведение масштабных операций по ликвидации повстанческого движения возможно только с началом навигации и при одновременном ударе войск со стороны Охотского побережья и Якутска, а также при условии полного окружения всего района, охваченного бандитизмом²⁷.

Необходимо отметить, что с момента начала повстанческого движения принятие мер по его ликвидации было возложено на руководство как Дальбюро РКП (б), так и Якутской АССР. Однако Якутским областным комитетом партии это движение было расценено как национальное. Способы устранения восстания якутские власти видели исключительно в мирном урегулировании, несмотря на активное вооруженное сопротивление повстанцев. Неоднократно посылаемые ими в Центр доклады содержали предложения об удовлетворении экономических и политических требований восставших с предоставлением им широкой амнистии в случае сдачи оружия. Но самым важным в предложениях партийно-советского аппарата Якутии было решение национального вопроса, выраженного в необходимости присоединения Охотского уезда к Якутии. Вопрос о вхождении Охотского побережья в состав Якутии, по мнению местной национальной интеллигенции, являлся крайне важным, так как именно через порты Охотск и Аян с использова-

нием существовавшего тракта обеспечивалось снабжение Якутии товарами иностранного производства²⁸.

Указанные позиции вызвали острые противоречия с партийно-советскими органами Дальбюро ЦК РКП (б). Полпред ОГПУ по ДВО А.П. Альпов в ответ на политику якутских властей утверждал, что предоставление широкой амнистии, в том числе главарям и организаторам восстания, оказание материальной помощи участникам восстания не дадут положительный результат в деле ликвидации повстанчества. Более того, это создавало прецедент для возобновления новых волнений²⁹. В своих действиях полномочный представитель ОГПУ на Дальнем Востоке основывался на директивах первого заместителя Ф.Э. Дзержинского — В.Р. Менжинского, требовавшего «энергичных военных мер для подавления восстания»³⁰.

В соответствии с Постановлением Президиума ВЦИК от 11 мая 1925 г. была создана Временная полномочная комиссия, с подчинением ВЦИК, по оздоровлению советских учреждений в Охотском уезде Камчатской губернии. Возглавить комиссию поручили уполномоченному ВЦИК К.К. Байкалову с подчинением ему всех властей Охотского уезда. Созданная комиссия должна была беспристрастно подойти к главному вопросу — причинам восстания. В рамках ее работы было необходимо организовать в районах восстания советскую власть. Для разработки национальных программ развития туземных районов было необходимо изучение экономического и политического положения районов, недовольных политикой советской власти. Комиссии поручалось провести анализ деятельности органов власти Якутии и ДВО, непосредственно распространяющихся на туземное население. В ходе работы Комиссии было необходимо рассмотреть вопрос о возможности присоединения Охотского побережья к Якутии.

Вслед созданной Комиссии пришла инструкция из Москвы, подписанная И.В. Сталиным, определяющая способы ликвидации восстания. Инструкция предусматривала ликвидацию восстания политическим урегулированием, но с оговоркой применять военные силы в том случае, если это будет диктоваться необходимостью. Следует отметить, что фактически переговорный процесс по ликвидации повстанческого движения был начат якутским руководством еще в январе 1925 г., когда на II съезд повстанцев была допущена их делегация. Хотя полного примирения она не добилась, делегации удалось заключить перемирие с отдельным отрядом восставших, находившимся в 400 верстах от Якутска в направлении Нелькана. В то же время повстанцами была отправлена своя делегация в Якутию с требованиями предоставить самостоятельность «Тунгусии» без коммунистов, однако делегация перешла на сторону якутского правительства.

В апреле 1925 г. вновь созданная делегация от Якутии, в составе Бажедонова, Кулаковского и Кралина, была отправлена для переговоров с отрядом М. Артемьева. В результате переговоров было достигнуто перемирие. 8 мая 1925 г. на собрании отряда М. Артемьева в присутствии командира отряда ГПУ И. Строда, членов делегации Бажедонова, Кривошанина и авторитетного национального интеллигента, неоднократно участвующего в переговорах — Кулаковского, повстанцы сложили оружие. В конце мая 1925 г. сдалась часть отряда П. Карамзина в составе 35 человек³¹. 22 июня 1925 г. состоялось заседание старейшин IV Якутской областной конференции РКП (б), на которой присутствовали должностные лица партийно-советского аппарата Якутской АССР. Главной повесткой дня было обсуждение политической линии областного комитета РКП (б) в деле ликвидации повстанческого движения. Участники заседания выразили общую поддержку проводимой обкомом партии ЯАССР политике по мирному урегулированию вопроса восстания тунгусов. Вместе с тем заседание дало критическую оценку постановлению ЦК РКП (б), которое шло вразрез с постановлением ВЦИК от 11 мая 1925 г. и дополнительно подчиняло Комиссию К.К. Байкалова Дальбюро РКП (б).

На взгляд первого секретаря Якутского обкома партии Е.Г. Пестуна, изменения в порядке подчиненности были связаны с лоббированием интересов членов ЦК РКП(б) Н.А. Кубяка и Лашкевича для получения возможности использования силы для подавления восставших. В ходе заседания было доведено до присутствующих постановление Дальбюро РКП (б) от 20 июня 1925 г., на основании которого руководство ДВО применило амнистию к якутам и тунгусам Охотского побережья. Также участники заседания выразили протест против действий Дальбюро РКП (б) по изоляции главарей восстания, привлечения бывших повстанцев к советской работе, выдачи материальной помощи и распространения амнистии на русских офицеров³².

С целью призвать туземное население, принимавшее участие в восстании, к попытке решить проблему ликвидации восстания мирным путем Дальревком 28 июня 1925 г. опубликовал обращение к гражданам, в котором говорилось: «...Вернитесь к мирной, спокойной жизни. Помните, что Ваши братья, населяющие необъятный Советский Союз, мирно трудятся над поднятием мощи нашей страны. Если у Вас есть какие-либо обиды и жалобы на незаконные действия отдельных представителей местной власти, то пошлите эти жалобы в Охотск, и виновники будут строго наказаны...». В свою очередь Дальревком дал приказ подразделениям Красной армии, посланным в Охотск, «бюлести осторожность в обращении с туземцами, памятуя, что они посланы не для войны с туземцами, а исключительно против сознательных врагов Советской власти — против белогвардейцев»³³.

С поступлением указаний от партийно-советского руководства ДВО общее командование в борьбе с бандитизмом в Якутии и Охотском побережье было возложено на А.П. Альпова. 9 июля 1925 г. был издан приказ о подчинении ему всех вооруженных объединений и организаций военной экспедиции с целью в кратчайшие сроки ликвидировать восстание способом мирного и, если того требовала обстановка, военного воздействия на повстанцев³⁴.

18 июля 1925 г. отряд П. Карамзина сдался властям вблизи Охотска. Всего прекратили вооруженное сопротивление 484 повстанца из отряда Артемьева и 35 повстанцев Карамзина³⁵.

В Охотске с 10 по 16 августа 1925 г. прошел I Тунгусский съезд Охотского побережья, на котором присутствовало 56 делегатов, 60 гостей, в том числе представители 22 тунгусских родов и 3 якутских районов. Они избрали состав уездного революционного комитета, в который входили русский, эвенк и якут. Съезд был организован руководителем Охотско-Аянской экспедиции, уполномоченным Дальбюро ЦК РКП (б) и Дальревкома В.А. Абрамовым. На съезд был приглашен один из организаторов восстания П.В. Карамзин, который выступил перед туземным населением, назвав восстание против советской власти ошибкой. Используя, по его словам, малограмотность тунгусского населения, представители местной интеллигенции при поддержке бывших участников белогвардейских отрядов были вовлечены обманом в борьбу против советской власти. Сам председатель съезда В.А. Абрамов заверил от имени советской власти, что в отношении обманутых тунгусов власть их вину не признала. По результатам проведенного в Охотском уезде съезда аборигенного населения была вынесена резолюция по деятельности Охотского уездного революционного комитета.

Для выработки дальнейших программ, способных изменить ситуацию в уезде в лучшую сторону, съезд выдвинул ряд предложений. В первую очередь это касалось организации власти на местах. Состав местных органов самоуправления, по решению съезда, должен был формироваться не только из русских, но и с обязательным представительством туземного и якутского населения. Следующим актуальным и жизненно необходимым стал вопрос регистрации продуктов промысла. Съезд считал необходимым отменить бесполезные и бюрократические процедуры оформления и регистрации, принятые губернским ревкомом. Также были обсуждены вопросы беспрепятственного

выезда за пределы Охотского побережья на паромовых, но при условии, что они не будут заходить в иностранные порты. Отмена имеющихся у населения долгов тоже стала предметом рассмотрения.

После подавления восстания и упразднения 22 августа 1925 г. Главного Тунгусского Национального Управления, Комиссии ВЦИК предстояло ответить на вопросы: что послужило причиной восстания, и было ли восстание национальным или белогвардейским? На заседании Охотского уездного бюро РКП (б) 24 августа 1925 г. член Комиссии ВЦИК В.А. Абрамов утверждал, что восстание является белогвардейским. Он связывал восстание тунгусов, прежде всего, с предыдущим восстанием, которое происходило в Якутии в 1921–1922 гг. Ликвидация пепеляевщины в 1923 г. на время заглушила призывы антисоветских сил. Однако остатки разрозненных белогвардейских отрядов на огромных территориях Камчатской губернии и Якутской АССР готовили плацдарм для дальнейшей борьбы с советской властью. Ярким примером служит бывший активист отряда генерала А.Н. Пепеляева М. Артемьев, который был известен как ярый противник большевиков и вел борьбу против них, несмотря на то что последние группы отряда Пепеляева сдавали оружие. Тем не менее, попав под амнистию, М. Артемьев, скрываясь в тайге, вел подготовку для организации восстания, используя малограмотное туземное население. Основной целью восстания являлось отделение территории Охотского побережья из состава РСФСР при поддержке Японии. Одним из ближайших помощников М. Артемьева являлся настроенный антисоветски купец Ю.А. Галибаров. Он обеспечивал финансовую сторону в организации восстания и связь с японскими властями. Артемьев также заручился поддержкой среди национальной якутской интеллигенции и русских торговцев, чье финансовое благополучие закончилось при введении советской властью моратория на внешнюю торговлю. Отсюда следует неслучайный выбор территории, которую им хотелось отсоединить от России. Свои требования они выражали в следующих лозунгах: «Создание автономной Тунгуссии», «Якутия без коммунистов». Одним из способов решения конфликта якутское руководство видело в присоединении Охотского побережья к территории Якутии. Таким образом, предъявляемые требования, характеристики организаторов восстания, финансовая и военная поддержка со стороны японцев давали все основания полагать, что восстание было бандитским и проходило под флагом национального движения³⁶.

В.А. Абрамов считал, что «непроходимая темнота» тунгусов, легко поддающихся всевозможным провокациям, отсутствие по ряду причин живой связи местной власти с кочевым населением, географически неудачное местоположение губернского центра, из-за которого не могло быть налажено четкое руководство работой Охотского уездного советского учреждения, слабость советско-партийного аппарата в уезде, обнищание кочевого населения вследствие Гражданской войны, а также зависимость от мелких спекулянтов и антисоветских элементов послужили хорошим прикрытием для реализации антисоветских планов. Мнение В.А. Абрамова подтверждается и тем, что от участия в восстании отказалось практически 2/3 всего кочевого населения Охотского побережья, которое было организовано «на милицейских началах и оставалось на местах защищать свою землю», хотя находилось в худших экономических условиях, чем Охотский район³⁷.

При проведении расследования обстоятельств восстания тунгусского населения председатель Комиссии ВЦИК К.К. Байкалов основную причину восстания видел в невыносимых условиях жизни аборигенов. В первую очередь это касалось непосильных налоговых обложений и различных запретов практически на все сферы жизни и быта тунгусского населения. Применение присылаемых охотскими властями директив осуществлялось бездумно и без учета особенностей коренного населения в отдаленных районах. Достаточно наглядным примером являлся запрет для тунгусов на вырубку леса с целью заготовки дров, хотя все прекрасно понимали, что это жизненно необходимо для местного населения. Отдельным моментом среди причин восстания являлись случаи бес-

чинств, учиненных сотрудниками ГПУ. Постоянные погромы, допросы, аресты и убийства вызывали ненависть и недоверие к советской власти. 8 сентября 1925 г. на заседании Охотского уездного бюро РКП (б) Байкалов отмечал, что одной из причин восстания послужило засилье русских чиновников и их своеобразное понимание законов, «а обычной фразой к тунгусам была “пшел”»³⁸.

В отличие от точки зрения В.А. Абрамова, восстание, по мнению К.К. Байкалова, являлось национальным, так как М. Артемьев после ликвидации отрядов Пепеляева ушел глубоко в тайгу и якобы не имел почвы для восстания. Вместе с тем К.К. Байкалов признал, что инициатором восстания была якутская национальная интеллигенция³⁹.

Необходимо отметить, что позиция К.К. Байкалова по недопущению амнистии главарям восстания, а также непозволительности оказания участникам повстанческого движения материальной помощи совпадали с взглядами на эту проблему Дальневосточного руководства. Но позиция К.К. Байкалова была отвергнута партийными и советскими руководителями Якутской АССР М. Аммосовым, Е. Пестуном, П. Ойунским.

Относительно бесчинств сотрудников дальневосточных органов ГПУ заместитель прокурора ДВО Раппопорт считал, что состава преступления в их действиях не было «ввиду боевых условий»⁴⁰.

Вопрос, касающийся передачи Охотского побережья Якутии, был отклонен постановлением Дальбюро ЦК ВКП (б) 25 ноября 1925 г. Дальневосточное руководство усмотрело в этом предложении «сильный националистический уклон, граничащий с шовинистскими взглядами», а руководителей обвинило в заражении сепаратизмом. Они считали, что «отдать Охотск Якутии — значит отдать японскую границу в руки контрреволюционной части якутской интеллигенции». За время ликвидации восстания в Нелькане и Аяне были убиты 91 красноармеец, 8 пограничников, ранены 33 и еще 47 взяты в плен⁴¹. Ввиду сложной оперативной обстановки на Охотском побережье руководством ОГПУ было принято решение о необходимости постоянного присутствия в этом районе опытного оперативного сотрудника, имеющего опыт работы с туземным населением. В октябре 1925 г. на должность уполномоченного по туземным делам в уездном исполкоме Николаевска-на-Амуре был назначен А.Н. Липский⁴².

Восстание включало в себя множество взаимосвязанных между собой социальных, экономических и политических факторов. Отдаленность Охотского уезда существенно влияла на контроль деятельности местных властей со стороны центральных властей. Предоставленные сами себе, отдельные работники советской власти осуществляли советизацию районов без учетов нужд и особенностей жизни местных туземцев. Установление непосильных налогов, запретов вело к обнищанию населения, что лишало способности к оплате долгов. Прекращение снабжения продуктами на местах ввиду запрета частной развозной торговли и невозможности коллективных закупок способствовало повышению цен на товары первой необходимости. В результате необдуманных действий руководителей местного самоуправления, насаждающих не соответствующие местным условиям директивные указания центральных и областных властей, кочевое население попадало в кабальное положение перед местными торговцами.

Однако не вся туземная часть населения приняла для улучшения своих жизненных условий вооруженный метод борьбы с властью. Многие заняли сдержанную позицию, организовав отряды для сохранения своих территорий от бандитизма. Контакты организаторов повстанческого движения с японскими властями для их всесторонней поддержки давали повод полагать, что и приграничное государство было заинтересовано в реализации идей по созданию «автономной Тунгусии».

Необходимо отметить, что предъявленные восставшими требования совпадали с политикой партийного и советского руководства Якутской АССР. Это подтверждается неоднократными попытками председателя Якутского ЦИК П.А. Ойунского добиться в Совете Национальностей Верховного Совета присоединения Охотского побережья

к Якутии. Партийным и советским руководством Якутии даже были разработаны планы перестройки народного хозяйства и транспортной инфраструктуры с учетом предлагаемого вхождения побережья Охотского моря в состав ЯАССР. Поэтому когда центральное руководство ставило задачи по скорейшему подавлению повстанчества на Дальнем Востоке и в Якутии, в дискуссии между партийно-советским руководством Дальневосточной области и Якутской АССР возникли противоречия в вопросе выбора метода ликвидации восстания. Якутское руководство, находящееся под давлением национальной интеллигенции, предлагало удовлетворить все требования восставших, провести амнистирование всех, даже главарей и организаторов восстания и присоединить Охотское побережье к Якутии. Однако для дальневосточных руководителей мирный метод, предлагаемый якутскими властями, был неприемлем.

Расхождение политических линий в деле ликвидации повстанчества между якутскими большевиками и дальневосточными чекистами было налицо. Если для дальневосточных органов восстание являлось вызовом власти и угрозой целостности государства, то для властей Якутии это было национальное движение, способное в результате положительного исхода вывести ЯАССР к морю. Партийные и советские органы признали ошибки и перегибы своих работников, проводивших советизацию района, по отношению к туземному населению. В качестве мер улучшения жизни и укрепления доверия местного населения к советской власти был предложен ряд необходимых изменений в действующие правила с учетом жизненного уклада туземцев. Партийное и советское руководство по рекомендации И.В. Сталина рассматривало решение национального конфликта, исходя из экономических, политических и социальных особенностей региона. Способность власти пойти на компромисс в решении конфликта нашла отражение в его положительном решении. Однако предоставление амнистии, привлечение сдавшихся к советской работе, выдача им материальной помощи способствовали, с одной стороны, укреплению доверия между советской властью и народом, но с другой стороны, провоцировали подобные повстанческие движения с целью удовлетворения предъявленных требований.

1. *Пикалов Ю.В.* Уроки Тунгусского восстания (1924–1925 гг.) // Шестые Гродековские чтения: материалы межрегион. научн.-практ. конф. «Актуальные проблемы исследования российской цивилизации на Дальнем Востоке». Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2009. Т. 2. С. 12–14.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 186. Л. 373.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 372. Оп. 1. Д. 295. Л. 24.
4. *Антонов Е.П.* Тунгусское восстание: ошибок можно было избежать... // Илин. 1995. С. 95.
5. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 295. Л. 24.
6. *Пестерев В.* Нужна новая концепция Гражданской войны в Якутии. Тунгусское повстанчество. Май 1924–31 мая 1925 гг. // Илин. 1998. № 1.
7. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-318. Оп. 1. Д. 316. Л. 378–382.
8. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 971. Л. 257.
9. *Гоголев З.В.* Разгром антисоветских восстаний в 1924–1925 гг. и 1927–1928 гг. // Научные сообщения. Вып. 6. Якутск: Книжн. изд-во, 1961. С. 25.
10. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 971. Л. 257.
11. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 186. Л. 372.
12. *Лебедев В.Г.* К истории ликвидации рецидивов белобандитизма на северо-востоке СССР в 1924–1925 гг. // Вопросы истории Амурской области. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1981. С. 63–67.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 303. Л. 35.
14. *Хисамутдинов А.А.* Свеча горела: страницы жизни В.К. Арсеньева // Дальний Восток. 1995. № 7. С. 120; *Колесников А.С.* Этнограф на службе ОГПУ: Альберт Николаевич Липский //

- Седьмые Гродековские чтения: материалы межрегион. науч.-практ. конфер. Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2012. С. 150.
15. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 295. Л. 24.
  16. *Пикалов Ю.В.* Указ. соч. С. 14–15; *Ковлеков С.И.* Тунгусское восстание. 1924–1925 гг. Якутск: Изд-во якут. ун-та, 2005. С. 66; *Антонов Е.П.* Движение тунгусов в Якутии и на Охотском побережье за национальное самоопределение в период нэпа // *Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. История.* 2014. № 9. С. 97.
  17. *Копылов Е.В.* Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Саха (Якутия). 1920–2010. Якутск: Изд-во «Печатный двор», 2010. С. 31.
  18. *Пестерев В.И.* Исторические миниатюры о Якутии. Якутск: Нац. кн. изд-во Респ. Саха (Якутия), 1993. С. 108, 109.
  19. *Пикалов Ю.В.* Указ. соч. С. 15.
  20. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 295. Л. 24.
  21. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 186. Л. 368.
  22. *Шитова Л., Мясников А.* Граница закаленная ветрами. Магадан: Камчатпресс, 2007. С. 5.
  23. *Антонов Е.П.* Движение тунгусов в Якутии и на Охотском побережье за национальное самоопределение в период нэпа // *Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. История.* 2014. № 9. С. 95.
  24. *Ковлеков С.И.* Указ. соч. С. 71.
  25. *Антонов Е.П.* Тунгусское национальное восстание // *Россия и АТР.* 2007. № 4. С. 41.
  26. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 1. Д. 186. Л. 369об.
  27. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 295. Л. 24.
  28. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 186. Л. 368; *Сафронов Ф.Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX вв. М.: Наука, 1980.
  29. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 186. Л. 368.
  30. Цит. по: *Яблочкина И.В.* Вооруженная конфликтность в Якутии в условиях утверждения нэпа (1922–1926 гг.) // *Альтернативы большевистской модернизации в годы новой экономической политики.* М.: АНО «НИИ истории, экономики права», 2014. С. 53.
  31. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 186. Л. 367,367об.
  32. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 671. Л. 173–179.
  33. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 971. Л. 119.
  34. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 295. Л. 73,74,75.
  35. *Башарин Г. П.* Общественно-политическая обстановка в Якутии в 1921–1925 гг. // Якутск: Изд-во Бичик, 1996. С. 268.
  36. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 971. Л. 239,257.
  37. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 186. Л. 366 об.
  38. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 971. Л. 191.
  39. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 971. Л. 191.
  40. *Ковлеков С.И.* Указ. соч. С. 81.
  41. Центральный архив федеральной службы безопасности Российской Федерации. Ф. 2. Оп. 8. Д. 321. Л. 82.
  42. *Колесников А.С.* Указ. соч. С. 150.

Образ певички (гетеры) в литературе Китая (от новелл эпохи Тан к прозе эпохи Цин)

© 2019

Н.В. Захарова

В статье дан анализ эволюции образа певички (гетеры) в прозаических произведениях китайских авторов. На примере новелл эпох Тан и Сун, а затем прозы эпохи Цин исследуются перемены в изображении героинь прозы об увеселительных кварталах.

Ключевые слова: гетеры, певички, литература Китая, жанр сясе сяошо.

DOI: 10.31857/S013128120003936-0

Первые повествования о гетерах (синологи их часто называют «певичками») появились в Китае одновременно с расцветом городов и распространением увеселительных кварталов в эпоху Тан. В это время в законодательных уложениях уже существовала особая категория женщин — *чанцзи*, проживающих в специальных увеселительных кварталах и развлекавших гостей пением и танцами. Как пишет исследователь положения женщин в средневековом Китае Ю.С. Мыльникова, по своему правовому и социальному статусу певички при Тан делились на казенных (дворцовые певички *гунцзи*, певички для высших чинов местной администрации, певички для чиновников *гуаньцзи*) и частных (домашние певички и проститутки) *цзяцзи*¹. Певички могли жить не только в увеселительных заведениях, но и в семьях. «Состоятельные семьи могли содержать домашних певичек *цзяцзи*, это было престижно и подчеркивало статус хозяина»². В столице Китая эпохи Тан — городе Чанъани (современное название — Сиань) было достаточно много увеселительных заведений, которые посещали образованные люди, от претендентов на участие в государственных экзаменах до чиновников, занимающих высокие должности. Среди них еще не было профессиональных литераторов, которые появятся только несколько столетий спустя, но литературным талантом обладали многие, создававшие в этот период небольшие по объему прозаические произведения на литературном языке, позже получившие название танских новелл *чуаньци*. С героиней одной из таких новелл, созданной Бо Синцзянем (776–826), братом крупнейшего поэта эпохи Тан Бо Цзюйи (772–846), читатель знакомится в «Жизнеописании красавицы Ли» («Ли ва чжуань»).

Из новеллы мы узнаем о жизни певичек в эпоху Тан. Девочек из бедных семей покупали или брали на воспитание в город хозяйки увеселительных заведений и обучали их навыкам развлечения гостей. Девушки должны были быть не только привлекательны, но и обладать различными талантами: уметь петь, танцевать, слагать стихи. Несмотря на низкий социальный статус, некоторые из них были достаточно богатыми, подобно героине новеллы — красавице Ли, у которой «все прежние возлюбленные — люди из именитых и влиятельных семей, и красавица привыкла к щедрым подаркам»³. Хозяйка красавицы Ли снимает отдельный дом, убранство которого подобно обстановке домов богатых горожан: «занавески, циновки, ширмы, широкие ложа радовали глаз своей красотой. Туалетные ящики, покрывала, подушки — все в этом доме поражало роскошью и утонченным изяществом»⁴. Девушки находились в зависимости от своих хозяек: красавица Ли, чтобы получить свободу, выплачивает хозяйке заведения крупную сумму, обеспечивая ее жизнь на двадцать лет. В новелле Бо Синцзянь подчеркивает высокие моральные качества своей героини: красавица Ли добродетелью сравнима с женщинами благородного происхождения. Когда юноша, впавший в нищету из-за увлечения красавицей и умирающий от голода, случайно оказывается перед дверями дома красавицы Ли и старуха, опекающая красавицу, велит прогнать его, красавица, «строго взглянув на нее, отвечает: «Этот юноша из благородного дома. Когда-то он ездил в богатом экипаже, носил золотые украшения. А пришел в наш дом и быстро лишился всего. С помощью подлой уловки мы выгнали его. Это бесчеловечно! Мы погубили его будущее, сделали посмешищем людей»⁵.

По сюжету, девушка уходит от старухи, снимает собственное жилище и прилагает все силы, чтобы вылечить юношу. Потом она настаивает на том, чтобы юноша подготовился в сдаче экзаменов, после которых тот получает важный пост и, испытывая благодарность к красавице, берет ее в жены. В виде заключения к этой истории Бо Синцзянь восклицает: «Вот видите, была ведь когда-то продажной певичкой, а стала женой, да еще образцового поведения! Даже самые добродетельные женщины прежних времен и те не могли бы сравниться с ней! Как же тут не удивляться ей, как не восхищаться!»⁶. В этих словах заложена идея новеллы: и гетера способна совершать благородные поступки.

При династии Сун (X—XIII вв.) столица была перенесена в Кайфэн (Бяньцзин), в котором так же, как и в Чаньани, существовали кварталы с увеселительными заведениями⁷. О том, что певички-чанцзи, как и в предыдущие времена, должны были обладать артистическими талантами, уметь петь и танцевать, свидетельствует новелла Цинь Чуня под названием «История про Тань Гэ (в которой описываются ее дарования и красота)». Тань Гэ, которая в восемь лет осталась сиротой, воспитатель продал в веселый дом, потому что, как пишет автор новеллы, «девочка была не только красива, но и умна и талантлива необычайно. Умела к месту стихи сказать, остроумную строфу продолжить. Поглядеть на нее со всей округи съезжались»⁸. Изменения в сочинениях о жизни певичек эпохи Цин коснулись не только формы, но, главное, принципов изображения героинь. К середине XIX в. небольшие по объему *хуабэнь* эпох Сун и Мин становятся многоглавыми романами *чжанхуэй сяошо*, а образ певички — одним из наиболее часто встречаемых.

В отличие от нравоучительных романов XVIII — первой половины XIX в., во второй половине XIX в. смена исторической ситуации явилась причиной изменения отношения соиума и авторов прозы как его части к явлению существования социальной группы певичек. В литературе появляется поджанр прозы о певичках и артистах (*чанью сяошо*) и прозы об увеселительных кварталах, или эротической прозы (*сяе сяошо*). Такое название поджанру дал Лу Синь в своем «Кратком очерке истории китайской прозы» («Чжунго сяошо шилуэ»).

Одним из первых и наиболее заметных романов, повлиявших на эволюцию поджанра *чанью сяошо*, стало сочинение Вэй Сюэжэня (второе имя Вэй Цзыань, 1819—

1874) — роман «Следы цветов и луны» («Хуа юэжэнь») (опубликован в 1858 г.), в котором дана картина жизни певичек Китая середины XIX в. Критики считают этот роман первым крупным произведением нового периода (в романе пятьдесят две главы), полностью посвященным описанию жизни гетер⁹. Рамки многоглавого романа позволили Вэй Сюжэню создать картину жизни увеселительных заведений Пекина и их обитателей. В романе четыре главных героя: два друга, Вэй Чжичжу и Хань Хэшэн, и их подруги — певички Цю-хэн (След осени) и Цай-цю (Яркая осень). В духе новелл предыдущих эпох Вэй Чжичжу и Хань Хэшэн получили звание *сюцаев* и рассчитывают взять гетер в семью в качестве наложниц. Однако автор вносит в изменения в сюжет любовных новелл, популярных в эпоху Сун и Мин, отражая перемены, происшедшие в жизни Китая за несколько столетий, и показывает, как социальное расслоение, происходящее в стране в эпоху буржуазных отношений, сказывается на представителях разных слоев общества.

Действие романа совпадает с восстанием тайпинов, в результате которого началось обнищание не только простых людей, но и обеспеченных кигайцев, оказавшихся в районах, захваченных восставшими крестьянами. Восстание сыграло трагическую роль в жизни семьи Вэй Чжичжу. Вэй Сюжэнь не говорит об этом прямо, но из текста повествования читатель понимает, что лишившись состояния, Вэй Чжичжу не сумел выкупить Цю-хэн из публичного дома; его преследуют несчастья, умирает жена, он уезжает на юг, порвав с гетерой. Та не выдерживает разлуки и тоже умирает. По-другому складывается судьба его друга, Хань Хэшэна. Он не только не теряет состояния во время восстания тайпинов, но принимает участие в его подавлении, приобретает благосклонность начальства и получает повышение в должности. У него появляются деньги, чтобы заплатить хозяйке заведения, в котором находится Цай-цю, и сделать певичку своей наложницей.

Современный китайский исследователь творчества Вэй Сюжэня Сюй Ванцзюань считает: новаторство писателя проявилось в том, что в романе сочетаются два литературных течения — реалистического, с усилением драматического фактора (линия Вэй Чжичжу и Цю-хэн), и сентиментального (Хань Хэшэн и Цай-цю)¹⁰. Важно и то, что, как отмечает исследователь прозы династии Цин В.И. Семанов, «Вэй Сюжэнь возродил демократическую традицию национальных прозаиков рисовать певичек (гетер, проституток), причем рисовать сочувственно, сентиментально»¹¹.

Изменение отношения авторов романов о певичках к изображаемым ими персонажам было связано с социальным статусом литераторов, их жизненным опытом, мировоззрением. Не позднее 1878 г. был опубликован еще один роман о жизни китайских гетер сучжоуского литератора Юй Да (?—1884), «Сон в синем тереме» («Цин лоу мэнь»), второе название — «Неофициальная история Ци-хун» («Ци Хун сяоши»). Местом действия становится Шанхай, именно сюда из Пекина постепенно перемещается культурная и литературная жизнь Китая. Название романа вызывает ассоциации с романом Цао Сюэциня «Сон в красном тереме» («Хун лоу мэнь»): красный цвет китайского традиционного жилого здания ассоциируется с богатством хозяев, живущих в нем, а синий цвет здания обозначал увеселительное заведение. Автор, прославившийся тем, что был завсегдаем подобных заведений Шанхая, главному герою, Цзинь Исяну, придал собственные черты, а в романе постарался создать идеальную картину нравов публичных домов¹². Так же, как и автор «Следов цветов и луны», Юй Да идеализирует своих героинь, создает образы романтических женщин, награждает их моральными качествами в духе конфуцианских идеалов. В романе сохранена традиционная для любовной прозы феодалского Китая линия взаимоотношений благородных юношей (*цайцзы*) и красавиц (*цзяжэнь*), героини романа отличаются утонченностью нравов, сентиментальностью и чувствительностью. Трагедия главного героя заключается в том, что он считает себя одаренным человеком, но не может найти применения своим талантам, страдает от непонимания окружающих, «только обитательницы “синего терема” с их чуткой душой способны оценить героя»¹³. Идя вразрез с общественным мнением, он предпочитает не добиваться общественного

положения, для чего следовало сдать государственные экзамены и получить звание *сю-чая*, а проводит время среди гетер, считая, что атмосфера в «веселых кварталах» способствует раскрытию моральных качеств достойных людей. «Независимый и беспечный» (*фэнлиу цайцзы*), как характеризует своего героя Юй Да, Цзинь Исян сочиняет стихи, в которых воспеваает женскую красоту, и благодаря которым приобретает известность. Он выкупает из публичного дома четырех гетер и делает их своими наложницами. Только необходимость содержать родителей вынуждает его купить небольшую чиновничью должность. Будучи чиновником, он демонстрирует честность и неподкупность.

Не отказался Юй Да и от традиционных для любовных романов XIX в. фантастических элементов, придав им даосскую окраску: в последних главах Цзинь Исян уходит в отставку, думает найти певичек, подруг своей юности, но многие из тридцати шести гетер, описанию жизни которых была посвящена первая половина романа, во второй половине повествования покинули увеселительные заведения: немногие стали наложницами, а большинство умерли. Цзинь Исян осознает иллюзорность целей, к которым стремятся окружающие его, и принимает решение стать даосским монахом. Вместе со своими наложницами, которых он выкупил из публичного дома, он поднимается на гору Тяньтайшань и становится небожителем. Таким эпилогом автор еще раз подчеркнул свое возвышенное отношение к гетерам, продолжая традицию городской повести *хуабэнь*, и продемонстрировал пренебрежение общественным мнением, в котором твердо укоренилось отрицательное отношение к певичкам.

Уже в следующем по времени романе — «Приморские цветы» («Хайшан хуа лечжуань») Хань Банцина (1856–1894), опубликованном в год смерти писателя, — встречаются как положительные, так и отрицательные образы гетер. Целью написания книги, по словам автора, было «заставить читателя глубоко задуматься»¹⁴ и создать объективную картину жизни обитательниц увеселительных заведений. Китайские критики высоко оценивают это сочинение, видя в нем в первую очередь желание автора воссоздать неприглядную картину современного ему общества. Как пишет Юань Цзинь, то, что объектом изображения Хань Банцин выбирает социальную группу гетер и посетителей увеселительных заведений, отличает его от Цао Сюэциня, в романе которого герои связаны родственными узами. В романе «Приморские цветы» нет элементов фантастики, как в предыдущих прозаических сочинениях¹⁵. В произведении много новаторских черт, в том числе то, что оно впервые написано на шанхайском диалекте. Из текста «Приморских цветов» мы узнаем подробности жизни певичек Шанхая во второй половине XIX в. Уже само название — «Приморские цветы» («Хайшан») вызывает ассоциацию с Шанхаем. Хань Банцин пытается проследить генезис социальной группы певичек в условиях бурного развития капиталистических отношений в стране, пишет о том, что девушки становились проститутками, уходя от голодной смерти в нищих китайских деревнях; на примере жизни обитателей и посетителей увеселительных заведений показывает, какие изменения происходят в различных социальных слоях китайцев, как на них сказывается агрессивная политика иностранных государств, превращающая страну в полуколонию, зависящую от Запада.

В отличие от предыдущей любовной прозы, у Хань Банцина много реалистических описаний «увеселительных заведений» Шанхая рубежа XIX — XX вв. Их обитательницы значительно отличались от певичек эпох Тан и Сун, даже идеализированные портреты гетер эпохи буржуазно-капиталистических отношений не скрывают перемены, произошедших в их облике. Автор не склонен к морализаторству, не стремится оправдать поступки своих героинь жестокими нравами, царящими в среде обитателей увеселительных заведений, и меньше всего стремится придать своему роману обличительную окраску. Его задача — показать жизнь данной социальной группы на фоне крупного города. Хань Банцин старается создать психологические портреты своих героинь. Оказавшись в «заведении» и будучи в полной зависимости от хозяйки, девушки приобретают

разный статус, который определяет их положение; но все «обитательницы залов» живут надеждой найти покровителя, который захочет выкупить и сделать наложницей, однако чаще всего певички старятся, теряют привлекательность, не приносят дохода своим хозяйкам и оказываются на улице.

В это же время был опубликован еще один роман, героинями которого выступают певички — «Путешествие Лао Цаня» («Лао Цань ю цзи», 1903) Лю Э (1857–1909). Свое отношение к существованию социальной группы певичек как атрибуту феодального Китая, сохранившегося в стране, вступившей на путь капиталистического развития, писатель выражает через противопоставление двух групп героинь. Первая — две сестры, исполнительницы сказов, о них Лао Цань узнает во время своего путешествия по стране, прибыв в небольшой провинциальный город. Лю Э создает идеалистический образ своих героинь, начиная с их имен (Белая и Черная Красавицы) и портрета: «Глаза ее (Белой Красавицы. — Н.З.) были прозрачными, словно осенние воды¹⁶, они горели как звезды, как драгоценные жемчужины, и напоминали черные бусинки на сверкающем белом фоне. Она окинула всех взглядом — и даже люди, сидевшие в самых дальних углах, вдруг почувствовали: «Ван Сяюй увидела меня»¹⁷. Автор дает подробное описание концерта девушек: их выступление он уподобляет необычайному событию, которое взбудоражило весь город, и объясняет это не столько популярностью жанра сказов в сопровождении музыкальных инструментов, сколько необычайным талантом исполнительниц. Сестрам отведена только одна глава: Лао Цань узнает о концерте, слушает выступление гетер перед восторженными зрителями и создает идеалистическую картину восхищения артистическими талантами певичек. Совсем в другой манере, уже реалистическими красками, рисует Лю Э жизнь двух других певичек — Цуй-хуа (Изумрудный цветок) и Цуй-хуань (Изумрудное колечко).

Эти девушки относятся к категории *гуаньцзи* — певичек для чиновников. Так же, как и Белая и Черная красавицы, Цуй-хуа и Цуй-хуань молоды, младшей пятнадцать-шестнадцать лет, а старшей — семнадцать-восемнадцать. Лао Цань знакомится с девушками у своего друга, вынужденного из-за ненастья задержаться в чужом городе, и на несколько дней взявшего из «заведения» двух девушек. Подобная услуга стоила дорого, позволить себе взять в дом певичек могли только обеспеченные люди, у которых были слуги, занимавшиеся хозяйственными делами, у певичек же были другие обязанности: когда приходили гости — развлекать, наливать вино из чайника и исполнять песни под аккомпанемент трехструнного инструмента *сань-сяньцзы*.

Судьба Цуй-хуа и Цуй-хуань, оказавшихся в домах терпимости, была типичной для китайских девушек начала XX в. Родители не только в деревнях, но и в городах, доведенные до крайней нужды неурожаями, проигрышами судебных тяжб или из-за собственных пороков — курения опиума, продавали своих дочерей хозяйкам увеселительных заведений. Многие страницы романа посвящены описанию жизни в «заведениях», где царили жесткие порядки. Жизнь девушек полностью зависела от содержательницы, или «мамы», как называли ее девушки. Вот как описывает свою жизнь Цуй-хуань: «Деньги за вход [деньги, которые платят гости. — Н.З.] все отбирают: часть слугам, часть берет хозяин, остальное — содержательница — мне ничего не перепадает! Пудру, румяна, белла, даже одежду — все мы должны покупать за собственные деньги. Когда господа просто слушают наши песни, мы ничего с них не просим <...>. А уж если проводят ночь, тогда ничего не остается, как просить»¹⁸. Девушки из «заведения» радовались, когда какой-нибудь богач, чтобы развеселить гостей, на несколько дней брал девушек к себе домой. В таком случае девушки могли поесть, в заведении они жили впроголодь. Если же их возвращали ночью, то их ожидало наказание. У содержательницы существовало правило: если девушка возвращалась рано, значит она не понравилась гостю, и ее следовало наказать и оставить без еды.

В отличие от предшественников, Лю Э создает психологический портрет своих героинь. Цуй-хуань — неграмотна, но обладает тонким художественным вкусом, любит стихи и просит гостей, чтобы те их пересказали. Она дает точную характеристику гостям «заведения»: «Люди побогаче и познатнее все время говорят о том, как они благородны и способны, и что их дескать никто не признает. <...> Благородны эти господа или нет, мы знать не могли, а только удивлялись: если все, кто у нас бывал, так благородны и талантливы, то куда же все неспособные подевались?»¹⁹. Цуй-хуань не только умна и рассудительна, она еще отличается добротой по отношению к своим родным. В «заведение» она попала не только из-за того, что ее отец разорился и умер, но и из-за слабости своей матери, которая проиграла деньги в карты. Когда мать умерла, у Цуй-хуань остался шестилетний брат, которого отдали соседу, чтобы тот кормил ребенка. Девушка, понимая, что брату тяжело живется у чужих людей, копила деньги и отсылала соседу на еду брату. Этими качествами своей души девушка напоминает красавицу Ли из новеллы Бо Синцзяня. Лю Э не только отдает дань традиции уважительного отношения к девушкам, попадающим в увеселительные заведения не по своей воле, но показывает, что и в условиях жестокости и ненависти, царящих в среде певичек, его героиня сохраняет такие качества, как порядочность и доброта.

Если в романе Лю Э «Путешествие Лао Цаня» сцены с описанием жизни гетер не являются сюжетобразующими, почему В.И. Семанов вполне обоснованно относит это сочинение к жанру обличительной прозы, то опубликованный в этом же году роман «Сон о приморском расцвете» («Хайшан фаньхуа мэн») Сунь Цзячжэня (?—1939) критики причисляют к жанру *чанью сяошо*. Роман — повествование о жизни Шанхая в эпоху поздней Цин, когда после Опиумных войн началось стремительное проникновение капитализма в Шанхай, город стал открытым для иностранцев, появились селтльменты и, как следствие, многочисленные увеселительные заведения. Китайские критики отмечают познавательную ценность романа для понимания жизни крупного города со значительным количеством иностранцев²⁰. В центре повествования — бордель, описано безнравственное поведение китайских нуворишей, ложь, предательство, зависть среди девиц легкого поведения и посетителей домов терпимости.

В книге созданы многочисленные образы разбогатевших шанхайцев, прожигателей жизни, картины мошенничества, вымогательства и приспособленчества. На фоне блеска Шанхая богачи прожигают жизнь в домах терпимости²¹. В романе несколько сюжетных линий и около сотни героев, в традиции многоглавых любовных романс даны подробные описания развлечений героев, подготовки и проведения многочисленных праздников, застолий. К плюсам романа следует отнести стремление Сунь Цзячжэня использовать реалистические краски при изображении главных персонажей. Он отказывается от сентиментального флера, которым были овеяны сестры-певички в «Путешествии Лао Цаня» Лю Э. На примере жизни певички Гуй Тяньсян (Небесный аромат), которой автор придает положительный облик, показано, насколько тяжела была участь певичек. Посетитель заведения по имени Цзинь Цыдо заставляет ее исполнять песни, не обращая внимания на то, что девушка больна, а когда Тяньсян отказывается, богач готов избить ее²². Девушка понимает, что от унижений, неизбежных в жизни певички, ее может избавить только статус наложницы, но Се Юань, который покровительствует Тяньсян и которому она постоянно говорит о своей любви, не готов привести ее в дом, где хозяйкой выступает его жена.

Рассказ Су Маньшу (1884—1918) «Сабля» создан уже после Синьхайской революции, но в нем описана жизнь гетер на рубеже XIX—XX вв. В рассказе в достаточно сильной степени проявляются черты романтизма, отличающие ранний период творчества писателя, но в эпизодах, связанных с жизнью бывшей певички, преобладают реалистические краски. Су Маньшу использует новый для китайской литературы прием рамочной композиции, помещая в повествование о жизни главного персонажа после антимань-

чжурского восстания 1911 г. воспоминания старой китайки о том, как она стала певичкой. В жизни гетер в Китае на рубеже двух веков, которые Су Маньшу определяет как рубеж двух эпох, когда дряхлеющая маньчжурская империя должна в скором времени смениться буржуазной республикой, происходят перемены, сопоставимые с теми, что происходят во всех слоях китайского общества. Отца рассказчицы, переселившегося из деревни в Пекин и зарабатывающего на жизнь тяжелым трудом рикши, нанимает гетера Фу Тяньэ, имеющая богатую клиентуру благодаря тому, что была ученицей гетеры Фу Цайюнь. Фу Цайюнь — реальный исторический персонаж, она поднялась на недостижимую для гетер социальную высоту: будучи наложницей дипломата Цзинь Вэньцина, она с разрешения его жены сопровождала Цзиня во время его службы в Германии и России, была знакома со многими именитыми иностранцами. Когда Цзинь Вэньцин умер, Цайюнь, привыкшая к независимости, вновь стала гетерой. Во время восстания ихэтуаней в 1900 г. Фу Цайюнь, благодаря своей дружбе с командующим объединенной армией восьми иностранных государств, подавлявших оккупировавших Пекин китайских крестьян, германским фельдмаршалом Вальдерзее, спасла немало национальных ценностей, в том числе не дала иностранцам разграбить антикварные лавки на знаменитой улице Люличан. Современники с большим уважением упоминают ее заслуги: «Сейчас эта удивительная женщина уже состарилась и вполне заслуживает того, чтобы почтительно склониться перед ее сединами»²³.

Завидная участь Фу Цайюнь и богатство ее ученицы побуждают рикшу отдать свою дочь содержательнице заведения. Однако он вскоре понимает, что вряд ли его дочь ждет удача, подобная той, что выпала на долю Фу Цайюнь. Отец захотел выкупить дочь у хозяйки заведения, но та увеличила стоимость девушки почти в тысячу раз. Тем не менее судьба рассказчицы сначала складывалась удачно: она стала наложницей торговца-южанина. Следуя традиции жанра *чанью сяошо*, Су Маньшу должен был поставить точку в этом повествовании о жизни гетеры, ведь она добилась цели, которая считалась главной в жизни обитательниц увеселительных заведений. Однако автор рассказа показывает, что статус наложницы в китайской семье начала XX в. не является гарантией счастливой жизни. «Когда муж доставил меня в Гонконг, его домашние никак не могли смириться со мной. Я искренне хотела слушаться свекра и свекрови, заботиться о братьях и сестрах мужа, но все они считали меня ведьмой, чужачкой. Муж также смотрел на меня как на игрушку, только улещивал пустыми и лживыми словами. Так и не получилось у меня семейного счастья, и я потеряла всякий интерес к жизни»²⁴.

Многие образованные китайцы (*вэньжэнь*) проводили время в общении с певичками и часто изображали их героинями своих литературных произведений. За длительный исторический период существования этой социальной группы как в общественном положении гетер, так и в их психологии, произошли изменения, нашедшие отражение в сочинениях литераторов, описывающих их жизнь. Однако традиционное отношение к гетерам прежде всего как к женщинам, наделенным музыкальными и литературными талантами и способным доставлять эстетическое наслаждение, сохранилось и в XX в. Так, одна из трех наложниц главного героя знаменитого романа Су Туна «Жены и наложницы» (1989), события которого происходят в 1930-е годы, — певичка. Да и Цзян Цин, четвертая жена Мао Цзэдуна, как известно, была актрисой и хорошо пела.

1. Мыльникова Ю.С. Правовое положение женщин в истории средневекового Китая. Автореферат дис... канд. ист. наук. СПб., 2012. URL: <http://diss.seluk.ru/av-istoriya/707205-1-pravovoe-polozhenie-zhenschin-istorii-srednevekovogo-kitaya-dinastii-tan-sun.php> (дата обращения: 19.07.2018).
2. Там же.
3. Проза Тан и Сун. СПб.: Петербургское востоковедение, 2015. С. 177, 185.

4. Там же. С. 179.
5. Там же. С. 185.
6. Там же. С. 188.
7. Подробнее об этом см.: Лю Юйчунь. Шэньти дэ сяофэй: Сун дай гуаньцзи дэ чайлай, чэжин юй гоцзя шюаньли: [Траты на тело: статус, служебные обязанности и власть государства (певички при династии Сун)]. URL: http://www.360doc.com/content/17/03/02/15/12736513_633359500.shtml (дата обращения: 15.08.2018).
8. Все шедевры мировой литературы в кратком изложении. Сюжеты и характеры. Зарубежная литература древних эпох, Средневековья и Возрождения. URL: <http://alleng.org/d/11/1111.htm> (дата обращения: 20.08.2018).
9. *Вэй Цзыань*. Следы цветов и луны. (На кит. яз.) URL: https://tieba.baidu.com/p/717712470?red_tag=3487483437 (дата обращения: 14.09.2018).
10. *Сюй Ваньчжэнь*. Хуа юэ чжи хэнь. Жэньшэн чжи хэнь. — Лунь «Хуа юэ хэнь» дэ сивэнь тэсэ цзи чуаньцзо иту: [Следы цветов и луны. Презрение к жизни людей — специфика стиля и творческий замысел романа «Следы цветов и луны»]. URL: <https://wenku.baidu.com/view/92827692856a561253d36f24.htm> (дата обращения 14.09.2018).
11. Семанов В. И. Эволюция китайского романа (конец XVIII — начало XX вв.). М., 1970. С. 108.
12. «Цин лоу мэнь»: [«Сон в синем тереме»]. URL: <https://baike.baidu.com/item/.../5815959?fr=aladdin> (дата обращения: 15.08.2018).
13. Цит. по: «Цин лоу мэнь» [«Сон в синем тереме»]. URL: <https://wenku.baidu.com/view/d0b3d8e8bdeb19e8b8f67c1cfad6195f312be8e5.html> (дата обращения: 16.09.2018).
14. Хань Баншин. [Электронный ресурс]. URL: <https://movie.douban.com/celebrity/1347948/> (дата обращения: 12.08.2018).
15. *Юань Цзинь*. Души сюйшу дэ фадуань — шилунь Хань Баншин дэ сяошо сюйшу дилунь юй шицзянь [«Начало описание жизни столицы — теоретические и практические аспекты описаний в романе Хань Баншина»]. URL: <http://www.123renren.net/article/2319e190-3309-424b-5aa7-ba5e5b74bdfc.htm> (дата обращения: 12.08.2018).
16. Сравнение глаз с осенней водой — распространенный троп при описании внешности красавиц, идущий из классической литературы. Подробнее об описания женской красоты см.: Захарова Н. В. Образ красавицы в современной литературе Китая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Выпуск 22 (682). Языкознание. Страны Востока: язык, культура, литература. М.: ФГБОН ВПО МГЛУ, 2013. С. 76–85.
17. Путешествие Лао Цаня / Пер. и пред. В. Семанова. М.: 1958. С. 36–37.
18. Там же. С. 167.
19. Там же. С. 166.
20. *Сунь Цзячжэнь*. Хайшан фаньхуа мэнь: [Сон о приморском рассвете]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%B5%B7%E4%B8%8A%E7%B9%81%E5%8D%8E%E6%A2%A6/73544> (дата обращения: 15.08.2018).
21. *Сунь Цзячжэнь*. Хайшан фаньхуа мэнь: [Сон о приморском рассвете]. В 2 т. Наньчан: Шэньси жэньминь чубаньшэ, 1988. 1209 с.
22. *Сунь Цзячжэнь*. Том 2. С. 590.
23. *Су Маньшю*: Одинокий лебедь. М.: Художественная литература, 1971. С. 100.
24. Там же. С. 101.

Научная жизнь

«Китай, китайская цивилизация и мир: история, современность, перспективы»

(XXIII Международная научно-практическая конференция)

24–25 октября 2018 г. в Москве прошла XXIII Международная научно-практическая конференция «Китай, китайская цивилизация и мир: история, современность, перспективы», традиционно проводимая Институтом Дальнего Востока РАН, Научным советом РАН по проблемам комплексного изучения современного Китая, Обществом российско-китайской дружбы и Российско-китайским комитетом мира, дружбы и развития один раз в два года.

В конференции приняли участие более 120 российских и свыше 40 китайских ученых, в том числе из Института современного Китая, Китайского народного университета, Университета Цзяотун, Института новой истории Китая, а также специалисты из Германии, Сербии, Белоруссии, Украины. Кроме московских китаистов, в работе конференции участвовали специалисты из Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска, Улан-Удэ, Кяхты, Читы, Благовещенска, Хабаровска, Владивостока.

Открывая работу конференции, директор ИДВ РАН, д.и.н., проф. С.Г. Лузянин подчеркнул, что Китай сегодня превратился в серьезного глобального игрока на международной арене, обладающего вторым экономическим потенциалом в мире и внушительным оборонным потенциалом, позволяющими ему проводить активную внешнюю политику. В свою очередь российско-китайские отношения являются серьезным фактором современной международной политики.

Директор Первого департамента Азии МИД РФ Г.В. Зиновьев зачитал приветственное письмо в адрес участников конференции, подписанное заместителем министра иностранных дел И.В. Моргуловым, в котором подчеркивалось, что за последние четыре десятилетия в процессе последовательного проведения политики реформ и открытости Китай продемонстрировал пример динамичного развития по всем ключевым направлениям, обретя статус одного из наиболее авторитетных игроков на международной арене.

«В настоящее время, — подчеркивалось в приветствии И.В. Моргулова, — наши отношения с КНР, без преувеличения, переживают лучший период в своей истории. Плодотворный диалог России и Китая во всех сферах создает благоприятные условия для взаимовыгодного сотрудничества по самому широкому спектру вопросов, способствует решению стоящих перед обеими странами задач модернизации, служит важным фактором упрочения мира и стабильности в региональном и глобальном масштабе».

Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ Ли Хуэй в своем выступлении поблагодарил Институт Дальнего Востока за организацию такой важной конференции и отметил большую роль Института в деле становления российско-китайских отношений.

Ли Хуэй подробно остановился на вопросах современной внешней и внутренней политики Китая. Подчеркнул, что Китай твердо придерживается линии мирного развития страны, предпринимает большие усилия для осуществления инициативы «Один пояс, один путь», проводит активную мирную политику, направленную на реализацию концепции создания «человечества единой судьбы».

Участников конференции приветствовали также академик РАН Н.И. Иванова, член-корреспондент РАН В.Л. Ларин, президент Института Шиллера Хельга Зепп-Ларуш (Германия), член НПКСК, г.н.с. Института новой и новейшей истории АОН Китая Чжэн Дафа.

Далее на пленарном заседании было заслушано 9 научных докладов. С.Г. Лузянин (ИДВ РАН) в докладе «Китай — 2018. Основные изменения внутреннего и внешнего развития» отметил серьезное влияние на социально-экономическое и политическое развитие КНР XIX съезда КПК (октябрь 2017 г.). В докладе генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина нашло отражение стремление Китая к укреплению рыночной экономики и либерализации мировых торговых процессов.

Хельга Зепп-Ларуш (основатель и президент Института Шиллера, Германия) в докладе «Сообщество единого будущего для человечества — стратегическая перспектива Китая до 2050 г.» выразила мнение о том, что дух «Единого Шелкового пути» дает надежду для многих стран на мирное развитие во всем мире.

А.В. Островский (ИДВ РАН) в докладе «Развитие переходной экономики в России, Китае и Вьетнаме: сравнительный анализ» отметил, что в конце XX в. Россия, Китай и Вьетнам вынужденно отказались от планово-административной модели социально-экономического развития и перешли к рыночной экономике. Однако переход от одной модели к другой проходил по-разному. Россия выбрала либеральную модель стремительного перехода к рынку, названную «Вашингтонским консенсусом», а Китай и Вьетнам — модель постепенного перехода от плановой к рыночной экономике, названной «Пекинским консенсусом». Как показывают итоги проводимых реформ, КНР и Вьетнам можно отнести к странам, которые добились наибольших успехов, а Россия их почти не имеет.

В.Я. Портяков (главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока»), говоря «О современной внешней политике Китая», проанализировал основные особенности современного внешнеполитического курса КНР и отметил, что ведущее место в теоретической базе деятельности КНР на международной арене занимают суждение Си Цзиньпина о человечестве как «сообществе единой судьбы» и его «Инициатива Пояса и Пути». В практической политике главным приоритетом Пекина остаются отношения с Вашингтоном.

Н.Л. Мамаева (ИДВ РАН) в докладе «Чжоу Эньлай и формирование системы сотрудничества и взаимопомощи между СССР и Китаем в сфере экономики как необходимой предпосылки создания базы индустриализации КНР (50-е годы)» отметила, что Чжоу Эньлай — один из самых ярких и влиятельных деятелей, определивших направления революционной борьбы до 1949 г. и содержание социалистической модернизации после образования КНР, который обладал выдающимися аналитическими способностями, приведшими его к пониманию необходимости наличия помощника в деле возрождения экономики страны, которого Чжоу Эньлай видел только в лице Советского Союза.

В первый день конференции состоялся крутой стол «Экономический пояс Шелкового пути: проблемы и перспективы» (ведущий — д.и.н., проф. С.Г. Лузянин), на котором было заслушано 8 докладов:

С.П. Савинский (НИИ Минфина РФ). «О подходах Китая к концепции “Экономического пояса Шелкового пути” и сотрудничестве с Евразийским союзом при его реа-

лизации». По мнению докладчика, выдвижение китайским руководством инициативы ЭПШП является практическим подтверждением продолжающейся трансформации внешней политики Китая, логическим продолжением реализуемой Китаем в последние годы т.н. политики мягкой силы — последовательной экономической экспансии на перспективные рынки, сопровождаемой созданием благоприятных предпосылок для развития национальной экономики третьих стран за счет «вливания» китайского капитала. Между руководством России и КНР достигнута договоренность о сопряжении проектов «Один пояс, один путь» и строительства и укрепления Евразийского экономического союза, а также по социально-экономическому развитию российского Дальнего Востока.

Е.И.Сафронова (ИДВ РАН). «О российско-китайских отношениях в свете инициативы ЭПШП». Ключевым адресатом «шелковой» инициативы КНР, считает автор, является регион Центральной Азии, который до сих пор расценивается как «пояс» стратегической безопасности России на ее юго-западных рубежах. Но именно там ширится конкуренция РФ с рядом стран, включая дружественный Китай. И одним из рычагов «размывания» этой «зоны стабильности» предстает проект ЭПШП. При этом Москва и Пекин считают идею сопряжения ЭПШП и ЕАЭС позитивной, она отвечает интересам стратегического партнерства сторон, будучи нацеленной на поддержание взаимопонимания и кооперации.

Чжан Сюэцзюнь (Институт промышленной политики Академии развития электронной и информационной промышленности Китая). «Мировой шанс и вызов о совместном построении “Одного пояса и одного пути”». 28 марта 2015 г., пишет автор, в КНР был опубликован документ «О видении перспектив и действий в совместном строительстве Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века». Это полное название инициативы «Один пояс, один путь», знаменующей переход Китая от участия в глобализации к ее формированию.

В.О. Намжилова (Бурятский научный центр СО РАН) сделала доклад «Территориальные особенности развития экономического коридора Китай — Монголия — Россия», в котором отметила, что инициатива Китая по созданию трехстороннего экономического коридора получила политическую поддержку со стороны России и Монголии. Пробразом нынешнего экономического коридора является Великий чайный путь, проходивший по территории трех стран и имевший огромную значимость для их социально-экономического развития, однако необходимо учитывать, что растущая асимметрия в экономическом развитии регионов на трансграничном пространстве России, Китая и Монголии может стать сдерживающим фактором в развитии северного направления Шелкового пути.

В.Н. Ремыга (Финансовый университет РФ) в докладе «Взаимодействие Китая с внешним миром в условиях “новой нормальности” китайской экономики» отметил недостаточное количество совместных российско-китайских проектов в сфере экономики. Реально существуют совместные проекты в области космических исследований, авиации, в области сельского хозяйства. Большой конкретный двусторонний проект связан с освоением Арктики. По прочим многочисленным направлениям совместные проекты находятся в стадии обсуждения.

К.А. Ефремова (МГИМО МИД РФ) указала в докладе «Мьянма в китайской стратегии “Пояса и пути”», что одним из ответвлений трансконтинентального маршрута ЭПШП является экономический коридор, связывающий Китай, Мьянму, Бангладеш и Индию. В настоящее время в рамках стратегии «Один пояс, один путь» реализуется проект экономического коридора «Куньмин — Калькутта» (К2К). Кроме участия в этом проекте, Мьянма фигурирует и в других китайских транспортно-логистических инициативах. Китаю хотелось бы видеть в Мьянме «братское» государство, которое могло бы стать проводником китайского влияния в ЮВА. Вместе с тем говорить о том, что Мьянма полностью подпала под китайское влияние, было бы неверно.

Р.А. Варфаловская (ИДВ РАН), автор доклада «Внешнеторговая модель китайской инициативы Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века», считает, что инициатива «Пояса и пути» откроет для КНР новые потенциальные возможности, создаст транспортный коридор и позволит развивать экономику страны на более высоком уровне, а со стратегической точки зрения в перспективе укрепит отношения КНР с новой группой стран, повысит их долю в структуре китайского товарооборота.

А.В. Афонасьева (ИДВ РАН) в докладе «Роль зарубежных китайцев в реализации инициативы “Пояс и путь”» указывает, что зарубежные китайцы (*хуацяо хуажэнь*), проживающие в 157 странах мира, владеющие капиталом в размере 5 трлн долл., имеющие развитую сеть предприятий и общественных организаций по всему миру и неравнодушные к своей исторической родине, являются одним из ключевых ресурсов КНР для реализации инициативы «Пояс и Путь», нацеленной на экономическое развитие самого Китая, в первую очередь его западных и центральных районов, и на усиление его экономического влияния в мире.

В этот же день в ИДВ РАН прошел круглый стол «История Великого чайного пути» (ведущие — к.и.н., в.н.с. ИДВ РАН В.Г. Шаронова и зав. Синологической библиотекой О.Н. Попова).

Открывая мероприятие, **В.Г. Шаронова** сказала, что все докладчики в течение многих лет изучают историю Великого чайного пути, имеют многочисленные публикации по этой теме и участвуют в международном гранте РФФИ «История русско-китайской чайной торговли в центральных и юго-восточных провинциях Китая с середины XIX по начало XX века по материалам российских и китайских архивов».

О.Н. Попова подробно описала коллекцию русской и китайской литературы, посвященной истории русско-китайской чайной торговли, хранящейся в фондах библиотеки.

Заместитель руководителя Центра новейшей истории Китая ИДВ РАН, к.и.н. **Д.А. Смирнов** пожелал успешной работы участникам и рассказал об основных направлениях научных исследований Центра.

На Круглом столе были заслушаны следующие доклады:

В.Г. Шаронова (ИДВ РАН), «Русские купцы в Калгане»; **С.М. Мушкалов** (Кунгур), «Китай в судьбе купцов Грибушиных»; **Е.М. Бакалдина** (СПб), «Пути доставки китайского чая в Россию (по материалам деятельности фирмы «Петр Боткин и сыновья»)»; **Л.Б. Цыденова** (Кяхта), «Купеческий тракт к Байкалу»; **О.А. Ренева** (Кунгур), «Роль чае-торговца А.Г. Кузнецова в реформировании фирмы А.С. Губкина в России и в Китае»; **Чэнь Кайке** (Пекин), «Русские частоторговцы в провинции Хубэй»; **Цю Чжихун** (Пекин), «Роль адвокатов Банка Америки в Китае в судебном процессе против русских бизнесменов в 1920-е годы»; **Цзян Цихун** (Пекин), «Влияние валютно-обменного курса на торговлю чаем между Китаем и Россией».

Во время мероприятия состоялась церемония передачи старинной китайской чайницы правнучкой купца Н.Г. Сахарова Кунгурскому музею купечества.

Завершая работу Круглого стола, профессор Санкт-Петербургского университета, д.и.н. **Н.А. Самойлов** поблагодарил выступавших за интересные доклады и пожелал им опубликовать монографию по теме Великого чайного пути.

На следующий день, 25 октября 2018 г., работа конференции продолжилась в 6 секциях — экономика Китая; внешняя политика Китая; внутренняя политика Китая; Китай: история и современность; духовная культура Китая (философия, религия); китайский язык, образование, литература, искусство.

Секция 1. Экономика Китая (руководители секции — зам. директора ИДВ РАН, д.э.н., проф. А.В. Островский, к.полит.н. П.Б. Каменнов, д.э.н. Э.П. Пивоварова). На секции было заслушано 17 докладов.

Э.П. Пивоварова (ИДВ РАН) выступила с докладом «О некоторых инновациях за 40 лет экономической реформы в КНР», в котором отметила, что в отличие от большинства бывших социалистических стран, вступивших в рыночные отношения, отрицая и разрушая все прежние практические и теоретические наработки, в КНР на протяжении всех лет реформ внимательно исследовали свой и зарубежный опыт и вводили в практику страны то, что давало положительные результаты. Эти новые открытия стали «прорывами» китайских ученых в экономической теории социализма или «инновациями» в экономической политике китайского руководства.

Е.С. Баженова (ИДВ РАН) сделала доклад «Новая стратегия урбанизации в КНР», в котором отметила важное значение 12-й пятилетки для процесса урбанизации в КНР, в ходе которой впервые в истории страны был разработан и начал претворяться в жизнь Национальный план урбанизации нового типа (2014–2020 гг.), основной задачей которого является усиление роли урбанизации в увеличении внутреннего спроса в условиях новой модели социально-экономического развития.

Л.В. Новоселова (ИДВ РАН) выступила с докладом «Инвестиционная политика и экономический рост в КНР», в котором отметила, что улучшение экономической ситуации положительно влияет на приток иностранного капитала в Китай.

З.А. Муромцева (ИДВ РАН) в докладе «К 40-летию реформирования госсектора КНР» отметила, что материалы XIX съезда КПК и 1-й сессии ВСНП 13-го созыва (март 2018 г.) подтверждают сохранение в КНР госсектора в необходимом объеме, повышение его оптимизации и качества размещения.

Е.И. Кранина (ИДВ РАН) в докладе «Экологическая ответственность Китая» подчеркнула, что формирование экологической цивилизации Китая — идеологический комплекс реформ — опирается на несколько стратегических концепций, в том числе «новую норму» и новую «зеленую» модель развития — «Экономический пояс Великого зеленого шелкового пути». Концепция «новой нормы» определяет принципиально иной подход к экономическому росту: замедление количественных показателей с ориентацией на качественные экологические показатели развития.

В.В. Величко (СВПУ) выступил с докладом «Особенности “всесторонней переходности” в региональной экономике Китая», в котором отметил, что с начала политики реформ и открытости региональная политика государства находилась в процессе продолжительных, постепенных и, в конечном итоге, глубоких изменений. Будущее региональной экономики на этапе переходности будет зависеть от дальнейшего углубления экономических реформ.

П.Б. Каменнов (ИДВ РАН) посвятил свой доклад «Военно-гражданской интеграции в КНР». Он отметил, что в начале XXI века развитие ВПК в КНР осуществляется в направлении создания инновационной системы науки и технологий, интегрирующей военные и гражданские научно-технологические ресурсы в интересах как оборонного, так и гражданского секторов.

А.В. Барабошкина (ИСАА МГУ) в докладе «Развитие возобновляемой энергетики в Китае» указала, что Китай ныне является крупнейшим потребителем энергоресурсов в мире, но в условиях тяжелой экологической ситуации в стране он остро нуждается в изменении структуры энергопотребления. Развитие чистых возобновляемых источников энергии может помочь в решении этой проблемы.

Н.Н. Коледенкова (ИДВ РАН) выступила с докладом «Основные проблемы развития обрабатывающей промышленности Китая», в котором указала, что стратегической целью развития Китая в XXI веке является задача модернизации экономической системы. При этом особое значение придается развитию обрабатывающей промышленности как приоритетному направлению в создании государства инновационного типа.

Е.О. Заклязьминская (ИДВ РАН) посвятила свой доклад теме «40 лет строительства туристического сектора в Китае: от закрытой страны к туристической державе».

В докладе говорится, что за 40 лет, прошедших от начала строительства туристического сектора в стране, она превратилась в туристическую сверхдержаву, занимающую мировые лидирующие позиции.

О.Н. Борох (ИДВ РАН) в докладе «Становление экономики развития в Китае» указала, что истоки формирования в Китае экономики развития восходят к первой половине XX века. Важным компонентом стала дискуссия 1920-х годов о соотношении аграрной и индустриальной основ экономического развития. Во второй половине 1940-х годов китайские экономисты обсуждали проблемы взаимного дополнения промышленности и сельского хозяйства, сбалансированного развития тяжелой и легкой промышленности, роли государства в экономической жизни. Возрождение интереса к экономике развития произошло в Китае в период реформ. Превращение экономического строительства в центральную задачу повысило ценность идей, сформулированных в преддверии образования КНР.

М.В. Александрова (ИДВ РАН) сделала доклад «Китайский импорт древесины: роль и перспективы России». В докладе говорится, что в связи с растущим в Китае спросом на древесину (жилищное строительство, мебельное производство и т.п.) повышается спрос на импорт круглого леса и пиломатериалов из других стран. Автор считает, что российским производителям продукции лесопромышленного комплекса необходимо повышать качество переработки древесины и производить изделия, соответствующие требованиям китайского рынка.

Т.Г. Тереньева (ИДВ РАН) выступила с докладом «“Выход за рубеж” как одно из важнейших направлений политики открытости внешнему миру». В докладе указывается, что политика реформ и открытости проводится Китаем с 1978 г. Именно она позволила стране достигнуть столь впечатляющих результатов, став за 40 лет второй экономикой мира. В долгосрочной перспективе политика Китая, стимулирующая компании к выходу на мировую арену, останется неизменной. Китайские компании продолжают осуществлять стратегические сделки за рубежом, и за последующие 10 лет (2017–2027 гг.) объем прямых инвестиций должен достичь 1,5 трлн долл.

М.Д. Бракунов (МГИМО МИД РФ) в докладе «Либерализация инвестиционной и валютно-финансовой политики Китая как фактор повышения его конкурентоспособности в мировой экономике» рассматривает наиболее закрытые с точки зрения доступа зарубежных инвесторов сферы внешнеэкономической политики Китая, а именно меры реализации инвестиционной и валютно-финансовой политики Китая, что, в свою очередь, станет импульсом для еще большего повышения роли Китая в глобальной экономике.

В.Н. Коваленко (МГУ) представил доклад «Тенденции и перспективы экономического взаимодействия КНР и Пакистана». В докладе отмечено, что сотрудничество КНР и Пакистана насчитывает не одно десятилетие. В 1960–1980 гг. оно во многом было обусловлено совпадением геополитических интересов обеих стран, а их активное сотрудничество в экономике стало развиваться после начала политики реформ и открытости в КНР. В целом можно утверждать, что оно имеет взаимовыгодный характер и многообещающие перспективы.

В.В. Чуванкова (ИДВ РАН) выступила с докладом «Развитие массового предпринимательства в КНР в свете решений XIX съезда КПК». Автор пришел к выводу, что курс китайского руководства на последовательное проведение массовой предпринимательской и инновационной деятельности и меры, направленные на практическую реализацию предпринимательского потенциала малого и среднего бизнеса, частных инвестиций, должны обеспечить рост качества и эффективности производства в годы 13-й пятилетки, расширить рамки трудоустройства, повысить доходы населения.

А.В. Пиковер (ИДВ РАН) сделал доклад «Основные тренды развития e-commerce в КНР». Он отметил, что информатизация стала лидирующей среди путей и методов интенсификации экономического развития Китая и его экспансии на внутрен-

нем и внешнем рынке. Она повлияла на товарно-денежные потоки и сформировала новый тип социума и нового члена этого социума, чья социализация неразрывно связана с киберпространством. Одной из лидирующих сфер социально-экономического развития страны является электронная коммерция.

Секция 2. Внешняя политика КНР (руководители секции к.и.н. С.В. Уянаев, к.и.н. А.С. Исаев). Было заслушано 9 докладов, затрагивающих проблемы многовекторной внешней политики и дипломатической практики Пекина.

С.В. Кривохиж (НИУ ВШЭ, СПб) в докладе «Дискуссии о суверенитете в работах китайских исследователей» акцентирует внимание на термине «суверенитет» как одном из основополагающих понятий в теории современных международных отношений. Автор также сделала попытку проанализировать некоторые альтернативные идеи относительно развития современных международных отношений.

А.Ч. Мокрецкий (ИДВ РАН) в докладе «О китайской самобытной дипломатии великой державы в “новую эпоху”» попытался разобраться с современными трансформациями теоретического обоснования международной деятельности Пекина.

Е.Д. Соболева (НИУ ВШЭ, СПб) в докладе «КНР и международно-правовой режим защиты беженцев» обратила внимание на то, что с ростом авторитета Китая на мировой арене со стороны западных стран, международных организаций и НКО все чаще звучат призывы к активизации участия Пекина в международной деятельности по вопросам вынужденной миграции. Автор подробно рассматривает законодательство КНР, касающееся вынужденной миграции и проблематики беженцев.

К.Г. Мурашина (УрФУ) в докладе «Место Центральной Азии в предлагаемом Китае формате “БРИКС плюс”» подошла к обоснованию новой инициативы Китая, выдвинутой на саммите БРИКС в 2017 г., относительно вовлечения в формат «БРИКС плюс» ряда новых государств.

Ким Ен Ун (ИДВ РАН) в своем докладе «Внешняя политика КНР в контексте решения корейской проблемы» проанализировал влияние ядерной проблемы на Корейском полуострове на формирование многосторонней и двусторонней деятельности Пекина, в том числе и на российско-китайские отношения.

А.О. Виноградов (ИДВ РАН) посвятил свой доклад «Отношения Китая с европейскими странами в 2017–2018 гг.» анализу нынешних отношений КНР с ЕС. Он считает, что Пекин по-прежнему заинтересован в продвижении своих торгово-экономических интересов в европейском регионе и достаточно квалифицированно использует ситуацию, сложившуюся для Европы в связи с обострением торговых отношений с США из-за политики Д. Трампа.

В.И. Балакин (ИДВ РАН) в докладе «К мотивам взаимодействия Японии и Индии» показал, что индийско-японское взаимодействие в АТР во многом мотивировано опасениями в отношении быстро нарастающей военно-политической мощи Китая. В противовес китайскому проекту «Один пояс, один путь» появилась индо-японская инициатива «Азиатско-Африканский коридор роста», не зависимый от китайского «Шелкового пути».

Н.А. Замаараева (ИВ РАН) сделала доклад «Пакистан и позиция Китая в вопросе мирного урегулирования в Афганистане», в котором подробно рассмотрела этапы развития обстановки в Афганистане и вокруг него, сделав акцент на влиянии афганского фактора на политику КНР в регионе при одновременном стремлении Пекина воздействовать на переформатирование обстановки вокруг Афганистана.

В докладе **А.А. Фадеевой** (ИСАА МГУ) «Экономический аспект в конфликте между КНР и странами Юго-Восточной Азии за спорные острова в Южно-Китайском море» подробно рассмотрены энергетические, сырьевые, транспортно-логистические, аква-культурные возможности этой зоны Восточной Азии и показано, что затянувшийся

конфликт между участниками спора в этом районе тормозит интеграционные процессы в рамках АСЕАН.

Секция 3. Внутренняя политика КНР (руководители д.полит.н. А.В.Виноградов, к.ю.н. П.В.Трощинский).

Было заслушано 14 докладов, 6 из которых посвящены различным аспектам внутренней политики КНР, а 8 освещают юридическое направление исследований.

С докладом «О международном значении формирования китайской политической системы» выступил **А.В. Виноградов** (ИДВ РАН). Он отметил ряд особенностей политической системы КНР и их научное и практическое значение для мировой политической науки, подчеркнув, что китайская модель сегодня актуальна для большинства развивающихся стран, стремящихся к стабильному экономическому и политическому развитию.

К.К. Меркулов (ИДВ РАН) выступил с докладом «Эволюция идеологии КПК и перспективы генезиса новой общей идеологической платформы как фактора культурно-цивилизационного соразвития России и КНР», в котором кратко обобщил ряд этапов эволюции идеологической платформы китайских коммунистов и остановился на некоторых ее прогнозно-аналитических оценках на краткосрочную и долгосрочную перспективу.

В докладе «О связи внутренней и внешней политики КНР» **Ю.М. Галеновича** (ИДВ РАН) говорится о необходимости непредвзятой оценки того значительного вклада, который был бескорыстно сделан Советским Союзом в деле оказания помощи КНР в строительстве социалистической государственности. В отношении с Китаем нам следует напоминать о тех добрых делах, которые Россия сделала для китайского народа, считает автор.

В совместном докладе проф. **Чжан Жунхуа** и аспиранта **Е.А. Фоменко** (оба представляли Китайский нефтяной университет) «Общая концепция социализма с китайской спецификой в новую эпоху на практике» затронута проблема практической реализации поставленных Председателем КНР Си Цзиньпином задач по построению социализма с китайской спецификой в новых условиях.

Доклад **Л.А. Афониной** (ИДВ РАН) «Развитие религиозной политики КПК после XIX съезда» был посвящен происходящим изменениям в сфере управления религией. На 3-м пленуме ЦК КПК (февраль 2018 г.) было принято решение об упразднении Государственного управления по делам религий как органа прямого подчинения Госсовету и переходе его в состав Отдела Единого фронта ЦК КПК, т.е., сохранив свое прежнее название, он перешел из органа исполнительной власти в структурную часть партийного аппарата.

А.А. Семенов (ИДВ РАН) сделал доклад «Роль Единого фронта при Си Цзиньпине», в котором обратил внимание на две поправки к Конституции КНР, принятые в марте 2018 г. и напрямую затронувшие стратегию повышения глобального влияния Китая в мире (внесение фразы о «работе над строительством сообщества единой судьбы для всего человечества») и роль Единого фронта (фраза о «включении патриотов, посвятивших себя великому возрождению китайской нации, в ряды единого патриотического фронта»). По мнению автора, рост внимания к работе Единого фронта свидетельствует о глубокой обеспокоенности внутри КПК по поводу обеспечения политической и социальной стабильности страны и ее имиджа за рубежом.

П.В. Трощинский (ИДВ РАН) в докладе «Государственный контрольный (надзорный) комитет в системе органов государственной власти КНР» отметил, что создание самостоятельной контрольной ветви власти, возможно, направлено на исключение влияния некоторых партийных чиновников на эффективность борьбы с коррупцией. Перенос противодействия коррупции с КПК на специально созданный конституционный орган, подчиненный и ответственный перед ВСНП, означает «перекройку» всей системы противодействия коррупции.

О.Ю. Адамс (ИСАА МГУ) в докладе «Государственная надзорная комиссия: станет ли борьба с коррупцией более эффективной?» подчеркнула, что Государственная надзорная комиссия (ГНК) — новая структура, «вобравшая опыт» ЦКПД, Министерства контроля и Бюро по предотвращению коррупции. Сфера деятельности ГНК широка и включает надзор, проведение расследований и принятие решений в отношении государственных служащих для того, чтобы «обеспечить справедливое применение власти».

Доклад **А.А. Трофимова** (аспирант юридического факультета СПбГУ) «Некоторые аспекты реформирования финансово-бюджетной системы Китая» посвящен наиболее важным направлениям совершенствования правового регулирования в сфере публичных финансов КНР в последнее время.

В докладе **О.О. Базинной** (МГИМО МИД РФ) «Действующий конституционно-правовой статус Президента Китайской Республики» подробно проанализировано правовое положение тайваньского президента в системе органов власти. На Тайване признано разделение власти не на три — законодательную, исполнительную и судебную, а на пять ветвей: исполнительную, законодательную, судебную, контрольную и экзаменационную. Президент КР взаимодействует с каждой из них.

О.В. Сивинцева (Пермский государственный национальный исследовательский университет) сделала доклад «Демографические вызовы в Китае: обновление стратегии», в котором дала оценку политическому курсу руководства КНР в сфере воспроизводства населения. Автором показано, что в Китае наполнение репродуктивной политики сопровождается традиционалистскими обоснованиями. Китайское руководство, несмотря на либерализацию репродуктивной политики в пользу курса «одна семья — два ребенка», придерживается репродуктивной стратегии, которая отводит государству роль главного контролера в вопросах рождаемости.

В докладе **А.Н. Чистяковой** (Сибирский институт международных отношений и регионоведения) «Права ребенка в Китайской Народной Республике: постановка проблемы» отмечено, что несмотря на ратификацию в КНР Конвенции о правах ребенка, в стране отсутствует специальное законодательство, регулирующее права ребенка. Наличие нерешенных проблем с правами ребенка оказывает серьезное влияние на социально-экономическое развитие китайского общества, что требует от государства принятия решительных мер по исправлению сложившейся ситуации.

В.Ф. Бородич (ИДВ РАН) в докладе «Оценка Октябрьской социалистической революции 1917 г. в Китае и России» проанализировал научное и политическое видение правящей элитой РФ и КНР данного события мировой истории. Если китайское политическое руководство считает, что пример Октябрьской революции в России, подкрепленный собственным опытом китайской революции, дает теоретические и практические основания поиска Китаем собственной модели развития в новую постиндустриальную эпоху, то в России на самом высоком уровне опыт Октябрьской революции и последующего социалистического строительства оценивается как неудачный. Однако такая оценка пока не получила подкрепления в виде формирования успешной модели капиталистического развития России в постиндустриальную эпоху.

С докладом «Экологический фактор во внутренней политике КНР» выступил **А.Ю. Ефимов** (РИА Новости). Он заострил внимание на проблеме ухудшения экологической обстановки в Китае, влияющей и на социально-экономическое развитие страны, и на внутривнутриполитическую стабильность в обществе. Хотя китайское правительство предпринимает меры по защите окружающей среды, нарушение экологических норм остается повсеместным.

Секция 4. Китай: история и современность (руководители секции д.и.н. Н.Л. Мамаева, к.и.н. Д.А. Смирнов).

Было заслушано 10 докладов по проблемам новой и новейшей истории Китая.

Проф. **Цю Вэйцзюнь** (Университет Дунхай, Тайвань) выступил с докладом «Российские идейно-культурные источники и их влияние на Китай в период “Движения за новую культуру” (1915–1925 гг.)». Докладчик отметил, что Октябрьская революция 1917 г. оказала колоссальное влияние на интеллектуальные круги Китая и способствовала трансформации сознания китайской интеллигенции от конфуцианства к принятию различных мировых идейно-философских концепций.

С.Б. Макеева (ИГУ) посвятила свой доклад «Из истории распространения географических знаний в Китае в конце XIX — начале XX в.» особенностям распространения географических знаний в китайском обществе в условиях увеличения зарубежных книг по географии и открытия учебных заведений нового образца.

В докладе **О.В. Дьяковой** (ИИАЭ ДВО РАН) «Этапы заселения Приморья России (по материалам Петровского археологического района)» выделены основные этапы заселения Приморья по археологическим и письменным источникам, разработанным А.П. Окладниковым еще в конце 1950-х годов. Практически неизученными оказались периоды позднесредневекового и нового времени.

Ю.Г. Благодер (Кубанский ГТУ, Краснодар) в докладе «Будет ли Китай воевать? (по страницам московских газет 1917 г.)» описала процессы формирования представлений российского общества о Китае в период Первой мировой войны.

А.В. Ершов (ИДВ РАН) в докладе «Формирование системы управления органов государственного управления КНР в период 1949–1958 гг.» отметил, что после принятия Конституции КНР стала формироваться новая система государственной власти и государственного управления, однако идейно-политические компании и усиление авторитарного начала в государственном управлении нанесли административной системе КНР значительный урон.

Д.А. Смирнов (ИДВ РАН) представил доклад «К отмене ограничений на занятие поста главы государства в КНР». Он констатировал, что принятая на мартовской сессии ВСНП 2018 г. поправка к Конституции КНР, отменяющая ограничения на пребывание на посту Председателя КНР, соответствует духу решений XIX съезда КПК и направлена на усиление личной харизмы, авторитета и полномочий генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина.

Большой интерес вызвал доклад **И.Е. Пожилова** (ИДВ РАН) «Несекретная секретность: добровольчество и Китайская красная армия», в котором он проанализировал суть проблемы добровольчества и военно-мобилизационной политики КПК в период т.н. аграрной революции.

Иован Чавошки (Институт новейшей истории Сербии) в докладе «Китай и безуспешная Вторая афро-азиатская конференция» переосмысливает историю отношений Китая с рядом ведущих азиатских и африканских стран, которые явились основой политики «третьего мира» в первые десятилетия холодной войны.

Доклад **Т.Г. Герасимовой** (ИДВ РАН) «К тяньаньмэньским событиям 1989 г.» приурочен к 30-летию этих событий. По мнению автора, прибегнув к вооруженному подавлению протеста, власти Китая продемонстрировали утверждение самодовлеющей ценности государства в ущерб ценности отдельной личности.

В докладе **Е.Н. Степановой** (ИДВ РАН) «К вопросу о протестной активности на Тайване» рассматривались факторы появления «новых» социальных движений на острове.

Секция 5. Духовная культура Китая (философия, религия) (руководители д.филос.н. А.А. Крушинский, к.филос.н. А.Ю. Ионов).

Было заслушано 13 докладов.

А.А. Крушинский (ИДВ РАН) выступил с докладом «Гармония (хэ) как продуктивный конфликт».

Д.Н. Гиргель (БГУ, Беларусь) посвятил свой доклад «Журнал The China Critic (1928–1946) в контексте движения либерального космополитизма в Китае» первому еже-

недельному журналу на английском языке, выпускавшемуся и редактировавшемуся группой китайских интеллектуалов и ставшему мостом для китайских и западных интеллектуальных и культурных обменов.

А.Ю. Блажкина (ИДВ РАН) в докладе «Сыновняя почтительность сяо как основа конфуцианской этики (на примере трактата «Сяоцзин»)» рассказала о месте и значении сыновней почтительности «сяо» в конфуцианской этической доктрине.

Н.В. Пушкарская (ИДВ РАН) представила доклад «Учение о пяти стихиях “у син”: историографический обзор», в котором отметила, что учение о пяти стихиях является одним из центральных учений для многих аспектов китайской философии, но в его понимании и интерпретациях остается много неясностей и расхождений.

А.Ю. Ионов (ИДВ РАН) выступил с докладом «Содержание первого свитка “Записей ежедневных познаний” Гу Янью».

На секции также выступили 8 ученых из КНР и Тайваня.

Секция 6. Китайский язык, образование, литература, искусство (руководители секции д.филол.н. О.И.Завьялова, к.филол.н. А.Н.Коробова).

Было заслушано 18 докладов.

О.И. Завьялова (ИДВ РАН) в своем докладе «Языковая политика Китая в “новую эпоху”» отметила, что успехи языковой политики в Китае — это результат усилий законодателей и чиновников, сотен лингвистов, специалистов в области информационных технологий.

Доклад **А.Н. Сбоева** (ДВФУ) «Диалектизмы в китаезычной интернет-коммуникации» был посвящен новой составляющей современного китайского языка — той его разновидности, которая используется в Интернете.

В докладе **А.В. Антонян** (ИЯ РАН) «К вопросу о понятии Cosmopolitan Chinese» шла речь об особенностях разновидности китайского языка — своеобразного «социолекта», на котором говорят сотрудники иностранных фирм в Пекине.

Доклады **Е.Н. Копачковой** (СПбГУ) «Взаимодействие отрицания с грамматическими категориями в современном китайском языке» и **Л.В. Кирюхиной** (ИГУ) «О грамматической терминологии Ма Цзяньчжуна» были связаны с грамматикой.

Важной дате в истории китайского языка — принятию проекта новой латинизированной письменной системы для *лутулхуа* 5-й сессией ВСНП в 1958 г., был посвящен доклад **В.В. Круглова** (ГАОУ ДПО «Центр педагогического мастерства») «Взаимодействие двух письменностей китайского языка как залог успешной лингвокультурной интеграции китайского общества».

О специальном проекте российских ученых, посвященном этимологии китайских иероглифов, рассказала в своем докладе «Восполнение историографической лакуны этимологии базовых знаков китайской письменности в трактовке Цзоу Сяоли» **Т.Е. Шишмарева** (ИГУ).

Значению иероглифических знаков в разные периоды их истории посвящены доклады **С.В. Стефановской** (ИГУ) «Знак “ю” в китайском этнокультурном сознании» и **В.Б. Виноградской** (ИДВ РАН) «Иероглиф “куай”: трансформация эмоционального концепта “радость” в традиционной китайской культуре».

Об особом орнаментальном квадратном маньчжурском письме шла речь в сообщении **Линь Шисюаня** (Тайбэйский ГУ) «Российский ученый XIX в. И.И. Захаров о маньчжурском орнаментальном письме стиля “чжуань”».

С историей страны, отраженной в т.н. прецедентных именах современной литературы, связан доклад **Н.Н. Воропаева** (ИЯ РАН) «Прецедентное имя “Сян Юй” в современном фреймовом произведении».

В сообщении **А.Н. Чистяковой** (СИМОР, Новосибирск) «Игра “лю бо” как важный археологический источник» рассказано о старинной игре лю бо.

Творчеству писательницы Фан Фан был посвящен доклад М.В. Семенюк (ИСАА МГУ) «“Неореалистический”» нарратив в творчестве современной китайской писательницы Фан Фан».

А.Н. Коробова (ИДВ РАН) выступила с докладом «Концепты “совесть” и “раскаяние” в прозе Фэн Цицая».

Ю.В. Курако (ДВФУ) посвятила свой доклад «О современных исследованиях истории китайской литературной автобиографии» анализу работ китайских и японских ученых в этой области.

Е.И. Митькина (СПбГУ) в своем выступлении «Китайская детективная литература во второй половине XX века» отметила, что для современных китайских детективов характерна острая социальная критика.

Н.Ю. Демидо (ИДВ РАН) в докладе «Социальная и нравственная проблематика детской прозы Хуан Бэйцзя» отметила, что в романах 1990-х годов писательница сосредоточивает внимание на новых реалиях рыночного общества, ставит вопрос о нравственных ориентирах поколения единственных детей.

К.Е. Барбошкин (ИСАА МГУ) представил доклад «Ван Чун (I век н.э.) о литературном творчестве: соотношение понятий *мэй*, *чжэнь*, *ши* и *ли* в трактате “Луньхэн” (“Весы суждений”))».

С тезисами докладов можно ознакомиться в сборнике «Тезисы докладов XXIII Международной научной конференции “Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы”. Москва. 24–25 октября 2018 г.», выпущенном Отделом научных изданий ИДВ РАН.

II Готлибовские чтения «Фундаментальные и актуальные проблемы востоковедения и регионоведения стран АТР»

В Институте филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета 18–21 сентября 2018 г. в рамках международной научно-практической конференции «Пространства коммуникации: язык, литература, медиа» прошли II Готлибовские чтения «Фундаментальные и актуальные проблемы востоковедения и регионоведения стран АТР».

Конференция была приурочена к 100-летию со дня основания Иркутского государственного университета. Проведение II Готлибовских чтений было посвящено памяти, выдающегося российского китаеведа Олега Марковича Готлиба (20.10.1951 — 08.06.2016). Организаторами выступили Иркутский государственный университет, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, факультет иностранных языков, кафедра востоковедения и регионоведения АТР.

Готлибовские чтения — это площадка для научных дискуссий, в которых приняли участие востоковеды из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Челябинска, Благовещенска, Новосибирска, Читы, Улан-Удэ и Китайской Народной Республики. На конференции 2018 года работали 5 секций, на которых было заявлено 56 докладов. Сборник статей и материалов II Готлибовских чтений вышел в свет к открытию конференции.

Чтения открылись 18 сентября в актовом зале Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации приветственным словом руководства Иркутского государственного университета. На пленарном заседании был представлен доклад профессора Сибирского федерального университета, д.и.н. В.Г. Дацышена «Иркутск и владивостокское востоковедение. Из истории становления высшего образования на востоке России».

На первой секции «Американистика в русле трансдисциплинарной регионологии» (модераторы — к.филол.н., доцент Кузнецова О.В., к.соц.и., доцент Лесниковская Е.В.) были представлены доклады по американской проблематике, развиваемой в рамках изучения Азиатско-Тихоокеанского региона: «Культурные этногетеростереотипы американцев как предмет осмеяния англоязычного комического дискурса» (Вербницкая О.Ю.), «Место США на “культурной карте” мира» (Лесниковская Е.В.), «Общественное мнение американских и монгольских граждан о характере и перспективах отношений между США и Монголией» (Солосов И.Н., Монтогова А.А.) и др. Участники секции также предложили обсудить общегуманитарные проблемы, разрабатываемые в рамках трансдисциплинарного подхода, например, становление феномена идентичности в гуманитарных науках (Бунаева Н.А., Сосорова Б.С.)

Секция «Фундаментальные и актуальные проблемы востоковедения» работала под руководством к.ист.н. Шалиной И.В. Было заслушано 11 докладов по востоковедной проблематике: «Реализация языковой игры посредством *атэджи*» (Ананьев В.В., Максимова Т.С.), «Историческая эволюция системы императорского правления в Японии» (Зыкова С.А.), «Традиции корейской кухни: повседневная пища» (Кузнецова О.В., Караче-

ва Н.С.), «Особенности и средства реализации речевого акта просьбы в южнокорейском дискурсе» (Ли Е.В., Нагорская А.С.), «Деятельность японских разведывательных бюро на территории Китая в начале XX века» (Федорова Т.В.), «Проблема стереотипизации в восприятии русскими и японцами друг друга» (Шалина И.В.) и др. Среди заочных докладов особое внимание участников привлекли следующие темы: «Хосе Рисаль и особенности филиппинского просвещения второй половины XIX века» (Алепо А.В., Сабалдан Н.А.), «Арабское письмо у трансграничных народов КНР» (Завьялова О.И.), «Преподавание корейского языка на основе текстов по культуре Кореи» (Ко Ен Чоль), «Ю.Н. Рерих о лхасском диалекте тибетского языка» (Комарова И.Н.) и др.

19 сентября под председательством профессора ИрНТУ А.Д. Калихмана и к.ист.н., доцента Максевой С.Б. работала секция «Востоковедные исследования в русле трансдисциплинарной регионологии», на которой было заслушано 11 докладов. По географическому охвату ее участников секция была наиболее широко представлена: с научными докладами выступили ученые из Даляня (КНР), Москвы, Санкт-Петербурга, Читы, Благовещенска, Иркутска. Темы выступлений касались достаточно разнообразной проблематики: «Чингис-хан и идея мирового господства» (Дробышев Ю.И.), «Проблемы трудовой миграции российской молодежи в контексте развития рынков труда приграничных районов Сибири и Дальнего Востока» (Безвербный В.А., Храмова М.А.), «Применение сетевого анализа в сравнительных исследованиях ценностной российской и китайских предпринимателей» (Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А.), «“Роснефть”», Лан До и проблема “особых отношений” между Россией и КНР в Южно-Китайском море» (Федоров Н.В.), «Харанцинский дацан на карте Ольхона» (Калихман А.Д., Саенко И.В., Фелоренко Ю.В.) и др. Особую дискуссию вызвал доклад профессора Калихман Т.П. о проблемах китайского туризма на Байкале.

В работе секции «Языкознание стран АТР: китайский язык» под руководством д.филол.н. профессора Е.Ф. Серебренниковой и к.филол.н., доцента Т.Е. Шишмарёвой освещались вопросы изучения китайского языка: «Этнокультурные характеристики делового письма (на материале текстов китайского делового дискурса)» (Булаева О.А.), «Прокат китайского кино в СССР: периодизация и проблемы перевода» (Жамбалова Г.Ю.), «Словарь служебных слов Лу Ивэя: содержание и значимость для грамматической традиции в китайском языкознании» (Кирюхина Л.В., Серебренникова Е.Ф.), «Взаимодействие Центра педагогического мастерства с высшими учебными заведениями в рамках подготовки школьников к Всероссийской олимпиаде по китайскому языку» (Круглов В.В.), «Номинативная плотность вершины фрейма “Свадебный ритуал” как репрезентация ценности ритуала в китайском языке» (Хадеева А.П.), «Китайская традиционная грамматиология и классификация китайских письменных знаков в трактовке Ю.В. Бунакова» (Шишмарева Т.Е., Кремнёв Е.В.) и др. К обсуждению также были представлены заочные доклады, привлечшие немалый интерес: «Проблема различения прецедентных имен по преимущественному использованию в дискурсе» (Воропаев Н.Н.), «Использование корпусного подхода в сопоставительных исследованиях Ричарда Сяо и Тоши МакЭнери (на примере аспектуальности в китайском и английском языках)» (Дондоков Д.Д.)

Особое внимание привлекла секция «Азиатско-Тихоокеанский регион как пространство коммуникации» (модератор — профессор Института журналистики Китайского народного университета Чжао Юнхуа, к.филол.н., доцент Шаравьёва И.В.), на которой обсуждались проблемы межкультурной коммуникации в АТР, в том числе в контексте взаимодействия культур региона. Были заслушаны выступления китайских специалистов: «Каналы межкультурной коммуникации в эпоху конвергентных СМИ» (Чжао Юнхуа), «Стиль критики литературы и искусства в эпоху медиа» (Ли Чжэнь), «Сотрудничество, отчуждение и конфронтация: изменение в отношении китайской новостной индустрии к японской журналистике во времена Китайской Республики» (Ци Хуэй), «“Дао” глобальных медиа: открове-

ние из “Дао дэ цзин”» (Чжан Сяонн), «Конструирование сообщества единой судьбы и расширение культуры меньшинства с точки зрения культурной антропологии» (Чжоу Юйхао), «Взаимодействие медиатехнологий и медиаэтики» (Мэн Линьшань), а также доклад Н.С. Калининной «Концепция “Сообщества единой судьбы человечества”: разница акцентов во внутренней и во внешней коммуникации». Обсуждались также вопросы становления медиаобразования в Китайской Народной Республике (Хлызова Н.Ю., Кузнецова О.В.), способы восприятия информации жителями Китая на примере анализа рекламы элитной недвижимости (Шабалина О.И.) Проблемы интерпретации литературы стран АТР затрагивались в докладах: «Преступление и наказание в романе “Алая буква”» (Ли Кэ, Цуй Хунхай, Фань Хуэйцян), «Образ Кутузова в романе Л.Н. Толстого “Война и мир” в контексте идей Лао-цзы (Юрьева О.Ю., Ван Ланьцзюй) и др.

В ходе работы конференции состоялась встреча делегации Китайского народного университета во главе с вице-президентом вуза Ван Лиминном и представителями Иркутского государственного университета — начальником управления международных связей Елохиной Ю.В., директором Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации (ИФИЯМ) Ташлыковей М.Б. и др. Состоялась презентация двух вузов, и были намечены направления совместной работы. Стороны договорились о продолжении сотрудничества в научной сфере и развитии тесных связей между вузами России и Китая.

Торжественное закрытие конференции вновь объединило всех участников конференции. Коллеги из других стран и городов поблагодарили организаторов II Готлибовских чтений — Иркутский государственный университет и Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации и выразили надежду встретиться на III международной научно-практической конференции «Готлибовские чтения» в сентябре 2019 года.

© 2019

*С.Б. Макеева,
к.ист.н., доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР
ИФИЯМ (Иркутский государственный университет)
E-mail: msbmag9581@yandex.ru*

*Е.В. Кремнёв,
к.соц.н., заведующий кафедрой востоковедения и регионоведения АТР
ИФИЯМ (Иркутский государственный университет)
E-mail: kremnyov2005@mail.ru*

Публикации китайских экспертов об актуальных проблемах нового международного порядка и внешней политики КНР

Ниже представлен обзор свежих публикаций некоторых китайских экспертов об актуальных вопросах формирования нового международного порядка и внешней политики КНР накануне и после XIX съезда КПК.

В научном докладе ученых-международников Китайского института современных международных исследований (КИСМО) «Современный мировой хаос и пути его преодоления»¹ системно исследуются различные теоретические аспекты современного «мирового хаоса» и формулируется ряд практических инициатив в целях его преодоления.

Как отмечают авторы, «хотя ныне предпринимаются разного рода попытки оптимизировать систему международных отношений, мир, к сожалению, пока не стал более стабильным и упорядоченным. Процессы трансформации международного порядка, спровоцированные разразившимся в 2008 г. мировым финансовым кризисом, продолжают углубляться. При этом в разных частях мира то и дело происходят новые вспышки мирового хаоса. В социально-политической сфере ряд новых сложных явлений «феномен Трампа», Brexit и др.) свидетельствуют о серьезном ослаблении властного потенциала традиционных политических систем и элит. В области взаимоотношений ведущих мировых держав и в сфере международной безопасности также наблюдается ряд совершенно новых явлений, в том числе подъем «восходящих стран» и упадок Запада, все более яростное стратегическое противоборство США и России, нарастающая жесткая конкуренция Китая и США, а также ряд других явлений и процессов, представляющих собой реальную серьезную угрозу глобальной и региональной безопасности. В сфере глобального управления наряду с трансформацией ранее сложившейся системы, ориентированной на первенство в ней ООН, продолжает развиваться конкуренция отдельных наций. Все это в совокупности делает актуальными и важными задачи ускоренного формирования совершенно новой и значительно более эффективной системы и структуры акторов и органов ГУ (глобального управления)» (с. 1).

Следуя логике авторов доклада, можно предположить, что параллельно с нарастанием стратегической и тактической конкуренции различных акторов мирового сообщества (наций, цивилизаций и других социальных микро- и макроструктур) также все более актуальной и значимой становится совершенствование системы глобального управления. В связи с этим авторы акцентируют внимание на следующем.

1. Совершенствование режима глобального многостороннего управления реально при условии сохранения лидерства ООН в мировых делах (с. 10–11).
2. Практическая реализация различных проектов новой «мироуправляемости» сдерживается рядом серьезных препятствий (с. 12).
3. Дальнейшее сохранение дефицита потенциала глобального управления чревато опасным обострением комплекса проблем жизнеустройства всего социума (с. 12–13).

В заключительной части доклада (Раздел IV. Императив формирования системы международных отношений нового типа) ученые КИСМО делают ряд принципиально важных теоретических выводов и обобщений, формулируют некоторые практические рекомендации.

В качестве итогового резюме авторы доклада предлагают два главных вывода.

Во-первых, международное сообщество могло бы реально приступить к формированию системы международных отношений нового типа (СМОИТ). При этом ключевым является акцент на обеспечение здорового и стабильного (социально-экологического) развития. Ведущие мировые державы могут преодолеть стратегические расхождения, упрочить доверие и решать должным образом возможные спорные моменты. В особенности это касается постоянных членов Совета Безопасности ООН, призванных расширять взаимное стратегическое сотрудничество и всячески избегать недоверия и конфронтации. Далее, нужна совершенно новая инфраструктура глобального управления (или «глобального партнерства»). В числе ее концептуальных основ можно назвать одобренную международным сообществом «мировую повестку устойчивого развития на период до 2030 года». Реализация этих целей стимулирует сбалансированное развитие глобальной экономики. Для обеспечения общего процветания социума следует повысить роль таких международных механизмов, как «Группа 20» и объединение БРИКС. В социально-политической сфере все нации должны уважать принцип разнообразия культур и моделей развития, равно как и приоритеты многосторонности и демократизации системы международных отношений. Основопологающим принципом новой концепции международной безопасности в теории и на практике должно оставаться обеспечение ведущей роли ООН в международных делах. В докладе также отмечено главное значение Азиатско-Тихоокеанского региона в плане дипломатических шагов КНР по активизации коллективных усилий различных мировых акторов в формировании новой системы ГУ и системы международных отношений нового типа (с. 14–15).

Во-вторых, ученые КИСМО акцентируют внимание на необходимости обеспечения коллективных усилий различных субъектов международного сообщества (прежде всего ведущих мировых держав) в деле формирования СМОИТ и системы ГУ в «более справедливом, рациональном виде» на основе «согласования, а не конфликта интересов» (с. 15).

Хуан Чжаоюй в статье «Какая концепция безопасности нужна нашему миру?»² исследует новый тип концепции международной безопасности, которая, по его убеждению, требуется современному миру с учетом целого ряда ранее не виданных мировых реалий.

По мнению автора, недавно возник и ныне развивается целый комплекс угонченных вызовов и проблем в области «миробезопасности», которые оказывают влияние на все сферы человеческой жизни и реально угрожают благополучию современного мира. Эта опасная ситуация обуславливает необходимость разработки и реализации новой концепции международной безопасности, которая должна быть нацелена:

- во-первых, на обеспечение всеобъемлющей системы безопасности в различных сферах жизни общества в рамках отдельных государств;
- во-вторых, на реальные гарантии взаимной безопасности на уровне национальных, международных и индивидуальных акторов в современном мире;
- в-третьих, на достижение гармонии в отношениях между человеком и природой;
- в-четвертых, на последовательный прогресс человечества к максиме «вечного и всеобъемлющего мира» в будущем.

К сожалению, автор не формулирует конкретных практических инициатив для решения рассматриваемой проблемы.

В статье «Анализ явлений и процессов антиглобализма на Западе» китайский ученый *Лю Минли*³, заместитель директора Института европейских исследований

КИСМО, исследует совершенно новый в истории США и стран Западной Европы феномен — явления и процессы «антиглобализации». По мнению автора, продолжение нынешних экономических неурядиц в странах Запада обусловлено, с одной стороны, общим ослаблением последних, а с другой — их растущей внешней взаимной конкуренцией. Вместе с тем, по оценке автора, несмотря на усиливающийся кризис капиталистических и неокapиталистических реалий на Западе на фоне сверхсовременных императивов использования достижений научно-технического прогресса историческая динамика явлений и процессов развития глобализации вряд ли может быть повернута вспять.

Вице-президент и профессор Научно-исследовательского института международной стратегии при Партийной школе ЦК КПК *Лю Цзянфей* в своей статье «Роль корпоративизма в процессах формирования новой модели отношений крупных держав»⁴ исследует вопрос о роли феномена «корпоративизм» (т.е. «групповое сотрудничество») в современных международных отношениях.

В статье отмечено, что формирование модели международных отношений нового типа (МОНТ) крупных держав является беспрецедентным начинанием, которое требует соответствующей теоретической поддержки. Тем не менее, существующие ныне научные теории в данной области, будь то западные или китайские, не всегда соответствуют целям и задачам теоретического обоснования подобной модели. Выдвинутая автором модель корпоративизма («группового сотрудничества»), сочетающего одновременно и китайские, и западные элементы национальной культуры, представляется автору более соответствующей такому начинанию. Хотя отношениям Китая и США на современном этапе присущи определенные особенности, концепция корпоративизма имеет реальные перспективы их вывода из нынешнего кризиса. С точки зрения интересов Китая реализация доктрины корпоративизма представляется автору главной идеей в плане формирования новой модели отношений крупных держав и, по его мнению, может стать большим шагом вперед в деле гармонизации международных отношений (с. 5).

Как пишет автор, теория корпоративизма возникла на Западе в период Второй мировой войны, а затем была возрождена неоконсерваторами ряда стран Запада в 1980-е годы в русле общего «глобального неоконсервативного сдвига» (с. 9). В ее современном виде концепция «корпоративного сотрудничества направлена на стимулирование МОНТ (международных отношений нового типа) между Китаем и США, а также с другими ведущими державами мира, в том числе с РФ (с. 21–22). Модель МОНТ, по мнению автора, должна фокусировать внимание на четырех главных факторах: 1) популяризация идеи сотрудничества в духе МОНТ; 2) формирование соответствующих механизмов сотрудничества; 3) стимулирование стратегического взаимного доверия мировых акторов; 4) рост взаимного уважения между ними (с. 19–20).

В своей научной статье «Путь к парадигме общественного управления в контексте системы глобального управления» китайские ученые из Школы публичной политики и управления Университета Цинхуа — профессор *Сюэ Лань* и докторант *Юй Ханьчжи*⁵ — исследуют возможный путь прогресса международного сообщества (ученых и практиков) к популяризации парадигмы общественного управления в глобальной системе «мироуправляемости».

Авторы отмечают, что концепция глобального управления (ГУ) впервые была сформулирована в начале 1990-х годов. В то время многие теоретические исследования по проблемам глобального управления были в определенной степени изолированы от реальных явлений, процессов и тенденций мирового развития. Однако начиная с первого десятилетия XXI века авторы научных исследований о проблемах глобального управления стали все больше учитывать реалии современного мира. Авторы статьи предлагают заинтересованным ученым и практикам в дальнейшем ориентироваться на проект формирования модели глобального управления (точнее, «мироуправляемости») типа «вопрос — актор — механизм». В статье подчеркивается, что стремительные изменения

в системе глобального развития социума в период после завершения эпохи холодной войны (1946–1989) оказали огромное воздействие на традиционную парадигму управления. В итоге на смену прежней парадигме общественного управления возник и стал все шире распространяться комплекс проблем глобального управления нового типа в теории и на практике. Все это также сопровождалось изменениями в специфике статуса и роли новых акторов глобального управления, что, в свою очередь, было закономерно обусловлено общими переменами в системе мироустройства на протяжении последних 20–30 лет. В итоге указанные факторы в своей совокупности породили глубокий кризис структуры традиционных механизмов управления. Нынешние изменения в системе глобального управления (мироуправляемости), которые авторы представляют в виде модели «вопрос — актор — механизм», тесно взаимосвязаны и генерируют генезис новой парадигмы глобального управления. Авторы приходят к выводу о необходимости пересмотра и обновления соответствующих представлений о «картине мира» в теории и на практике.

Цзян Чжэньси, автор статьи «Глобальное управление и международная безопасность»⁶ — член Совета Китайской ассоциации ООН.

В аннотации к статье отмечено, что глобальное управление является новой концепцией, которая в современном ее виде была сформулирована в условиях быстро развивавшейся глобализации в конце XX века. Эта концепция нацелена на интеграцию и мобилизацию международных сил и формирование механизма глобального управления. Такой механизм должен быть более справедливым, рациональным и эффективным и должен основываться на принципах равноправного сотрудничества «с положительной суммой для всех сторон», чтобы совместными усилиями справиться с угрозой международной безопасности путем урегулирования различных кризисов и упрочения мира, стабильности, развития и процветания во всем мире. При этом речь идет о долгосрочном и сложном процессе, который позднее может увенчаться созданием соответствующего механизма, для чего потребуются целенаправленные усилия международного сообщества (с. 6).

В целом статья представляет достаточно глубокий анализ рассматриваемого комплекса проблем, но автор не формулирует новых практических рекомендаций в плане реальной институционализации системы глобального управления.

Научная статья «**Главные направления ускоренной перестройки международного стратегического ландшафта**» подготовлена заместителем директора Китайского института международных стратегических исследований (КИМСИ) *Гун Сяньфу*⁷.

В начале ее автор отмечает: «Глобальный баланс сил претерпевает глубокие изменения, ускоряется перестройка международного стратегического ландшафта в направлении многополяризации, в том числе с позиций появления прототипа квазимногополяризации. Все более ожесточенной становится конкуренция за доминирование в сфере глобального управления, и геополитические игры стали еще более интенсивными. По мере развития процесса перестройки международного порядка исключительная гегемония США стала испытывать неустойчивость, и находившийся ранее под доминированием Запада мир в дальнейшем будет управляться совместно Востоком и Западом. Треугольник «Китай — США — Россия» стал главной осью структуры отношений крупных держав, и направление его будущего развития будет важнейшим фактором, воздействующим на изменения в международной структуре» (с. 8).

К сожалению, помимо общих теоретических рассуждений автор статьи не формулирует значимых практических рекомендаций.

Автор статьи «**Меняющийся мир и новый мировой порядок**» — профессор *Юань Пэн*⁸, заместитель директора Китайского института современных международных отношений. Сфера его научной специализации — китайско-американские отношения и дипломатические стратегии Китая.

В статье рассматриваются различные проблемы современного меняющегося мира и формирования нового мирового порядка. Свою главную мысль автор формулирует в заключении так: «При отсутствии одной доминирующей силы в мире необходимо многостороннее сотрудничество. Если удастся действительно успешно построить новый миропорядок, то это обстоятельство само по себе даст ответ на вопрос о том, будут ли Китай и США сотрудничать или жестко соперничать. Ряд видных международных стратегов, таких, как Генри Киссинджер, Збигнев Бжезинский и др., предложили ряд вариантов и методов налаживания сотрудничества Китая и США. Председатель КНР Си Цзиньпин продвинул вперед эти концепции, сформулировав идеи и предложения “сотрудничества с положительной суммой для каждой из сторон”, “сообщества единой судьбы” и “новой модели международных отношений”, представляя Китай как терпимого, щедрого и уверенного участника процессов перестройки мирового порядка. Так же, как один человек не может станцевать танго, глобальный проект строительства нового мирового порядка не может быть успешным без усилий со стороны всех стран на нашей планете» (с. 8).

В статье «Китайская стратегия обеспечения светлого будущего для мира и безопасности во всем мире» ее автор — адмирал *Сунь Цзянго*⁹, бывший заместитель начальника управления объединенных видов ВС Центрального военного совета КНР и почетный президент Китайского института международных стратегических исследований (КИМСИ), проводит детальное исследование выдвинутой Председателем КНР Си Цзиньпином концепции «сообщества единой судьбы всего человечества».

В аннотации автор отмечает, что после XVIII съезда КПК ЦК КПК во главе с Си Цзиньпином подготовил ряд важных заявлений относительно концепции сообщества единой судьбы всего человечества (СЕСВЧ). Далее в статье говорится, что одновременно был выдвинут комплекс важных мероприятий для развития данной концепции и ее практической реализации. Задуманная и взлелеянная на основе гармоничного сочетания выдающихся китайских и зарубежных мыслей и культур различных периодов истории, данная концепция появилась в контексте стремления к миру, развитию и сотрудничеству на базе принципа «положительной суммы для всех сторон». Эта концепция была обогащена и очищена на фоне приверженности международного сообщества длительному миру и общему процветанию как стратегия обеспечения мира и безопасности во всем мире, предложенная современным Китаем. Для создания системы СЕСВЧ необходимо обеспечить формирование в мире такого положения в сфере безопасности, которое стимулировало бы упрочение справедливости, сотрудничества и обменов, равно как и формализацию новой концепции общей, всеобъемлющей и устойчивой безопасности в качестве альтернативы всем формам проявления мышления времен холодной войны. Концепция СЕСВЧ и сопутствующие инициативы нуждаются в постоянном совершенствовании. Тем не менее этот проект может оказать серьезное вдохновляющее и направляющее воздействие на эволюцию международной обстановки и на строительство новой архитектуры международных отношений, внося таким образом важный вклад в настоящее и будущее всего человечества (с. 1).

В первом разделе статьи автор отмечает, что «существует масштабное несоответствие между абстрактными идеалами мира во всем мире и общего развития, с одной стороны, и жестокими конкретными реалиями современного мира» — с другой. В числе последних названы три важнейших фактора: 1) отягчающие обстоятельства, влияющие на международную безопасность; 2) рост гегемонизма в мировой политике; 3) растущее число старых и новых угроз безопасности (с. 1–3).

Во втором разделе он подчеркивает, что в ходе великого путешествия к СЕСВЧ надо стремиться осуществить следующее:

- уважать и защищать безопасность каждой страны;
- обеспечивать и координировать безопасность как в традиционной, так и в нетрадиционной сфере;

– укреплять международную глобальную и региональную безопасность посредством развития диалога и сотрудничества;

– уделять одинаковое внимание вопросам развития и безопасности для обеспечения постоянной безопасности (с. 3–4).

В третьем разделе автор указывает, в частности, на необходимость достижения следующих целей:

– консолидация консенсуса в плане достижения совместного прогресса;

– концентрация внимания на практических действиях и мероприятиях;

– очищение сдерживающих механизмов для снятия антагонизмов;

– соблюдение справедливого и разумного кодекса поведения;

– упрочение безопасности для обеспечения мирного развития (с. 5–6).

В заключение автор утверждает: «Китай привержен принципам мира, развития и сотрудничества на основе принципа “выгоды для всех сторон”. КНР проводит оборонительно ориентированную военную политику и реализует стратегию активной обороны. Ныне мы осуществляем всеобъемлющие реформы нашей армии для формирования более мощных вооруженных сил с китайской спецификой. Целью этого является дальнейшее стимулирование и развитие боевой эффективности, боеспособности и устойчивости ВС, оснащение их достаточными ресурсами для защиты мирного развития КНР, что позволит ей внести свой вклад в дело защиты и упрочения мира и стабильности во всем мире в направлении процветания и формирования сообщества единой судьбы для всего человечества» (с. 7).

Автор статьи «Трансформация международного порядка и роль Китая» Ван Хунган¹⁰ является профессором-исследователем и исполнительным директором Института мировой политики КИСМО. Сфера его научной специализации — глобальная стратегическая ситуация, отношения Китая и США, периферийные вопросы безопасности.

В аннотации к статье отмечено, что «современный международный порядок основан на таких принципах, как суверенное равенство (государств), приоритет национальных интересов, лидерство великих держав и соблюдение прав человека. Соперничество и сотрудничество в международных отношениях на протяжении последних нескольких веков развивались параллельно, в то время как общие основы международного порядка в целом упрочились. Ныне наблюдается такая трансформация международного порядка, которая требует новых инновационных способов мышления, в связи с чем Китай представляется ключевым подвижником этих изменений в силу его уникального статуса, специфики роста и будущего потенциала. Китай должен использовать этот исторический шанс и взять на себя обязательства по активному содействию становлению нового международного порядка» (с. 1).

Анализ содержания статьи позволяет сделать вывод, что налицо еще один проект тезисов теории «мира по-китайски», безотлагательно требующий должного учета и достойных идей и ответных действий со стороны прогрессивных сил международного сообщества.

Фэн Юй Цзинь — профессор Института международных исследований Фуданьского университета; крупный специалист в сфере международных стратегий, отношений великих держав и национальной безопасности КНР.

В его статье «Новые изменения в международном положении и стратегический выбор Китая»¹¹ отмечено, что «в настоящее время международное положение меняется самым впечатляющим образом по сравнению с любым другим периодом после завершения холодной войны. Глобализация пришла в упадок. Нации решительно конкурируют друг с другом в борьбе за большее влияние в мире. Многие страны столкнулись с ростом проблем управления обществом и с резкой активизацией новых социальных тенденций и популистских движений. Мир вступает в новую эпоху, которая полна хаотичных и опасных явлений и процессов. Человечество вновь оказалось перед лицом не-

обходимости стратегического выбора между войной и миром, развитием и деградацией, открытостью и изоляцией, либерализмом и консерватизмом. Со своей стороны Китай выступает за развитие международного сотрудничества, основанного на принципе «положительной суммы для всех сторон» и намерен и далее придерживаться политики внутренних реформ и открытости внешнему миру с целью обеспечения благоприятного внешнего окружения, несмотря на усиливающийся мировой хаос. Уже более 30 лет Китай успешно развивается в плане интеграции в существующую международную систему, является ее активным участником и строителем, а не дестабилизирующей подрывной силой. В будущем — при условии реализации сценария конструктивного развития международной жизни — Китай будет стремиться к тому, чтобы способствовать эволюции международной ситуации в направлении более разумного миропорядка, действуя при этом вместе с другими своими международными партнерами, чтобы упрочить мир во всем мире, глобальный режим безопасности и стимулировать устойчивое развитие всей земной цивилизации» (с. 41).

Статья состоит из введения, трех разделов и заключения.

В первом разделе «Сложные решения для международного сообщества» автор характеризует ряд главных объективных и субъективных факторов изменения современной международной жизни (с. 42–47).

Во втором разделе статьи «Сложные варианты решений для международного сообщества» (с. 47–52) он повторяет уже упоминавшуюся в аннотации мысль о том, что «мир вступает в новую эпоху, полную хаоса и тревог, и человечеству предстоит сделать выбор между войной и миром, развитием и упадком, открытостью и изоляцией, свободой и консерватизмом, демократией и авторитаризмом» (с. 52).

В третьем разделе статьи «Китаю нужен собственный стратегический выбор» (с. 52–60) автор делает ряд особо актуальных и важных теоретических обобщений. В частности он пишет: «С учетом нарастания тенденций антиглобализации, которые могли бы серьезно помешать дальнейшему глобальному устойчивому развитию, Китай стремится поддержать интеграционный и открытый характер мировой экономики и обеспечить дальнейшее устойчивое, интенсивное и здоровое развитие глобализации при гарантированно лидирующей роли Китая в этих процессах» (с. 52).

Как пишет автор, «ряд последних внутренних социально-экономических и внешних международно-политических достижений КНР обусловили то, что «международное влияние нового идеала развития Китая расширилось, и глобальное значение китайской политики реформ и открытости внешнему миру усилилось, направляя тем самым последующее развитие мировой экономики и системы глобального управления» (с. 54). В этом плане особенно важны усилия КНР по реализации инициативы «Пояс и путь», развитие отношений с крупными державами и эффективное решение различных геополитических проблем на путях всеобъемлющего международного сотрудничества (с. 54–56).

Согласно утверждению автора, в последние годы «Китай активно играл роль ответственной крупной державы, конструктивно участвующей в реформе системы глобального управления с целью трансформации существующей международной системы в направлении более разумного развития» (с. 56). В дальнейшем Китай, по мнению автора, должен, во-первых, осторожно и целеустремленно продвигать постепенную реформу Совета Безопасности ООН для усиления в нем роли фактора регионального представительства наряду с повышением эффективности процесса принятия решений и действенности полномочий Совета Безопасности ООН. Во-вторых, Китаю необходимо стимулировать распространение механизмов контроля над вооружениями и разоружением в новых областях, включая космическое пространство и киберпространство. В-третьих, Китай должен содействовать упрочению международного консенсуса и преодолению двойных

стандартов в борьбе с терроризмом и экстремизмом, чтобы противостоять новым угрозам человечеству в рамках международного антитеррористического союза» (с. 56).

Далее автор перечисляет ряд важнейших международно-политических и дипломатических концепций КНР на современном этапе как совокупную «научно-дипломатическую систему с китайской спецификой»: справедливая, открытая, всеобъемлющая и инновационная концепция развития; концепция общей, всеобъемлющей, кооперативной и устойчивой безопасности; доктрина упрочения сотрудничества между странами Азии и Африки, расширения сотрудничества различных государств Юга по линии «Юг — Юг» и стимулирования сотрудничества по линии «Север — Юг»; совместная доработка и реализация концепции глобального управления; развитие международного сотрудничества в духе продвижения концепции «международный порядок, основанный на принципе взаимной выгоды и равной пользы для всех сторон»; реализация принципов справедливости и выгоды в международных делах при главенстве фактора справедливости (с. 58).

В заключительной части своей статьи автор формулирует ряд новых международно-стратегических приоритетов для КНР на мировой арене: «Во-первых, мы должны ясно понимать, что, несмотря на бесконечные риски и вызовы современного мира, глобализация и развитие процессов информатизации общества еще более усиливают взаимозависимость различных стран. Главной темой нашей эпохи остаются мир и развитие. Фундаментальной целью внешней политики Китая по-прежнему является обеспечение мирного и стабильного международного и регионального окружения. Во-вторых, под влиянием явлений и процессов новой мировой энергетической революции, новой мировой промышленной революции и новой мировой революции в военной сфере стратегическое соперничество между различными крупными державами ныне представляет собой всеобъемлющую конкуренцию совокупных потенциалов национальной силы (национального могущества). Поэтому перед Китаем стоит фундаментальная задача расширять структурные экономические реформы, ускорить инновации и стимулировать совокупный потенциал страны и жизнеспособность всей нынешней социальной системы в КНР. Именно с помощью таких мер Китай может обеспечить себе непобедимый статус в мире — с учетом трех новых мировых революций (неоэнергетической, неоиндустриальной и неооборонной) — без крайностей так называемого геополитического уровня. В-третьих, мы должны ясно понимать, что по итогам более чем 30 лет экономических реформ и политики открытости внешнему миру международный статус Китая усилился, но в то же время Китай должен взять на себя еще более весомую международную ответственность и соответствовать более масштабным ожиданиям со стороны международного сообщества... В-четвертых, необходимо иметь в виду, что успехи Китая за последние 30 с лишним лет были достигнуты в общем контексте интеграции в существующую международную систему. Вместе с тем Китай является активным ее участником, причем скорее ее строителем, а не дестабилизирующей силой. В будущем Китаю следует содействовать трансформации международной системы в более разумном направлении, при этом конструктивно взаимодействуя с другими международными партнерами, с целью обеспечения глобальных мира, безопасности и устойчивого развития» (с. 59).

Основные идеи автора справедливы в свете решений XIX съезда КПК. При этом целесообразно особо отметить, что, во-первых, в данном материале явно недооценивается потенциал уже начавшейся мировой антиглобализации, способно привести к весьма длительному периоду антиглобалистской патриотической и националистической ресуренизации, репатриотизации и т.п. Во-вторых, данное исследование «грешит» определенным набором идей, присущих «мании китайского величия» наподобие проектов «мира по-китайски», и поэтому требует соответствующих подходов и оценок.

Профессор *Линь Лиминь* является деканом факультета международных отношений Университета международных отношений и известен как крупный специалист в вопросах геополитики, безопасности и международной стратегии КНР. *Юнь Као* — аспи-

рант Китайского института современных международных отношений. В аннотации к их статье «Управление международной безопасностью в условиях мирового хаоса»¹² отмечено, что после завершения холодной войны прежние традиционные угрозы глобальной безопасности сначала несколько уменьшились, но взамен активизировались нетрадиционные угрозы. По мнению авторов, в последние годы наблюдается всплеск и старых, и новых угроз. В связи с этим возникают сомнения относительно того, возможно ли в принципе эффективное управление режимом международной безопасности. Еще печальнее то обстоятельство, что в последнее время «костыль пыл» ведущих держав Запада в сфере развития системы глобального управления (ГУ), и вместо содействия ее формированию ряд западных акторов стали создавать искусственные препятствия для прогресса в этой сфере» (с. 60).

Статья состоит из введения, двух разделов и заключения.

В начале статьи авторы дают оценку современному комплексу традиционных и нетрадиционных угроз безопасности в мире. Остро стоит целый ряд «традиционных» проблем и вызовов. Главная из них — проблема нераспространения ядерного оружия (с. 67). Что касается нетрадиционных угроз глобальной безопасности, то в их число входят такие беды, как миллионы беженцев; распространение инфекционных заболеваний; природные катастрофы; международный наркотрафик; пандемия СПИД и др. (с. 65).

Авторы отмечают, что в современных условиях перед КНР и ее дипломатией открывается огромный простор для далеко идущих инициатив. При этом управление глобальной безопасностью в XXI веке, по их мнению, должно «собрать в одну корзину все вопросы в данной сфере, чтобы справедливый и гармоничный мир подразумевал равенство больших и малых стран, западных и незападных государств, различных моделей управления, политических систем и механизмов сотрудничества на основе принципов (мирного и т.д.) сосуществования и взаимной выгоды» (с. 67).

В разделе «Китай и глобальная безопасность» (с. 70–73) авторы кратко описывают роль КНР в сфере глобального управления.

В заключение отмечено дословно следующее: «Китай может и должен являть собой пример активного участия в системе глобального управления и управления глобальной безопасностью. Китай должен защищать свои права и действовать ответственно. В Китае в 2016–2020 гг. планируется выделить 360 млрд долл. на НИОКР в сфере возобновляемых источников энергии. Этот и другие примеры показывают, что Китай выполняет свои международные обязательства и обязанности в сфере управления глобальным климатом. Китай стал также принимать активное участие в миротворческих операциях ООН и международной борьбе против пиратства. КНР выдвинула инициативу “Пояс и путь”. Иницилируя и продвигая эти общественные блага с целью обеспечения международного мира, глобальной безопасности и процветания, Китай начал вносить реальный практический вклад в эту систему» (с. 73–74).

Основные идеи авторов важны в свете решений XIX съезда КПК. Вместе с тем рецензируемый материал страдает некоторым дефицитом оригинальных практических предложений в рассматриваемой сфере. К тому же авторы, видимо, избыточно увлечены идеями «традиционной глобализации» рубежа XX—XXI веков и явно недооценивают потенциал набирающих силу явлений и процессов антиглобализма в духе «планетарной патриотической и националистической волны» — вероятно, наступающего достаточно длительного периода истории.

Совершенно новые стратегические и тактические рубежи в развитии Китая и российско-китайских отношений открылись в результате исторических решений XIX съезда Коммунистической партии Китая (КПК), прошедшего в Пекине с 18 по 24 октября 2017 г. Согласно ряду авторитетных оценок различных официальных и неофициальных лиц, ученых и практиков, на этом форуме крупнейшей в мире 90-миллионной политической партии был по сути провозглашен «великий поход к возрождению» китайской

нации в новую эпоху и намечен ряд значительно уточненных приоритетов внутренней и внешней политики КПК и КНР.

Нынешний министр иностранных дел КНР Ван И в своей программной статье «Внешняя политика Китая вступает в новую эпоху», опубликованной в ежемесячном журнале «Китай»¹³, отметил, что «...на XIX съезде КПК идея Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи была определена как руководящая идеология, что положило начало новому походу за развитие дела социализма с китайской спецификой, а также обозначило основное направление приложения сил и развития внешнеполитической деятельности Китая, которая вступает в новую эпоху» (с. 20). Министр подчеркнул, что «в Докладе XIX съезда КПК четко отмечается необходимость продвигать формирование международных отношений нового типа и формирование сообщества единой судьбы человечества. Эти два “формирования” обобщили главную цель предстоящих усилий во внешнеполитической деятельности Китая» (с. 22).

Вместе с тем, отдавая дань уважения традиционному дипломатическому политике самой китайской стороны, отечественные ученые-международники и разного рода практики обязательно должны учитывать реальную истину, что, например, согласно тому же источнику, нынешнее государственное и политическое руководство КНР рассматривает партнерство с Россией как только второй по абсолютной значимости геостратегический приоритет Китая — после двусторонних отношений КНР с США, которые, по свидетельству Ван И, «представляются самыми сложными и самыми важными в мире» (с. 21).

Послесловие к обзору

По мнению рецензента, ряд теоретических положений описанных публикаций экспертов КНР могут представлять интерес для профильных ученых и практиков, в том числе в плане оптимизации прежних теоретико-методологических, научно-методических и научно-практических подходов к моделированию различных факторов генезиса системы глобального управления.

В то же время отечественному научно-дипломатическому сообществу необходимо срочно «перехватывать инициативу» у КНР в вопросах теории и практики формирования нового оптимального мироустройства.

© 2018

*К.К. Меркулов, кандидат исторических наук,
доктор экономических наук (МАН Сан-Марино),
старший научный сотрудник ИДВ РАН*

1. *CICIR Research Group. A More Turbulent and Troubled World // Contemporary International Studies. Vol. 27. No. 2. March/April 2017. P. 1–15.*
Научный доклад подготовлен группой авторитетных ученых-международников КНР из числа руководителей и экспертов КИСМО (Китайского института современных международных отношений) в составе Ван Хунгана (Wang Honggang), Фу Ю (Fu Yu), Чень Сянгана (Chen Xiangang), Су Цзинсяна (Su Jingxiang), Фан Хуа (Fang Hua), Цзинь Сяюаня (Jiang Xiaoyan), Яо Куна (Yao Kun), Хан Ликуна (Han Liqun), Танг Синхуа (Tang Xinhua) и Хан Йиюаня (Han Yiyuan).
2. *Huang Zhaoyu. What Kind of Security Concept Does Our World Need? // Contemporary International Studies. Vol. 27. No. 2. March/April 2017. P. 16–39.*
3. *Liu Mingli. Analysis of Western Countries' Antiglobalization // Contemporary International Studies. Vol. 27. No. 2. March/April 2017. P. 41–50.*
4. *Liu Jianfei. The Role of Corporatism in Building a New Model of Major-Country Relations // Social Sciences in China. A Quarterly Journal. 2017. Vol. 38. No. 1. P. 5–25.*

5. *Xue Lan and Yu Hanshi*. Toward a Public Management Paradigm for Global Governance: An Analysis Based on an Issue-Actor-Mechanism Framework // *Social Sciences in China. A Quarterly Journal*. Vol. 38, No. 1. February 2017. P. 26–45.
6. *Jiang Zhenxi*. Global Governance and International Security // *International Strategic Studies (Beijing)*. 2016. Issue 3. P. 6–15.
7. *Gong Xianfu*. Major Trends in Accelerated Restructuring of International Strategic Landscape // *International Strategic Studies (Beijing)*. 2016. Issue 4. P. 8–13.
8. *Yuan Peng*. A Changing World and the New World Order // *Contemporary International Relations (Beijing)*. Vol. 26, No. 6. November/December 2016. P. 1–8.
9. *Sun Jianguo, adm.* China's Strategy for Bright Future of World Peace and Security. In-depth Study of President Xi Jinping's Important Concept of CCDAM // *International Strategic Studies (Beijing)*. 2017. January. Issue 1. Serial No. 123. P. 1–7.
10. *Wang Honggang*. The Transition of the International Order and China's Role // *Contemporary International Relations*. Vol. 27. No. 1. January/February 2017. P. 1–28.
11. *Feng Yujun*. New Changes in the International Situation and China's Strategic Choices // *Contemporary International Relations*. Volume 27. No. 3. May/June 2017. P. 41–59.
12. *Lin Limin, Youn Kao*. The Governance of the Chaotic International Security // *Contemporary International Relations*. Vol. 27. No. 3. May/June 2017. P. 60–74.
13. *Ван И*, министр иностранных дел КНР. Внешняя политика Китая вступает в новую эпоху // *Китай. Ежемесячный журнал*. (г. Пекин, КНР). № 1 (147). Январь 2018 г. С. 20–22.

Защита диссертаций в ИДВ РАН в 2018 году

В 2018 г. на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института Дальнего Востока Российской академии наук продолжил работу диссертационный совет Д. 002.217.03 (Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации о создании диссертационного совета № 1129/нк от 23.09. 2015 г.), принимающий к защите диссертации по специальности 08.00.14 — Мировая экономика (экономические науки).

За отчетный период защищено 4 диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук.

У Цзы, гражданка КНР, окончила Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; в период подготовки диссертации обучалась на очном отделении в аспирантуре ИДВ РАН по специальности 08.00.14 — Мировая экономика.

Диссертация «Железнодорожный транспорт КНР и его роль в социально-экономическом развитии Китая» выполнена в Центре социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН. Научный руководитель — Сазонов Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая.

Основные положения и выводы диссертационного исследования изложены в 14 научных публикациях автора, общим объемом 11,8 п. л.

Диссертационное исследование У Цзы представляет глубокий анализ основных источников и направлений модернизации железнодорожной отрасли КНР. Диссертант доказала, что стратегия инновационного развития железнодорожного комплекса Китая, сопровождающаяся созданием высокотехнологичной отрасли (производство подвижного состава и разработка технологий прокладки специального полотна для высокоскоростных железных дорог), явилась не только технологическим прорывом, но и сыграла большую роль в стимулировании экономики страны, активизации внутреннего спроса и увеличении числа новых рабочих мест.

Китайский опыт реформирования железнодорожной отрасли свидетельствует, что экономическая политика в отношении инновационного развития должна носить более концентрированный характер и выделять узкий круг «стратегических» технологий, с развитием которых китайское государство и бизнес связывают решение отраслевых и общенациональных задач, включая резкое повышение конкурентоспособности страны на мировых рынках инновационной продукции.

В работе проанализированы формы государственной поддержки инновационного развития отрасли, позволяющие Китаю в течение ближайших 10 лет занять значительный сегмент мировых продаж высокотехнологичного и инновационного подвижного состава, конкурентоспособного железнодорожного оборудования с высокой добавленной стоимостью.

Интеграционными магнитами евразийской инфраструктурной интеграции сегодня являются КНР и РФ, обеспечивающие превращение Евразийского железнодорожного союза в полицентричное формирование, от возможности присоединения к которому и использования его объединенного синергетического эффекта потенциальную выгоду

смогут получить все участники евразийского проекта расширения грузовых железнодорожных транзитных перевозок по маршруту страны АТР — страны Европы.

Диссертация вносит существенный вклад в изучение опыта инновационно-технологической модернизации железнодорожного комплекса КНР и выявление, на основе анализа качественного состояния и пространственного развития приграничной железнодорожной инфраструктуры Китая, возможностей ее интеграции с железнодорожным комплексом ДФО РФ в сфере развития евразийских транзитных перевозок.

Любская Ксения Алексеевна с отличием окончила Институт стран Востока (г. Москва) по специальности «Мировая экономика». В период подготовки диссертации обучалась в аспирантуре ИДВ РАН на заочном отделении по специальности 08.00.14 — Мировая экономика.

Материалы диссертации представлены в 10 научных статьях, опубликованных в изданиях из Перечня ВАК Минобрнауки РФ.

Диссертация «Экономические аспекты сотрудничества России и Китая в сфере высшего образования с 2010 года» выполнена в Центре социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН.

Научный руководитель — Салицкий Александр Игоревич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Сектора социально-экономических проблем Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

Благодаря правительственным мерам по качеству образовательных услуг в 2016 г. КНР вышла на 8-е место в мире, а 25 китайских университетов вошли в число 500 лучших на планете. Китай превратился в одного из лидеров международного образования. По данным Министерства образования КНР, в 2015 г. 398 тыс. иностранцев прошли обучение в КНР. Китайское правительство планирует к 2020 г. увеличить число иностранных студентов до 500 тыс. человек, при сохранении нынешних темпов прироста (в среднем 6,6% за последние три года) это вполне реально.

Для оценки эффективности импорта услуг высшего образования из КНР в РФ было проведено экономико-социологическое исследование среди россиян, обучавшихся в высших учебных заведениях КНР с 2010 г. Исследование показало, что два параметра — китайский язык и внешний эффект от мультикультурной среды — оказались высоко востребованы российскими работодателями. Соответственно, знание китайского языка и опыт учебы и жизни за рубежом — это преимущества обучения в Китае, которые российские сотрудники реализуют как свой трудовой актив, а страна — как элемент человеческого капитала. Следует и далее развивать это направление — сотрудничество России и Китая в сфере высшего образования, которое российская сторона реализует лишь частично, упуская значительные выгоды для своего рынка труда.

Тракова Екатерина Владимировна с отличием окончила экономический факультет Амурского государственного университета (г. Благовещенск) по специальности «Мировая экономика», затем — заочное отделение того же вуза по специальности «Юриспруденция».

В период подготовки диссертации Е.В. Тракова обучалась в заочной аспирантуре Амурского государственного университета по специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством, после ее окончания являлась соискателем в ИДВ РАН по специальности 08.00.14 — Мировая экономика. Диссертацию защитила по теме «Внутренняя миграция населения в КНР в ходе экономических реформ (2000–2016 гг.)».

Научный руководитель — Понкратова Людмила Алексеевна, кандидат географических наук, доцент, декан факультета международных отношений Амурского государственного университета.

Материалы диссертации представлены 13 научных публикациях, в т.ч. в 4 журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

В настоящее время внутренняя миграция рассматривается правительством КНР не только как действенный инструмент развития экономики при реализации стратегии роста внутреннего потребления за счет урбанизации, но и как условие постепенного перехода от экспортно ориентированной модели экономики к модели, ориентированной на рост внутреннего потребления.

В диссертации показано, что внутренняя межрегиональная миграция в КНР имеет также отрицательные последствия: неконтролируемая миграция в крупные города, рост социального неравенства между мигрантами и горожанами с пропиской, маргинализация мигрантов.

Кроме того, в последние годы возрастают демографические угрозы, проявляющиеся в неблагоприятном для страны изменении возрастной и половой структуры жителей, в оттоке населения из отдельных регионов страны, располагающих различными запасами ресурсов, но требующих грамотного включения их в экономический оборот, а также в трансформации количественных и качественных параметров региональных рынков труда. Все это свидетельствует об актуальности темы диссертации и ее высокой практической значимости.

Шиганова Юлия Михайловна окончила Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России по специальности «Мировая экономика».

В период подготовки диссертации обучалась в аспирантуре ИДВ РАН по специальности 08.00.14 — Мировая экономика.

Диссертация «Тенденции экономического развития экономической зоны дельты р. Чжуцзян в 1978–2016 гг.» выполнена в Центре социально-экономических исследований Китая.

Научный руководитель: Островский Андрей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, зам. директора ИДВ РАН, руководитель Центра социально-экономических исследований Китая.

Материалы диссертации представлены в 8 научных статьях, в т.ч. в 2 изданиях из Перечня ВАК Минобрнауки РФ.

На сегодняшний день хозяйственными лидерами Китая являются провинция Гуандун с дельтой р. Чжуцзян, Пекино-Тяньцзиньская агломерация и Бохайский залив, а также регион дельты р. Янцзы, которые, занимая 4,7% площади страны, обеспечивают 38% ее валового внутреннего продукта (ВВП) и 66,4% совокупного объема экспорта и импорта.

Диссертация Шигановой Ю.М. — первая в отечественном китаеведении попытка проведения комплексного, системного анализа процесса развития и оценки экономической зоны дельты р. Чжуцзян.

В работе исследуется хроника проведения реформ хозяйственной и административной систем и постепенного перехода к политике открытости провинции Гуандун, показана взаимосвязь особенностей выбранной зоны дельты р. Чжуцзян и выявленных на сегодняшний день проблем, существенных для функционирования ее хозяйственного комплекса.

На базе массива статистических данных анализируется уровень современного развития экономической зоны, проводится сопоставление с другими ведущими регионами Китая, рассматриваются планы развития региона до 2020 г. и перспективы реализации намеченных целей на базе сопоставления прогнозных значений с показателями, достигнутыми в 2016 г., первом году 13-й пятилетки (2016–2020).

Рецензии

Живая летопись китайских реформ Портяков В.Я. Муравей грызет кость. Избранные очерки о Китае. М.: ИД «Форум», 2018. 464 с.

Автор вышедшего в 2018 году сборника очерков, посвященных современному этапу развития Китая — доктор экономических наук, профессор Владимир Яковлевич Портяков — хорошо известен сообществу востоковедов, являясь одним из крупнейших российских специалистов по внутренней и внешней политике КНР, российско-китайским отношениям. Его анализ и оценки положения дел у нашего восточного соседа неизменно отличаются взвешенностью, компетентностью, пользуются заслуженным авторитетом в академической среде.

Круг исследовательских интересов В.Я. Портякова в отношении Китая очень широк. Он охватывает анализ экономических реформ и модернизации экономики, политику внешнеэкономической открытости, роль государства в национальной экономике, вопросы интеграции в мировое хозяйство, факторы обеспечения социально-политической стабильности, аспекты возвышения Китая и связанные с этим геополитические последствия. В сферу интересов также входят более прикладные вопросы развития рынка ценных бумаг, банковской деятельности, системы валютного регулирования в КНР, формирование зон свободной торговли в их различных формах. Важная область исследований В.Я. Портякова — российско-китайские отношения, внешняя политика и международные отношения КНР. В этот список следует добавить вопросы миграционной политики, в том числе в свете демографической ситуации на Дальнем Востоке России, а также региональное сотрудничество в регионе Северо-Восточной Азии.

Широкому и вместе с тем глубокому аналитическому взгляду автора во многом способствовал его богатый опыт практической работы во внешнеполитическом и внешнеторговом учреждениях нашей страны в Китае — как в советский, так и в российский периоды,

тесные контакты в мировом синологическом сообществе.

В рецензируемую монографию включены 30 очерков (статей) на разнообразные темы по Китаю, охватывающие в хронологическом порядке период с 1976 по 2017 г. Преобладающая часть публикаций относится к современному периоду после 2000 года, но и статьи периода начала реформ в Китае, начиная со второй половины 70-х годов прошлого столетия, представляют живой интерес: не только из-за своей библиографической редкости, но и ввиду проведенного в них любопытного сравнительного анализа с развитием экономики Советского Союза тех лет.

По своей тематике статьи преимущественно относятся к проблемам экономического развития Китая, а также к вопросам его внешней политики и международных отношений. Ряд очерков посвящены миграционной политике КНР, теме зарубежной китайской диаспоры, анализу внутриполитических проблем и развитию китайской экономической науки. Большинство статей послужили хорошей основой для ряда монографий автора, изданных в течение последних 20 лет¹, написанных им многочисленных глав и разделов коллективных академических исследований.

Широкий общественный интерес к теме Китая, развитию его хозяйства и внешних связей, внутреннему состоянию общества, безусловно, связан с выходом в последние годы китайской экономики на лидирующие позиции в мире. В 2014 г. Китай, обогнав США, занял по показателю национального ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности валют (по оценкам МВФ), 1-е место в мире, прочно обосновавшись на 2-м по ВВП, рассчитываемому по текущему обменному курсу. Ранее, в 2006 г. Китай стал мировым лидером по валютным резервам, а в 2013 г. — по внешнеторговому обороту.

Материал книги наглядно показывает основные этапы сложного разноскоростного развития Китая и политики его руководства на протяжении последних 40 лет, растущую роль Китая в мире. Подробно освещается эволюция перехода власти в Китае от «второго поколения» руководителей (Дэн Сяопин) к «третьему поколению» (Цзян Цзэминь), затем к «четвертому поколению» (Ху Цзиньтао) и, наконец, к нынешнему поколению руководителей (Си Цзиньпин) в свете процесса реформ и продвижения КНР на пути к социально ориентированной рыночной экономике.

Не пересказывая подробно содержание всех очерков монографии, остановимся на наиболее важных, на наш взгляд, выводах и наблюдениях автора.

Весьма поучительной в практическом плане представляется подробно описанная в статье «К изучению в Китае экономических идей Чэнь Юня» тема урегулирования китайской экономики, проводившаяся в начале 80-х годов прошлого столетия под патронажем одного из руководителей страны Чэнь Юня в рамках формирования «социалистического товарного хозяйства». Показательно, что именно Чэнь Юнь ввел в политический лексикон страны в начале 1950-х годов древнее китайское выражение «Переходить реку, нащупывая камни» (*«mōzhe shítou guò hé»*). Не копируя советскую практику тотального планирования народного хозяйства, учитывая китайскую специфику, Чэнь Юнь выступил против неосмотрительного ускорения темпов роста, грозящего разбалансировкой экономики. Фактически речь шла о соблюдении баланса между ростом внутреннего производства и основными макроэкономическими параметрами: нормами накопления и потребления, объемами инвестиций, капиталовложений, экспорта и импорта. К сожалению, китайская политика урегулирования не была учтена в процессе экономических преобразований в Советском Союзе эпохи перестройки (вторая половина 80-х годов). Китаю, правда, тоже не удалось избежать политического кризиса в конце 80-х годов, вызванного как раз разбалансированностью экономики, однако он вышел из него с минимальными потерями и быстро наверстал упущенное.

Сложность хода экономических реформ в КНР в рамках перехода от плановой к рыночной экономике убедительно показана В.Я. Портяковым в очерке «Экономика КНР в середине 1980-х годов». Подчеркнута важность соотношения темпов роста и его сбалансированности. В частности было отмечено,

что «реформа системы планирования не была подкреплена адекватной ей по масштабам и синхронной по времени проведением реформой системы материально-технического снабжения» (с. 68). Не был учтен в Китае в конце 80-х годов и социальный аспект реформ в результате сделанных шагов по либерализации цен на ряд продовольственных товаров, что привело к кризисной ситуации (тяньаньмэньские события 1989 г.).

Неслучайно в этом контексте на основе опыта китайских реформ, как отмечено в статье «Формирование и эволюция концепции экономической реформы в КНР», «...в мировом научном сообществе возобладали точка зрения, что главным фактором успеха (Китая) является «градуализм», т.е. постепенность реформенного процесса, особенно контрастная в сопоставлении с использованной в Восточной Европе и на постсоветском пространстве «шоковой терапией» (с. 88–89). Наиболее четко китайский градуализм проявился в отказе от мгновенной всеобщей либерализации цен и поспешной приватизации государственного сектора экономики. Постепенность преобразований наглядно проявилась и в сфере внешнеэкономической открытости, в частности, в допуске иностранного капитала в банковскую, страховую сферу, внутреннюю розничную торговлю лишь после вступления КНР в ВТО, уже в 2000-х годах. Важной особенностью эволюции концепции экономических реформ в КНР стала поэтапная смена ее целевых моделей: от формулы «плановая экономика — главное, рыночное регулирование — вспомогательное» (начало 80-х годов) к созданию системы «социалистического планового товарного хозяйства» (вторая половина 80-х годов), а затем к системе «социалистической рыночной экономики» (90-е годы), которая к началу 2000-х годов в своем первоначальном виде была сформирована.

Точный и глубокий по содержанию ретроспективный анализ хода экономических реформ в Китае с 1978 г. до начала 2000-х годов в сопоставлении с экономическими реформами и политической ситуацией в СССР и России в этот период дан в очерке В.Я. Портякова «Китайская экономическая реформа в международном контексте». Автором справедливо подчеркнута, что «экономические реформы в Китае и в Советском Союзе, обнаружившие поначалу немало общего, в конечном счете оказались достаточно различными по целям, динамике, особенностям и последствиям... решающую роль в несовпадающих результатах преоб-

разований сыграли различия в степени интеллектуальной, макроэкономической, институциональной подготовки реформ... в масштабах и темпах преобразований» (с. 125–126).

Интересными с теоретической точки зрения представляются размышления автора в очерке «О перспективах развития Китая» о китайской модели развития. Отмечено, что она «по своим базовым параметрам, безусловно, является моделью «догоняющего развития»... вместе с тем, сохранение Китаем собственной системы ценностных ориентаций, и прежде всего дополнение задачи модернизации производительных сил задачей строительства высококоразвитой духовной культуры, выгодно отличает Китай от многих других стран, также вставших на путь рыночной трансформации» (с. 196). Далее признается, что «главная задача, стоящая перед Китаем в деле корректировки нынешней модели экономического развития страны, заключается в завершении стратегического поворота от в основном экстенсивного к преимущественно интенсивному, менее ресурсоемкому и экологически щадящему типу экономического роста» (с. 197). Заявлено о необходимости отказа от односторонней погони за темпами роста и перехода к более сбалансированной в отраслевом и региональном плане социально ориентированной стратегии развития. Речь идет о своеобразном урегулировании экономики страны на текущем этапе, снижении темпов ее роста, повышении энергоэффективности и энергосбережения, опоре на внутренние факторы роста (внутренний потребительский спрос), снижении зависимости от внешних источников сырья и рынков сбыта.

В отношении долгосрочного прогноза развития КНР В.Я. Портяков последовательно занимает достаточно осторожную, взвешенную позицию, признавая, что к середине XXI века Китай может достичь среднемирового уровня модернизации и войти по степени модернизации экономики в число первых сорока стран мира, а к концу нынешнего столетия — вступить в первую мировую десятку, войти в число экономически развитых стран мира. Большое значение будет иметь способность Китая стать создателем и производителем собственных новых технологий и массовых изделий на их базе, превратиться из «мирового центра переработки» в «мировой центр создания новой продукции». Именно в этом контексте важным представляется вывод автора в отношении перспектив гонки Китая за США в том, что «главным неизвестным остается способность или неспособность Китая совершить в обозримой пер-

спективе качественный технологический рывок, перейти от заимствованных технологий к опоре на разработки, базирующиеся на своей интеллектуальной собственности» (с. 411). Одним из инструментов решения этой задачи выступает учрежденная еще в начале 80-х годов первая в Китае специальная экономическая зона Шэньчжэнь, развитие которой подробно описано автором в соответствующей статье рецензируемой монографии².

Очерки по внешнеполитическим темам, включенные в сборник, ясно показывают, что период доминирования заветов Дэна Сяопина как руководящего курса практической внешней политики КНР подходит к концу. Заложенный в них принцип «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное» свою миссию выполнил, помог Китаю выполнить задачи модернизации и обеспечить благоприятную для нее внешнюю среду. В 2000-х годах Китай выдвинул концепцию своего «мирного возвышения», перешел к активным действиям на мировой арене, стремясь стать важным участником системы международных отношений, продвигаясь постепенно к статусу полноценной мировой державы.

В заключении книги В.Я. Портяков выделяет следующие секреты успеха китайских реформ: они «должны быть подчинены развитию производительных сил... темпы преобразований и сопутствующее им бремя должны быть посильны для населения... надо заботиться не о величии государства, а о его развитии. Будет развитие — придет и величие. Но никак не наоборот» (с. 462). Эти основополагающие факторы успеха должны быть, несомненно, взяты за основу любыми реформаторами из любых стран.

Непосвященным читателям покажется непонятным вынесенное в заголовок книги выражение «Муравей грызет кость». По-китайски это выражение — (*mǔdūyǐ kǎi gǔtōu*) — означает «упорным и кропотливым трудом добиваться великой цели», что во многом напоминает нашу русскую поговорку «вода камень точит». Данное выражение можно отнести как к многолетней неисчерпаемой исследовательской работе китайцев (по версии нашего автора, изложенной во введении), так и, на наш взгляд, к самому китайскому обществу, упорно и кропотливо строящему свою лучшую жизнь.

В целом книга очерков одного из наших ведущих китайцев, основанная на широком и вместе с тем критическом использовании

китайских и зарубежных первоисточников, читается с явным интересом и ее следует рекомендовать всем интересующимся Китаем и исследующим проблемы современного развития этой уникальной страны.

В дальнейшем хотелось бы пожелать Владимиру Яковлевичу Портыкову продолжения активной творческой деятельности на пути к комплексному исследованию китайской экономики современного периода реформ и открытости, анализу трансформации модели экономического развития КНР и факторов ее экономического роста. Ряд обобщающих монографий по экономике реформенного Китая был издан в последние годы видными китайоведами Я.М. Бергером, В.Г. Гельбрасом, Л.И. Кондрашевой, Э.П. Пивоваровой. При этом размышления В.Я. Портыкова о соотношении модели экономического роста и модели

экономического развития страны как части и целого на примере Китая, их формах, компонентах, факторах и особенностях, ранее прозвучавшие в книгах «Экономическая реформа в Китае (1979–1999 гг.)», «Шэньчжэньский камертон. Трансформация модели экономического роста в Китае и развитие Шэньчжэня» и в рецензируемом сборнике (очерк «Трансформация модели экономического роста в Китайской Народной Республике: современные тенденции и перспективы»), представляются нам достойными дальнейшей научной проработки и подробного рассмотрения в форме отдельного монографического исследования. Это полностью соответствовало бы восходящему исследовательскому маршруту, как подчеркнул сам автор во введении к рецензируемой монографии (с. 6): «от частного к общему, от микро к макро».

© 2019

*М.А. Потапов, доктор экономических наук,
главный научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН*

1. Среди них: *Портыков В.Я.* Шэньчжэньский камертон. Трансформация модели экономического роста в Китае и развитие Шэньчжэня. М.: ИД «Форум», 2017. 156 с.; *Портыков В.Я.* Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. М.: ИДВ РАН, 2015. 280 с.; *Портыков В.Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН, 2013. 240 с.; *Портыков В.Я.* От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI в. Очерки. М.: ИДВ РАН, 2006. 248 с.; *Портыков В.Я.* Экономическая реформа в Китае (1979–1999 гг.). М.: ИДВ РАН, 2002. 178 с.; *Портыков В.Я.* Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М.: Восточная литература, 1998. 238 с.
2. Подробно развитие Шэньчжэня описано В.Я. Портыковым в монографии «Шэньчжэньский камертон. Трансформация модели экономического роста в Китае и развитие Шэньчжэня».

**Лузянин С.Г. Россия — Китай: формирование обновленного мира /
отв. ред. ак. В.С. Мясников; предисл. В.А. Никонов.
М.: Изд-во «Весь мир», 2018. 328 с.**

Книга директора ИДВ РАН проф. С.Г. Лузянина анализирует состояние российско-китайского взаимодействия и партнерства в момент, когда в мировой политике происходят разнонаправленные тенденции: переход США и их союзников к политике агрессивного нажима и давления, невзирая на существующие в международной практике обычаи и принципы, установившиеся моральные и прочие нормы, попытки дестабилизации в тех или иных регионах. Одновременно происходит активизация тех сил, которые выступают за обновление системы мирового управления, многоцентричность мира, уважение к международному праву и суверенитету стран, отказ от навязывания странам той или иной модели развития.

Когда весной-летом прошлого года профессор С.Г. Лузянин дописывал свою новую книгу, посвященную современным тенденциям в глобальном позиционировании России и Китая, двух гигантов Евразии, в постепенно набирающем все больший вес на мировой арене всеобъемлющем стратегическом партнерстве на глазах многочисленных наблюдателей начала разворачиваться торговая война между КНР и США, первоначально не казавшаяся событием, существенно меняющим статус-кво и сложившиеся за многие годы тенденции взаимодействия в мировом производстве и торговле.

Теперь, спустя полгода, становится очевидной более глубокая подоплека противоборства, развернувшегося между США и КНР — первой и второй экономикой мира, означающая, что, невзирая на возможность достижения тех или иных временных или более постоянных компромиссов, и сами протагонисты, да и весь мир уже не вернутся к состоянию «до 2018 года». Очевидно также, что в глобальной политэкономии на этапе современного развития произошли важные качественные подвижки, и отметивший в 2018 г. 40-летие политики реформ и открытости Китай, по всей видимости, ожидают впереди серьезные вызовы. Эпоха «мира и развития» (выражение Дэн Сяопина), обеспечившая уникальную в мировой истории стремительную модернизацию самой многонаселенной страны планеты постепенно сменяется эпохой непредсказуемости, разба-

лансировки и растущей турбулентности в мировых делах. Не уменьшающийся, а в чем-то даже возросший за последний год накал конфронтации России с западным миром говорит о том, что деструктивные тренды в мировых делах не только не удастся повернуть вспять, они постепенно институционализируются, превращаясь в некую «новую нормальность». Не стоим ли мы на пороге нового издания антиутопии «Нового мира», в котором стремительный прогресс технологий и растущая взаимосвязанность и взаимозависимость будут сопровождаться постоянно возрастающей конфликтностью на разных уровнях, а сложившиеся «правила игры», этические нормы, привычные правила взаимодействия в международных делах — становиться все более виртуальными?

В своей книге проф. С.Г. Лузянин, чутко уловивший эту поворотную точку, «пороговость» нынешнего момента, все же избегает термина «новый мир», предпочитая более тонкую калибровку: «формирование обновленного мира», по автору, означает что постепенно мы можем нащупывать и анализировать тенденции, значимый эффект от которых видимо проявится лишь спустя какое-то время. Процесс этот длительный и многомерный. Этот «обновленный мир», согласно автору, есть мир активного действия тех сил в мировой политике, которые выступают за стабильность, инклюзивность и прогресс для всех, за соблюдение норм и устоявшихся ценностей, за демократизацию международных отношений и формирование полицентричной системы мировой политики. И в этом обновленном мире особая роль принадлежит двум великим державам — России и Китаю.

Как представляется, основная ценность рассматриваемого труда заключается в следующем. Опираясь на глубокую проработку всех основных параметров развития современного Китая последних лет, начиная с прихода к власти команды Си Цзиньпина, а также российско-китайского сотрудничества и партнерства при Си Цзиньпине и В.В. Путине, работа С.Г. Лузянина дает возможность некоего прогностического взгляда на ближайшую перспективу. Анализ «мира образца 2018 года» оказался вполне адекватной призмой для взгляда на

2019 год и далее. Разразившаяся в 2018 г. и неожиданная для многих торговая война КНР и США предстает в свете проведенного анализа закономерным продолжением подмеченных исследователем трендов и тенденций. «Трек конфликтности будет расширяться в китайско-американских отношениях», — точно спрогнозировал автор (с. 110).

Как директор Института Дальнего Востока РАН автор в проведенном анализе, естественно, широко привлекает результаты научных исследований по конкретным областям изучаемой проблематики большого количества ученых из числа работников этого самого крупного в России научно-исследовательского центра изучения проблем Восточной Азии и АТР. Это позволило С.Г. Лузянину мобилизовать огромный пласт аналитической информации, дополненный большим количеством документов и зарубежных исследований, в том числе работами специалистов из ведущих китайских аналитических центров. С точки зрения насыщенности фактографической информацией и проработанности конкретных сфер изучаемой темы данная книга может, без сомнения, стать настольным пособием для всех, интересующихся современными международными отношениями и ролью в них Китая и России, много ценных данных и наблюдений найдут для себя и практики внешнеполитической и внешнеэкономической сферы.

Открывает книгу анализ «мегатрендов 2018» — результатов событий, произошедших в 2018 г. Автор отталкивается от того нового, что привнесла во внутреннюю и внешнюю политику Китая эпоха Си Цзиньпина. Глубоко и подробно проанализированы материалы XIX съезда КПК, состоявшегося осенью 2017 г. В качестве приложения в книгу включен полный текст доклада Си Цзиньпина на съезде на русском языке, что также позволяет читателю составить более полное впечатление об этом важном партийном форуме. Разбирается подоплека выдвинутой Си Цзиньпином идеи «сообщества единой судьбы человечества». Автор отмечает, что при Си произошла реидеологизация внутренней политики КНР (под лозунгом «не забывать о социалистической перспективе») с одновременной акцентировкой «глобальной ответственности» Китая в противовес предыдущей политике «скрытия возможностей и нахождения в тени». Принципиальным является вывод автора исследования о том, что в настоящий момент Китай радикально меняет свои подходы и в отношении «глобальной ответственности», и в отношении собственного места в системе глобального управления.

Формирование новых подходов Китая проходит на фоне перехода США и их союзни-

ков от «мягкого давления» на Россию и Китай к гораздо более жесткому и агрессивному курсу, стремлению любыми методами — экономическими или силовыми — удалить с мировой арены основных соперников и вернуть себе глобальное доминирование, существовавшее в 1990-е годы. В ответ на это Китай, с одной стороны, все более отчетливо заявляет о «красных линиях», «пределах за которые нельзя отступать», а с другой — предлагает свою стратегию вовлечения Америки в собственный вариант разделения ответственности за мировые дела, сформулированную в виде предложения об «отношениях нового типа» между большими государствами. Основанное на идеях равноправия и поиска взаимоприемлемых решений, это предложение было своего рода ответом Китая на концепцию Кимерики (или G-2), еще несколько лет назад активно дебатировавшуюся сообществом политиков и экспертов и, в конце концов, отвергнутую руководством КНР. Впрочем, как показала «картина мира 2018 года», китайское предложение об «отношениях нового типа», в свою очередь, не нашло понимания у американского истеблишмента.

Вышеуказанные процессы создают новые условия и новый контекст российско-китайскому стратегическому партнерству, которое развивается в ситуации все более явной асимметрии потенциалов России и Китая. Впрочем, автор стоит на позиции, что усиление Китая и превращение его в мировую державу, в том числе в военной сфере, не противоречит интересам Российской Федерации.

Начиная с конца 2017 г., когда США в своей концепции национальной безопасности в качестве главных стратегических соперников назвали Москву и Пекин, Китай как бы впервые оказался тем самым «подтянут» до уровня России в качестве враждебной державы, чего не отмечалось ранее, в дотрамповский период. В этих условиях внутренним содержанием российско-китайского партнерства должна стать координация национальных стратегий развития и политики в сфере безопасности. «Речь может идти о сложившемся механизме взаимного дополнения совокупных потенциалов, в котором Российская Федерация имеет явное превосходство в военно-стратегическом компоненте, а Китай — в экономико-технологическом» (с. 223). Важным фактором укрепления партнерства является личностный фактор — сложившиеся доверительные отношения лидеров двух стран.

Любопытно, что автор, сам являющийся активным сторонником развития и углубления российско-китайского стратегического партнерства, допускает в случае возникновения кризисных или форс-мажорных обстоя-

тельств возможность повышения статуса двусторонних отношений до уровня военно-политического союза, хотя при этом отмечается, что более удобной и отвечающей интересам каждой из стран является нынешняя формула «стратегического партнерства и взаимодействия». Как о конкретном проявлении такого практически союзнического отношения автор упоминает в главе о региональных аспектах малозвестный общественности факт «активного подключения китайских сил специального назначения в ходе сирийской операции по разгрому российскими военными исламских экстремистов ИГИЛ и других террористических движений» (с. 172, 217).

При этом в работе не идеализируется сложившаяся модель сотрудничества. Отмечается, что в конкретных сферах имеются нестыковки и узкие места. Высокая степень доверия на политическом уровне и совпадение подходов по довольно широкому спектру вопросов международной жизни позволяют сбалансировать отдельные противоречия и несоответствия. Как пример, автор подробно анализирует взаимодействие России и Китая в Центральной Азии и шире — на огромном евразийском пространстве. Рассматриваются такие темы, как сопряжение китайской инициативы «Одного пояса и одного пути» с ЕАЭС, развитие ШОС, выдвинутые идеи Большого евразийского партнерства и т.д.

Отдельные разделы посвящены политике КНР в различных регионах мира — от Центральной Азии и АТР — до Ближнего и Среднего Востока, Африки и Латинской Америки. Столь широкий охват и большой массив приведенных данных позволяют читателю более рельефно понять смысл сформулированной С.Г. Лузяниным позиции о том, что современный Китай уже фактически стал глобальной державой с интересами, простирающимися по всему миру.

Книга проф. С.Г. Лузянина, как это обычно бывает с серьезными и фундаментальными работами, стимулирует желание не только к внимательному, с карандашом, прочтению,

но и к подробным обсуждениям, замечаниям и дополнениям. Заметим в порядке дискуссии, что, например, в безусловно удавшемся разделе, посвященном китайской инициативе «Одного пояса и одного пути», автор приводит точку зрения одного российского эксперта, который считает, что при реализации транспортных маршрутов «нового Шелкового пути» недостаточное внимание уделяется вопросам безопасности транспортной и прочей инфраструктуры (с. 121–122). Представляется, однако, что это не совсем так. Далее в том же разделе сам автор книги приводит целый спектр точек зрения китайских экспертов, показывающий, что данный вопрос также находится в сфере внимания, и есть целый ряд идей и инициатив: от предоставления странам-партнерам услуг в сфере обеспечения безопасности до финансового содействия и совместных антитеррористических мер (с. 128). Добавим, что КНР, в которой, по некоторым данным, сейчас активно развивается сектор ЧВК (частных военных компаний), особенно для защиты жизни и собственности граждан КНР за границей, привлекает для обеспечения безопасности своих граждан и инфраструктуры подготовки кадров даже американских специалистов. Характерная история сотрудничества китайских правительственных структур с основателем небезызвестной компании «Блэкуотер» Эриком Принсом служит подтверждением данному факту¹.

Книга проф. С.Г. Лузянина, вышедшая в год, насыщенный большим количеством важных событий в международной жизни, зафиксировала состояние российско-китайского партнерства в момент поистине поворотных изменений в международной системе. Основанная на скрупулезном анализе фактов, процессов и тенденций, она, без сомнения, станет заметным явлением нашей научной жизни и получит своего читателя среди всех, кто профессионально занимается Китаем и российско-китайскими отношениями, а также среди широких кругов общественности.

© 2019

*А.Н. Карнеев, к.и.н., зам. директора ИСАА МГУ,
ведущий научный сотрудник ИДВ РАН*

1. Behind Erik Prince's China Venture. The Blackwater founder has cut a lucrative security-training deal with Chinese insiders. But is it against U.S. interests? // Washington Post. 4 May, 2018.
URL: https://www.washingtonpost.com/news/world/wp/2018/05/04/feature/a-warrior-goes-to-china-did-erik-prince-cross-a-line/?utm_term=.50d200bf5710

Макмахон Д. Великая китайская стена долга. Теневые банки, города-призраки, массированные кредиты и конец китайского чуда
Dinny McMahon. China's Great Wall of Debt. Shadow Banks, Ghost Cities, Massive Loans, and the End of Chinese Miracle. NY: Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2018. 256 p.

Книга Динни Макмахона «Великая китайская стена долга» была опубликована в 2018 г. и получила достаточно высокие оценки критиков, в том числе газеты Financial Times. Д. Макмахон на протяжении долгого времени жил в Китае, работал журналистом Wall Street Journal и Dow Jones News Service. «Великая китайская стена долга» посвящена проблемам развития китайской экономики, прежде всего, ее финансового сектора. Автор достаточно подробно описывает особенности современного финансового рынка КНР, стоящие перед ним угрозы и вызовы. Основной посыл — китайская экономика впадала в чрезмерную зависимость от долговой накачки, при этом превалирующая роль государства в экономике не позволяет создать условия для эффективного использования кредитных инструментов. Несмотря на определенную ангажированность книги в пользу западного мейнстрима, требующего от Китая безоглядного углубления рыночных реформ и безусловного ослабления экономической роли государства, некоторые содержащиеся в ней наблюдения представляются небезынтересными и актуальными для понимания современных тенденций в экономике КНР.

За временными рамками исследования остался период 2017–2018 гг., когда Пекин запустил крупномасштабную кампанию по борьбе с финансовыми рисками, многие из которых описаны в книге Д. Макмахона (были закрыты тысячи платформ сетевого кредитования, ограничены зарубежные инвестиции в непрофильные активы, ужесточено регулирование нетрадиционных банковских продуктов). Вместе с тем, несмотря на значительные усилия Пекина по снижению уровня долговой зависимости, последние шаги китайского правительства свидетельствуют, что в условиях «торговой войны» с США и замедляющихся темпов экономического роста Китай снова возвращается к модели активного стимулирования экономики с помощью кредитного финансирования.

В 2008 г. Пекин, чтобы справиться с глобальным финансовым кризисом, запустил программу масштабного стимулирования экономики, главным элементом которой стало банковское финансирование. Темпы экономического роста удалось удержать на приемлемом уровне, однако кредитная масса резко возросла, и страна подседела на «кредитную иглу».

Менее чем за 10 лет задолженность увеличилась на 12 трлн долл. (сумма, сопоставимая с размером всей банковской системы США в 2008 г.). Если в 2008 г. она составляла 160% ВВП, то в 2016 г. — уже 260% (приблизительно такое же соотношение долга к размеру экономики в США).

Особую роль в накоплении долга играют государственные предприятия, которых в Китае порядка 150 тысяч. Хотя их вклад в ВВП составляет лишь 25%, на них приходится большая часть корпоративного долга — 60%, который в последние годы в Китае также многократно увеличился: по данным McKinsey, с 3,4 трлн долл. в 2007 г. до 12,5 трлн долл. в 2014 г. В 2011 г. он составлял 120% ВВП, в 2015 г. — уже 163%. По этому показателю китайские компании значительно опережают Республику Корея (105%), США (71%) и Германию (52%) (р. 31).

Банковская система КНР имеет ярко выраженные «китайские характеристики». Она была спроектирована не для обслуживания частного сектора, а для дешевого и масштабного кредитования государственных предприятий. Пользуясь монопольным положением на рынке и наличием барьеров в области трансграничного движения капитала, китайские банки выплачивают населению низкий процент по вкладам, обеспечивая тем самым дешевый кредит для предприятий.

Если бы любая китайская компания могла занимать деньги под столь низкий процент, то инфляция росла бы взрывообразными темпами. Однако еще одна особенность китайской финансовой системы состоит в том, что тогда как в западных странах уровень кредито-

вания регулируется ставкой рефинансирования, в Китае «потолок» банковского кредитования определяет правительство.

В этой ситуации наибольшие трудности с получением кредита испытывает частный сектор, который не в состоянии претендовать на необходимую долю «кредитного пирога» из-за отсутствия достаточных лоббистских возможностей. Неудовлетворенный спрос на кредитование привел к формированию в Китае огромного «теневого банковского сектора».

Под определение теневого банковского сектора подпадает любое кредитование вне рамок традиционных банковских операций, даже если оно осуществляется самими банками. Китайский теневой банковский сектор активизировался в 2008 г. на волне глобального финансового кризиса, как раз тогда, когда сколлапсировал его американский аналог. По подсчетам Moody's, объем китайского теневого банковского сектора в 2016 г. вырос до 8 трлн долл., что составляло половину от выданных банковских кредитов, или 80% ВВП КНР.

Одним из наиболее популярных теневых банковских инструментов являются т.н. продукты по управлению активами (WMP — wealth management products). Они представляют из себя краткосрочный (как правило, 3–4 месяца) инвестиционный продукт со ставкой порядка 5%, что выше 2–3%, которые можно получить, откладывая средства на банковский депозит. В 2009 г. объем WMP составлял 1,9 трлн юаней, в 2016 г. — уже 29 трлн юаней. Через WMP деньги потребителей вкладываются в самые разнообразные области: ценные бумаги на бирже, чай, бриллианты, вина, зарубежную валюту и т.д. В основном они представляют смесь из инвестиций в рискованные области с высоким доходом и в надежные — с низким.

Другим ярким представителем китайского теневого банковского сектора является т.н. p2p-кредитование, или сетевое кредитование. На специальных интернет-сайтах желающие могут вложить свои деньги, которые, в свою очередь, будут использованы для кредитования предприятий или частных лиц. Таким образом устраняется посредничество банковских организаций, а кредиторы получают повышенный процент (порядка 8–15%). Только на одной из многих подобных платформ, Yuooli, на конец 2014 г. 2 млн человек ссудили 6 млрд юаней.

Хотя на балансе банков растет доля просроченных кредитов, огромный теневой сектор непрозрачен и с трудом поддается регулированию, постоянно появляется информа-

ция о различного рода экономических махинациях и манипуляциях со статистикой, однако китайская финансовая система в целом остается стабильной. Главная причина этой стабильности — уверенность в способности правительства купировать любой кризис. Так, когда в 2015 г. случился крупнейший обвал фондового рынка в Китае, Пекин мобилизовал большую группу госпредприятий, которую назвали «национальной командой», дав им указание скупать акции. Они потратил 1,5 трлн юаней, чтобы остановить падение котировок. На других участников рынка также оказывалось давление, чтобы они не играли на понижение. СМИ в унисон заявляли, что причин для беспокойства нет. Когда журналист влиятельного китайского издания «Цайцзин» сообщил о том, что правительство планирует приостановить рыночную интервенцию, его посадили в тюрьму, откуда он уже выступил с извинениями.

Однако финансовый рынок Китая за последние годы увеличился многократно, его структура значительно усложнилась, организации стали более взаимозависимыми. «Ручное управление» становится все менее и менее эффективным. В условиях постоянно растущей кредитной массы, когда все оказываются должны друг другу, даже самая незначительная проблема может вызвать «эффект домино» и привести к кризису.

Государственное вмешательство, подчеркивает автор книги, имеет свои пределы. То, что госкомпании должны госбанкам, не означает, как считают некоторые, что правительство в конце концов сможет произвести взаиморасчет и аннулировать проблему. Банки сужают не государственные деньги, а хранящиеся у них средства населения. В случае, если большое количество предприятий не сумеет рассчитаться по кредитам и вкладчики не смогут получить деньги, у Пекина останутся ограниченные варианты действий: дать банкам обанкротиться (т.е. нанести удар по экономике); повысить налоги и выпуск госдолга (т.е. спасти банки за счет населения); запустить денежный печатный станок (т.е. увеличить инфляцию, которая «съест» доходы и сбережения населения); начать приватизацию госактивов (с учетом политики китайского руководства данный вариант наименее вероятен).

Теоретически Пекин может достаточно долго использовать механизм увеличения долга для стимулирования экономики, но данная модель порождает все больше и больше дисбалансов: перепроизводство, раздувание

«мыльных пузырей», увеличение вероятности возникновения системного кризиса.

Один из примеров дисбалансов китайской экономики — «предприятия-зомби», т.е. компании, которые уже давно являются убыточными, но во избежание роста безработицы поддерживаются на плаву с помощью кредитной накачки. Широко трактуемая «социальная стабильность» является основным показателем успешности региональных властей, поэтому местные правительства всеми силами стараются избежать массовых волнений и не допустить крупных банкротств. По данным МВФ, в 2016 г. в Китае насчитывалось около 3500 государственных «предприятий-зомби». Данная оценка выглядит весьма консервативной. По подсчетам пекинского исследовательского центра Unipule, с 2001 по 2009 г. прибыль китайских государственных предприятий составила 5,8 трлн юаней, однако, если принять во внимание предоставленные им льготы и налоговые вычеты, их доходы исчезли бы (р. 37–38).

Зависимость экономики от кредитования также породила проблему перепроизводства. Начиная с 2014 г. в КНР производится половина стали в мире, однако в 2015 г. китайские предприятия, выпускающие сталь, были загружены лишь на 70%. По данным китайских СМИ, серьезное перепроизводство наблюдается в 21 отрасли промышленности страны: цементной, алюминиевой, кораблестроении и т.д.

Одним из символов перепроизводства и бездумного расточения кредитов стали т.н. города-призраки — недавно возведенные районы или целые города, в которых практически никто не живет. По данным исследователь-

ского центра при Государственном комитете КНР по делам развития и реформ, столичные города китайских провинций в 2013 г. строили в среднем 4,6 новых района или города-спутника. Столицы уездов — 1,5. В случае реализации всех имеющихся планов по строительству введенной в оборот недвижимости хватило бы для расселения 3,4 млрд человек, что в два с лишним раза больше, чем население КНР.

В окружении Си Цзиньпина хорошо понимают характер накопившихся проблем. В анонимной статье в «Жэньминь жибао», авторство которой приписывают вице-премьеру Лю Хэ, отмечалось, что «деревья не растут до небес: если не удастся взять ситуацию под контроль, она может привести к системному финансовому кризису».

При этом среди китайской политической и экономической элиты есть влиятельные группы, сопротивляющиеся модернизации. Прежде всего это бенефициары сложившейся системы, руководители госпредприятий и курирующая их номенклатура. Благодаря беспрепятственному доступу к кредиту и монопольному положению в ряде областей они контролируют огромные финансовые потоки.

Одна из главных целей запущенной Си Цзиньпином в 2012 г. антикоррупционной кампании заключалась в том, чтобы сломить это сопротивление. Несмотря на тысячи возбужденных уголовных дел, многие из которых завершили карьеры высокопоставленных партийных руководителей, пока Си Цзиньпину так и не удалось преодолеть инерцию кредитно-ориентированного развития экономики и уверенно встать на путь реформ.

© 2019

*Александр Петров,
второй секретарь Посольства России в Китае*

Юбилей ученого

Анастасии Ивановне Картуновой — 95 лет

А.И. Картунова принадлежит тому поколению, для которого профессия и судьба страны были неразделимы. Высокая ответственность, исключительная добросовестность, трудолюбие и принципиальность определили весь ее жизненный путь.

Анастасия Ивановна родилась 31 января 1924 г. в Воронежской области в селе Русская Журавка и еще в детстве вместе с семьей переехала в Ташкент. Там ее застала война, эвакуация московских вузов, в один из которых она и поступила, навсегда связав свою жизнь с китаеведением. Окончив Московский институт востоковедения в 1947 г. уже в Москве, А.И. Картунова получила приглашение на работу в Центральный Комитет КПСС и оказалась причастна к выстраиванию отношений между нашими странами накануне и сразу после образования КНР. На ее глазах и при не-

посредственном участии устанавливалось сотрудничество между двумя государствами, партиями и народами, она была лично знакома и на протяжении длительного времени имела возможность общаться со многими выдающимися китайскими партийными и государственными деятелями.

В 1956 г. А.И. Картунова поступила в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС. С этого момента вся ее жизнь связана с научной работой — изучением новейшей истории Китая. В центре исследовательских интересов оказались история КПК до образования КНР, становление ее как политической партии в 1920-е годы, помощь ВКП(б) и Коминтерна в определении стратегии и тактики китайской революции, участие советских советников в строительстве республиканского Китая.

Имея богатый опыт личного общения с высшими руководителями КПК и КНР, А.И. Картунова хорошо знала, что история не обезличена, она творится живыми людьми, многое в понимании истории зависит от конкретных деталей, которые можно узнать только из первоисточников — в архивах. Так сформировался главный исследовательский метод А.И. Картуновой. Детальное знание ситуации, мотивов и целей руководства позволяло ей точно определять ключевые проблемы и понимать нюансы политической борьбы

в Китае, разбираться в сложностях и противоречиях взаимоотношений КПК и Гоминьдана, КПК и Коминтерна.

После защиты кандидатской диссертации А.И. Картунова была направлена на работу в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Как ведущий специалист по истории КПК и коммунистическому движению в Азии она принимала участие во многих крупных научно-исследовательских проектах по изучению коммунистического и национально-революционного движения на Востоке, подготовке фундаментальных работ по международному коммунистическому и рабочему движению, истории Коминтерна и КПСС, но никогда не прерывала своих исследований по Китаю. Глубокое знание и понимание происходивших в КПК процессов помогало ей точно оценивать ситуацию в Компартии Китая и после 1949 г. В ряде случаев ее мнение являлось определяющим для выстраивания политики СССР в отношении КНР после начала китайских реформ.

С 1994 г. вот уже 25 лет А.И. Картунова работает в ИДВ РАН, где продолжает изучение периода китайской истории, которому посвятила всю свою жизнь. За время работы в ИДВ ею были написаны и опубликованы многочисленные статьи, несколько монографий и сборников документов по советско-китайским отношениям, связям СССР, Коминтерна и китайских коммунистов в 1920-е годы. Работы А.И. Картуновой вызывают неизменный интерес у специалистов в нашей стране и за рубежом, многие ее статьи и монографии переведены на китайский и другие иностранные языки.

Долгие годы работая в отделах ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями, а затем в архивах, сегодня А.И. Картунова сама является уникальным источником информации по истории КПК, КНР и советско-китайским отношениям. К ней регулярно обращаются российские и китайские коллеги и журналисты с просьбой поделиться знаниями о начальном этапе коммунистического движения в Китае и деятельности китайской компартии.

Коллеги по ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» желают старейшему китаеведу Института А.И. Картуновой долгих лет жизни и новых творческих успехов.

Юбилей Аиды Семеновны Ипатовой

23 декабря 2018 г. отметила свой юбилей Аида Семеновна Ипатова — ведущий научный сотрудник, ветеран ИДВ РАН со дня его основания и член Общества российско-китайской дружбы с момента его утверждения в октябре 1957 г.

Аида Семеновна — выпускница Института восточных языков при МГУ и исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Диапазон ее научных интересов широк и связан не только с Китаем, но с всемирной историей, о чем свидетельствует тематика ее публикаций: от Первой опиумной войны до истории КПК и российской эмиграции в Шанхае.

Главная тема исследований Аиды Семеновны — история российско-китайских отношений и роль Российской духовной миссии в Китае. В настоящее время она завершает подготовку большой публикации, посвященной 400-летию

российско-китайских отношений. Важное место в научной деятельности А.С. Ипатовой занимают создание и подготовка к изданию тематических сборников, в основном юбилейных, а любимое занятие — поиск документов в отечественных архивах. На ее счету около 130 публикаций, индивидуальная монография и участие в коллективных изданиях.

Аида Семеновна пользуется уважением не только в России, но и среди ученых КНР, которые переводят на китайский язык некоторые из ее статей и цитируют их в своих работах. Творческий потенциал юбиляра находится на высоком уровне, чему способствует объем накопленного материала и знаний. Следует особо подчеркнуть ее вклад в подготовку и публикацию уникальной серии документов и материалов по истории российско-китайских отношений — «Русско-китайские отношения в XVII — XX веках». Без преувеличения можно сказать, что Аида Семеновна принадлежит к плеяде тех исследователей истории Китая, которые составляют золотой фонд российского китаеведения.

Коллектив ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» поздравляют Аиду Семеновну Ипатову с юбилеем и желают ей здоровья и новых успехов на ниве российского китаеведения.

Contents

POLITICS

- Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the PRC in the RF Li Hui.* Let the Idea of a Human Community with a Common Destiny Illuminate the Whole World!
V. Portyakov. On Modern Foreign Policy of the PRC
V. Kistanov. Japan and China: a New Era in Relationships or an Odd Rapprochement?
O. Kazakov. On the Enhancing of Russian-Japanese Dialogue on Territorial Issue
M. Gutenev. The National Interests of South Korea in the Arctic

ECONOMY

- S. Sazonov, Chen Xiao.* The PRC: Improving Infrastructure for “Green” Vehicles
V. Andrianov. Features of Formation and Development of the Financial System in Brunei

STATE AND SOCIETY

- A. Semyonov.* Non-Governmental Organizations in China since the Start of the Reform and Opening-Up
N. Ablazhey, Li Dan. State Policy of the PRC in the Field of Preservation of Historical and Architectural Heritage of the Chinese Eastern Railway

VIEW POINT

- A. Galimzyanova.* Political Leadership Features: Xi Jinping and Angela Merkel

HISTORY

- G. Lokshin.* To the 50th Anniversary of the Most Important Battle in Vietnamese-American War
V. Datsyshen, Dai Jianbing. Vice-Consul in Guangzhou A.I. Hassis — a Diplomat and a Personality
A. Ganin. “I Have Decided... to Prepare for a New Liberation Movement...”
The General I.M. Zaitsev and the Preparation of White Emigres of an Armed Invasion of Soviet Territory in 1923
D. Kuleshov, S. Tsukanov. The Struggle for the Frontier: the Opposition of Special Services and the Indigenous Population in the Soviet Far East in the 1920s

CULTURE

- N. Zakharova.* The Image of the Singer (Hetera) in Chinese Literature
(from Short Stories of the Tang Dynasty to the Prose of the Qing Times)

SCIENTIFIC EVENTS

- E. Lapshina.* “China, Chinese Civilization and the World: History, Modernity, Prospects” (XXIII International Scientific and Practical Conference)

- S. Makeeva, Ye. Kremnyov.* The II Gottlieb Readings “Fundamental and Actual Problems of Oriental Studies and Regional Studies of Asia-Pacific Countries»
K. Merkulov. The Publications of Chinese Experts on Current Issues of the New International Order and the Foreign Policy of the PRC
E. Kranina, E. Lapshina. Dissertations in the Institute of Far Eastern Studies (RAS) in 2018

BOOK REVIEW

- M. Potapov.* The Live Chronicle of Chinese Reforms
A. Karneev. Luzyanin S.G. Russia and China Forming a Renewed World
A. Petrov. McMahon D. China’s Great Wall of Debt. Shadow Banks, Ghost Cities, Massive Loans, and the End of Chinese Miracle

SCHOLAR JUBILEE

- Anastasiya Ivanovna Kartunova — 95 Years
Jubilee of Aida Semenovna Ipatova

Contents

Summary

Summary

V. Portyakov. On Modern Foreign Policy of the PRC

The article is devoted to the analysis of the main features of modern Chinese foreign policy. The author writes that Xi Jinping's judgment about humanity as a community of a common destiny and his "initiative of the Belt and Road" occupy now leading positions in the theoretical basis of China's activities in the international arena. However, the influence of the views of PRC leaders from previous generations is also traced. The main priority of Beijing in its practical policy is the relations with Washington, which have become noticeably complicated because of the increase of tariffs for goods imported from China introduced on D. Trump's initiative.

Key words: China, foreign policy, conceptual framework, mankind as a community of common destiny, "trade war" with the United States.

V. Kistanov. Japan and China: a New Era in Relationships or an Odd Rapprochement?

The territorial conflict and different perceptions of the history of bilateral relations have a strong chilling effect on modern Japanese-Chinese relations. This leads to a phenomenon in the interaction of Japan and China described as "hot economy and cold politics". At the same time, the serious changes in the economy, geopolitics and security in the Asia-Pacific region and in the global arena in recent years have forced the leaders of the two countries soften political contradictions and look for the opportunities for rapprochement and cooperation.

Key words: Japan, China, USA, Asia Pacific, trade, military might, security treaty, Senkaku (Diaoyudao).

O. Kazakov. On the Enhancing of Russian-Japanese Dialogue on Territorial Issue

Enhancement of Russian-Japanese bilateral relations, resumed in 2016 by the Russian President Vladimir Putin and Japanese Prime Minister Shinzo Abe has led to the next stage of discussions on the necessity of the Peace Treaty in connection with the solution of the territorial problem. Japan keeps insisting on the return to it of "the Northern Territories". Though the position of Moscow, which supports the conclusion of the Peace Treaty on the basis of Soviet-Japanese Joint Declaration of 1956, causes negative reaction primarily within the Russian public circles.

Key words: Japan, Russian-Japanese relations, "soft power", peace treaty, territorial issue, Soviet-Japanese Joint Declaration of 1956, public opinion poll.

M. Gutenev. The National Interests of South Korea in the Arctic

The article considers the formation and development of the Arctic strategy of South Korea. The author concludes that South Korea, compared to other Asian observers in the Arctic Council, had much more potential to develop successful national scientific diplomacy. The Republic of South Korea is gradually forming its favorable image and strengthening its political status as a global environmental mediator which is implementing the advanced policy of sustainable development.

Key words: Arctic, South Korea, Russia, North Sea Route (NSR), Arctic Council, gas, scientific diplomacy.

S. Sazonov, Chen Xiao. The PRC: Improving Infrastructure for "Green" Vehicles

The article considers China's economic measures in the field of improving power sources for "green" vehicles (on alternative energy sources) and the creation of an extensive network of electric charging stations. The authors give forecasts about prospects of development of innovative motor transport and know-how infrastructure in this sphere.

Key words: China, energy security, environmental protection, batteries, hydrogen engines, battery recycling.

V. Andrianov. Features of Formation and Development of the Financial System in Brunei

The article follows the formation and development of the financial system in Brunei. The history of monetary circulation in the country is traced. The role of commercial banks, non-banking financial organizations, Islamic development banks in the modern financial system of Brunei is analyzed. Functioning features of the international financial center of Brunei are shown.

Key words: money circulation, credit and banking system, financial institutions of development, Muslim Finance, international financial center.

A. Semyonov. Non-Governmental Organizations in China since the Start of the Reform and Opening-Up

The economic reforms in China significantly reduced the level of state control over the economy and society. This entailed a gradual redistribution of state functions partially to non-governmental actors. In the economic sphere this happens through the creation of trade associations and chambers of commerce and industry which perform regulatory and coordinating functions. The same processes are also taking place in the social development, entailing the emergence of socially oriented non-governmental organizations (NGOs).

Key words: China, political system, NGO, civil society.

N. Ablazhey, Li Dan. State Policy of the PRC in the Field of Preservation of Historical and Architectural Heritage of the Chinese Eastern Railway

The article is devoted to the modern state policy of China in the field of preservation of the architectural and construction heritage of the Chinese Eastern Railway. On the basis of the All-China census of heritage objects and national registers of architectural monuments of national importance, data on the dynamics of the number of Russian-built buildings with protected status on the territory of the Autonomous Region of Inner Mongolia, Heilongjiang, Jilin and Liaoning provinces are presented. The projects implemented at the national and provincial levels in the field of preservation of architectural heritage of the Chinese Eastern Railway are analysed on the base of legislation and documents of official authorities of the PRC.

Key words: Russia, China, the Chinese Eastern Railway, historical and architectural heritage, monuments.

A. Galimzyanova. Political Leadership Features: Xi Jinping and Angela Merkel

The article deals with the phenomenon of political leadership in China and Germany. The author explores the political culture of modern China, starting with the proclamation of the People's Republic of China. The political culture of Germany is also examined. The author comes to the conclusion that the political and cultural development of the country is closely connected with the personality of its political leader, and the personal qualities of him influence the country's position in the world and its foreign policy.

Key words: China, Germany, Xi Jinping, Angela Merkel, personal political leadership.

G. Lokshin. To the 50th Anniversary of the Most Important Battle in Vietnamese-American War

In 2018 the United States and Vietnam celebrated the 50th anniversary of the general offensive of the armed forces of the National Liberation Front of South Vietnam on the eve of the New Year Tet holiday. It changed the whole course of events in the war. Many scientific and journalistic articles in various public media were devoted to this event. The author argues with a number of American experts, trying to equalize this attack with the crimes of the American forces in Vietnam. He stresses that the US crimes have no excuses and can in no way be put on a par with the actions of those who were forced to fight against the American interventionists, defend freedom, independence and unity of their country.

Key words: National Liberation Front of South Vietnam, Hue, general offensive, Le Zuan, Le Duc Tho, Mylai (Songmi), Vietcong, Paris talks, Vietnam's syndrome.

V. Datsyshen, Dai Jianbing. Vice-Consul in Guangzhou A.I. Hassis — a Diplomat and a Personality

The article is devoted to the Soviet diplomat and intelligence officer Abraham Hassis. The biography of this man, who tragically ended his life serving as a vice consul in Guangzhou, reflected all the complexities and contradictions of that historical period. Despite the numerous publications on the history of Sino-Soviet relations in the 1920s, the crisis in bilateral relations in 1927 and the role of Soviet diplomats in these events are still inadequately studied. It is possible that the research of personality and works of Vice-Consul A. Hassis will help to improve knowledge of Sino-Soviet relationships.

Key words: A. Hassis, Soviet-Chinese relationship, diplomacy, Shanghai, Guangzhou.

A. Ganin. "I Have Decided... to Prepare for a New Liberation Movement..." The General I.M. Zaitsev and the Preparation of White Emigres of an Armed Invasion of Soviet Territory in 1923

The article cites for the first time letters from one of the prominent figures of Russian military emigration in China, major-general I.M. Zaitsev. Letters covered the preparations of the Russian emigrants for an invasion into Soviet territory in 1923. The documents were identified at the Hoover Institution archives in the United States and shed light on a little-known episodes of the history of Russian emigration in China.

Key words: civil war, Russian military emigration, general I. Zaytsev.

D. Kuleshov, S. Tsukanov. The Struggle for the Frontier: the Opposition of Special Services and the Indigenous Population in the Soviet Far East in the 1920s

The article highlights the difficulties of the formation of administrative-territorial division in the Russian Far East. Paying attention to the protracted nature of the civil war in the region, the specific living conditions of the local population and the difficulties in formation of Soviet power in the region, the authors highlight the role of State security officers in this process. On the materials of central, regional and departmental archives they consider the struggle of the Soviet and party structures in Russian region of Far East for the entry of the indigenous Tungus population into administrative subjects. In conclusion they make an assessment about the nature of the uprising and analyze the actions of participants of confrontation.

Key words: Far East, special services, revolt, borders of settlement, access to the sea.

N. Zakharova. The Image of the Singer (Hetera) in the Chinese Literature (from Short Stories of the Tang Dynasty to the Prose of the Qing Times)

The article analyzes the evolution of the image of the singer (hetera) in the prose works of Chinese authors. On the example of novels of Tang and Song epochs, and prose of the Qing era the changes in the depiction of the heroines of prose about entertainment neighborhoods are investigated.

Key words: hetera, singers, Chinese literature, genre case xiaxie xiaoshuo.

Анатолий Алексеевич Козлов
19.06.1940 — 14.01.2019

14 января 2019 г. на 79-м году жизни после тяжелой и продолжительной болезни скончался ведущий научный сотрудник Центра экономических и социальных исследований Китая ИДВ РАН, кандидат исторических наук Анатолий Алексеевич Козлов, который более четверти века, с 1990 по 2016 г., работал в должности ученого секретаря Института.

Анатолий Алексеевич родился 15 июня 1940 г. в городе Бахмач Черниговской области в рабочей семье. После окончания средней школы работал грузчиком, проводником, два года учился в медицинском институте. В 1959–1963 гг. служил в Советской армии, а затем поступил в Институт восточных языков при МГУ им. М.В. Ломоносова, где изучал индонезийский язык. В 1969 г. Анатолий Алексеевич окончил институт, в 1973 г. — аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию. Проходил стажировку в «Университете Малайя». Позже работал представителем Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД) в Индонезии, заведующим курсами русского языка.

В течение многих лет своим трудом на посту ученого секретаря А.А. Козлов обеспечивал бесперебойный ритм работы Института Дальнего Востока. Наряду с этим он продолжал активную научную деятельность: участвовал в коллективных монографиях и журнальных публикациях статей по проблемам международных отношений в странах Азии, вопросам политического развития КНР и социально-экономического положения Гонконга, активно занимался рецензированием рукописей и подготовкой сборников докладов ИДВ РАН.

К своей научной деятельности и исполнению нелегких обязанностей ученого секретаря Института Анатолий Алексеевич всегда относился заинтересованно и ответственно, с неизменной принципиальностью и требовательностью. Скромность и выдержка, спокойствие, уверенность и корректность Анатолия Алексеевича по отношению к коллегам помогали в разрешении самых непростых проблем, обеспечивали порядок и четкость в работе института. Анатолий Алексеевич Козлов пользовался всеобщим уважением в коллективе ИДВ. Светлая память о нем навсегда сохранится в сердцах его друзей и коллег. Выражаем глубокое соболезнование родным и близким Анатолия Алексеевича.

*Дирекция, профсоюзный комитет ИДВ РАН, редколлегия и редакция
журнала «Проблемы Дальнего Востока».*

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) <http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с издательскими требованиями все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>.

Подписной индекс издания в каталоге «Пресса России» – 70 758.

Возможно оформление льготной подписки в редакции.

По вопросам подписки обращайтесь к заведующей редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной (тел.: 8 (499) 124–02–15).

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935–01–01. С условиями подписки можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru.

*Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.
Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.*

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

научный журнал Российской академии наук

(свидетельство о СМИ № 0110158 от 05.02.1993 г.)

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32;

тел. (499) 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2018 г. Дмитрий Славинский

Подписано к печати 08.02.2019 г. Формат 70 × 100¹/₁₆ Усл. печ. л. 14,6
Тираж 400 экз., включая 5 экз. бесплатно. Зак. 14/1а. Цена свободная.

Учредители: Российская академия наук; Институт Дальнего Востока РАН

Издатель: Российская академия наук

Исполнитель по контракту № 4У-ЗА-014-18 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
117418, Нахимовский проспект, 47

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-Пресс» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социо-гуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

Ключевые направления:

- формирование учебно-методических комплексов
- внедрение новых стандартов научной периодики и коммуникации

Деятельность «ГАУГН-Пресс» включает:

- принцип сетевой организации взаимодействия ведущих научно-методических, исследовательских центров, интеграции науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания

НАУЧНО-УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ
Востоковедение и
африканистика

МАГИСТРАТУРА
Экспертно-аналитическое
востоковедение

АСПИРАНТУРА
Обучение в Институте
востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение восточным и английским языком. Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

**ВЫДАЮЩИЕСЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛИ**

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

**ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ
ПОДХОД**

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

**МЕЖДУНАРОДНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО**

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).

Общие требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция принимает к рассмотрению только не опубликованные ранее рукописи: статьи, переводы, документальные источники, обзоры, рецензии и др.

Материалы должны соответствовать тематике журнала (вопросы экономики, истории, внешней и внутренней политики Китая, Японии, государств Корейского полуострова, других стран АТР, а также российского Дальнего Востока); отражать собственный вклад автора в разработку научной проблемы; обладать актуальностью и научной новизной; соответствовать принятым в журнале техническим требованиям по оформлению рукописей.

Требования к оформлению материалов

1. Рукописи принимаются в электронном виде в формате doc (Word 1997–2003).
2. Объем статьи – не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов).
3. Статья должна сопровождаться аннотацией на русском и английском языках с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).
4. Статья должна иметь список ключевых слов (не более восьми) на русском и английском языках.
5. К статье должны быть приложены сведения об авторе с указанием Ф. И. О., ученой степени, месте работы, должности и контактных данных, включая номер телефона и/или адрес электронной почты.
6. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.
7. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.
8. Японские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Поливанова.
9. Сноски даются в конце статьи.

Оформление списков

Книги:

- а) На русск. яз.
Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...
- б) На кит. яз.
Автор. Транслитерация китайского названия книги : [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: издательство, год издания. С. ...
- в) На англ. яз.
Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи:

- а) Из печатных изданий
Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...
- б) Из Интернета
Автор статьи. Название статьи. URL: Полный электронный адрес.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.